В. В. Розановъ

СУМЕРКИ ПРОСВѢЩЕНІЯ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПО ВОПРОСАМЪ ОБРАЗОВАНІЯ

Изданіе П. Перцова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. Меркушева. Невскій пр., № 8
1899

13к

LA
205

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

1438
28

СУМЕРКИ ПРОСВѢЩЕНІЯ

ПРЕДИСЛОВІЕ

Въ настоящее изданіе вошелъ рядъ статей, соединенныхъ единствомъ темы и напечатанныхъ, между 1893—1898 гг., въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Обозрѣніи», «Новомъ Времени» и «Русскомъ Словѣ». Мысль всѣхъ ихъ удовлетворительно выразилась въ заголовкѣ первой же, по времени напечатанія, статьи, почему этотъ заголовокъ и повторенъ, какъ общее надписаніе, для всѣхъ статей. Мы имѣемъ дидактику и рядъ дидактикъ; мы имѣемъ методику и рядъ методикъ; мы имѣемъ вообще *педагогику* какъ теорію нѣкотораго ремесла-ли, искусства-ли (внѣдрять данную тему въ данную душу). Но мы не имѣемъ и не имѣли того, что можно бы назвать *философіей воспитанія и образованія*, т. е. обсужденія самаго образованія, самого воспитанія въ ряду остальныхъ культурныхъ факторовъ и также въ отношеніи къ вѣчнымъ чертамъ человѣческой природы и постояннымъ задачамъ исторіи. Кого не поразитъ, что такъ много учачь, такъ тщательно учась, при столь усовершенствованныхъ *дидактикѣ*, *методикѣ* и *педагогикѣ*, мы имѣемъ плодъ всего этого (новый человѣкъ) скорѣе отрицательный, нежели положительный. Забыта именно философія воспитанія; не приняты во вниманіе такъ сказать геологическіе пласты, коихъ поверхностную пленку «назема» мы поэтому такъ безуспѣшно пашемъ.

Тема статей есть собственно не русская школа, но та общая почва, на которой стоитъ и русская школа, недавняя по происхожденію, не окрѣпшая на ногахъ, не имѣющая за себя другихъ аргументовъ кромѣ подражательности и традиціи. Много тутъ (около

практики дѣла) полегло усердія, таланта; мукъ дѣтскихъ, часто язвительныхъ, и кратковечныхъ радостей; болѣе всего (и для меня дороже всего)—слезъ материнскихъ, отцовскаго недоумѣнія, слезъ невидимыхъ и самыхъ жгучихъ, недоумѣнія—никакъ не разрѣшившагося. Сойти въ кучу этого труда и страданія хотя съ малѣйшей надеждой на помощь—это руководило меня и вѣроятно никогда не перестанетъ руководить педагоговъ-филантроповъ, педагоговъ-мыслителей. Итакъ—да бѣгутъ эти страницы во вниманіе людское прежде всего какъ помощь, какъ утѣшеніе, какъ разрѣшеніе недоумѣнія..

При настойчивомъ проведеніи черезъ печать своихъ мыслей, я не могъ не впадать кой-гдѣ въ повторенія; нѣтъ повторяемыхъ статей въ этомъ сборникѣ, нѣтъ повторяемыхъ страницъ, но нельзя было совершенно избѣгнуть, чтобы не было кой-какой повторяемости въ мысли, наблюденіяхъ, указаніяхъ. Это—да проститъ авторъ читатель.

С.-Петербургъ,
21 января 1899 г.

Оглавленіе

	стр.
Сумерки просвѣщенія	1
Три главныхъ принципа образованія	83
Афоризмы и наблюденія	94
Педагогическія трафаретки	158
О гимназической реформѣ 70-хъ годовъ	169
Представленіе о Россіи въ годы учебной реформы	179
Городъ и школа	192
Семья какъ истинная школа	205
Границы закона	214
Безпочвенность русской школы	221
Два типа образованія	226
Библіографія. Программы домашняго чтенія на 3-й годъ систематическаго курса.—Популярная библіотека. № 8-й. Я. В. Абрамовъ: Два великихъ француза: благодѣтель человѣчества Луи Пастеръ и апостолъ образованія Жанъ Масэ.—«Достоевскій для дѣтей школьнаго возраста».—Педагогическія экскурсіи въ область литературы. Алекс. Ник. Острогорскаго	233

СУМЕРКИ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

I.

...«Послѣ сорокадневнаго броженія въ закрытой колбѣ, вещество оживляется и двигается, что легко видѣть. Оно принимаетъ форму, отчасти подобную человѣческой, но совершенно прозрачную и еще безъ corpus. Послѣ того, его нужно кормить arcano sanguinis humani въ продолженіе сорока недѣль и держать постоянно при одинаковой теплотѣ ventris equini; тогда выйдетъ совершенно живое человѣческое дитя, со всѣми членами, какіе бываютъ у всякаго другого дитяти, рожденнаго женщиною, но только гораздо меньшей величины; такое дитя мы называемъ Homunculum».

Эти слова Парацельса объ искусственномъ, помимо природы, способѣ образованія человѣка невольно припоминаются при взглядѣ на ту картину, какую представляетъ Европа въ своихъ попыткахъ образовать, уединясь отъ исторіи, человѣческую душу черезъ соединеніе въ ней путемъ воспитанія различныхъ и одинаково цѣнныхъ качествъ. Задача знаменитаго алхимика, по своему смыслу и основаніямъ, была лишь слабымъ прообразомъ той задачи, которая съ неменьшимъ упорствомъ и гораздо большею увѣренностью въ успѣхѣ осуществляется повсюду, во всѣхъ странахъ, въ нашъ вѣкъ: выработать въ искусственныхъ условіяхъ, лишь подражающихъ природѣ, живой организмъ, вырабатываемый только черезъ ея таинственные процессы. Какъ это ни удивительно, но мечта Руссо, на осуществленіе которой онъ едва-ли надѣялся самъ, получила примѣненіе въ эпоху, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ чуждую какой-либо мечтательности. Уединившись въ воображеніи своемъ, отвращаясь отъ живыхъ людей, онъ создалъ образъ Эмиля, этого истиннаго Homuncul'a новой Европы, по образцу котораго съ тѣхъ поръ и до нашего времени множество людей пытаются осуществить

ту же мечту. Внѣ традицій своего народа, внѣ смысла своей религіи, внѣ цѣлаго движенія двухъ-тысячелѣтней исторіи, гражданинъ, отвсюду изгнанный, образовалъ идею новаго гражданина, фикцію, которая могла бы заключать его *общественный договоръ*, населять его *республику*; и филантропы, законодатели, политики всей Европы, какъ будто уже слабо чувствуя на плечахъ своихъ давленіе исторіи, сбросили остатки ея въ сторону и обратились къ этой же фикціи, чтобы ее одну любить, ее осуществлять, ее налагать, какъ нормирующій образъ, на образъ живыхъ поколѣній, передъ ними возраставшихъ. И когда на другихъ поприщахъ, не на воспитательномъ, неудачи постигали ихъ, они раздражались сѣтованіями на воспитаніе, все еще недостаточно приблизившее людей къ искусственному представленію человѣка, какое они составили. Практическіе люди и теоретики, во всемъ расходившіеся, соглашались единодушно въ томъ, что здѣсь лежитъ ключъ ко всякому прочному успѣху, и въ мѣру того, насколько они чего-нибудь желали, къ чему-нибудь стремились, они прежде всего напрягали усилія, чтобы овладѣть этимъ ключемъ. Государство, такъ неизмѣримо возпреобладавшее въ XIX вѣкѣ надъ всѣми остальными сторонами народной жизни, естественно и получило въ свое обладаніе этотъ ключъ. Церковь со своимъ особымъ кругомъ понятій и преданій, семья съ индивидуализмомъ своихъ навыковъ и стремленій, не говоря о другихъ меньшихъ, но столь же живыхъ и конкретныхъ силахъ исторіи, были недовѣрчиво или пренебрежительно устранены отъ воспитанія. Филантропы и теоретики, насколько они хотѣли перейти отъ мечтаній къ дѣйствительности, должны были войти въ сѣть административныхъ учрежденій, всюду выдѣленныхъ государствами для осуществленія этой цѣли. Излишнее, индивидуальное, что было въ нихъ, они вынуждены были глубоко схоронить въ себѣ, и стать, если желали быть чѣмъ-нибудь, только выполнителями безлично-общихъ началъ, достаточно зрѣло уже обдуманныхъ и всюду рѣшенныхъ къ примѣненію.

Какъ институтъ исключительно правовой, государство не имѣетъ непремѣнной связи съ какой-либо религіей [1]), съ опредѣленными формами быта, ни вообще съ чѣмъ-либо, завѣщаннымъ изъ исторіи, что, развиваясь съ нимъ бокъ о бокъ въ жизни народной, остается, однако, для него внѣшнимъ. Не въ этомъ всемъ, но въ особыхъ правовыхъ цѣляхъ, лежитъ центръ его интереса, непремѣнныя и ненарушимыя нормы дѣятельности, и ко всему прочему, разъ оно такъ же становится предметомъ его дѣятельности, оно не можетъ имѣть отношенія внутренняго, субъективнаго. Цѣль въ воспитаніи,

[1]) Римъ языческій до Константина Великаго и потомъ христіанскій до Ромула Августула, Германія католическая до Карла V-го и протестантская послѣ него, наконецъ, Швейцарія и Соединенные Штаты безъ государственной церкви могутъ служить историческимъ доказательствомъ этого общаго положенія.

тотъ мысленный образъ «человѣка и гражданина», какой оно стремится осуществить, можетъ стать субъективной цѣлью въ государствѣ; но средства образовать его, но то, съ помощью чего этотъ образъ изъ мысленнаго могъ бы стать дѣйствительнымъ, какъ бы настойчиво они ни были примѣняемы имъ, всегда и неизмѣнно будутъ примѣняемы лишь внѣшнимъ образомъ. Внѣ отношенія къ достигаемой цѣли, въ самихъ себѣ, они не имѣютъ никакой особой цѣны для государства; то, что для нихъ есть непремѣнное и внутреннее, для него есть лишь случайное и побочное. Отсюда — начала выбора, анализа и эклектизма, примѣненныя всюду къ этимъ средствамъ; отсюда же механизмъ въ самомъ способѣ ихъ употребленія.

Въ отдѣльные свѣтлые моменты исторіи, какъ ни противоположны были они по смыслу и духу, человѣкъ являлся съ чертами хотя и различными, но одинаково прекрасными. Въ цвѣтущее время античной древности, въ первые дни Христіанства, въ радостный вѣкъ Возрожденія, и, наконецъ, въ эпоху великихъ научныхъ успѣховъ за три послѣднія столѣтія, онъ носилъ обликъ, рѣзко выдѣленный, но равно привлекательный. Для всякаго, кто стоялъ въ кругѣ особыхъ интересовъ, какими жила каждая изъ этихъ эпохъ, не могло быть сомнѣнія въ ихъ разнородности и несоединимости; но эта разнородность, такъ живо чувствуемая при субъективномъ къ нимъ отношеніи, не могла быть понятна и сколько-нибудь признана государствомъ, равно удаленнымъ отъ всѣхъ нихъ, равно холоднымъ ко всему этому,—и которому, однако, изъ нихъ именно предстояло выбрать питающіе элементы для образованія желаемаго образа. Соединить разбросанныя черты исторіи, съ однимъ условіемъ, чтобы онѣ были наилучшія, и путь ихъ направить въ воспріимчивую душу подростающихъ поколѣній—это было единственное, что оно могло сдѣлать, и ему естественно казалось, что въ этомъ лежитъ вѣрное средство и воспринимающія души сдѣлать какъ бы отраженіемъ всего лучшаго, что было въ исторіи. Отъ недостатковъ въ воспріятіи, отъ неполноты воспринимаемаго могли произойти недостатки и въ формируемомъ духовномъ образѣ; но что самый принципъ формированія вѣренъ,—въ этомъ, повидимому, не предстояло разубѣждаться. Натуральная, голая человѣчность въ ея высшихъ формахъ, какія завѣщала классическая древность въ своей поэзіи, въ своихъ миѳахъ и даже въ крупныхъ чертахъ исторіи,—та же человѣчность, но уже отвергнутая въ наготѣ своей, какъ безпомощная, и получившая какъ бы новое рожденіе въ христіанствѣ,—наконецъ, нѣсколько простое и грубое, но точное и удивительное знаніе человѣка о себѣ и о мірѣ, какое достигнуто было имъ отъ Коперника и до Фарадея,—все это вошло въ кругъ питающей arcani sanguinis новаго человѣка [1]).

[1]) Въ средней школѣ, какъ основномъ ядрѣ воспитательной системы, уста-

Въ составѣ цѣлаго, каждый элементъ долженъ былъ занять какое-нибудь положеніе, и естественно, что при объективномъ, чисто внѣшнемъ отношеніи ко всѣмъ имъ, они должны были расположиться соотвѣтственно той важности, какую имѣли въ исторіи. Для государства, какъ правоваго института, чуждаго какихъ-либо субъективныхъ принциповъ, ни третій, ни въ особенности второй изъ указанныхъ элементовъ не могъ по цѣнности сравниться съ первымъ,—именно по его ясности, по его несвязанности какими бы то ни было темными началами, для права неясными и даже подозрительными. Человѣкъ, какъ онъ вышелъ изъ лона природы,—для государства, выходящаго такъ же только изъ ея лона, естественно долженъ былъ казаться наиболѣе достойнымъ подражанія и, слѣдовательно, изученія. Отсюда — перевѣсъ, данный всюду древнимъ литературамъ, большее склоненіе государственнаго вниманія къ филологамъ, съ которыми внѣ связи на этомъ пунктѣ вообще у него нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. Возлѣ классическихъ литературъ, какъ центра въ пукѣ воспринимаемыхъ впечатлѣній, расположились остальные элементы, нѣсколько ослабленные, сравнительно съ этимъ, въ количествѣ и напряженіи дѣйствія. Это соотношеніе, какъ наилучшее, должно было неизмѣнно сохраняться: въ образуемомъ, эклектически собираемомъ, духовномъ существѣ каждый порознь элементъ непремѣнно долженъ былъ стать частью, не выходящей изъ строгаго подчиненія величинѣ остальныхъ частей,—дробью, никогда не переходящей за нѣкоторый тѣсный предѣлъ [1]).

Когда каждое впечатлѣніе въ отдѣльности хорошо и хороша такъ же всякая сумма ихъ,—ясно, что наибольшая изъ всѣхъ суммъ должна быть и наилучшая. Изъ этого принципа, столь яснаго, вытекло всюду возможное расширеніе преподаваемыхъ курсовъ. Только въ утомительности продолжительнаго и однообразнаго усвоенія все тѣхъ же впечатлѣній это стремленіе находило себѣ препятствіе, и оно счастливо было обойдено чередованіемъ разнородныхъ впечатлѣній. Явное несходство трехъ главныхъ группъ предметовъ открывало легкую возможность не держать продолжительное время душу

новились слѣдующіе предметы, соотвѣтствующіе тремъ указаннымъ элементамъ: 1) классическіе языки, т. е. подготовленіе къ чтенію древнихъ писателей, и самое чтеніе ихъ: поэтовъ, историковъ, ораторовъ, философовъ; 2) ветхозавѣтная и новозавѣтная исторія, исторія церкви, церковная догматика и литургика; 3) космографія, физика съ краткимъ очеркомъ химіи, алгебра и тригонометрія, географія. Исторія въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ распредѣлена между этими тремя группами. Новые языки есть средство со временемъ глубже войти въ духъ и смыслъ каждой изъ этихъ трехъ группъ предметовъ. Изученіе литературы повсюду имѣетъ мѣстный интересъ. Безъ какого-либо видоизмѣненія по странамъ, эти предметы всюду въ Европѣ признаны за «общеобразовательные», на усвоеніе которыхъ назначается возрастъ отъ 10—18 лѣтъ, и часто дальше.

[1]) Это достигается при помощи балловой системы.

воспитывающагося подъ какимъ-нибудь однимъ впечатлѣніемъ, или подъ нѣсколькими родственными. Отсюда вытекла принятая всюду система уроковъ, при которой ни одно впечатлѣніе не держится долѣе часа, и иногда менѣе—55 минутъ. Эти впечатлѣнія чередуются такъ, что два смежныя всегда не имѣютъ между собой ничего общаго. Въ мѣру отчетливости и твердости состава этихъ впечатлѣній должна была возрасти правильность и въ чертахъ составляемаго духовнаго образа.

Наконецъ, такъ какъ и при этой интенсивной системѣ усвоенія, усвояемый матерьялъ все еще былъ слишкомъ обширенъ, придумано было сжать каждую часть въ немъ до minimum'а, такъ, чтобы каждое усвоеніе, будучи кратко по времени, было въ то же время чрезвычайно обильно по количеству. Матерьялъ, т. е. духовные плоды, завѣщанные каждой исторической эпохой, естественно могъ подвергнуться этой переработкѣ: Пуническія войны, такъ пространно разсказанныя Ливіемъ, могли быть переданы въ немногихъ словахъ безъ того, чтобы какой-нибудь фактъ стоялъ въ нихъ иначе, чѣмъ въ дѣйствительности; судьбы израильскаго народа, жизнь Спасителя, дѣянія Апостоловъ и мучениковъ представляли столь тѣсное поле фактовъ, что, безъ мелочныхъ подробностей, въ своихъ крупныхъ и значущихъ чертахъ, они могли быть усвоиваемы совершенно быстро. Каждая рѣчь могла быть передана въ ея смыслѣ и каждое событіе—въ точномъ наименованіи факта. Еще съ бо̀льшимъ удобствомъ это могло быть примѣнено къ результатамъ новѣйшаго умственнаго просвѣщенія: открытіе Коперника укладывалось въ нѣсколько строкъ, и ихъ не болѣе требовалось для открытій Колумба. Сжато, легко, гладко проскальзывали въ устремленное къ нимъ вниманіе земля и небо, океанъ и суша, пророки и революція, Гомеръ и электротехника съ помощью особыхъ маленькихъ книжекъ, гдѣ были для этой особой цѣли абстрагированы природа и люди. Рядъ символовъ почти замѣнилъ рядъ фактовъ, живыя лица стали только большими и малыми именами. Что усвоять всякую дѣйствительность черезъ эти символы и безконечныя вереницы словъ значило почти то же, что ботанизировать въ дровяномъ складѣ—это могло быть сколько-нибудь понято и признано лишь при субъективномъ отношеніи къ чему-нибудь, при особой и исключающей всякую другую привязанность привязанности къ какому-нибудь изъ живыхъ созданій, къ которымъ былъ примѣненъ этотъ методъ абстракціи.

И, наконецъ, въ заботахъ не только о наибольшемъ для каждаго, но и о наибольшемъ для всѣхъ или очень многихъ, всюду былъ установленъ способъ коллективнаго обученія. Ученикъ никогда болѣе не оставался наединѣ со своимъ учителемъ; учитель никогда не говорилъ лицу, но только толпѣ. Все индивидуальное, что̀ было въ одномъ и въ другомъ, заботливо пряталось, люди соприкасались

здѣсь только общими сторонами своего существа. Всегда соединенные, они были въ сущности, всѣ уединены,—и то, въ чемъ они были уединены столь постоянно, было какъ бы непризнано. Эта непризнанная сторона ихъ существа была въ то же время самая главная, потому что въ отличіе отъ животнаго человѣкъ именно въ индивидуальности своей несетъ свой существенный, особый смыслъ; въ ней же лежитъ и родникъ всякаго духовнаго творчества. Долгое время, въ лучшіе годы затѣненная, она мало-по-малу атрофировалась, въ то время какъ общія, усвояющія только, стороны души разростались исключительно при усиленномъ и непрерывномъ освѣщеніи.

II.

Можно думать, что Парацельсъ, съ такимъ чистосердечіемъ написавшій приведенныя выше слова, *дѣйствительно видѣлъ*, какъ смѣшанныя имъ вещества принимали человѣкообразную форму; логическая убѣжденность, что данное явленіе должно произойти, иногда дѣлаетъ то, что наши глаза какъ будто дѣйствительно видятъ ожидаемое явленіе. Но достаточно было постороннему войти въ его лабораторію, чтобы понять, что мертвый матерьялъ въ его «закрытой колбѣ» и остается безжизненнымъ, какъ былъ прежде.

Всѣ чувствуютъ, и уже давно, въ Европѣ, странную безжизненность возрастающихъ поколѣній. Они безжизненны не въ одномъ какомъ-нибудь отношеніи, они лишены не которыхъ-нибудь даровъ, будучи богато одѣлены другими. Именно ядра въ нихъ нѣтъ, изъ котораго растетъ всякій даръ, всякій порывъ, все энергичное въ дѣйствіи или твердое въ сопротивленіи. Та «искра Божія», которая свѣтится въ человѣческомъ образѣ часто сквозь мракъ, его одѣвающій, сквозь его грубость, необузданный произволъ, невѣжество,—въ этихъ поколѣніяхъ, наружно лоснящихся, ничего выдающагося дурнаго не дѣлающихъ, какъ будто погасла, и ее ничто не способно пробудить. Странная антикультурность, на исходѣ XIX вѣка самой великой въ исторіи культуры, поражаетъ въ нихъ: они не только не продолжаютъ своего времени, не суть дѣти безумнаго въ порывахъ своихъ «просвѣщенія» XVIII—XIX вѣковъ; они и не принадлежатъ ни къ какой другой эпохѣ, не сочувствуя и не понимая болѣе ни одной изъ отжившихъ культуръ. Христіанство съ его высокимъ спиритуализмомъ, аскетическими подвигами, углубленной, святой лирикой,—ничего не говоритъ ихъ сердцу, возбуждая или кощунство, или равнодушіе, или слабыя попытки его переиначить; его и того культа плоти, того самоуслажденія человѣка своей красотой, которымъ жила древность и что вспыхнуло и ярко засвѣтилось на рубежѣ средней и новой Европы, въ нихъ нѣтъ, не только какъ собственнаго чувства, но и какъ пониманія чужаго чувства.

И нѣтъ никакого желанія по уединенному труду, по героизму мысли, по отреченію ради отысканія истины отъ всѣхъ утѣхъ жизни, послѣдовать необозримому множеству тружениковъ на всѣхъ поприщахъ за три послѣдніе вѣка. Какъ будто какая-то предательская рука, подкравшись къ лѣзущему на Олимпъ поколѣнію прежнихъ титановъ, въ мигъ, когда они были такъ горды, такъ упоены близкой побѣдой—оскопила ихъ, и сразу потухъ свѣтъ въ ихъ глазахъ, укротилось желаніе, спала гордость, и они одинаково безнадежно смотрятъ на небо и землю.

Даже, не говоря о выдающемся, геніальномъ или героическомъ,—среднее становится не подъ силу этому потускнѣвшему вдругъ поколѣнію. Удивительное дѣло: въ ту пору, о которой, какъ и для нашей страны, для всей Европы можно было повторить, тысячу разъ съ неправымъ упрекомъ повторенныя, слова:

Мы всѣ учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь,—

удивительно, что въ эпоху этого «немногаго и небрежнаго» ученія были люди столь истиннаго, столь высокаго образованія, о какомъ, тщетно и долго обращая глаза вокругъ, каждый понимающій, что̀ такое образованіе, начинаетъ думать невольно какъ о золотомъ, манящемъ преданіи, которое ничѣмъ болѣе не напоминается въ дѣйствительности. И все это при массѣ всюду разсѣянныхъ точныхъ свѣдѣній, при неутомимомъ трудѣ надъ книгами, при самомъ яркомъ честолюбіи именно на этомъ поприщѣ снискать какіе-нибудь лавры. Никогда въ желаніяхъ просвѣщеніе не было такъ чтимо, такъ искомо; и никогда же не было оно въ дѣйствительности такъ мало найдено и даже такъ слабо понимаемо. То эластическое, что̀ есть въ немъ, что̀ не укладывается ни въ какое точное свѣдѣніе, не пріобрѣтается никакимъ трудолюбіемъ, что̀ есть чистый и непроизвольный пламень горящей въ человѣкѣ «искры Божіей», которая всякое трудолюбіе и всѣ свѣдѣнія дѣлаетъ лишь пожираемымъ матеріаломъ своимъ,—того именно и нѣтъ въ людяхъ, для возженія чего, однако, такъ много, такъ трудно учащихся.

Никогда и никто не пытался связать это угасаніе въ человѣкѣ всѣхъ высшихъ даровъ съ самыми орудіями, которыми, по плану, подготовляется ихъ пробужденіе. Всѣ и всегда, сознавая это угасаніе какъ ясный и точный фактъ, стремились найти причину его въ слабости этихъ орудій, въ томъ, что они недостаточно еще предотвращаютъ отъ воспитываемыхъ грубыя вліянія дѣйствительности, что «колба», въ которой совершается таинственное образованіе новаго человѣка, недостаточно «закрыта». Но самое легкое размышленіе могло бы предупредить это безполезное исканіе причинъ не тамъ, гдѣ онѣ: если орудія воспитанія, оставляя желать многаго въ исключительности своего дѣйствія, все-таки дѣйствуютъ хорошо

и столь продолжительное время,—почему такъ *мало* въ нихъ *силы сопротивленія?* откуда это непостижимое явленіе, что и продолжая имъ подвергаться, и тотчасъ по окончаніи ихъ дѣйствія, вновь изготовленные «Homunculi» такъ совершенно податливы на всякое низменное вліяніе, и только ко всему достойному, что встрѣтилось бы имъ на пути, такъ безучастны? Почему не Виргилій, не Тацитъ и даже не какая-нибудь изъ новыхъ хорошихъ книгъ влечетъ ихъ и убѣждаетъ, но плохой газетный листокъ и самая обыкновенная страница журнала? То, о чемъ, по плану, они должны-бы и понятія не имѣть, съ чѣмъ не должны-бы имѣть ничего родственнаго, страннымъ образомъ оказывается имъ близко и совершенно родственно. Напротивъ, къ тому лучшему въ современномъ, къ оригинальному, умному, что, чѣмъ-бы ни было окрашено, именно по внутреннимъ своимъ, абстрактнымъ достоинствамъ, должно-бы привлекать ихъ абстрактно-же къ лучшему воспитанный умъ, не только не привлекаетъ его, но и остается совершенно для него непонятнымъ. «Procul profanum vulgus», какъ-бы говоритъ въ своемъ замыслѣ, въ своей идеѣ искусно придуманный, образующій юныя души, механизмъ; и вотъ, когда изъ его сѣти окрыленная душа вылетаетъ, чтобы, кажется, летѣть къ небесамъ,—она безкрылая падаетъ въ самыя бездонныя низины, къ этой ожидающей ее какъ-то таинственно ей уже знакомой, profanum vulgus.

III.

Не въ особенной притягательной силѣ этихъ низинъ слѣдуетъ видѣть причину этого паденія, но въ слабости крыльевъ, которыя не могутъ поднять надъ ними душу. Пора, въ самомъ дѣлѣ, предположить, что эти крылья, искусственно сдѣланныя, искусственно же и прикрѣплены, а вовсе не выросли изъ души; и поэтому именно никуда, ни отъ какой опасности не могутъ уносить ее.

Въ постоянномъ, усиленномъ стремленіи регулировать подробности, въ непрекращающихся спорахъ только о нихъ, о новыхъ комбинаціяхъ предметовъ, о расширеніи или съуженіи ихъ объема, о минутахъ, часахъ и точныхъ во всемъ этомъ отчетахъ, была опущена общая основа дѣла, которая, разъ обдуманная и рѣшенная, никогда болѣе не возбуждала сомнѣній. «Закрытая колба», въ которой успѣшно совершалось кипѣніе, могла быть удлиннена или утолщена; вещества въ ней могли быть перемѣшиваемы и кое что, но немногое, къ нимъ прибавляемо; но чтобы въ принципѣ ея самой, въ ея способности дать ожидаемое, кто-нибудь усомнился—этого въ рядахъ тысячъ алхимиковъ, ее построившихъ, надъ нею наблюдавшихъ, нельзя было ожидать.

И между тѣмъ, въ томъ абстрактномъ, отвлеченномъ отъ всякихъ подробностей, описаніи этого механизма, гдѣ названа одна его сущность, безъ затѣняющей оболочки, едва-ли не пойметъ уже всякій, къ чему онъ способенъ.

Едва-ли кто-нибудь не пойметъ, чѣмъ должна стать развивающаяся душа, въ теченіе 8—10 лѣтъ покрываемая тусклыми и слабыми черточками, не тянущимися, перерывающими другъ друга, не внѣдряющимися ни одна такъ, чтобы всколебать и пробудить собственныя силы въ почвѣ, на которую она ложится, но въ нее не входитъ. Для всякаго должно быть ясно, что если слова Спасителя преобразовали міръ и слово Евангелія преобразило не одну душу, – гладкая, проскальзывающая страница о немъ, тотчасъ закрываемая другою страницей, говорящей о Бургундахъ или объ Эвклидѣ, не производитъ и не можетъ произвести на душу никакого впечатлѣнія. И такъ-же, чтобы другое изъ питающаго матеріала мы ни взяли, — общее, что въ немъ окажется, будетъ безсиліе оставить какой-нибудь слѣдъ, какъ-нибудь повліять, къ чему-нибудь поднять душу. За множествомъ деталей, за тщательнымъ взвѣшиваніемъ количества поступающихъ впечатлѣній, была опущена самая важная сторона въ каждомъ изъ нихъ: что лишь ничѣмъ не прерываемое, входя въ душу свободно, неторопливо съ ней взаимодѣйствуя, оно оплодотворяетъ ее; тысячи-же прерванныхъ, оскопленныхъ впечатлѣній оставляютъ ее безплодной. Какъ это ни непостижимо, но идея Локка о tabula rasa, какъ о сущности души человѣческой, свила себѣ гнѣздо въ области, едва помнящей его имя и быть можетъ къ нему непріязненной и, овладѣвъ практикой этой области, погубила-бы ее, какъ погубила она и философію, еслибы имѣла силу овладѣть ею. Это онъ первый, взглянувъ на душу, какъ на безсодержательный въ самомъ себѣ воспреемникъ ощущеній, тѣмъ самымъ молча открылъ свободу для вывода, что чѣмъ обильнѣе и лучше будутъ самыя впечатлѣнія, тѣмъ содержательнѣе и, слѣдовательно, глубже и совершеннѣе будетъ самый духъ человѣческій. Тотъ міръ отзвуковъ, которые каждая душа въ мѣру даровъ своихъ даетъ въ отвѣтъ на каждое ощущеніе,—міръ, всегда неизмѣримо превосходящій бѣдное въ содержаніи своемъ ощущеніе, былъ забытъ при этомъ, и при системѣ учащенныхъ, черезъ часъ чередующихся впечатлѣній,—стертъ, сведенъ къ небытію, погибъ даже, не проросши изъ сѣмени. И, между тѣмъ, именно въ этихъ вздутіяхъ души, только ожидающихъ извнѣ прикосновенія, чтобы дать трещину и обнаружить свое содержаніе, и скрываются до времени и невидимо ея крылья, освободить которыя изъ сдерживающей оболочки, укрѣпить и научить ими управлять—есть вся задача воспитанія. Но здѣсь мы тотчасъ переходимъ къ необходимости въ немъ индивидуальности: на одно и то же впечатлѣніе всякая отдѣльная душа отвѣтитъ разно, и именно въ мѣру того содержанія, которое

съ ней послано въ міръ. И такъ какъ именно раскрыть это содержаніе долженъ воспитывающій, онъ никогда не долженъ обращаться съ чѣмъ-нибудь значительнымъ по смыслу къ толпѣ, но всегда и только къ лицу. И когда онъ почему-либо не можетъ этого сдѣлать, ему лучше довольствоваться лишь незначительнымъ и, инстинктивно чувствуя это, онъ имъ и довольствуется.

Дѣйствіе закона этого (который какъ только нарушенъ—воспитанія нѣтъ) и обнаруживается въ томъ, что при усиленномъ, постоянномъ, но постоянно-же прерываемомъ внушеніи опредѣленныхъ привязанностей, интересовъ, склонностей въ школѣ, эти послѣднія или вовсе не прививаются, или опадаютъ тотчасъ, какъ только встрѣчаютъ потомъ въ жизни малѣйшее себѣ препятствіе. И, напротивъ, одинъ уединенный разговоръ, часто съ человѣкомъ одинаковаго умственнаго развитія, или случайно вычитанная мысль становится поворотнымъ пунктомъ во внутреннемъ развитіи. Каждый, обратясь къ воспоминаніямъ личнымъ, найдетъ въ исторіи своего духовнаго возрастанія такія поворотныя точки; но чтобы которая-нибудь изъ нихъ связывалась въ его воспоминаніи съ однимъ изъ тысячи уроковъ, выслушанныхъ въ годы самой горячей воспріимчивости, этого, вѣроятно, никогда и никто не найдетъ.

IV.

Кажется, на началѣ индивидуальности, но уже не въ воспріятіи, а въ творчествѣ, основано и то, что все созданное человѣкомъ въ исторіи можетъ быть понято и почувствовано, только когда къ нему прикасаешься въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было создано. Не говоря объ образныхъ искусствахъ, гдѣ это само собою понятно и никогда не оспаривается, и въ сферѣ собственно словеснаго искусства, т. е. какъ поэзіи, такъ и вообще всякихъ словесныхъ памятниковъ, никакая передача не только не усвоитъ ихъ другому, но и вообще нисколько ни приближаетъ этого другаго къ ихъ пониманію. Это потому, что во всякомъ созданіи, гдѣ шевельнулся творческій духъ, непремѣнно отражается въ неуловимыхъ особенностяхъ личность его создателя, не сливающаяся ни съ какимъ другимъ лицомъ въ исторіи. Творитъ человѣкъ, т. е. приноситъ нѣчто новое въ міръ, всегда не общимъ, что есть у него съ другими людьми, но исключительнымъ, что принадлежитъ ему одному. Однако, думать, что *все* произведеніе состоитъ изъ этихъ творческихъ особенностей, было-бы ошибочно. Придавая ему вѣчную жизнь и вѣчную-же прелесть для всѣхъ людей, эти черты суть только махровый налетъ на листвѣ, который, какъ только слетѣлъ съ нихъ—они становятся похожи на всякіе другіе листья. Сюжетъ произведенія, его основа или матеріалъ — это происхожденіемъ своимъ уже не обязано личному духу, но тѣмъ общимъ человѣче-

скимъ способностямъ, которыя у него одни со всѣми прочими людьми. Взятые другимъ художникомъ и оставаясь тѣ же по существу, они приняли-бы на себя совсѣмъ иную окраску, печать другаго лица, его особой индивидуальности. Во всякой же передачѣ и остается именно этотъ сюжетъ, безлично общій, никому не принадлежащій въ особенности и, безъ сомнѣнія, никому не нужный. Поэтому, только неизъяснимо далекой объективностью, какая естественно вѣетъ въ отношеніи государства, какъ правоваго института ко всякому подобному цвѣтку античной древности, христіанскаго міра новыхъ вѣковъ, можно объяснить, что при регулированіи имъ воспитанія—преимущественнымъ орудіемъ послѣдняго стали эти оголенные листы культуры всѣхъ временъ. Мы разумѣемъ здѣсь литературу учебниковъ, гдѣ сокращенно все переложено, гдѣ всякія трудности для пониманія сглажены или обойдены, всѣ особенныя зацѣпы знанія тщательно устранены. Гладко, безъ затрудненія, даже въ полураскрытое вниманіе проскальзываютъ черезъ учебники эти «сюжеты» всѣхъ наукъ, литературъ, историческихъ эпохъ,—все, надъ чѣмъ столько страдали ряды человѣческихъ поколѣній, что они такъ трепетно любили и съ такимъ довѣріемъ передали намъ. Тотъ «особый и облегченный» путь къ наукѣ, о которомъ Эвклидъ сурово сказалъ своему государю, что «его нѣтъ и для царей»,—этотъ путь открытъ теперь для всякаго, не требуя не только какихъ-либо особыхъ напряженій мысли, но и простой любознательности въ силу разставленныхъ по нему приманокъ. Есть нѣчто непреодолимо развращающее въ этомъ отношеніи къ наукѣ безъ соотношенія съ ней способностей, въ постоянномъ узнаваніи безъ соотношенія съ нимъ любознательности, въ этомъ многолѣтнемъ пожираніи плодовъ съ непосаженнаго дерева, и даже безъ вопроса, какъ трудно и долго оно росло, и кто и зачѣмъ его садилъ.

Мы сказали «плодовъ» въ смыслѣ оголенныхъ результатовъ, а не въ томъ, чтобы это неустанное и обильное усвоеніе въ самомъ дѣлѣ заключало въ себѣ какую-нибудь сладость или даже только питательность. Эвклидъ, отказавъ Птоломею въ особомъ пути къ познанію геометріи, былъ правъ не только какъ строгій охранитель науки, но онъ былъ и справедливъ къ самому Птоломею, какъ человѣку. Зачѣмъ приходить и учиться, если нѣтъ совершенной любви въ наукѣ?—и бросать ради поверхностнаго ея усвоенія, ради тщеславнаго къ ней прикосновенія, другія, практическія поприща, нисколько не низкія, которыя такъ же требуютъ любви къ себѣ и отдаваясь которымъ съ любовью и безъ какой-либо кривизны человѣкъ все равно остается достойнымъ? Наука, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ, есть самое достойное человѣка попроще; но не тогда, когда она тщеславно окружена, если она всѣмъ навязывается,—а когда остается сама собою, т. е. одною изъ самыхъ трудныхъ и поэтому уединенныхъ сферъ человѣческой дѣятельности.

И въ исторіи она всегда была такою; но чего не смогли сдѣлать преслѣдованія, ненависть къ ней—побороть ее, то сдѣлала неразсудительная къ ней любовь, развративъ ее. И въ самомъ дѣлѣ, какъ люди, безъ труда въ нее утлубляющіеся, не приносящіе ей никакого дара, имѣютъ только подобіе просвѣщенія, такъ и она сама, не принимающая болѣе никакихъ жертвъ, стала лишь подобіемъ когда-то строгой, уединенной, трудно доступной науки, и свѣтъ ея тусклъ и ложенъ.

Ложность этого просвѣщенія—мы возвращаемся къ тѣсной, разсматриваемой нами области воспитанія—сказывается въ томъ, что на общія, неиндивидуальныя стороны развивающейся души неиндивидуальными же, общими сторонами своими дѣйствуетъ и весь питающій ее матерьялъ. Отдѣльныя эпохи исторіи и великія произведенія слова, передаваясь—первыя въ краткомъ изложеніи событій, и вторыя—въ «образцахъ», сопровождаемыхъ обзоромъ остальнаго, есть именно то отряханіе махровости съ продуктовъ человѣческой культуры, то безплодное собираніе оголенныхъ листьевъ, о которомъ мы говорили выше. Только съ любовью, долго, при собственныхъ дарахъ или любящемъ учителѣ, останавливаясь на самомъ краткомъ, въ нѣсколько минутъ прочитываемомъ произведеніи, можно впитать изъ него тотъ ароматъ, который оно содержитъ въ себѣ, живою же душою отозваться на ту жизнь, которая таинственно завита въ немъ его давно умершимъ творцомъ и, отозвавшись, пластически видоизмѣнить свою душу подъ прекраснымъ, благороднымъ впечатлѣніемъ, на нее павшимъ. Но думать, что хоть тѣнь этого воспитывающаго дѣйствія можетъ произойти при изученіи великихъ произведеній съ часовымъ циферблатомъ въ рукѣ—есть заблужденіе, котораго, по истинѣ, нельзя не назвать безумнымъ. И такъ же безумно думать, что имѣетъ какое-нибудь значеніе, къ чему-нибудь относится «изложеніе остальныхъ частей сюжета», что, какъ рысь за торопливымъ шагомъ, всегда слѣдуетъ за чтеніемъ «образца». Кто это дѣлаетъ, кто вынужденъ это дѣлать годъ за годомъ, и по смерти его снова же годъ за годомъ другой, не можетъ не чувствовать при этомъ болѣзненнаго ощущенія, и оно отсутствуетъ лишь у тѣхъ руководителей, которые тускло знаютъ вѣчный предметъ своей кастраціи, и потому ничего въ немъ особеннаго не любятъ и ни о чемъ не жалѣютъ.

Едва-ли не этимъ слѣдуетъ объяснить отсутствіе какихъ-либо привязанностей, цинизмъ въ отношеніи ко всякой культурѣ, съ какимъ подрастающія поколѣнія всѣхъ странъ, цѣлой Европы, стремятся на ветхую, тучную почву своей родины, чтобы мелко потоптавшись на ней—умереть, ничего не прибавивъ къ ея богатствамъ. И въ самомъ дѣлѣ, если въ быстрой перемежаемости всѣхъ впечатлѣній лежитъ субъективное основаніе этого факта, то въ оголенности ихъ всѣхъ лежитъ его объективное основаніе. Не только

нечѣмъ воспитывающимся привязаться къ исторіи, къ культурѣ за недостаткомъ развитія въ нихъ индивидуальности; но и *не къ чему* въ ней привязаться имъ за устраненіемъ въ питающемъ матерьялѣ этого же индивидуальнаго, особеннаго,—за скрытіемъ истинной красоты въ немъ и истиннаго величія. Потому что напр. на четырехъ страничкахъ ознакомиться съ дѣятельностью Вселенскихъ соборовъ, или въ четырнадцати строкахъ—съ дѣятельностью Базельскаго или Констанцскаго собора, это не только все равно, что ничего не узнать о нихъ, это значитъ узнать о нихъ постыдно-ложное, нестерпимо-клевещущее. Пусть бы лучше, взглянувъ на ветхіе фоліанты, гдѣ записаны акты этихъ соборовъ, всякій подумалъ: «есть нѣчто великое, чего я не знаю», нежели, пропустивъ скользнуть въ себя десятокъ страничекъ, думать: «было то-то и то-то, что я знаю, но зачѣмъ узналъ—не знаю». Это—особенность современнаго образованія, что, воспринимая лишь схемы всего дѣйствительнаго, что было прежде и существуетъ теперь, воспитываемые не только ни о чемъ дѣйствительномъ не имѣютъ понятія, но и имѣютъ ложное и наглое понятіе, будто бы все, но лишь безъ подробностей, они уже знаютъ. Подробности же естественно имъ кажутся менѣе значительнымъ, и если уже «главное» такъ мало привязало ихъ, такъ мало заинтересовало, они думаютъ не безъ ребяческаго основанія, что еще менѣе могли бы заинтересовать ихъ достойныя вниманія эти опущенныя подробности. Что *именно только въ однѣхъ подробностяхъ* узнается и смыслъ главнаго, это такъ же далеко отъ ихъ мысли, какъ и отъ представленія ко всему объективно, схематично, относящагося государства.

Какъ пыль на окраинѣ дремучаго лѣса, гдѣ можно и заблудиться, но и испытать великія ощущенія, гдѣ есть рытвины, болота, непроходимыя трущобы, но есть и свѣтлыя, величественныя картины, куда вступая всякій невольно оставляетъ кощунственную улыбку и лицо его принимаетъ строгое выраженіе,—какъ пыль на краю подобнаго лѣса поднялся на окраинѣ двухъ-тысячелѣтней европейской культуры легкій рой бумажныхъ листковъ, который закрылъ его отъ глазъ тѣхъ, кому на благоговѣйномъ созерцаніи этого лѣса слѣдовало-бы воспитываться, пріучаться къ добру, и болѣе всего—пріучаться къ серьезности, къ сознанію своего личнаго ничтожества и торжественной святости окружающаго. О, потомъ, много лѣтъ спустя, будутъ все тѣ же кружащіеся передъ глазами листки! но существенно, что и въ самомъ воспріимчивомъ возрастѣ, когда окрыляется душа, она не видитъ передъ собой уединенныхъ, сѣдыхъ вершинъ, не пріучается бояться, благоговѣть, трепетать передъ недосягаемо высокимъ, а только вынуждена подпрыгивать въ уровень съ этими листками, чтобы наловить ихъ, насобрать,—со странной иллюзіей, что въ нихъ есть что-нибудь цѣнное. Мы выше ска-

зали, что всѣ удивляются, почему въ моментъ, когда бы крылья уже должны быть выросшія и крѣпкія, души подростающихъ поколѣній падаютъ въ самую непроходимую тину. Но какъ и куда бы полетѣли онѣ, никогда не поднимавшись высоко? Какъ не почувствовать имъ влеченія къ вульгарному, когда обо всемъ великомъ онѣ узнали лишь въ вульгарныхъ же формахъ, на вульгарномъ скользкомъ языкѣ своихъ бѣдныхъ «руководствъ», съ вульгарными, дѣланными восхваленіями или порицаніями, и чаще всего, для краткости, даже безъ нихъ. По истинѣ, фальшиво трескучая страница журнала покажется имъ согрѣтою истинной теплотой сердца, когда даже этой фальшивой теплоты они никогда не знали въ дѣтствѣ и юности; все имъ покажется тамъ серьезно, влекуще, потому-что все и дѣйствительно серьезнѣе, привлекательнѣе, нежели предметы ихъ долгаго воспитанія,—о, нѣтъ! а орудія обращенія къ этимъ предметамъ, дѣйствіе которыхъ однихъ они и испытали, самыхъ же предметовъ не видѣли.

V.

Думать, что въ отдѣльные циклы исторіи красота человѣческой природы была лишь наростающею, и что въ каждомъ индивидуумѣ можно соединить ея отдѣльныя тѣни—это такъ же ошибочно и вытекаетъ изъ отсутствія истиннаго знанія о которой-нибудь изъ этихъ тѣней. Только отряхая съ человѣка прежнюю красоту, отрицая ее какъ величайшую себѣ противоположность, появлялся на немъ новый уборъ сложныхъ идей и глубокихъ чувствъ. «Всѣ добродѣтели грековъ и римлянъ были лишь красивые пороки», говорили христіане первыхъ вѣковъ, говорили о томъ, что̀ мы, не имѣя уже и тѣни ихъ чувствъ, любимъ, чѣмъ восхищаемся и что̀ избираемъ, какъ предметъ подражанія для дѣтей своихъ. Мать Павзанія, первая принесшая камень, чтобы завалить выходъ изъ храма, куда спрятался ея испуганный сынъ, для христіанина есть лишь дурная мать, безчеловѣчная, и даже, насколько въ насъ сохранилось христіанскихъ чувствъ, мы желали бы скорѣе предохранить нашихъ дѣтей отъ подражанія ей, нежели выставлять ее для нихъ, какъ примѣръ героизма. И если какъ подобный примѣръ она выставляется въ учебникахъ, то вѣдь потому именно, что это—книги междукультурныя, что онѣ ни изъ языческаго міра, ни изъ христіанскаго, ничего въ нихъ не почувствовано и ничего же не соображено. И, съ другой стороны, когда въ тысячелѣтней средневѣковой культурѣ упоминались христіанскія чувства и снова, пробивая толщу вѣковъ, брызнулъ холодный и прекрасный родникъ античныхъ чувствъ, чѣмъ стали для него всѣ христіанскія понятія? что изъ нихъ было одобрено, убрано новой красотой? «Всякая проститутка лучше монаха», передавались изъ устъ въ уста злобныя слова свѣ-

тила гуманизма, Лоренцо Валлы; когда папа Николай V-й умеръ, въ комнатѣ его, уставленной богатыми рукописями антиковъ, не нашли ни Библіи, ни Евангелія. То-есть съ яркимъ, страстнымъ ощущеніемъ древней красоты потускли христіанскія чувства, стали холодны, опали; какъ, напротивъ, тысячелѣтіе назадъ съ живымъ ощущеніемъ христіанства поблекъ античный міръ идей и чувствъ. Въ каждый моментъ своей жизни историческое человѣчество любитъ что-нибудь одно, передъ этимъ однимъ преклоняется, его считаетъ величайшею святынею своего сердца и высшимъ авторитетомъ для своего ума; и нужно многому пройти, нужны долгія разочарованія, неудачи, наконецъ сонъ отдохновенія, тянущійся иногда вѣка, чтобы проснувшись къ новому пустымъ отъ прежнихъ чувствъ, стать способнымъ набирать въ себя иныя чувства, отличныя отъ тѣхъ, какими оно жило ранѣе. И то, что справедливо относительно собирательнаго человѣчества, справедливо и относительно отдѣльнаго человѣка; по самой природѣ своей человѣкъ есть монотеистъ, т. е. можетъ покланяться только одному Богу, и когда поклоняется двумъ—ни которому не покланяется, но передъ обоими лукавитъ. Это-то лукавое передъ всѣмъ преклоненіе, соединенное съ холодной готовностью все предать, и есть истинный результатъ того синтетическаго воспитанія, черезъ которое проводятся всюду подростающія поколѣнія Европы. Ни любители они древности, ни истинные христіане, ни самоотверженные искатели истины: они между всѣмъ этимъ, внѣ которой-либо изъ культуръ, т. е. не несутъ на себѣ болѣе ни одной изъ нихъ. Отъ этого, при существованіи у нихъ смутнаго религіознаго чувства, они не знаютъ, удовлетворить ли его христіанствомъ или буддизмомъ; будучи довольно начитаны въ новыхъ книгахъ и помня еще много изъ стараго, выдумываютъ новую мораль, удобно соединяющую то и другое. По самому воспитанію своему, по долгимъ годамъ привычки, они склонны ко всему эклектическому и ни къ какому сильному отрицанію или сильному утвержденію.

VI.

То, что мы сказали до сихъ поръ, относится къ принципамъ, на которыхъ построена самая техника воспитанія. Но мы едва упомянули о его положеніи между другими элементами текущей исторіи, въ ряду другихъ, столь же существенныхъ нитей жизни, общая ткань которыхъ образуетъ цивилизацію.

По самой своей сущности, какъ сохранитель внѣшнихъ и строгихъ правъ, государство противоположно семьѣ, гдѣ всѣ отношенія суть внутреннія, эластично измѣнчивы и мягки, не строго принудительны и потому неправильны. Ихъ отношеніе, ихъ особенныя качества можно понять, сравнивъ первое съ строгой и ясной, но

бѣдной содержаніемъ, геометрической фигурой, а вторую приравнявъ къ формѣ цвѣтка, растенія, какого-либо реальнаго предмета, гораздо болѣе содержательной, но менѣе правильной. Во всякомъ случаѣ, имѣя противоположные принципы, эти два міра, большой и малый, будучи равно необходимы для человѣка, одинаково священны для него, не могутъ, не теряя своей сущности, смотрѣть на что-либо съ точки зрѣнія принципа другаго. И воспитаніе, разъ ставъ задачею большаго изъ этихъ міровъ, всѣмъ складомъ и смысломъ своимъ встало противъ меньшаго; и въ то же время наиболѣе страдательные и слабые элементы этого меньшаго міра стали объектомъ примѣненія принциповъ, противоположныхъ тѣмъ, на какихъ онъ зиждется. Строгая, внѣшняя абстрактная форма, которая чувствуетъ и сдерживаетъ въ ихъ границахъ лишь группы людей, но не видитъ лицъ, не знаетъ ихъ имени, ихъ прошедшаго, ихъ надеждъ на будущее—это такъ же не отдѣлимо отъ самаго понятія о государствѣ, какъ именно вниканіе въ лицо, надежды, лелѣемыя о его будущемъ, горькое или сладкое воспоминаніе о его прошломъ—составляютъ постоянную жизнь семьи, ея поэзію, на которую она чувствуетъ право. Отсюда—таящійся всюду антагонизмъ между семьей и школой, несмотря на видимый ихъ союзъ между собою. Семья не можетъ, не въ состояніи признать тѣхъ неизмѣнныхъ нормъ, которыя прилагаются къ столь измѣнчивому, такъ безгранично разнообразящемуся объекту, какъ ея растущія порожденія; она видитъ въ нихъ нѣкоторую слѣпоту къ этому объекту, сухость и узость воззрѣнія на него; она постоянно критикуетъ, и ея критика, исходя изъ сердца, бываетъ страстна, неправильна въ частностяхъ, но права въ своемъ общемъ основаніи. Будучи невидима для школы, она развивается тѣмъ свободнѣе, пристрастнѣе, и отъ школы всегда переходитъ на государство, органомъ котораго служитъ школа. Подростающія поколѣнія являются свидѣтелями и участниками этой критики, дающими матерьялъ для нея, могущими ее искусно возбудить и направить, и они дѣлаютъ это во всѣхъ случаяхъ, когда имъ требуется избѣжать критики, направленной на нихъ самихъ. Такимъ образомъ нравственное ея дѣйствіе обнаруживается именно на нихъ, на ослабленіи въ нихъ мужества и чувства долга, отвѣтственности, на чрезвычайно раннемъ пріученіи ихъ къ хитрости, къ предательскому отношенію къ школѣ, когда они бываютъ въ семьѣ, и къ семьѣ, когда они бываютъ въ школѣ. Они чувствуютъ, что въ этой послѣдней есть готовность отнести все въ нихъ хорошее къ своему дѣйствію, къ своему начинанію, и все дурное отнести къ семьѣ, принять за результатъ ея дѣйствія, и индивидуально воспитываемому не поставить въ вину. Что эти послѣдніе, такимъ образомъ, дѣлаются молчаливыми участниками критики своей семьи, это не только не противорѣчитъ, но входитъ въ виды школы, перетягивающей къ себѣ

БИБЛІОТЕКА КОМИТ. СТАТ. АКАДЕМІИ.

симпатіи младшихъ членовъ старѣющаго и ей,—она знаетъ,—тайно враждебнаго поколѣнія. Что если не привязанность, то pietas къ семьѣ дѣйствительно колеблется—этого школа достигаетъ; но тѣмъ слабѣе становится привязанность къ ней самой въ растерянныхъ членахъ колеблющейся семьи.

Не менѣе противоположности находится въ принципахъ государства и церкви. Послѣдняя еще универсальнѣе, чѣмъ государство; древнѣе, нежели оно, но съ этимъ вмѣстѣ, обращаясь лишь къ совѣсти человѣка, она и вполнѣ индивидуальна,—различаетъ лица, имена, прошедшее и будущее индивидуума, къ чему всему государство слѣпо. Но древнія основанія, изъ которыхъ она исходитъ, обращаясь къ совѣсти, всѣ—мистическаго происхожденія; напротивъ, въ государствѣ всѣ основанія новы и разсудочны; они къ тому же и измѣнчивы сообразно измѣняющемуся разсужденію, тогда какъ основанія церкви вѣчны именно въ силу того, что они не раціональны. Эта вѣчность какихъ-то неясныхъ основъ, конечно, признанная государствомъ, но имъ не понятая, остается не только непонятою, но и тайно непризнанною менѣе связанными въ своихъ мысляхъ юными поколѣніями, насколько они воспитываются въ разсудочныхъ, ясныхъ принципахъ, которыми проникнута школа въ каждомъ біеніи своей жизни, кромѣ немногихъ спеціальныхъ, отведенныхъ для освоенія съ ученіемъ церкви. Въ силу органическаго характера, который непреодолимо принимаетъ всякое *развитіе*, и въ томъ числѣ духовное, преобладающій типъ этого развитія всегда подчиняетъ себѣ другой, слабѣйшій, но вовсе не совмѣщается съ нимъ эклектически. Отсюда—многимъ непонятная и для всѣхъ усилій непобѣдимая антирелигіозность, которая при государственномъ воспитаніи замѣчается всюду въ подростающихъ поколѣніяхъ Европы. Ея невидный корень кроется въ единствѣ типа, который непреодолимо стремится принять въ себя всякая развивающаяся душа, и поэтому выбрасываетъ изъ себя все, что не отвѣчаетъ главному типу, наиболѣе въ ней вліятельному, чаще всего ей внушаемому и для нея самой, еще неокрыленной для высотъ созерцанія, наиболѣе ясному и вразумительному. Трезвость ребяческаго сужденія легко роднится съ старческой разсудочностью государства, какъ дитя, минуя родителей, легко дружится съ дѣдомъ.

Принципъ государственности, несравненно менѣе выработанный, развитый въ новомъ мірѣ, нежели какъ былъ онъ выработанъ въ античномъ мірѣ, не разрушаясь, но лишь съуживаясь, могъ бы примѣняться къ принципу церкви; напротивъ, послѣдній, будучи не только очень выработанъ, но и въ высшей степени неизмѣнимъ по своему священному смыслу, всякій разъ, когда примѣняется къ чему-либо, вовсе не съуживаясь—разрушается. Примѣръ высокой, хотя нѣсколько узкой вѣрности отечеству, которая въ древней Руси совершенно гармонировала съ строгой и выдержанной церковностью,

можетъ служить подтвержденіемъ одной части сказаннаго; примѣръ развитой государственности, съ которой едва уживается церковность въ новое время (Франція), можетъ служить подтвержденіемъ другой части сказаннаго.

VII.

Не будучи само-по-себѣ воспитательно, но заимствуя для воспитанія элементы изъ другихъ сферъ — античной древности, христіанства, наукъ и философіи,—государство оцѣниваетъ степень воспитанія мѣрою матерьяла, который черезъ него усвоивается. И такъ какъ каждая часть этого матерьяла съ его стороны лишь передается, а не усвоивается черезъ непосредственное въ немъ самомъ созерцаніе, то все воспитаніе естественно получило характеръ усвоенія переданнаго, т. е. книжный. Для церкви «воспитанный» значитъ религіозный; для семьи—это значитъ любящій, преданный; и даже для всякаго свободнаго мыслителя «воспитанный» значитъ крѣпкій въ сужденіи, сильный въ испытаніи природы. Напротивъ, для государства, ко всему этому индифферентнаго, во всемъ этомъ темнаго, «воспитанный» значитъ *усвоившій* правила вѣры, *знающій* сыновнія обязанности, наконецъ, уже достаточно *обогащенный* свѣдѣніями. Всѣ реальныя ощущенія, качества, идеи для него замѣняются идеями, качествами, ощущеніями, *сознаваемыми какъ должное*,—запомненными, а не испытываемыми. Что переживаетъ человѣкъ, умиленно гдѣ-нибудь, когда-нибудь, ни для кого не видно молясь,—этого оно не знаетъ; и заслугу этого оно не признаетъ по ясному, твердо очерченному, все измѣряющему своему характеру. Такъ же точно и по той же причинѣ для него неуловимъ и имъ остается непризнанъ всякій художественный восторгъ, каждое умственное увлеченіе, все внутреннее, что мы невольно соединяемъ съ образомъ воспитаннаго и развитого человѣка. Для признанія и оцѣнки всего этого ему нужно, чтобы оно было выражено въ ясныхъ, измѣримыхъ фактахъ: въ часахъ и минутахъ, у него на глазахъ проведенныхъ въ молитвѣ, въ запомненномъ поэтическомъ произведеніи, въ количествѣ усвоенныхъ знаній. Какъ это ни удивительно, но этого истина: что чрезмѣрно книжный, мозговой, исключительно номиналистическій характеръ воспитаніе всюду получило черезъ направленіе его учрежденіемъ, вообще съ книжностью не имѣющимъ ничего общаго, но въ сферахъ, откуда оно беретъ свой матерьялъ, эта книжность есть все-таки единственно ощутимое для него, единственно измѣримое,—хотя бы ему и ненужное, мало понятное.

Отъ этого, опасаясь какъ-нибудь не выполнить свою задачу, оно боится всякаго реальнаго созерцанія, которое могло бы отнять минуту у книжнаго усвоенія; боится лишняго часа, проведеннаго

въ церкви, который оставилъ бы незаполненною лишнюю страницу изъ «Катехизиса»; отвергаетъ, какъ совершенно излишнее, непосредственное созерцаніе природы, которое могло бы оставить не разученнымъ важнѣйшія отраженія этого созерцанія въ поэзіи или художествѣ. «Бѣжинъ лугъ» Тургенева, «Днѣпръ» Гоголя—это ему нравится; но часъ, проведенный дѣйствительно на Днѣпрѣ, или ночь, проведенная группой дѣтей въ лугу, за околицей—это только праздность, почти достойная наказанія.

Въ поколѣніи, проходящемъ черезъ подобное воспитаніе, его вліяніе отражается тѣмъ, что можно было бы назвать «отсутствіемъ натуры». Обремененное сознаніе, скорѣе даже просто память, чрезмѣрно перевѣшиваетъ всѣ сильныя, страстныя или дѣятельныя, стороны души. При лучшихъ успѣхахъ этого воспитанія, дѣйствительность, наконецъ, просто теряетъ интересъ для воспитываемыхъ, они сохраняютъ способность переживать ее лишь книжно, — природу какъ предметъ для поэзіи, какъ напоминаніе о ней, жизнь — какъ предметъ для размышленій, для теоретическихъ выкладокъ. Въ нихъ утрачивается вкусъ къ самой жизни; даже понимая ее умомъ какъ главное, существеннѣйшее, они уже ощущаютъ ее лишь какъ второстепенное, отражающееся въ сознаніи. Такимъ образомъ выходитъ, что самое дѣятельное и энергичное изъ созданій исторіи, взявъ на себя несоотвѣтствующую задачу воспитанія, порождаетъ самое вялое въ ней и бездѣятельное.

VIII.

Можно было думать, что ранѣе или позже кто-нибудь почувствуетъ всю яркую несостоятельность этихъ принциповъ, легшую въ основу воспитанія. Уже самая идея его, созданіе человѣка внѣ духа своей культуры, синтетически собраннаго изъ элементовъ всѣхъ цивилизацій, есть идея крайне искусственная, могшая зародиться только въ такой искусственной головѣ, какъ у Руссо. Но если въ этой искусственной идеѣ было еще нѣчто мечтательное и потому влекущее, то она стала только уродлива, когда за ея осуществленіе взялись жесткія руки, ничего общаго съ мечтательностью не имѣющія. Впервые въ исторіи мы наблюдаемъ въ нашемъ вѣкѣ, что не ученье, не церковь, не семья, не любители души человѣческой и знатоки ея сокровищъ, но темное во всемъ этомъ государство, сложивъ оружіе и замѣнивъ бранные клики колыбельною пѣснью, начало пѣстовать юныя поколѣнія отъ самаго ранняго отрочества до полнсй возмужалости. Римляне устыдились бы этого; греки разразились бы неудержимымъ смѣхомъ, и никогда вѣчно юные гуманисты или угрюмые отшельники Оксфорда и Кембриджа не допустили бы этой замѣны себя княжескими или королевскими чиновниками.

«Не знаю, въ какомъ музеѣ хранится рисунокъ художника не доброй памяти, Бачіо Бандинелли, изображающій его собственную мастерскую.

«Рисунокъ этотъ знаменитъ. Онъ воспроизведенъ во многихъ художественныхъ изданіяхъ. Нельзя взглянуть на эти снимки безъ умиленія и зависти.

«Вечеръ. Въ обширной бѣдной комнатѣ собралась семья учениковъ многогрѣшнаго мастера и расположилась двумя тѣсными группами, чтобы пользоваться скудными источниками свѣта. Налѣво, у высокаго камина, въ коемъ подвѣшенъ первобытный свѣтецъ, усѣлись два рисовальщика. Одинъ изъ нихъ, цвѣтущій юноша, усердно чертитъ на доскѣ, лежащей на его колѣнѣ. Двое другихъ юношей, стоя за его стуломъ, смотрятъ на его работу и шопотомъ сообщаютъ другъ другу свои замѣчанія. Съ другой стороны камина ученикъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, также съ рисункомъ на колѣняхъ, закрылъ лицо руками и погрузился въ глубокую думу. За нимъ стоитъ юноша, обращающій къ свѣту начатой рисунокъ и стирающій на немъ неудавшуюся черту.

«Направо, около длиннаго стола, собрана другая группа. Вокругъ дымной лампы рисуютъ три ученика. На концѣ стола сидитъ самъ учитель и обращаетъ къ рисующимъ спокойную рѣчь. За нимъ стоятъ два зрѣлыхъ мужа—художники или ученые, и какъ бы дополняютъ и поясняютъ его поученія. Двое юношей, стоя, прислушиваются. Въ комнатѣ тишина; передъ очагомъ дремлетъ котъ; спитъ и собака, свернувшись на полу. На полу же и на длинной полкѣ, бѣгущей вдоль стѣны, разбросаны фоліанты, обломки статуэтокъ, кости человѣческаго скелета...

«О чемъ ведетъ рѣчь горделивый художникъ? Восхваляетъ ли онъ тонкую прелесть созданія своего великаго друга, несравненнаго Леонарда? или старается онъ умалить въ глазахъ своихъ учениковъ исполинскій образъ Микель Анджело, этотъ вѣчный предметъ его зависти, его подражанія, его тайныхъ угрызеній совѣсти? Или онъ просто развиваетъ свои взгляды на художественное творчество, на задачи живописи и ваянія? Вѣроятнѣе послѣднее. Ибо передъ его рисующими учениками нѣтъ образцовъ. Не снимками съ натуры, съ чужихъ произведеній заняты они, но попытками самостоятельнаго творчества подъ глазами учителя, прислушиваясь къ его вѣскимъ рѣчамъ, къ мудрой бесѣдѣ его опытныхъ друзей.

«Какъ бы то ни было, съ изумительною живостью воскресаетъ передъ нами въ этомъ рисункѣ та простая, строгая, патріархальная школа, которую проходили великіе художники XVI-го вѣка. Могутъ ли соперничать съ нею наши современныя художественныя школы съ своимъ роскошнымъ аппаратомъ образцовъ и пособій, съ массою разнообразныхъ силъ, художественныхъ и учебныхъ, привлекаемыхъ къ преподаванію, съ ежегодно возрастающею

толпою своихъ учениковъ? Кто руководитъ этою массою учащихся, что согрѣваетъ ихъ душу, кто направляетъ и поддерживаетъ ихъ первые, колеблющіеся шаги на пути самостоятельнаго творчества? Сравните грустный разсказъ одного изъ нашихъ скульпторовъ о годахъ, проведенныхъ имъ въ академіи художествъ, съ краснорѣчивымъ рисункомъ Бачіо Бандинелли, и скажите, вправѣ ли мы гордиться нашими оффиціальными храмами художествъ!

«Искусство—цвѣтокъ прихотливый и нѣжный, и возрастить его въ тепличной атмосферѣ не удается. Ему нужно Божіе небо, трезвящая прохлада горныхъ вершинъ, свѣтъ и тепло неподдѣльнаго солнца. Можно придумать, можно устроить, можно купить преподаваніе техническихъ пріемовъ, необходимыхъ каждому искусству. Но воздѣйствіе творческаго духа великихъ художниковъ на зарождающіеся таланты не можетъ быть ни организовано, ни предписано; это—свободный процессъ, вытекающій изъ неуловимаго сродства духовныхъ складовъ и дарованій, это—таинство, совершающееся только силою любви.

«Въ цвѣтущія времена пластическихъ искусствъ, всякій именитый художникъ творилъ, окруженный толпою имъ избранныхъ, его избравшихъ учениковъ. Эти юноши составляли его семью, были свидѣтелями и участниками его трудовъ, постоянными его собесѣдниками. Подъ глазами мастера, при драгоцѣнной его помощи и словомъ и дѣломъ, возникали ихъ первыя творенія. Кромѣ наставленій учителя, они пользовались бесѣдою зрѣлыхъ людей мысли и слова, всегда группирующихся вокругъ выдающихся художественныхъ дѣятелей. Этимъ путемъ укрѣплялось, расширялось умственное развитіе, столь необходимое художнику, столь трудно достижимое для него путемъ школьнаго ученія, ибо времени на него мало за обязательнымъ упражненіемъ въ художественномъ дѣланіи. Ученики великаго мастера знакомились въ его мастерской съ выдающимися представителями общества духовнаго и свѣтскаго, съ корифеями иныхъ областей творчества, поэтами, музыкантами. Молодые ихъ годы озарялись отблескомъ той полной художественной жизни, коею жилъ ихъ учитель. Зарождающіеся таланты встрѣчали тонкихъ цѣнителей, могучихъ покровителей.

«И, что всего важнѣе, у нихъ на глазахъ совершалось художественное творчество учителя. Сокровенная суть этого творчества, конечно, ускользаетъ отъ всякаго наблюденія. Но въ искусствахъ пластическихъ, всякая стадія этого процесса воплощается въ видимыхъ твореніяхъ — эскизахъ, этюдахъ, постепенно совершающихся рисункахъ. При самомъ окончательномъ исполненіи, замыселъ художника очищается и преобразуется. Изъ всей этой видимой работы мастера чуткій ученикъ почерпаетъ безконечный рядъ незамѣнимыхъ поученій. А индивидуальная забота учителя о каждомъ изъ учениковъ? А указаніе, всякому въ отдѣльности, тѣхъ

работъ, которыя ему нужны для усовершенствованія его техники, для расширенія его художественнаго пониманія? А совѣтъ и помощь учителя при первыхъ шагахъ ученика въ области самостоятельнаго творчества?

«Но все это,—возразятъ мнѣ,—принадлежитъ далекому, невозвратному прошлому. Иныя времена, иныя нравы. Измѣнилось общественное положеніе художниковъ, измѣнились условія художественной дѣятельности. Современныя формы художественнаго образованія—единственныя возможныя въ нашъ вѣкъ широкой, поспѣшной дѣятельности по всѣмъ отраслямъ человѣческаго творчества. Ихъ постоянство, ихъ правильность, ихъ многосторонность—великій прогрессъ сравнительно съ случайными, часто односторонними формами, которыя принимало это преподаваніе во времена былыя».

«Не могу въ этомъ согласиться. Сущность искусства» [1])... и умственнаго творчества, и всякой духовной жизни—одна и вѣчна для всѣхъ временъ; и должна или она сохраниться при неправильныхъ, случайныхъ, индивидуализирующихся условіяхъ своего возрастанія, или эти условія должны стать правильными, для всѣхъ общими, размѣренными, и тогда исчезнетъ эта жизнь, они-же останутся существовать «an und für sich».

Вотъ антитеза, и яркое ея сознаніе чѣмъ далѣе будетъ расширяться и укрѣпляться, тѣмъ слабѣе будутъ становиться ветхіе, не питающіе корни, на которыхъ стоитъ безплодное дерево современнаго просвѣщенія. Не давая ни совершенной тѣни, ни совершеннаго свѣта, оно порождаетъ томительныя сумерки, въ которыхъ задыхается Европа, никогда еще не знавшая такого безплодія для своихъ творческихъ силъ, никнетъ христіанская жизнь, точно спрыснутая какою-то мертвою, отравляющею водою.

IX.

Въ приведенномъ, манящемъ образѣ конкретно и положительно выражено все, что было сказано мною отрицательно и абстрактно о принципахъ, залегшихъ въ систему новаго воспитанія. Можно сказать, что—это вздохъ, столько-же вызванный воспоминаніемъ о прошломъ, какъ и сознаніемъ гнетущей тяжести настоящаго. Въ немъ уже завиты всѣ мотивы, изъ которыхъ, какъ антитеза прежней, не питающей школы, могла-бы вырости и пышно расцвѣсти школа новая.

Свобода, прихотливая измѣнчивость формъ, тѣснота внутренняго общенія, всегда личнаго, никогда общаго; впечатлѣнія, тяну-

---

[1]) «Сельская школа». Сборникъ статей С. А. Рачинскаго. М. 1892 г. стр. 171—174.

щіяся, не прерываемыя, ложащіяся другъ возлѣ друга, повинуясь родству своему, а не удобству совмѣщенія во времени, наконецъ, «избранный учитель и свободно избравшій его ученикъ» въ непринужденной бесѣдѣ, никуда не торопящейся,—не это-ли разсвѣтъ просвѣщенія, новая юность его, которая возможна, которая ожидаетъ насъ?

Кто не припомнитъ правилъ ложно-классической школы, такъ строгихъ, такъ повидимому разсудительныхъ, которыя два вѣка держали въ своихъ холодныхъ оковахъ поэзію? и кто-же не вспомнитъ бурнаго взрыва истинной поэзіи, когда, съ паденіемъ этихъ правилъ, для нея, казалось, утратилась всякая форма и съ нею возможность какого-нибудь выраженія. Можно было подумать, что чудовища полѣзутъ изъ пропасти, куда свалились Буало, Лагарпъ; но изъ нея поднялись произрастанія такой свѣжести, силы, красоты, взглянувъ на которыя міръ тотчасъ понялъ, какъ уродливы были красивые боги, которымъ онъ покланялся дотолѣ.

Но то были боги, хотя и бездушные, но красивые; есть-ли даже эта красивость въ богахъ, которымъ мы покланяемся, которымъ мы не хотѣли-бы покланяться, но не можемъ, потому что они одни поднимаются передъ нами? Да и боги-ли это? Развѣ въ невыносимомъ стыдѣ они не слѣзаютъ сами поспѣшно съ высоты, не гасятъ курительницы, передъ ними поставленныя, и не прячутся въ толпу, ища и не находя, какъ и она, предмета для поклоненія. Въ такихъ сумеркахъ, когда небо не освѣщается ни солнцемъ, ни луной и звѣздами, чтобы ни произошло на землѣ, на ней не будетъ темнѣе.

Но мы думаемъ, что темнота эта временная; что это не послѣдняя, уже никогда не проходящая ночь, а лишь временное закрытіе свѣта «инымъ инороднымъ тѣломъ». Источники свѣта еще не погасли въ человѣчествѣ; но что они не могутъ прорваться, или если и прорываются, то лишь въ уродливомъ видѣ — это должно быть очевидно изъ всего, что было сказано выше о самыхъ условіяхъ этого прорыванія. Нѣтъ, не боги насъ оставили; но въ безумныхъ попыткахъ облегчить имъ рожденіе, мы со своимъ низменнымъ искусствомъ такъ затруднили это рожденіе, что вотъ уже не одно десятилѣтіе, оглядываясь во всѣ стороны, ни откуда не видимъ свѣтящейся, подымающейся головы, передъ которой съ благоговѣніемъ могли-бы снова зажечь погасшій ѳиміамъ.

X.

Въ рядѣ очерковъ, внушенныхъ скорѣе художественнымъ чувствомъ, нежели методическимъ размышленіемъ, г. Рачинскій указываетъ всю затруднительность этого духовнаго рожденія въ наше время; въ миніатюрномъ видѣ, въ сельской уединенной школѣ, онъ

практически пытается осуществить новыя и лучшія условія такого рожденія. Было-бы напрасно и ошибочно видѣть въ элементарномъ обученіи весь предметъ его размышленій и заботъ, хотя, повидимому, они относятся только къ нему. Но *методъ* отношенія этого всякій въ правѣ распространить на весь строй воспитанія, какъ элементарнаго, такъ и самаго высшаго; какъ, съ другой стороны, по отношенію собственно къ сельской школѣ, каждый-же можетъ, въ своей идеѣ, съузить или нѣсколько видоизмѣнить его требованія.

Прежде всего спросимъ: есть-ли нашъ сельскій не обученный людъ что-то совершенно не культурное, первобытное; или, напротивъ, онъ культуренъ и вовсе не первобытенъ? Его свѣдѣнія элементарны и не научны; къ тому-же они всѣ носятъ эмпирическій характеръ, и эмпирическій-же складъ носитъ его умъ, трудно поддающійся всякой попыткѣ вовлечь его въ продолжительное разсужденіе, въ послѣдовательное обдумываніе; далѣе наши живыя сокровища недоступны ему, и съ ними недоступны наука въ вѣковомъ своемъ богатствѣ, и родная литература; наконецъ, политическія страсти, которыя владѣютъ нами, его не занимаютъ. Но исчерпывается-ли этимъ понятіе культуры, и что такое вообще она?

Ближайшее и родственное съ этимъ понятіемъ есть понятіе «культа»: культура есть все, въ чемъ завитъ, скрытъ какой-нибудь культъ. Поэтому первобытный, элементарный человѣкъ есть не только тотъ, кто, озирая міръ новыми и изумленными глазами, ничего не различаетъ въ немъ и одинаково дивится солнцу и пылающему вдали костру, но и тотъ, кто всему переставъ изумляться, ко всему охладѣвъ, такъ-же, какъ и дикарь, только ощущаетъ свои потребности и удовлетворяетъ имъ. По духовному содержанію своему товарищъ Ромула и другъ Каракаллы одинаково были бѣдны и, слѣдовательно, безкультурны. Но тотчасъ, какъ человѣкъ отступаетъ отъ этой первобытной элементарности, и чѣмъ далѣе онъ отступаетъ, онъ становится культуренъ. Въ чемъ же выражается это отступаніе?

Въ томъ, что̀ противоположно элементарности,—въ *сложности*. Въ понятіи *культа* содержится внутренній, духовный смыслъ культуры; въ понятіи «сложности» содержится ея внѣшнее опредѣленіе. Культуренъ тотъ, кто не только носитъ въ себѣ какой-нибудь культъ, но кто и сло̀женъ, т. е. не простъ, не однообразенъ въ идеяхъ своихъ, въ чувствахъ, въ стремленіяхъ, — наконецъ, въ навыкахъ и всемъ складѣ жизни.

Дикарь, будетъ-ли онъ взятъ изъ ранней или слишкомъ поздней фазы развитія, не только не носитъ въ себѣ какого-нибудь культа, но онъ и простъ на всемъ протяженіи своего существа и во всѣхъ его направленіяхъ: потребность удовлетворить голодъ или защититься отъ стужи есть по существу своему одна потребность,— въ одинаковой степени настоятельная, къ одному направленная.

То же можно сказать и о всемъ прочемъ, чего желаетъ или за что берется дикарь.

Понятіе сложности настолько ясно, что не требуетъ какихъ-либо для себя разъясненій: напротивъ, болѣе внутреннее понятіе культа нуждается въ такомъ объясненіи.

Культъ есть внутреннее и особенное вниманіе къ чему-нибудь,—предпочтеніе нѣкотораго всему остальному. Дикарь, о которомъ сказали мы, что онъ на всю природу смотритъ равно изумленнымъ или, напротивъ, равно охладѣвшимъ взглядомъ,—не имѣетъ ни къ чему въ ней особеннаго предпочтенія; ни къ чему онъ не привязанъ, ничего горячѣе не любитъ. По отношенію къ внутреннему существу его всѣ предметы, большіе и малые, цѣнные и незначительные, равно удалены; т. е. для него нѣтъ, собственно, ничего цѣннаго, и въ этомъ именно заключается сущность его безкультурности.

Культура начинается тамъ, гдѣ начинается любовь, гдѣ возникаетъ привязанность; гдѣ взглядъ человѣка, неопредѣленно блуждавшій повсюду, на чемъ-нибудь останавливается, и уже не ищетъ отойти отъ него. Тотчасъ, какъ произошло это, является и внѣшнее выраженіе культуры, сложность: новыя и особыя чувства отличаются отъ прежнихъ, обыкновенныхъ. Они выдѣляются, образуютъ свѣжую и особенную вѣтвь въ духовномъ существѣ человѣка, ростъ которой обыкновенно сосредоточиваетъ въ себѣ все его дальнѣйшее развитіе, требуетъ всѣхъ его силъ.

Предметомъ культа можетъ быть все, въ мѣру духовныхъ даровъ того, въ комъ культъ. Имъ можетъ быть земля, съ любовью и вниманіемъ воздѣлываемая, когда человѣкъ смотритъ на нее какъ на «кормилицу» свою, дѣтей своихъ, своихъ предковъ; когда безплодіе ея онъ считаетъ себѣ «наказаніемъ Божіемъ»; и, напротивъ, человѣкъ дикъ, безкультуренъ относительно земли, когда поступаетъ съ ней, какъ хищникъ, ворующій ея дары и съ ними убѣгающій на другое поле, чтобы такъ же обокрасть и его, обезплодить и бросить. Предметомъ такого же различнаго отношенія можетъ быть домашній кровъ,—или гнѣздо, гдѣ человѣкъ выросъ, гдѣ схоронены ему близкіе, которое онъ увѣтъ, сбережетъ своимъ дѣтямъ; или помѣщеніе, гдѣ онъ находится до пріисканія другого, удобнѣйшаго. Свой край наконецъ, родина, суть болѣе обширные, но однородные съ этими предметы культа, особой любви. Но здѣсь повсюду ими служатъ собственно не эти предметы, а самъ человѣкъ и его ближніе; только черезъ себя и этихъ ближнихъ онъ любитъ ихъ, чтитъ, предпочитаетъ всѣмъ подобнымъ и даже лучшимъ, гдѣ нѣтъ этихъ ближнихъ. Есть иные предметы, чисто духовные, которые человѣкъ окружаетъ такъ же благоговѣніемъ, но уже не ради себя, но, напротивъ, себя оцѣниваетъ въ мѣру того, насколько онъ крѣпокъ имъ, преданъ. Это уже чрезмѣрно высокая степень духовнаго

развитія, поднявшись на которую человѣкъ разрываетъ со своей животностью. Ученый, въ нуждѣ, въ скитаніяхъ снискивающій себѣ пропитаніе и все-таки не оставляющій любимыхъ занятій, держащійся любимыхъ идей,—есть простой и ясный примѣръ подобнаго культа къ наукѣ. Джіордано Бруно, всходящій на костеръ за дорогую, открытую имъ истину, быть можетъ за заблужденіе своего ума,—вотъ высокій образецъ культа, къ какому способенъ подняться человѣкъ. Онъ можетъ ошибаться или быть правымъ; но и въ ошибкахъ, и въ правдѣ своей, чѣмъ бы и гдѣ, и когда онъ ни былъ, онъ—человѣкъ, дотолѣ и въ мѣру того, доколѣ любитъ, насколько чтитъ, преклоняется. Въ способности преклониться, понять иное неизмѣримо высшимъ, драгоцѣннѣйшимъ, чѣмъ онъ самъ,—есть совершенно исключительная особенность человѣка, высшее достоинство, красота его.

Въ этомъ точномъ значеніи культура есть синтезъ всего желаемаго въ исторіи: изъ нея ничто не исключается, въ нее одинаково входятъ религія, государство, искусство, семья, наконецъ, весь складъ жизни личной и общественной. Все это, насколько оно зиждется, возрастаетъ.—нанизаетъ на человѣка одну черту сложности за другой, обогащая его сердце, возвышая умъ, укрѣпляя волю. И, напротивъ, насколько это разрушается, съ человѣка сходитъ одна черта за другой, пока онъ не останется простъ, обнаженъ отъ всего, какъ тогда, когда вышелъ изъ лона природы.

Теперь, если мы примемъ это объясненіе культуры,—а другаго нѣтъ для нея по самому смыслу слова [1]),—то вопросъ, поставленный выше, получаетъ ясное разрѣшеніе: будучи чрезвычайно первобытенъ во всемъ второстепенномъ, нашъ простой народъ въ то же время во всемъ существенномъ, важномъ, высоко и строго культуренъ. Собственно,безкультурно то, что̀ вокругъ и его, среди чего онъ живетъ, трудится, рождается, умираетъ; но внутри себя, но онъ самъ, но его душа и жизнь—культурны. Въ этомъ отношеніи онъ составляетъ какъ-бы антитезу высшимъ классамъ, надъ нимъ лежащимъ, которые культурны въ подробностяхъ быта, во всемъ, что̀ окружаетъ ихъ, но не въ строѣ своемъ внутреннемъ и такъ же не въ существенныхъ моментахъ жизни. Можно сказать, и къ прискорбію уже давно, что рождается, думаетъ, чувствуетъ себя и другихъ, и наконецъ умираетъ человѣкъ высшихъ слоевъ, если не какъ животное, то нѣсколько близко къ этому; и только трудится онъ не только какъ человѣкъ, но и какъ человѣкъ усовершенствованный, искусно приподнятый на высоту. Напротивъ, грубый людъ нашъ, правда, трудится почти какъ животное, но онъ думаетъ, но

---

[1]) Colo—чту, *потомъ* воздѣлываю, обработываю, развиваю то, что̀ чту; отсюда—cultum.

онъ чувствуетъ, но онъ умираетъ какъ христіанинъ, т. е., какъ человѣкъ, стоящій на высшей, доступной степени просвѣщенія.

И только знаки, въ которыхъ выражается это у него и у высшихъ классовъ, различны: у послѣднихъ та доля культурности, какая есть, имѣетъ выраженіе отчетливое, можетъ быть всегда разсказана, объяснена: это потому, что она лично каждымъ усвоена и, будучи усвоена изъ книгъ, книжно же и передается, выражается. Напротивъ, у простого народа культура выражается въ рядѣ опрелѣленныхъ готовностей, навыковъ, потребностей. Она почти не выражается въ словѣ и не можетъ быть выражена, потому что не лично усвоена, не черезъ увѣщаніе или чтеніе, но передана безчисленнымъ рядомъ поколѣній, предшествующихъ каждому единичному поколѣнію, теперь живущему. Но и Бруно, всходя на костеръ и готовясь освѣтить міръ свѣтомъ своей личности, быть можетъ, не могъ бы отчетливо доказать, почему онъ это дѣлаетъ, а не бѣжитъ и не скрывается. Но теорема Эвклида, отчетливо пересказанная, въ смыслѣ просвѣщенія, для развитія человѣческой культуры была ли важнѣе, чѣмъ это неопредѣленное и смутное движеніе души, которое связало ему бѣгство и возвело его на костеръ. И такъ же точно, когда молча принималъ и всегда готовъ принять мученичество за вѣру простолюдинъ нашъ, когда онъ угрюмо не даетъ лѣкарю разрѣзать тѣло своего сосѣда для выясненія нужныхъ подробностей,—во всемъ этомъ, въ безчисленныхъ подобныхъ случаяхъ, молча сопротивляясь или твердо требуя, онъ высоко и строго культуренъ въ характерѣ, въ натурѣ, въ глубокомъ напряженіи своихъ страстей.

Отсюда ясна задача нашей элементарной школы: тотъ культъ, который несетъ уже въ себѣ темный людъ, прояснить и распространить—вотъ въ чемъ лежитъ ея смыслъ, ея особое, внутреннее оправданіе. Мы не сказали—*укрѣпить* этотъ культъ, потому что кровью своею народъ нашъ не однажды уже запечатлѣлъ эту крѣпость. Но столь преданный, но такъ любящій, онъ никогда не поднимался на сколько-нибудь достаточную высоту въ созерцаніи любимаго имъ. Можно сказать, что какъ нищій онъ стоялъ въ притворѣ храма и плакалъ, слыша едва доносящіеся до него отрывки пѣснопѣній и возгласовъ; и боролся, и защищалъ храмъ, и проливалъ кровь за его стѣнами, чтобы не вошли и не осквернили его враги, или чтобы криками и смятеніемъ они не прервали совершающееся въ немъ. По истинѣ эта вѣрность достойна, чтобы наградиться, достоинъ онъ и увидѣть, и понять таинственное въ немъ служеніе. Этою наградою за вѣрность и должна быть ему школа: около храма, около богослуженія, около религіи, она—лишь незначительная пристройка, внутренній притворъ, вводящій темную и любящую душу въ смыслъ того, что̀ она безотчетно любила и за что̀ страдала.

Такова задача школы культурной и исторической, въ противоположность анти-культурной и анти-исторической, какая установлена была у насъ людомъ, темнымъ въ смыслѣ просвѣщенія и въ путяхъ исторіи. Темны были въ просвѣщеніи эти люди, когда, набравъ немножко грамматики, немножко ариѳметики, прибавивъ къ этому кой-что изъ географіи и исторіи, думали, что съ четырьмя своими книжками они внесутъ что-нибудь въ душу, надъ изученіемъ богатствъ которой трудятся первоклассные ученые; темны они были въ путяхъ исторіи, когда думали, что во всемъ разучившійся и ничему не научившійся наемникъ, придя въ деревню съ этими книжками, можетъ начать въ ней новое просвѣщеніе. Мимо ихъ, этихъ наемниковъ, этихъ книжекъ проходили, какъ и прежде, слѣпцы, распѣвая чудный стихъ «Объ Алексѣѣ, Божіемъ человѣкѣ», къ которому прислушивался народъ; все такъ же всходило для него солнце, зеленѣлъ лѣсъ, колосилась нива и непосредственно впитывалось поученіе изъ этой лучезарной книги Божіей, какъ и изъ другой, посланной въ міръ «грѣшныя спасти»; и не могло этого поученія погасить слабое, гніющее зерно, праздно брошенное на землю мимо идущимъ человѣкомъ.

Собственно, что все это—такъ, это давно уже и всѣми понимается, кто хоть когда-нибудь, хоть что-нибудь можетъ понять. Но при вѣрности основнаго взгляда на элементарную школу, въ подробностяхъ и способахъ его примѣненія можетъ быть сдѣлано много ошибокъ. Эти ошибки тотчасъ явятся при усиліяхъ, при напряженіи его провести, при страхѣ, что завтра не можетъ быть сдѣлано то, что не сдѣлалось сегодня. Тогда сейчасъ пойдутъ бѣдственныя программы, циркулирующіе приказы, торопящіеся ревизоры, и весь гамъ и соръ административной техники, услышавъ который, ощутя вокругъ непотребное, священникъ закроетъ Евангеліе и народъ выйдетъ изъ храма. Великая тайна всякаго истиннаго ученія состоитъ въ томъ, что оно совершается лишь въ тайнѣ; что, какъ и все сокровенное, глубокое—оно хоронится отъ всего, что не вытекаетъ вотъ изъ этого слова, которое я говорю, и изъ этого вниманія, которое для меня открыто. Есть силы естественныя, есть онѣ во всякой исторіи, при всякой культурѣ, которыя нить исторіи, черту культуры доведутъ до конца, куда нужно, если только дѣйствуютъ безъ вмѣшательства. Различать присутствіе такихъ силъ и удалять съ пути ихъ препятствія—есть собственно все, что можетъ государство, по самой своей сущности чрезвычайно ограниченное въ способностяхъ созиданія. Есть эти силы и для школы, это—силы церкви и всѣхъ, кто слушая изъ-за ограды ея ученіе—болѣе всего его любитъ. Нельзя довѣрять слѣпому вести зрячаго, нужно имѣть довѣріе, что зрячій различитъ пути и не останется на мѣстѣ; не нужно къ церкви приставлять стражей, чтобы она, почти два тысячелѣтія учительная, возростив-

шая въ ученіи своемъ весь христіанскій міръ, не упустила какихъ-нибудь подробностей, въ которыхъ однѣхъ могутъ что-нибудь понимать эти приставленники. Стоя внѣ школы и часто внѣ церкви по духу, будучи темны въ смыслѣ всякаго просвѣщенія, эти приставленники около церковнаго ученія уподобились-бы рачительнымъ и недалекихъ слугамъ, которые въ заботахъ, чтобы домъ былъ натопленъ, все время черезъ отворенную дверь слѣдили-бы за пылающимъ въ немъ огнемъ. Что огонь можетъ временами меркнуть, что онъ можетъ мѣстами совсѣмъ погаснуть,— это несомнѣнно; и тамъ, гдѣ это случится, тотчасъ войдутъ въ силу и въ прежнее значеніе всѣ тѣ непосредственныя созерцанія, о которыхъ мы сказали, что они всюду и всегда есть и что они высоко воспитательны. Съ этими одними созерцаніями народъ нашъ вышелъ изъ-подъ крѣпостнаго права, и вышелъ такимъ, какимъ, къ прискорбію, мы его уже не вводимъ въ школу. Итакъ, излишне малодушіе въ заботахъ и эта дробная суетливость въ величавомъ теченіи исторіи. Безспорно, во многихъ мѣстахъ и часто ученіе книжное будетъ пренебрежено; и не всегда по лѣности, чаще по недосугу и отсутствію умѣлости. Ихъ устранить [1])—вотъ здѣсь и выступаетъ задача государства, ему посильная, для него должная. Но даже и при этомъ пособіи много будетъ не додѣлано, и нужно имѣть силы перенести это; какъ переносилось-же самимъ государствомъ и обществомъ калѣченіе души народной черезъ школу, откуда былъ изгнанъ языкъ церкви, Псалтирь и всѣ учительныя книги Ветхаго Завѣта [2])

---

[1]) Это можетъ быть легко устроено черезъ простое перемѣщеніе суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе учительскихъ семинарій и институтовъ, съ ихъ сборными программами «de omne re scibili»—въ семинаріи и академіи духовныя на учрежденіе въ нихъ каѳедръ педагогики,—это съ одной стороны, и на увеличеніе штатовъ при сельскихъ и городскихъ церквахъ—съ другой. Нужно не разбрасывать, не дробить государству свои силы, бросаясь во всѣ стороны и нигдѣ не добѣгая до цѣли; но, соединяя эти силы въ немногихъ направленіяхъ, доходить въ нихъ до конца опредѣленнаго и осмысленнаго.

[2]) «Относительно сельскихъ школъ, стоитъ только заглянуть въ *Каталогъ книгъ для употребленія въ сельскихъ школахъ*, изданный министерствомъ нар. пр. въ 1875 г. (вышло-ли теперь, въ 1881 г., новое изданіе—мнѣ неизвѣстно, во всякомъ случаѣ по школамъ оно не разослано). Слѣдуетъ замѣтить, что всякая книга, не входящая въ этотъ каталогъ (распадающійся на списки книгъ, рекомендованныхъ, одобренныхъ и допущенныхъ), безусловно запрещена. Повѣритъ-ли мнѣ читатель, если я скажу ему, что въ этомъ каталогѣ не значится ни Часослова, ни Псалтири, ни Ветхаго Завѣта! *Новый* Завѣтъ—«одобренъ», но не «рекомендованъ»...

«Всякому, конечно, извѣстно, что безъ Часослова и Псалтири сельская школа у насъ немыслима, что Ветхій Завѣтъ во всякой школѣ необходимъ. Тѣмъ не менѣе, употребленіе этихъ книгъ въ школахъ оказывается «безусловно запрещеннымъ» со стороны министерства». См. «*Сельския школа*», сборникъ статей С. А. Рачинскаго, съ предисловіемъ И. Горбова М. 1892. Эта *памятная страничка*, безъ сомнѣнія имѣющая войти въ исторію нашего

Именно калѣченія уже никогда и нигдѣ не произойдетъ при передачѣ школы въ вѣдѣніе церкви, и если мѣстами на нивѣ, ею засѣваемой, останутся прогалины, мѣстами-же поднимутся и пышныя произрастанія. Но подымутся при условіи полной свободы, при индивидуализмѣ соотношеній между учащимъ и учащимся. Невозможно, не слѣдуетъ установлять «отъ сихъ до сихъ» программы: не приподнявъ худое, она закроетъ ростъ доброму. Пусть неумѣлый учитъ наименьшему, ненужно ради того, чтобы искусственно вытянуть его плохую работу и сдѣлать ее совсѣмъ дырявой, предписывать и даровитому только «среднее». Но разъ въ исторіи, въ ея изгибѣ, уже сказалось усиліе къ просвѣщенію, гдѣ можно и сколько можетъ—оно будетъ. Потому что то оживленіе, которое хотѣли-бы торопливо предписывать, оно изъ глубинъ исторіи идетъ и уже конечно чувствуется всѣми, кому хотятъ предписывать. Нужно довѣриться этому темному оживленію, нельзя надъ стражами поставить стражей и ожидать, что пока они смотрятъ другъ на друга и на нихъ всѣхъ—со страхомъ пастухи, драгоцѣнныя овцы разбѣгутся и расхитятся.

Въ неуловимомъ складѣ языка, въ тамъ и здѣсь брошенномъ замѣчаніи, книга, по которой совершается ученіе, налагаетъ неизгладимую печать на душу (не умъ только) учащагося. Эту особенность можетъ понять только художникъ слова или историкъ, она останется навсегда темной для всякаго другого, и здѣсь лежитъ объясненіе, почему просвѣщеніе, попавъ въ несоотвѣтствующія руки, стало повсюду совершаться черезъ ежегодно выдѣлываемыя вновь руководства, при полномъ забвеніи древнихъ учительныхъ книгъ. Чтобы не быть голословнымъ, предложу сравнить слѣдующіе отрывки:

«Смертью соперниковъ вражда не прекратилась. Борьбу продолжали ихъ преемники: съ одной стороны братъ Димитрія—Александръ, съ другой братъ Юрія—Іоаннъ Даніловичъ Калита (т. е. мѣшокъ съ деньгами). Александръ получилъ отъ хана ярлыкъ на великое княженіе; но вскорѣ навлекъ на себя гнѣвъ по слѣдующему случаю. Въ Тверь пріѣхалъ изъ орды посолъ Чолханъ (или Щелканъ, какъ его называлъ русскій народъ). Татары, составляющіе его многочисленную свиту, по обыкновенію позволяли себѣ дѣлать гражданамъ разныя обиды и насилія. Тверитяне, подстрекаемые самимъ княземъ, подняли мятежъ, напали на посольскую свиту, зажгли домъ, въ которомъ она оборонялась, и татары погибли въ пламени. Калита ловко воспользовался гнѣвомъ Узбека, чтобы унизить своего соперника; ханъ далъ ему большое войско

просвѣщенія, была прочитана мною на страницахъ «Руси», еще на студенческой скамьѣ, и я тогда же (это было около 1-го марта) ужаснулся и изумился прочитанному.

и поручилъ наказать мятежниковъ. Тверское княжество подверглось сильному опустошенію. Александръ удалился въ Псковъ; великокняжескій титулъ перешелъ къ Іоанну Московскому». (Учебникъ русской исторіи»; курсъ старшаго возраста. Составилъ Д. Иловайскій Изданіе двадцатое, стр. 83).

Событіе, разсказанное здѣсь языкомъ, которымъ составляются «мелкія извѣстія» въ газетахъ, скользко и легко проходитъ въ память учащагося—что одно и требуется отъ учебника, не оставляя въ душѣ его никакого впечатлѣнія, чего и не требуется по программѣ. Но вотъ событіе, не имѣющее никакого значенія политическаго, и потому не имѣющее когда-либо войти въ какую-либо программу, но которое нашелъ нужнымъ подобрать и помѣстить въ свое «краткое описаніе» русской исторіи его неизвѣстный составитель XVIII вѣка:

«О семъ, яко не благослови Самодержцу Россійскому Роману Владимірскій епископъ греческаго закона воевати съ христіаны кромѣ благословныя вины.

«Лѣта отъ Рождества Христова 1205, Великій князь Романъ, пристяжавъ себѣ самодержавіе Россійское, посла съ дарами къ епископу Владимірскому, прося благословенія на зачатіе войны противу короля Польскаго Лешка. Но епископъ оный отрече, и не благослови его на сіе дѣло, глаголя: «яко не подобаетъ благословляти христіаномъ на христіанъ войны начинати, кромѣ благословныя вины». По семъ Великій князь и Самодержецъ Романъ животъ смертію премѣни военною и погребенъ бысть во Владимірѣ Волынскомъ честно». («Синопсисъ или краткое описаніе отъ различныхъ лѣтописцевъ, о началѣ славянскаго народа». Въ пользу любителямъ исторіи пятымъ тисненіемъ изданное. Спб. 1762, стр. 111—112).

Это впечатлѣніе воспитательно, и кромѣ того оно чрезвычайно полно въ историческомъ отношеніи, т. е. о многомъ не упоминая, памятно говоритъ. Здѣсь нѣтъ такъ называемой «Куликовской битвы»—ея и не было, она выдумана въ учебникахъ: есть соотвѣтствующій событію разсказъ «О горькомъ и престрашномъ часѣ въ немъ же множество созданія Божія смертную испи на брани чашу» (стр. 159 и слѣд.). И, прочитавъ его, становится понятно, почему Карамзинъ, выучившись безъ программъ по этимъ «Синопсисамъ», забился на нѣсколько лѣтъ въ русскую исторію; какъ, съ другой стороны, понятно же становится, почему, приготовившись къ программѣ по Иловайскому, читатели двадцати его изданій уже никогда болѣе не раскроютъ ни одной книги по русской исторіи. Непобѣдимо, безъ разсужденій, безъ доказательствъ, здѣсь дѣйствуетъ художественный и нравственный инстинктъ, который и состовилъ то маленькое «опущенное обстоятельство», которое не были никогда не будетъ принято во вниманіе при составленіи «плановъ» и выдѣлкѣ по нимъ «учебниковъ».

Мы опредѣлили выше понятіе «культуры» какъ наростанія въ человѣкѣ чувствъ уваженія, любви къ чему-нибудь. Сводя къ этому коренному понятію цѣли воспитанія, мы можемъ опредѣлить учебникъ, какъ такую переработку всякаго матеріала, при которой отъ послѣдняго отдѣляется и удаляется все культурное, развивающее любовь и уваженіе. Слѣдующее краткое сравненіе снова убѣдитъ въ этомъ каждаго.

«Митрополитъ Алексѣй, по словамъ преданія, пріобрѣлъ благоговѣніе въ Ордѣ слѣдующимъ образомъ. Тайдула, жена хана Чалибека, была больна глазами. «Мы слышали», писалъ ханъ къ великому князю, «что небо (?) ни въ чемъ не отказываетъ молитвамъ главнаго попа вашего; да испроситъ онъ здравіе моей супругѣ». Алексѣй отправился въ Орду и излѣчилъ ханшу. Вскорѣ потомъ свирѣпый Бардибекъ, умертвивъ отца и братьевъ, воцарился въ Ордѣ и началъ грозить нашествіемъ русскимъ землямъ. По просьбѣ Іоанна II, митрополитъ Алексѣй опять отправился въ Орду и при помощи своей покровительницы Тайдулы, матери Бардибека, укротилъ злобу хана. Алексѣй, подобно своимъ предшественникамъ, выхлопоталъ отъ хана ярлыкъ, которымъ подтверждались льготы русскаго духовенства, т. е. освобожденіе его имѣній отъ татарскихъ даней и поборовъ». (Иловайскій, тамъ же, стр. 85).

Какъ всякій живо чувствуетъ, это изложеніе факта совершенно не культурно. Здѣсь Алексѣй—только Алексѣй, не святитель и не чудотворецъ, а только два раза митрополитъ. Вотъ образецъ изложенія строго культурнаго:

«Великій благовѣрный Князь Димитрій Ивановичъ Московскій, услышавъ, яко идетъ на него безбожный Царь татарскій Мамай со многими силами, неуклонно яряся на вѣру Христову и народъ христіанскій (ревную погибшему Батыю, скверному прародителю своему) опечалился вельми. И вставъ, иде предъ икону Христа, Спасителя міру, и падъ на колѣна нача со слезами молитися: да проститъ милостивый Богъ грѣхи его и избавитъ землю Россійскую отъ безбожнаго Мамая. По молитвѣ же воздвигся, скоро посла по брата своего, князя Владиміра, къ Боровску, и по вся князи, боляре и воеводы. Князь же Владиміръ пріиде въ Москву вскорѣ; и видѣвъ Великій Князь Димитрій брата своего, извѣсти ему скорбь свою отъ нахожденія поганыхъ. Князь же Владиміръ, соболѣзнуя толикой скорби, отвѣща Великому Князю, утѣшая его глаголя: *на Господа возверзи печаль свою и Той тя препитаетъ*, намъ же, Государю, лучше есть честную смерть подъяти, нежели срамотенъ животъ видѣти». Тогда Князь великій Димитрій, поемъ брата своего, пойде къ преосвященному митрополиту Кипріану, извѣсти ему настоящую бѣду, яко безбожный царь Мамай идетъ на Россію. Митрополитъ же отвѣща ему, глаголя: «Божіимъ то попущеніемъ грѣхъ ради нашихъ возста на ны нечестивый онъ царь;

ты же, Государю, потщися прежде послати къ нему дары, и тѣмъ гнѣвъ его укроти, негли смирится и не пойдетъ земли нашея пустошити. Аще же того ради не смирится, то Господь самъ, ими же вѣсть судьбами, смиритъ его, яко *Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать*. Тако бо и св. Василій Великій сотвори иногда,ославъ дары законопреступнику Юліану, хотящу градъ его раззорити, да утолится отъ ярости своя. Но егда отступникъ онъ не преста отъ погибельныя ярости своея, абіе самъ Господь Богъ на отмщеніе толикаго неблагодарствія, посла воина своего, святаго мученика Меркурія, да убіетъ гонителя невидимо. еже и сбысться». Великій князь Димитрій, повинуяся совѣту митрополитову, избраннаго и благоразумнаго отъ предстоящихъ своихъ, именемъ Захарію Тутчева, посла со многими дарами къ Мамаю». («Синопсисъ», стр. 121—123).

Эти слова писалъ человѣкъ высоко культурный, т. е. любящій Бога, сострадавшій родной исторіи, чтущій князей своихъ и потому только различавшій всѣ лица; и все это невольно впитывается, усвояется читателю, насколько онъ не обдѣленъ природнымъ умомъ и сердцемъ; какъ, наоборотъ, ничего не впитывается изъ ранѣе приведенной страницы учебника, по ней *не образуется* человѣкъ. Это-то *необразовательное*, *анти-культурное* значеніе всякой учебной переработки и нужно держать въ умѣ постоянно какъ при оцѣнкѣ текущихъ фактовъ, такъ и при мысли объ ихъ исправленіи.

XI.

Въ древнихъ книгахъ, въ большомъ и маломъ объемѣ («Синопсисъ» заключаетъ въ себѣ 224 стр., учебникъ г. Иловайскаго—397 стр.), по всѣмъ, строго необходимымъ для крестьянскаго воспитанія предметамъ даны свѣдѣнія въ формѣ, не дисгармонирующей съ содержаніемъ. Этой дисгармоніи нельзя вносить, не нарушая смысла въ самомъ предметѣ, цѣлесообразности въ преподаваніи его, значенія во всей школѣ. Итакъ, если отъ бѣдственной идеи учебныхъ программъ еще нельзя скоро освободиться по силѣ предразсудка, нужно по крайней мѣрѣ отнять въ нихъ зло эгоистическаго самоволія: ихъ нельзя абстрактно составлять и вызывать ими развратную литературу «руководствъ»; но, поработавъ надъ старыми книгами, избравъ изъ сокровищъ воспитанія, въ нихъ содержащагося, наилучшее—слѣдуетъ примѣнительно къ этому наилучшему, обнимая его составить программы. Это, конечно, никогда не будетъ сдѣлано (за недостаткомъ свѣдѣній и по отсутствію вкуса) тѣми безкультурными руками, въ которыхъ находится, пока, народное просвѣщеніе; но это только возвращаетъ насъ къ необходимости передать все дѣло народнаго воспитанія въ руки церкви. Она одна знающа, свѣдующа, вѣрующа въ культуру и народную, зачатки которой положила и можетъ же возрастить ихъ до высоты.

Великая заслуга г. Рачинскаго заключается въ томъ, что онъ имѣлъ силы довѣриться болѣе своему художественному чувству въ дѣлѣ воспитанія, нежели всей въ немъ текущей дѣйствительности, и на основаніи перваго предпринять критику второй. Онъ непреодолимо ощутилъ то духовное обезображеніе, которому подвергается посредствомъ начальной свѣтской школы ребенокъ изъ семьи съ древнимъ церковнымъ строемъ, — и какъ простаго дополненія и развитія этого строя, какъ естественной элементарной школы для народа нашего, потребовалъ школы церковной. Высокое, европейское образованіе, какимъ обладалъ онъ уже ранѣе, и притомъ не имѣвшее ничего общаго съ Церковью, налегло на это требованіе всею своею тяжестью и придало ему вѣсъ, какого, конечно, не имѣли свѣтскія требованія бюрократическихъ сферъ, опирающихся только на уваженіе къ этому же образованію, но нѣсколько издали питаемое, а не внутренно носимое. Но, сдѣлавъ это главное дѣло, г. Рачинскій, думается, не достаточно еще строгъ въ проведеніи его подробностей; типъ рисующейся ему школы не совершенно выдержанъ въ своемъ единствѣ: въ немъ есть легкія дисгармонирующія черты.

Въ одномъ мѣстѣ, касаясь отношенія нашей новой литературы къ сельской школѣ, онъ замѣчаетъ, что всѣ произведенія въ ней послѣ Гоголя почему-то неусвоимы, непонятны для крестьянскихъ дѣтей [1]); кажется, онъ хочетъ сказать, что они антипатичны имъ. И, въ то же время, ими легко и радостно усваиваются произведенія до-Гоголевскаго періода съ Пушкинымъ въ центрѣ, съ «Ундиной» Жуковскаго, «Семейной хроникой» Аксакова (по *духу* — она при-

[1]) «Сохраняю постоянныя сношенія съ бывшими учениками моей школы. Они гостятъ въ ней подолгу на Святкахъ, проводятъ со мною цѣлые дни передъ праздниками. Имѣю случай много читать съ ними, много говорить съ ними о томъ, что они читаютъ. Что же дѣлать, если вся наша поддѣльная народная литература претитъ имъ, и мы должны обращаться къ литературѣ настоящей, неподдѣльной? Если при этомъ оказывается, что Некрасовъ и Островскій имъ въ горло не лѣзутъ, а слѣдятъ они съ замираніемъ сердца за терзаніями Брута, за гибелью Коріолана? Если Мильтоновскій сатана имъ понятнѣе Павла Ивановича Чичикова? *(Потерянаго рая* я не думалъ заводить, они сами притащили его въ школу*)*. Если *Записки Охотника*, этотъ перлъ Гоголевскаго періода, по прозрачной красотѣ формы принадлежащій Пушкинскому, оставляетъ ихъ равнодушными, а *Ундина* Жуковскаго съ первыхъ стиховъ овладѣваетъ ими? Если имъ легче проникнуть съ Гомеромъ въ греческій Олимпъ, чѣмъ съ Гоголемъ въ бытъ петербургскихъ чиновниковъ... Но ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ обаяніемъ, которое производятъ творенія Пушкина, начиная съ его сказокъ и кончая *Борисомъ Годуновымъ*. Когда я еще не приступалъ къ занятіямъ въ школѣ, я думалъ, что знаю Пушкина и умѣю его цѣнить,—я ошибался. Узналъ я его только теперь. Этотъ свѣтлый, реальный міръ, который меня окружаетъ, міръ бодрой вѣры и трезваго смиренія, міръ духовной жажды и здраваго смысла — этотъ міръ столь новый и какъ будто давно знакомый—это *его* міръ съ ранняго дѣтства, плѣнившій и манившій насъ. Онъ *его* пѣвецъ, онъ *его* пророкъ»... *С. А. Рачинскій* «Сельская школа», стр. 52—53. Слова и наблюденія эти очень значущи.

надлежитъ, безъ сомнѣнія, къ Пушкинскому циклу). Причина этой антипатіи, конечно, лежитъ въ душевномъ складѣ простого народа, чуждаго озлобленія, осужденія, которымъ дышетъ наша литература отъ Гоголя и до текущихъ дней. «Свѣтлому, реальному» созерцанію этого народа, его «міру бодрой вѣры и трезваго смиренія» гораздо болѣе отвѣчаетъ поэзія Пушкина, именно таковая по своему духу. Итакъ, гармонирующія и дисгармонирующія черты здѣсь ясны; но и Пушкинъ (развѣ за исключеніемъ очень немногаго въ его произведеніяхъ) не будетъ ли въ дисгармоніи съ духовнымъ складомъ народа, разъ отъ элементарныхъ завитковъ онъ будетъ черезъ церковную школу подниматься выше и выше въ своемъ развитіи? Дисгармонія, не ощущаемая теперь, пока, — не окажется ли въ вершинахъ? и если да, если это возможно,—нужны ли залоги ея уже въ элементахъ, при основаніи? Но если это — только еще сомнительно, то несомнѣнно должны быть удалены изъ элементарной школы тѣ «начатки міровѣдѣнія», какіе обычно сообщаются при началѣ курса географіи (въ средней школѣ на первомъ же урокѣ ея перваго класса). Есть нѣчто развращающее въ этомъ сообщеніи, и, дѣлая его въ теченіе десяти лѣтъ, пишущій настоящія строки чувствовалъ это всякій разъ. Есть тутъ недостатокъ благоговѣйной памяти къ трудамъ Коперника и Кеплера, есть страшное насиліе надъ дѣтскимъ воображеніемъ, насильственное вталкиваніе въ него свѣдѣнія, *для насъ* любопытнаго, но въ немъ ни на что не отвѣчающаго, ни съ чѣмъ не гармонирующаго, и, если вдуматься строже, ничего неправильнаго въ его созерцаніи не поправляющаго. Вѣдь не ошибается же ѣдущій въ поѣздѣ изъ Нижняго въ Москву, думая и говоря, что онъ движется на западъ, хотя, въ смыслѣ абсолютнаго движенія, онъ съ чрезвычайной быстротой мчится на востокъ. Именно это только правильное утвержденіе дѣлаетъ и простолюдинъ, думая и говоря, что земля неподвижна—не относительно созвѣздія Козерога или Сиріуса, чего онъ не знаетъ и о чемъ не говоритъ, а относительно его самого, поля, лѣса, города, этихъ плывущихъ облаковъ и тверди небесной, по которой они плывутъ. И такъ же точно говоря, какъ, что солнце восходитъ, онъ ничего другого не говоритъ, что оно становится ближе къ зениту, выше по дугѣ, соединяющей этотъ зенитъ съ горизонтомъ — что правильно и не нуждается въ опроверженіяхъ. Итакъ, въ его твердомъ созерцаніи все покоится, и никто не оцѣнилъ еще важности этого покоя, для устойчивости воображенія, мысли—всего душевнаго строя. Механики и психологи говорятъ, что и всѣ мы не могли бы сдѣлать даже малѣйшаго движенія, еслибы ежеминутно вмѣстѣ съ относительнымъ движеніемъ представляли себѣ и абсолютное; и только при психически необходимой ошибкѣ, при представленіи въ каждый моментъ всего, кромѣ себя, въ покоѣ, — можемъ двигаться. Но если для особыхъ цѣлей научнаго знанія намъ иногда необходимо *вспоми-*

нать и объ абсолютномъ движеніи, этого воспоминанія незачѣмъ навязывать, внѣ всякихъ цѣлей и необходимости простолюдину.

И вообще нужно строго различать, такъ сказать, категоріи, ряды знаній, и не мѣшать ихъ, навязывая, какъ засохшіе цвѣты на молодое дерево, всѣ безъ различія на юную, ростущую душу. Обходимся же мы въ своемъ созерцаніи безъ всякаго нравственнаго центра, безъ единой абсолютной скрѣпы, и выносимъ этотъ хаосъ сцѣпленныхъ и кружащихся «относительностей», хотя онъ не отвѣчаетъ дѣйствительной и полной правдѣ. Но мы предпочли правду для глазъ своихъ, для ушей, для ощущенія—правдѣ своей совѣсти, своей души; будемъ же благодарить Бога, что не всѣ таковы, какъ мы, что во многомъ ошибаясь глазами и ушами есть люди, не ошибающіеся умомъ и сердцемъ. Будемъ хранить ихъ особую и высокую правду, не мѣшая къ ней нашей, относительной и низшей.

Въ той культурѣ, о которой говоримъ мы, всѣ истины, все цѣнное—суть нравственнаго, идеальнаго порядка; къ этому же порядку должны принадлежать и всѣ истины, сообщаемыя юнымъ душамъ этой культуры черезъ школу. Ихъ, этихъ истинъ, необозримое множество: эта культура не только необъятно богата, но она и возвышенна, утончена, чрезвычайно благородна. Намъ, въ нашемъ представленіи, школа рисуется здѣсь почти неотдѣленной отъ семьи: только слишкомъ немногое изъ этой культуры можетъ быть сообщено дѣтямъ, можетъ быть усвоено ими; самыя глубокія ея сокровища, самые цѣнные дары не усвоимы безъ опыта сердца, безъ испытаній, безъ углубленія во «вся сладкая и горькая» жизни. И здѣсь выступаетъ требованіе второй и не менѣе значущей пристройки къ храму сверхъ школы, *церковнаго книгохранилища* — не для потребностей клира, но для насыщенія духовной жажды «міра». Это—уже почти ученое собраніе памятниковъ церковной и исторической жизни, углубленіе въ которое—безъ участія школы, но при ея содужествѣ—возведетъ свободно каждый любознательный умъ на такія ступени просвѣщенія, на которыхъ стояли лучшіе представители старыхъ поколѣній. Тѣ фоліанты, о которыхъ мы упомянули ранѣе, что при сборныхъ программахъ изъ всѣхъ культуръ на нихъ можно только взглянуть,—при строгомъ воспитаніи въ единой культурѣ могутъ быть прочитаны, какъ его завершеніе, какъ въ нее углубленіе [1]).

И если, все-таки, въ комъ-нибудь пробудилось бы желаніе переступить за грани этой культуры, свобода выхода изъ нея, конечно, должна быть предоставлена каждому. Но въ этомъ пере-

[1]) Мнѣ извѣстенъ одинъ случай, когда крестьянинъ (его дѣдъ и, кажется, родители были старовѣры) грамотный, но не прошедшій даже и элементарной школы, зналъ въ подробностяхъ всю литературу русской исторіи и отдавалъ преимущество Соловьеву передъ Карамзинымъ, котораго не любилъ.

ходѣ не было бы и тѣни того насилія и безсознательной, какой-то звѣриной, хитрости, съ которой черезъ школу, черезъ театръ, черезъ всѣ впечатлѣнія изъ міра иной культуры мы уворовываемъ у народа его душу, какъ-будто завистливые къ ней съ тѣхъ поръ, какъ въ насъ самихъ ея осталось такъ мало. Въ концѣ концовъ, возведеніе человѣка, всѣхъ группъ его, на степень сознательности и свободы—есть задача исторіи, и къ ней же должна стремиться школа. Сознательность эта должна состоять въ свободномъ окидываніи умственнымъ взоромъ разныхъ міровъ, въ полномъ отчетѣ себѣ, что именно оставляешь и чего ищешь, когда переходишь изъ одного въ другой. Эта свобода возможна и для народа нашего, и первая ступень къ ней—углубленіе въ свой собственный міръ, его живое ощущеніе и ясное пониманіе. И если, имѣя это послѣднее, онъ все-таки ощутитъ себя неудовлетвореннымъ, перемѣна, которая произойдетъ въ немъ, будетъ плодомъ *его* собственнаго усилія, а не усилія *надъ нимъ* другого.

Намъ остается сказать еще немного словъ о той второй половинѣ жизни народной, о которой при самомъ началѣ мы замѣтили, что она первобытна: о экстенсивныхъ формахъ труда и также быта. Но здѣсь мы входимъ въ кругъ такихъ неуловимыхъ и трудныхъ соотношеній, которыя еще никогда и никѣмъ не были разобраны. Намъ думается, что все въ исторіи и въ каждой ея фазѣ бываетъ соединено неразрывною связью, все закономѣрно въ ней, и экстенсивность внѣшняго строя неотдѣлима отъ интенсивности строя внутренняго. Такъ бываетъ всегда, и никогда мы не наблюдали, чтобы съ чрезвычайнымъ вниманіемъ, устремленнымъ на весь внѣшній обиходъ жизни, соединялось у кого-нибудь и нераздѣльное вниманіе къ требованіямъ своей совѣсти, прислушиваніе къ внутренней жизни. И то, что справедливо относительно единичныхъ лицъ, мы думаемъ, справедливо и относительно широкихъ массъ. Только цѣной потери внутренней культуры можетъ быть пріобрѣтена культура внѣшняя, только переставъ любить и понимать что-нибудь за предѣлами своего огорода, нашъ крестьянинъ начнетъ воздѣлывать его, какъ нѣмецъ или французъ. Но отъ этого жаднаго выбиранія изъ земли плодовъ ея, мы думаемъ, онъ невольно перейдетъ къ желанію какъ можно меньше дѣлиться ими; изъ-за формъ интенсивнаго труда намъ видится форма *интенсивной*, не плодящейся *семьи*. Отъ нея уже одинъ шагъ до «*интенсивнаго человѣчества*», до тайнаго, невысказаннаго желанія Мальтуса, —объ удаленіи лишнихъ ртовъ человѣчества. Все въ исторіи сцѣплено одно съ другимъ, и кто рубитъ дерево, не будетъ сидѣть подъ его тѣнью. Итакъ, мы думаемъ, что достаточно, если одна половина христіанскаго міра отдала дары своего первородства за чечевичную похлебку; у насъ-же пусть лучше останется мякинный хлѣбъ и христіанство. Вѣдь несомнѣнно, что ихъ именно созна-

тельно и твердо избираетъ и желалъ-бы покончить на вѣки этотъ вопросъ народъ нашъ. Не будемъ-же опять лукаво подходить къ нему, чтобы, оставивъ ему тлѣнныя вещи, которыя и намъ не нужны, украсть у него нетлѣнное сокровище. Оставимъ ему его общину, холщевую самодѣльную рубаху, и дадимъ, чего онъ въ правѣ требовать и мы не въ правѣ отказать, три десятины на душу. А затѣмъ, сколько сами въ силахъ, уже войдя въ формы интенсивной культуры, задѣнемъ плугомъ и его землю и особенно какъ-нибудь оградимъ ее отъ всякихъ случайныхъ невзгодъ. Кажется, хоть и не безъ исключеній, но вообще мы склонны къ этому; думается—потому именно, что чечевичная похлебка намъ и самимъ не особенно нравится.

XII.

Человѣку, такъ заблудившемуся въ путяхъ исторіи, такъ затрудненному, христіанство, какъ мудрая и молчаливая дѣва, даетъ только свѣтильникъ, ничего не говоря объ опасностяхъ и трудностяхъ пути, какія его ожидаютъ. Тотъ иной міръ, къ которому мы переходимъ,—міръ точнаго знанія, новой культуры, похожъ на болтливаго, но забывчиваго человѣка, который на вопросъ заблудившагося о предстоящемъ пути точно и обстоятельно описываетъ окрестности, говоритъ, въ какихъ направленіяхъ и далеко-ли лежатъ камни и рытвины, но затѣмъ оставляетъ его въ темнотѣ, полагаясь на его память.

Какъ-бы то ни было, принявъ, что путь однихъ освѣщенъ и твердъ, мы должны принять и тотъ другой фактъ, что путь другихъ теменъ и только обогащенъ свѣдѣніями. Изъ разнообразія этихъ свѣдѣній, какъ ихъ коренной черты, и изъ необходимости имъ довѣриться, потому что больше нечего дѣлать, должны исходить здѣсь и всѣ попытки двинуться впередъ.

Того яснаго и твердаго отвѣта, какой имѣетъ для себя вопросъ о типѣ элементарной школы, вовсе не имѣетъ для себя вопросъ о школѣ средней. Правда, онъ разрѣшенъ практически, но такъ, какъ задача о квадратурѣ круга рѣшена учеными, населяющими Бедламъ. Плоды, ею даваемые, несмотря на долгое питаніе горькимъ корнемъ, оказываются, къ удивленію, такъ-же горьки. Ихъ никто не хочетъ; государство, церковь, общество, наука, литература, наконецъ, сама школа съ ея представителями, одинаково въ страхѣ отъ ужасающей «интеллигенціи», которая ничего не понимаетъ, ни къ чему не привязана, ничего не чтитъ, и, поѣдая все кругомъ, не думаетъ о завтрашнемъ днѣ, когда ей самой придется умереть съ голода.

Здѣсь рѣшеніе можетъ быть только фрагментарное; могутъ быть указаны нѣкоторыя направленія, куда слѣдуетъ стремиться, отъ чего убѣгать. Но точные способы этого достигнуть, но ясная форма основного типа школъ—вотъ что темно, какъ и всѣ вопросы въ

томъ обществѣ, для котораго существеннымъ образомъ предназначается самый типъ этой школы.

Нѣтъ въ немъ, въ этой вершинѣ, растущей въ иномъ направленіи. чѣмъ росъ тысячелѣтній стволъ, такой твердой цѣли существованія, какая есть въ низинахъ народныхъ, нѣтъ окончательной убѣжденности, что «иное направленіе» будетъ всегда сохранено; какъ нѣтъ и увѣренности. что оно возвратится къ прежнему, потерянному направленію. Этотъ скептицизмъ, это «невѣдѣніе путей» не можетъ не отражаться и на выборѣ имъ типа своей школы, т. е. уже перваго движенія по которому-нибудь пути.

При подобныхъ условіяхъ, при этой темнотѣ сознанія въ нѣдрахъ, откуда исходятъ усилія къ просвѣщенію,—скорѣе всего изъ идеи самаго просвѣщенія должно исходить опредѣленіе типа школы. Когда немощна почва, должно помочь небо. Есть условія, есть элементы, при нарушеніи которыхъ просвѣщеніе — не есть уже просвѣщеніе и не можетъ быть желательно ни для кого. ни для какихъ людскихъ массъ, будутъ-ли онѣ вѣрующи или скептичны, вѣрны завѣтамъ *опредѣленной* исторіи или идутъ противъ нихъ.

Невѣрны *всякой* исторіи люди не могутъ быть. и въ концѣ концовъ понятіе о культурѣ, какое развито было выше, обнимаетъ собою всѣ формы скептицизма Какъ-бы далеко послѣдній ни простирался, онъ не можетъ отвергать, что все-таки задачей просвѣщенія можетъ быть только выработка въ подрастающихъ поколѣніяхъ какого нибудь культа, т е. преданности, любви, вѣрности— безъ опредѣленія, чему именно (здѣсь вступаетъ въ свою силу скептицизмъ), и что, слѣдовательно, школа должна быть зиждительна въ отношеніи этихъ чувствъ, а не разрушительна къ нимъ, какъ это есть во всей Европѣ.

И тотчасъ. какъ признанъ за ней этотъ зиждительный характеръ, *условія образованія этихъ сторонъ души становятся неизбѣжно опредѣлителями самаго типа школы.* Впечатлѣнія должны быть удлиненными, по возможности менѣе прерываемыми, они должны быть гармоничны другъ другу, т. е. идти отъ одной какой-нибудь исторической культуры, а не отъ разныхъ, развивавшихся по закону антагонизма, единичные предметы, отъ которыхъ идутъ эти впечатлѣнія, должны быть воспитательны, т е носить на себѣ живыя черты культуры, а не лишены ихъ, наконецъ, самый способъ передачи ихъ долженъ по возможности согласоваться съ наиболѣе яркими, сильными задатками въ воспитываемомъ и съ наиболѣе живыми, дѣятельными способностями воспитывающаго, т. е. онъ долженъ быть индивидуаленъ.

Хоть нѣсколько, хоть очень медленно вытягивать школу по направленію къ этимъ нормамъ ея—есть все, что можетъ практическая дѣятельность. И здѣсь государство, по отсутствію въ немъ самомъ живыхъ ключей образовательнаго характера, должно обра-

титься къ ихъ отысканію въ другихъ историческихъ силахъ Семья, церковь, ученые, наконецъ единичныя личности съ особымъ, яркимъ призваніемъ къ воспитанію — вотъ все, чѣмъ оно обладаетъ, что болѣе его свѣдуще въ темномъ мірѣ законовъ образованія человѣческой души что *его собственныхъ цѣлей можетъ достигнуть лучше* [1]), нежели оно само при самомъ яркомъ отвлеченномъ ихъ сознаніи, при самыхъ напряженныхъ усиліяхъ достигнуть ихъ.

Трудно представить себѣ, до какой степени всѣ указанныя силы, всѣ эти элементы исторически растущаго общества обезси-

---

[1]) Никто не обращалъ на это вниманія, но это фактъ любопытный, что политическая струйка, которая всегда такъ билась и бьется среди учениковъ средней школы, не находитъ въ ней совершенно почвы для себя разъ она *руководится частнымъ лицомъ* Статистическія розысканія, гдѣ слѣдуетъ и кому слѣдуетъ, могли-бы открыть глаза на эту печальную для государства истину, я же приведу здѣсь ея объясненіе Насколько мнѣ пришлось испытать и наблюдать (а мои наблюденія были очень близки и довольно обширны), біеніе струйки этой всегда восходитъ, какъ къ своему первому источнику, къ чисто ученическому раздраженію противъ преподавателей или кого-нибудь изъ нихъ При отсутствіи индивидуализма отношеній между учениками и учителемъ, личность ученика, при соблюденіи всѣхъ должныхъ формъ, если и не оскорбляется, то какъ-то отвергается преподавателемъ, и притомъ въ лучшихъ чертахъ своихъ,—что послѣ горечи порождаетъ раздраженіе — Это раздраженіе, обобщаясь и обезличиваясь, переходитъ съ человѣка на учрежденіе. и, *передвигаясь отъ послѣдняго по сценамъ бюрократическаго механизма*, доходитъ до источника всѣхъ ихъ—*государства* Въ 13—14 лѣтъ ученикъ раздраженъ двумя-тремя учителями, въ 15 — 16 раздраженъ заведеніемъ, котораго они являются членами, въ 17—19 въ немъ есть уже озлобленность противъ государства, котораго одинъ органъ такъ дразнитъ, такъ мучитъ его умъ и сердце Въ частномъ учебномъ заведеніи, за отсутствіемъ всѣхъ этихъ соединяющихъ звеньевъ. *за его изолированностью отъ государства*, всякое раздраженіе *не можетъ перестушить за его стѣны*, не обращается ни на что далѣе лежащее. Даже болѣе: въ случаѣ чрезвычайныхъ причинъ для такого раздраженія (т е если учебное заведеніе очень дурно), невольно пробуждается мысль, что «все ило-бы лучше, если-бы было въ рукахъ государства, если бы послѣднее обуздывало частный произволъ». т. е. возникаетъ смутная, безотчетная къ нему привязанность. надежда на него. Но мы взяли прямо злоупотребленіе, при нормальномъ-же положеніи частное учебное заведеніе всегда неизмѣримо оживленнѣе внутри (индивидуализмъ отношеній), нежели казенное заведеніе, всегда почти мертвенное внутри; и вся энергія индивидуальныхъ силъ, не сдавленная общностью формъ, уходитъ на эту жизнь Здѣсь государство не упоминается, объ немъ не думается; просто всѣ обращены къ ближайшимъ предметамъ своихъ занятій, игръ, забавъ,—т е именно тѣмъ и такъ, чѣмъ и какъ никогда невозможно принудить заниматься учениковъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ въ отношеніи политическомъ тѣ и другія можно сравнить съ отношеніемъ къ какому-нибудь эпидемическому заболѣванію двухъ мѣстностей, изъ которыхъ одна обставлена бдительными докторами, но почва ея въ высшей степени пропитана дурными миазмами, вода отравлена, питаніе не свѣже; и доктора, не помогая ни въ чемъ, только научно констатируютъ смертность. Другая-же мѣстность, правда, лишена докторовъ, не имѣетъ медикаментовъ, но, будучи совершенно здорова по условіямъ, и не нуждается въ нихъ. *Хочешь ли сберечь юношество для государства, береги его дальше отъ государства* — это правило, конечно, не административной техники, но политической мудрости

лѣли, стали скудны именно потому, что ихъ главная функція давно уже отправляется не ими. Сосцы обсохли, истощены, потому что дитя отнято отъ нихъ и нѣтъ къ нимъ притока живительнаго молока. Семья, дѣти которой, вдали отъ нея, апатично отвѣчаютъ внѣшними лишь формами своей души на внѣшнія-же и общія требованія имъ чуждыхъ людей, становится безжизненна, пуста [1]); она такъ-же глохнетъ въ своей поэзіи, какъ глохнетъ въ индивидуализмѣ своемъ свѣжій міръ, ею порожденный. Дѣти облагораживаютъ семью; безъ нихъ, давая имъ лишь помѣщеніе и столъ, въ старшихъ членахъ своихъ она невольно, неудержимо обращается къ грубымъ, внѣшнимъ удовольствіямъ; она перестаетъ быть семьей въ истинномъ, христіанскомъ значеніи и становится лишь дружескимъ сожительствомъ. Всѣ обращены въ ней лицомъ къ предмету своихъ особыхъ заботъ, ушли въ свой отдѣльный міръ, и другъ на друга лишь временно оглядываются, когда имѣютъ въ этомъ нужду. Быть можетъ, заботы эти и поучительны, онѣ во всякомъ случаѣ полезны, и, что касается до дѣтей, ежечасно обогащаютъ ихъ свѣдѣніями; но кто-же оцѣнилъ, кто отвергнулъ, найдя ихъ меньшими, тѣ непередаваемыя, часто безмолвныя и неизгладимыя впечатлѣнія, которыя проходятъ здѣсь между матерью и сыномъ, сестрой и братомъ,—кто, вынеся какъ соръ эти впечатлѣнія за дверь, сказалъ, что больше ихъ значитъ хронологія Пелопоннезской войны?

Здѣсь мы опять возвращаемся къ принципу непосредственныхъ созерцаній, которыхъ цѣна забыта, которыя во всѣхъ видахъ изгнаны и, будучи замѣнены впечатлѣніями книжными, породили ту тусклость характеровъ, тотъ недостатокъ волевой и нравственной энергіи въ подростающихъ поколѣніяхъ, на который всѣ сѣтуютъ, источника-же его не понимаютъ.

Но мы говоримъ здѣсь не о питаемыхъ, а объ истощеніи и увяданіи великихъ питающихъ институтовъ въ исторически развившемся обществѣ. На ряду съ семьей, этому истощенію подвергается и церковь, которая принимаетъ и нарекаетъ имя христіанину, провожаетъ его въ землю, зовется имъ время отъ времени

---

[1]) Будучи еще студентомъ, мнѣ приходилось часто бывать въ одномъ рѣдко благовоспитанномъ семействѣ, вставая изъ-за вечерняго чая, хозяйка дома замѣтила мнѣ однажды: «вотъ и опять я останусь одна»; на мое недоумѣніе, она сказала: «я только и имѣю радость видѣть мужа и дѣтей (студентъ и два гимназиста) во время обѣда и чая, все остальное время дня я провожу одна». Съ тѣхъ поръ я сталъ наблюдать за этой стороной нашей жизни, дѣйствительно, только малолѣтние, до 8-лѣтняго возраста, составляютъ теперь дѣятельныхъ и чувствуемыхъ членовъ семьи, они подростаютъ—и родители остаются совершенно одни. Думается, что отвратительное развитіе клубной жизни, желаніе старшихъ—куда нибудь ѣхать, съ кѣмъ-нибудь сѣсть за карты и пр., не безъ связи съ этимъ видоизмѣненіемъ въ характерѣ семьи, какое произведено государственнымъ обученіемъ.

въ нуждѣ, но остается вдали отъ него въ теченіе всей жизни потому въ особенности, что не согрѣла и не освѣтила его дѣтства и отрочества Именно въ этомъ возрастѣ. отъ восьми (время поступленія въ приготовительный классъ) до тринадцати лѣтъ, онъ уже знаетъ церковь только оффиціально, когда ему на нее указываютъ и насколько указываютъ. У него нѣтъ своего, мѣстнаго священника, который былъ-бы также и священникомъ его сестры и матери, котораго онъ привыкъ-бы видѣть у себя на дому съ образомъ служащимъ молебенъ или всенощную въ памятные семейные дни. Мало-по-малу семья, раздвоенная времяпровожденіемъ. имѣя разные приходы, не сливается тѣсно ни съ однимъ и отвыкаетъ отъ церкви. Эта отвыклость, современемъ, переходитъ въ простое ощущеніе неловкости при всякомъ входѣ священника въ домъ,—въ неловкость отъ незнанія, что и какъ ему сказать, нужно-ли подойти подъ благословеніе, и пр. Такъ образуется не невѣрующее наше общество,—сказать это, значило-бы грубо ошибиться [1]); но общество. страшно уединенное отъ своей церкви и, если не считать полузабытыхъ книжекъ, вполнѣ ее невѣдущее. Въ свою очередь церковь, оставленная высшимъ обществомъ, имѣя живую и постоянную связь лишь съ мало обученнымъ людомъ, становится робка, не увѣрена въ своихъ дѣйствіяхъ и хоть съ болью, но тамъ и здѣсь поступается для нея должнымъ и ей должнымъ [2]).

Лишенныя своихъ естественныхъ и самыхъ высокихъ обязанностей, которыя для лучшаго ихъ исполненія приняты на себя

---

[1]) И въ самомъ дѣлѣ, если-бы даже очень большія выгоды были соединены съ *выходомъ* изъ своей церкви и принятіемъ, напр., магометанства, безъ сомнѣнія, русскій образованный человѣкъ. всегда лишь кощунствовавшій надъ своей церковью, *ни за что-бы этого не сдѣлалъ*; и ни за что, несмотря ни на какія предстоящія выгоды, не оставилъ-бы своего ребенка некрещенымъ, хотя-бы всю жизнь и надъ всѣми таинствами только глумился. Въ рѣчи, въ словахъ, русскій человѣкъ гораздо хуже, чѣмъ онъ есть въ сердцѣ, въ умѣ своемъ; и даже нерѣдко онъ циникъ въ словахъ только потому, что боится обнаружить свой внутренній идеализмъ. Пустымъ. безсодержательнымъ — а только такой человѣкъ можетъ быть *въ самомъ ядрѣ своемъ* безрелигіозенъ—русскій народъ никогда не былъ и *не будетъ* даже въ вѣтвяхъ своихъ. каковою является такъ называемое «образованное общество»

[2]) Года три назадъ, если не ошибаюсь харьковскимъ городскимъ головой составленъ былъ умный проектъ преобразованія нашего городскаго самоуправленія, гдѣ какъ на *избирающую единицу* было указано на церковный приходъ. Ясно для всякаго, что это есть единственно нормальное городское устройство, при которомъ «мѣстныя власти» будутъ властвовать не надъ населеніемъ и помимо его интересовъ, а *изъ* населенія и *по* его нуждамъ. Никто не отозвался въ печати на это предложеніе, кромѣ «Вѣстника Европы», отозвавшагося очень тревожно такъ устроить управленіе, высказался онъ, значило-бы отстранить отъ него евреевъ, которые такіе-же граждане. какъ и всѣ, и такъ-же платятъ налоги. Такимъ образомъ православная церковь въ своихъ естественныхъ, историческихъ правахъ руководить жизнью массъ менѣе выражена и защищена въ нашей прессѣ, нежели пришлое вмѣшательство въ эту жизнь нехристіанскихъ элементовъ.

другимъ институтомъ, семья и церковь непобѣдимо погружаются въ тѣ обязанности, какія имъ оставлены—внѣшнія и матеріальныя. Формализмъ и грубость овладѣваютъ ими. Но было-бы глубокимъ заблужденіемъ думать, что эта грубость и этотъ формализмъ сколько-нибудь искупаются дѣйствительно лучшимъ исполненіемъ взятыхъ на себя обязанностей со стороны государства: въ дѣлѣ формы это, конечно, такъ; но со стороны содержанія выполняются-ли они сколько-нибудь,—на это отвѣтомъ служитъ отсутствіе какого-либо культа къ семьѣ и къ церкви во всей массѣ общества, прошедшаго черезъ государственную школу.

Такимъ образомъ недостатки семьи и церкви суть факты, вытекшіе отъ изъятія у нихъ воспитанія и обученія, а не предшествующіе этому изъятію, порожденные имъ, а не его породившіе.

Это тотчасъ даетъ указаніе на первую практическую обязанность, которая можетъ и должна быть выполнена средней школой: на передачу той части воспитанія, которая, войдя въ ея вѣдѣніе, носитъ характеръ элементарный, въ руки семьи и церкви. Имъ, а не государственной школѣ, долженъ быть предоставленъ по крайней мѣрѣ отроческій возрастъ, отъ 8 до 12—13 лѣтъ. Его воспитаніе есть долгъ семьи, забота прихода; и нельзя, не развращая ихъ, снимать съ нихъ этотъ долгъ.

Отказъ отъ воспитанія въ этомъ раннемъ возрастѣ, при сохраненіи всѣхъ прочихъ условій и требованій, тотчасъ привелъ бы къ замѣнѣ многолюдныхъ, дурно обучающихъ и совсѣмъ не воспитывающихъ [1]) младшихъ классовъ средней школы множествомъ маленькихъ подготовительныхъ школокъ съ частной иниціативой, близко стоящихъ къ семьѣ и всего лучше поручаемыхъ руководству мѣстнаго священника. Но здѣсь, соотвѣтственно совершенно особымъ требованіямъ средней школы, о которыхъ будетъ сказано ниже, его роль была-бы уже не самостоятельная и культурно-созидательная, какъ въ церковной сельской школѣ, но подчиненная и пассивная [2]). Его призваніе къ дѣятельности здѣсь не имѣетъ дру-

---

[1]) А отсутствіе воспитанія въ такомъ раннемъ возрастѣ почти равняется развращенію. Какъ это извѣстно всякому, годы отъ 9 до 13, проводимые въ гимназіи, суть годы перваго ознакомленія ребенка со всякими дурными навыками и часто—усвоенія ихъ. Огромная и разнородная толпа сверстниковъ съ цѣлаго города, куда мальчикъ или дѣвочка попадаютъ безъ всякаго посредствующаго перехода изъ тѣснаго круга семьи или ближней околицы, въ высшей степени этому способствуетъ. Какъ общій законъ воспитанія, можно-бы установить правило, что *послѣ семьи ребенокъ долженъ переходить въ то, что наиболѣе походитъ на семью и близко къ той, изъ которой онъ вышелъ*. Удовлетворяющимъ требованіямъ этимъ мы и считаемъ церковный приходъ.

[2]) Священникъ прихода есть естественный посредникъ между семьей и обширной городской школой, куда онъ приготовляетъ и сдаетъ дѣтей своихъ прихожанъ—вотъ наша простая мысль. При этомъ установленіи посредствующаго звена, большая и оффиціальная школа тотчасъ потеряла-бы свой издали грозящій смыслъ для множества темнаго люда, изъ котораго часто и выходятъ даровитыя натуры.

гой задачи, кромѣ какъ удержаніе отрочества вблизи семьи и церкви.

Впрочемъ, не будучи культурно созидательными по содержанію, но усвоиваемымъ черезъ нихъ свѣдѣніямъ, эти маленькія школки будутъ культурны по методамъ усвоенія индивидуализмъ отношеній, не столь торопливо смѣняющихся впечатлѣнія, это будетъ здѣсь само собою соблюдено. И если не будетъ достигнута однородность свѣдѣній, то лишь въ зависимости отъ существующихъ требованій собственно средней школы, къ которой мы и переходимъ

XIII.

Говоря объ образованіи, мы здѣсь не говоримъ о немъ съ точки зрѣнія личнаго убѣжденія. Не идеалъ—каковъ бы долженъ быть человѣкъ, къ чему бы онъ долженъ стремиться, руководитъ нами; но только мысль, какъ бы сдѣлать, чтобы, стремясь ко всякимъ цѣлямъ, будучи тѣмъ или другимъ въ своемъ духовномъ образѣ, онъ былъ въ чертахъ этого образа наиболѣе совершененъ, въ стремленіи—наиболѣе благороденъ и силенъ.

Конечно одну изъ всѣхъ культуръ мы предпочитаемъ остальнымъ и думаемъ что совпадаемъ въ этомъ предпочтеніи съ теченіемъ исторіи. Но знаемъ такъ же, что такого предпочтенія нѣтъ въ образованномъ обществѣ Европы, что, выйдя изъ строгихъ чертъ какой-либо культуры, оно несетъ въ нѣдрахъ своихъ только разбитые осколки всѣхъ. Собрать сколько-нибудь эти осколки въ цѣлое, возстановить силу и красоту человѣка, въ чемъ бы ни проявлялась она,—вотъ все, что побуждаетъ насъ писать эти строки.

Итакъ, мы должны исходить изъ того безспорнаго факта, что единой культуры, единаго, передъ чѣмъ преклонился бы человѣкъ,—нѣтъ теперь. Есть три и совершенно разнородные, проникнутые антагонизмомъ, культа, куда человѣкъ хотѣлъ бы нести въ жертву свои духовные дары, куда онъ несетъ ихъ, но спотыкаясь и растеривая почти все по дорогѣ, едва доноситъ что-нибудь до цѣли это—культъ античной цивилизаціи; христіанскаго спиритуализма, и точныхъ, внѣшнихъ познаній человѣка о себѣ и о природѣ

Удерживаясь отъ личныхъ предпочтеній, мы должны сказать, что въ каждомъ изъ этихъ культовъ скрыто столько неизъяснимой красоты, человѣкъ въ вѣковыхъ усиліяхъ выразить ясно и твердо свой образъ достигъ такого совершенства въ его чертахъ, что каждый, кто любитъ его, — уже зараженъ сомнѣніемъ· каковъ же долженъ быть окончательный человѣческій ликъ? Не можетъ онъ благоговѣйно не преклониться передъ каждымъ изъ этихъ трехъ, хотя они взаимно и отрицаютъ другъ друга: изъ этого отрицанія

въ исторіи они возникли порознь. Дика, груба мысль, что нужно ихъ смѣшать, и тогда выйдетъ лучшая красота: смѣшать выходящую изъ морской пѣны Аѳродиту, смѣющимся взглядомъ влекущую за собою народы, съ ликомъ «скорой Заступницы» сирыхъ, гноящихся въ нуждѣ людей,—нѣтъ, съ этой мыслью подходить къ образованію и своими дѣтскими, неумѣлыми рученками его строить... procul profanum vulgus. не съ такой душой браться за такое дѣло'

Итакъ. исходя изъ скептицизма. какимъ проникнуть преходящій фазисъ нашей исторіи. для этого преходящаго фазиса должна быть предоставлена свобода выразиться каждому изъ трехъ названныхъ культовъ въ типѣ школы. ему соотвѣтствующемъ. Безъ отрицанія. безъ какого-либо антагонизма—потому что это недопустимо для школы--пусть каждый типъ развиваетъ какъ-бы уединясь въ исторіи свое исключительное. одностороннее. но и прекрасное утвержденіе; пусть она раститъ въ воспитываемомъ поколѣніи, до времени какъ бы скрывая отъ него существованіе «иныхъ боговъ». поклоненіе хоть и не высшему. не истинному. но для него пока «единому вѣдомому» Богу; чтобы. укрѣпившись въ любви, отдавъ свои силы на служеніе одному. ученикъ и на другое. что потомъ могъ бы свободно избрать. перенесъ то же глубокое чувство. ту же нерастерянную способность цѣльной любви.

И это тотчасъ возвращаетъ насъ къ требованію передать среднее воспитаніе (мало-по-малу и осторожно) въ руки людей частью съ особымъ. яркимъ признаніемъ къ воспитанію, частью безъ такого призванія. но съ великимъ интересомъ. любовью, культомъ къ которой-нибудь изъ трехъ пережитыхъ человѣчествомъ эпохъ. Мы понимаемъ и соглашаемся. что невозможно государству, уже православному, уже монархическому. создать питомникъ чистаго культа древности: но, какъ и въ православномъ и въ монархическомъ государствѣ могъ свободно жить и пѣть свои пѣсни поэтъ-носитель этого культа, безъ какой-либо необходимости за каждой пѣснью перелагать псаломъ,—такъ точно, безъ нарушенія какихъ-либо «ненарушимостей», другой носитель подобнаго культа, ученый, можетъ, собравъ вокругъ себя учениковъ, избравъ себѣ подготовляющихъ помощниковъ, начать питать и растить въ этихъ ученикахъ этотъ культъ. безъ того, чтобы гомеровская рапсодія заключалась страницей изъ катехизиса. Все, что неразрѣшимо теперь. что извращено до неузнаваемости требованіями оффиціальнаго декорума, само собою разрѣшится и станетъ въ норму, какъ только устранится этотъ декорумъ: въ центрѣ школы станетъ дѣйствительно знатокъ и любитель древности, а не искусникъ въ тайнахъ канцелярскихъ происковъ, какъ теперь почти повсюду, почти всегда; онъ не изберетъ себѣ въ помощники людей холодныхъ къ предмету, несвѣдущихъ въ немъ, какъ посылаются таковые безъ выбора,

безъ предварительной пробы теперь [1]) на четверть-вѣковое мученичество и мучительство. И это ли одно что удержитъ въ школѣ неспособнаго, апатичнаго? какъ не удержится въ ней даровитый, ярко загорѣвшійся къ наукѣ? какая душа не возрастетъ въ полноту своихъ силъ? въ какую нераздвигающуюся душу будутъ съ усиліемъ надувать воздухъ, чтобы она тоже зачѣмъ то, куда-то летѣла, когда ей можетъ быть такъ хорошо на землѣ? По истинѣ, тотъ яркій и благородный свѣтъ, который такъ прекрасно, такъ надолго освѣтилъ человѣчество въ эпоху Возрожденія, онъ сталъ бы снова возможенъ, онъ загорѣлся бы и на нашемъ сѣверѣ, если бы только къ возженію его были допущены зажигальщики по природѣ, а не

---

[1]) Всего любопытнѣе, что оффиціальный декорумъ грубо неискусенъ даже въ томъ, что можно назвать административной техникой: въ созданіи такихъ общихъ условій, норимъ, при которыхъ индивидуальная дѣятельность была бы наилучшею. Всѣ сѣтуютъ, отъ верху до низу, что нѣтъ искусныхъ учителей въ нашихъ гимназіяхъ, что именно въ этомъ таится весь корень зла въ нихъ. Но что же сдѣлано, чтобы они были? или изъ сдѣланнаго, что этому способствуетъ? Принимаются *лучшіе кандидаты* университетовъ, въ увѣренности, что они будутъ и наилучшими учителями въ элементарномъ и среднемъ обученіи. Печальное, грубое заблужденіе, выросшее на почвѣ администраціи, которая все рѣшаетъ по дипломамъ, обо всемъ умозаключаетъ по занумерованнымъ бумагамъ. Какой дипломъ могъ бы имъ представить Кантъ, который послѣ многихъ лѣтъ педагогической дѣятельности съ грустью записываетъ у себя въ записной книжкѣ: «*никогда не прилагалось къ обученію лучшихъ правилъ, чѣмъ какія прилагалъ я, но никогда не было худшей и менѣе успѣшной въ этомъ обученіи практики, чѣмъ моя*» Но, внѣ всякихъ мыслей объ этомъ частномъ, поразительномъ примѣрѣ, можно указать двѣ психическія черты, которыя, въ высшей степени способствуя *научности*, совершенно препятствуютъ педагогичности, это—быстрота ума, *стремительность соображенія* и слишкомъ живая *впечатлительность*. При этихъ дарахъ человѣкъ превосходенъ у себя, въ ученомъ кабинетѣ, и невозможенъ въ классѣ: онъ будетъ вѣчно утроплять учениковъ, давать имъ объясненія, къ ихъ возрасту непримѣненныя, съ медленностью «средняго соображенія» не согласованныя.—и вѣчно же будетъ раздраженъ этимъ среднимъ соображеніемъ. Не лучшіе, но именно болѣе вялые питомцы университетовъ, тихіе бѣгуны на всѣхъ поприщахъ и во всѣхъ задачахъ, дѣлаются лучшими преподавателями, терпѣливыми, методическими въ объясненіяхъ, истинно полезными и чтимыми отъ учениковъ. Напротивъ, сколько-нибудь научно-даровитый человѣкъ, съ поджигающимъ огонькомъ внутри, съ міромъ своихъ особыхъ заботъ и вопросовъ, быть можетъ, будучи кой для кого полезенъ, для массы учениковъ является несноснымъ, безполезнымъ и, въ концѣ концовъ, этою массою ненавидимымъ учителемъ. Образованіе при университетахъ курсовъ практической педагогики, возстановленіе напр при Московскомъ столь славнаго нѣкогда *Университетскаго благороднаго пансіона* и учрежденіе при другихъ университетахъ подобныхъ же учрежденій, конечно, должно бы составить первую заботу нашего министерства народнаго просвѣщенія. Къ сожалѣнію, это самонужнѣйшее дѣло не могло бы наростить никакого номера въ серіяхъ текущихъ дѣлъ, а это нарощеніе, занумеровываніе всѣ новыхъ неспособныхъ учителей, всѣ новыхъ мало къ чему пригодныхъ гимназій, и ростъ, все ростъ статистическихъ цифръ обратились въ какую-то кантовскую «вещь въ себѣ», которая, лежа по ту сторону этого міра, имѣетъ гораздо большее значеніе, нежели всѣ вещи здѣшняго міра, чѣмъ эти преходящіе «феномены», живые люди, и притомъ маленькіе.

призваны темные науки, обреченные на одно,—чтобы, снуя туда и сюда, ткать пыльную паутину въ неосвѣщенныхъ углахъ.

Но благодать родящей политической мысли давно покинула народы Запада, и съ ними насъ, оставивъ на мѣстѣ своемъ лишь мокрый и влажный слѣдъ, все умерщвляющую плѣсень административной техники, не видящей, разслабленной, всему безсильной помѣшать и ничего не призванной передать. То, что достижимо было при легкомъ и дальнозоркомъ руководствѣ, что призвало бы на государство неисчислимыя благословенія и покрыло бы его немеркнущей въ исторіи славой,—и не достигнуто, и вызывало безчисленныя сѣтованія, и явилось въ судьбѣ народовъ примѣромъ смѣшныхъ и ложныхъ потугъ на невозможное рожденіе вслѣдствіе того только, что руководство замѣнено было недовѣрчивымъ дѣланіемъ, и созерцаніе историческихъ далей — боязливымъ оглядываніемъ вокругъ.

Такъ-ли совершенно невозможна передача въ частныя руки средней школы? Уже мы имѣемъ теперь примѣры, что, основываемая и руководимая частными людьми, *но въ формѣ предустановленной для всѣхъ и слѣдовательно безличной*, она приноситъ плоды, неизмѣримо болѣе доброкачественные, нежели та же школа, руководимая оффиціальнымъ людомъ: въ ней первой интересъ къ классическому міру возросъ настолько, что стало возможно, напр., сценическое возсозданіе греческой трагедіи. Ясно для всякаго, что высокое развитіе этого интереса возможно было только при условіи, чтобы оффиціальный, блюдущій міръ закрылъ глаза на нѣкоторые недочеты по другимъ, съ классическимъ міромъ ничего общаго не имѣющимъ, предметамъ. Нельзя-ли еще увеличить это смеженіе глазъ? нельзя-ли къ передачѣ въ частныя руки вотъ этой опредѣленной школы передать въ нихъ-же и нѣкоторую долю права переиначить то или иное въ общей для всѣхъ, безличной формѣ, созданной для сѣвера и юга, для Азіи и Европы? И такимъ образомъ мало-по-малу, съ великой бережливостью, смотря на все, какъ на пока еще временный опытъ, выходить болѣе и болѣе изъ роли неумѣлаго дѣлателя, чтобы принять на себя болѣе высокую и соотвѣтствующую задачу мудраго руководителя. Благодареніе Богу, ученики Креймана, Поливанова, Гуревича не пошли на штурмъ Петропавловской крѣпости: они пошли, чтобы представить на сценѣ Софокла, приникли къ Карамзину и Пушкину, полюбили, наконецъ, исторію. Итакъ, опытъ сдѣланъ, и его сладкій плодъ для всѣхъ сторонъ вкусенъ; что-же мѣшаетъ растить его далѣе, еще тучнѣе удобрять для него почву, открывать ему просторъ и свѣтлую лазурь неба? Вѣдь это-же ничего не стоитъ? Не вмѣшиваясь руками, оставьте свой блюдущій взоръ сперва надъ тѣмъ, что лишь повторяетъ дѣло вашихъ рукъ, потомъ надъ легкими видоизмѣненіями этого дѣла, и далѣе, далѣе, до тѣхъ поръ, пока, видя, что расту-

щее дерево есть дерево добра, а не зла, отведете сами этотъ взоръ на стороны болѣе нужныя и приложите сильныя руки къ задачамъ соотвѣтствующимъ.

Только при этомъ условіи школа и станетъ источникомъ культа; взросшія въ ней поколѣнія будутъ выходить на широкую арену жизни съ любовью, съ уваженіемъ къ нѣкоторому, и слѣдовательно со способностью любви и уваженія ко всему. Исчезнетъ это несчастное «*общее* образованіе»,—*ни въ чемъ* образованіе, ибо въ общей смѣси, составленной изъ борющихся элементовъ, одинъ поѣдаетъ другой и имъ поѣдается самъ. Правда, пустая душа носитъ клоки всѣхъ міровъ; но какъ-бы ужаснулся, какой скорбью покрылся-бы каждый міръ; еслибы онъ могъ повѣрить, что когда-нибудь въ дали вѣковъ въ чьей-нибудь душѣ отразится такъ уродливо, такъ постыдно, съ такими смѣшными и обезображенными чертами. По истинѣ, поколѣнія титановъ завершились смѣшнымъ поколѣніемъ карликовъ, которые почему-то подумали, что станутъ даже больше всѣхъ ихъ, если примутъ на свое маленькое тѣло тѣнь отъ каждаго изъ нихъ. Но, вотъ, тѣни ложатся на нихъ, тѣни отъ всѣхъ вѣковъ, отъ всѣхъ красотъ въ исторіи, а они остаются такъ-же гадки и малы, какъ были.

XIV.

Воспитаніе въ культѣ христіанскаго спиритуализма есть и можетъ быть предоставлено только церкви. Она одна въ немъ вѣдуща, она одна и до пролитія крови своей въ него вѣрующа, тогда какъ всѣ остальные въ нашей смѣшанной, неопредѣленной цивилизаціи, даже при лучшихъ условіяхъ, суть только жаждущіе, а не насыщенные этимъ культомъ. Это воспитаніе есть единственно историческое воспитаніе для народа нашего, самое древнее въ немъ, и на среднихъ и высшихъ своихъ ступеняхъ идущее параллельно (и лишь дальше) съ воспитаніемъ элементарнымъ, сельскимъ (какъ оно станетъ не сегодня, завтра).

Удалить изъ него все, что, не вытекая изъ христіанства и не подготовляя его въ исторіи, развивалось изъ другихъ источниковъ и частью противъ него,—это одна сторона реформы, которая предстоитъ здѣсь, развить во всю полноту собственно христіанское ученіе,—все, что вытекаетъ изъ него теоретически и что практически нужно для его укрѣпленія въ людяхъ,—есть вторая сторона реформы, которая нужна для нашихъ духовныхъ училищъ и семинарій. Удаленіе изъ ихъ программы безобразныхъ придѣлокъ, какія явились въ пору сближенія съ классической школой и собственнаго обезличенія, укрѣпленіе древней ихъ основы и развитіе ея въ полноту силъ—вотъ что предстоитъ здѣсь сдѣлать. И, разумѣется, сдѣлано это можетъ быть при ближайшемъ, тѣснѣйшемъ

ихъ слияніи съ живымъ служеніемъ въ нѣдрахъ церкви. Семинарія—это почти домашняя школа при епископѣ, онъ-же и блюдетъ свою паству, и наставляетъ ее, и посылаетъ для ея руководства своихъ помощниковъ, которые подготовляются при немъ. Для этихъ цѣлей не нужна физика, начатки космографіи, тригонометрія и алгебра. Нужно погруженіе въ духъ и завѣты библіи, еврейской библіи, знаніе Евангелія и проникновеніе имъ, вчитанность въ великихъ отцовъ церкви, въ ея древнихъ, великихъ апостоловъ. Нужно, въ возрастъ пробужденія и роста душевныхъ силъ, безраздѣльное погруженіе въ этотъ удивительный, чудный, святой міръ; онъ-же и основалъ и укрѣпилъ, и держитъ покровъ, который силятся разорвать иныя стихіи, надъ высшимъ цвѣтомъ исторіи,—европейскою культурой. Для служенія этой культурѣ нѣтъ инаго, болѣе удобнаго поля, нѣтъ другого, столь-же вѣрнаго оружія, какъ амвонъ, какъ проповѣдь, какъ руководство совѣсти и частной жизни мірянъ и призывъ ихъ, послѣ согбеннаго труда надъ землей, придти и раздѣлить, и снова пережить восторгъ, которымъ жили апостолы, мученики и вся небесная и земная церковь, она-же и цѣлый міръ, и вотъ эта малая молящаяся весь, лучъ не меркнущаго и не имѣющаго померкнуть солнца. Нѣтъ болѣе образующаго, болѣе воспитывающаго средства, какъ это удивительное соприкосновеніе на часъ, на два, вотъ этого человѣка, на этомъ мѣстѣ и въ этотъ годъ, съ тѣмъ, что идетъ изъ-за двухъ-тысячелѣтней дали, что есть центръ въ развитіи всего человѣчества и обнимаетъ далекія земли и незнаемые народы. По истинѣ, кто прослушалъ со вниманіемъ и разумѣніемъ литургію, сдѣлалъ болѣе для воздѣлыванія своего ума и сердца, чѣмъ просидя годъ на школьной скамьѣ, или прочтя самую содержательную книгу. Просвѣщеніемъ, идущимъ отсюда, изъ раскрытаго алтаря, курящагося ѳиміама, древнихъ обрядовъ и чудныхъ евангельскихъ поученій, изъ непосредственнаго, безмолвнаго созерцанія этой мудрости и красоты, объясняется великій характеръ нашего народа и великій умъ его, который всѣ видятъ, ему удивляются, источника-же его не знаютъ или его отрицаютъ. Выше, говоря о сельской школѣ и думая объ этомъ именно источникѣ просвѣщенія, мы и высказали, что нѣтъ нужды быть нетерпѣливымъ въ сельскомъ обученіи, что одна и пять деревень безъ школы еще не значитъ—деревень безъ просвѣщенія: если въ ближнемъ селѣ есть храмъ и добрый пастырь, они просвѣщены имъ такъ, какъ безъ этого, безъ литургіи, безъ всенощной, не были-бы просвѣщены при десяткѣ школъ.

И такъ, семинарія имѣетъ своей конечной цѣлью образованіе хорошаго священника; къ этой цѣли должно быть все примѣнено въ ней, ей одной—отвѣчать подробности обученія, быть учениковъ, видимое и слышимое ими. Они должны быть всегда вокругъ епископа, какъ его будущіе сподвижники по спасенію людей; должны

быть близки ему, родственны, и уже, какъ таковые, посылаться на заглазное ему сподвижничество.

Въ этомъ сподвижничествѣ ему нужны и пособники—младшія степени церковнаго клира, и подготовленіе юношества къ нимъ открываетъ возможность для семинарій быть снисходительными къ умственной слабости, которая слишкомъ часто совмѣщается съ чрезвычайной высотой сердца. Говоря о свѣтской средней школѣ, мы не упомянули объ одномъ ея великомъ злѣ: что, предъявляя требованія лишь къ уму, она вовсе не предъявляетъ ихъ къ нравственной сторонѣ души. Такъ называемое «поведеніе», т. е. ненарушеніе благопристойній въ поступкахъ и словахъ на глазахъ другого,—конечно, съ той внутренней жизнью воли и чувства, которую мы называемъ нравственностью, не имѣетъ ничего общаго. Между тѣмъ человѣка, бѣднаго собственно *логическими* дарами, не только нельзя назвать вообще *душевно* бѣднымъ: напротивъ, часто онъ бываетъ нравственно утонченно развитъ, деликатенъ, истинно добръ и великодушенъ [1]) Свѣтская школа гонитъ такихъ учениковъ, т. е. признаетъ ихъ какъ-бы лишенными тѣхъ «общечеловѣческихъ сторонъ», которыя будто-бы она призвана воспитывать; и актомъ изгнанія она признаетъ ихъ вмѣстѣ какъ бы негодными и къ жизни, куда готовитъ «гражданъ». Но школѣ, положившей себѣ въ основу Евангеліе, нельзя не понимать, что именно эти-то люди и суть лучшіе дѣлатели на нивѣ Христовой, что безъ нихъ жизнь была-бы суха, черства, несносна; что именно въ нихъ искра Божія горитъ самымъ яркимъ и полнымъ свѣтомъ, и притомъ наиболѣе привлекательнымъ для всѣхъ людей. Не гоня, не презирая этихъ сторонъ души, возмѣщая въ глазахъ своихъ ими нѣкоторый недо-

[1]) Это есть истинная боль видѣть, въ годы-ли ученія или потомъ учительства, какъ изъ нашихъ гимназій порой изгоняются юноши (вовсе не обдѣленные и умственно), столь утонченно развитые въ нравственномъ отношеніи, что по справедливости могли-бы быть красотой всякаго общества и въ *христіанской* школѣ были-бы драгоцѣннымъ, бережно хранимымъ сосудомъ Божіихъ даровъ Учась, мнѣ пришлось потерять и рѣдко даровитыхъ по уму товарищей; но въ нравственномъ отношеніи между ними были такіе, у которыхъ – примѣняя извѣстное изреченіе—пишущій строки эти недостоинъ былъ развязать и ремень у обуви Тщательно взвѣшивая длинный рядъ мнѣ извѣстныхъ фактовъ и связывая ихъ съ общими условіями ученія въ нашей средней свѣтской школѣ, я нерѣдко приходилъ къ заключенію, что оканчиваютъ въ ней курсъ не самые способные, одаренные ученики, но именно менѣе способные, *во всемъ средніе*, такіе, которые ни живымъ, пылкимъ сердцемъ не нарушатъ никогда рѣзко установленнаго «поведенія», ни въ силу горячаго увлеченія какой либо отраслью знанія не отстанутъ, хотя-бы на краткое время, въ нѣкоторыхъ другихъ отрасляхъ. Именно пропускъ въ университетъ только этого рода юношества, конечно, во всѣхъ случаяхъ удобнаго, но ни въ какихъ особенно нужнаго, обезплодилъ и высшую нашу школу. Прежнихъ малосвѣдущихъ (однако-же не во всемъ) головъ, но чрезвычайно энергическихъ въ работѣ, чрезвычайно воспріимчивыхъ къ слову и способныхъ къ оригинальности въ мысли—теперь въ аудиторіяхъ уже не встрѣтишь (развѣ какъ рѣдкій, *прокравшійся* туда, случай).

статокъ умственныхъ, тѣсно логическихъ даровъ, школа церковная тогчасъ становится нормой для всякаго общества, живущаго полною душой, а не только ея мозговой частью. И здѣсь, съ этою мыслью невольно соединяется требованіе, чтобы на ряду съ подготовленіемъ къ дѣятельному служенію церкви, она подготовляла и къ покорному пребыванію въ ней.

Должны быть открыты для мірянъ параллельные курсы съ тѣми, какіе проходятъ будущіе священно и церковно-служители, гдѣ то, что ими изучается, и только это одно, изучалось-бы въ степени очень ослабленной. Тотъ-же самый душевный строй, устремленіе вниманія къ тѣмъ-же предметамъ, ученіе достаточное, чтобы прибавить къ сердечному слушанію литургіи и слушаніе разумное,—вотъ все, что здѣсь удавалось-бы каждому и къ чему для даровитыхъ прибавлялись-бы и всѣ сокровища христіанской культуры. Нѣтъ сомнѣнія, что для самыхъ людныхъ классовъ городского населенія, для ремесленника, для мѣщанина, для именитаго купца, съ тарелкой собирающаго подаяніе на церковь, для всѣхъ этихъ людей, столь неожиданно удивленныхъ міромъ Ѳемистокловъ и Лициніевъ, свѣченія моря и вертящейся земли, *этотъ міръ* евангельскихъ притчъ и житій святыхъ, чудной исторіи объ Руѳи и поученій Іисуса сына Сирахова былъ-бы и не удивителенъ, и глубоко родственъ, и,—мы увѣрены въ этомъ,—не менѣе культуренъ.

Такимъ образомъ, средняя классическая школа, какъ это и слѣдуетъ, осталась-бы школою для классовъ, уже вышедшихъ изъ культуры только христіанской [1]), эта-же послѣдняя осталась-бы воспитательною для всѣхъ остальныхъ классовъ населенія. Именно это вполнѣ отвѣчаетъ историческому положенію вещей; никого не выводя изъ установившагося строя, подобная школа лишь возвышала-бы этотъ строй; ни на кого не дѣйствуя понужденіемъ, оставляя всѣмъ свободу, она дѣйствовала бы на всѣхъ просвѣтительно, давая каждому тотъ свѣтъ, какого онъ ищетъ — свѣтъ истинный, не ложный ни въ какой части, и только къ разнымъ душамъ обращенный не одними и тѣми-же лучами.

Воспитаніе женское, сообразно установившемуся уже историческому теченію, должно быть для городского населенія такъ-же двояко: для массы оно должно быть церковное [2]), для нѣкото-

[1]) Т е для дворянства и бюрократіи, безъ *искусственнаго привлеченія* къ ней (черезъ «преимущества») другихъ классовъ.

[2]) Къ счастью, начало практическому осуществленію этого уже положено такъ называемыми епархіальными училищами—типомъ школы, неизмѣримо болѣе культурной, нежели наши городскія женскія гимназіи, онѣ нѣсколько испорчены только сближеніемъ своимъ съ этими послѣдними, какъ и семинаріи испорчены черезъ сближеніе со свѣтской школой, — не потому, что она классическая, но потому, что она совершенно не выдержана въ своемъ классическомъ строѣ Изъ курса епархіальныхъ училищъ, какъ и изъ курса семинарій, должны быть удалены физика, космографія, и,—я глубоко убѣжденъ въ этомъ.—также геометрія и алгебра

рыхъ, т. е. также для дворянства и для бюрократіи, — то особенное, нѣсколько исключительное, нѣсколько искусственное, но во всякомъ случаѣ дѣйствительно образующее, какое дается нашими институтами. Эти послѣдніе, давая гораздо менѣе затверживать свѣдѣнія, нежели сколько даютъ ихъ такъ называемыя женскія гимназіи, однако глубоко культурны: они отвѣчаютъ тому духу, тому психическому строю и практическимъ навыкамъ, какіе сложились въ золотую пору нашего дворянскаго быта—быта очень твердаго, очень высокаго, о которомъ мы можемъ судить по множеству художественныхъ отраженій въ литературѣ, который мы всѣ невольно любимъ уже въ этихъ отраженіяхъ. Напротивъ, совершенно безкультурны вышеупомянутыя гимназіи,—компилятивный подборъ изъ элементовъ гимназій мужскихъ, но не классическихъ, училищъ реальныхъ, но безъ реальныхъ приложеній, и, можетъ быть, минувшихъ военныхъ гимназій, но безъ чего-либо воинственнаго и развѣ лишь съ воинскою грубостью Трудно сказать, чему въ исторіи или какой потребности въ жизни они соотвѣтствуютъ. Безъидейно они выучиваютъ, конечно,—немного и плохо алгебрѣ, безъ убѣжденія—катехизису, поверхностно—всѣмъ естественнымъ наукамъ, но для чего они выучиваютъ этому, что *въ цѣломъ образуется отъ этого набора*,—это такъ-же мало могъ-бы объяснить ихъ изобрѣтатель, какъ неумѣлый и не руководимый никакою цѣлью чтецъ могъ-бы мало объяснить смыслъ и цѣль своего чтенія.

XV.

Выше, при указаніи трехъ культуръ, преемственно развившихся въ исторіи на ветхой почвѣ Европы, мы невольно замѣтили, упоминая о третьей, объ ея грубости сравнительно съ двумя предъидущими. Это сказали мы невольно, вдумываясь только въ смыслъ ея особыхъ интересовъ, влеченій, и вовсе не думая о приложеніи ея къ воспитанію. Теперь, переходя къ этому послѣднему, мы почти удивлены, какъ смыслу этихъ высказанныхъ словъ, оправдывая его, отвѣчаетъ именно это приложеніе.

И въ самомъ дѣлѣ, всѣ наблюдатели, которые имѣли случай въ разныя поры своей жизни одинаково сильно любить каждую изъ этихъ трехъ культуръ, и слѣдовательно относятся безпристрастно ко всѣмъ имъ,—согласно высказываютъ взглядъ, что впечатлѣнія, идущія изъ круга точныхъ наукъ о внѣшней природѣ, несравненно менѣе воспитательны, нежели тѣ, которыя идутъ изъ античной древности или христіанства. Образованіе реальное не воспитательно; будучи даваемо съ отроческихъ лѣтъ и до поры возмужалости, оно, конечно, неизмѣримо увеличиваетъ количество содержащагося въ душѣ, но замѣчательно, что оно почти не измѣняетъ

при этомъ самой души, не утончаетъ ея требованій, не возвышаетъ ея стремленій, не дѣлаетъ ее болѣе чуткой или отзывчивой при воспріятіи Та печать грубости и внѣшности, о которой замѣтили мы, что она лежитъ на новой культурѣ, ложится непреодолимо и на всякую душу, которая въ ней одной воспитывается.

Если мы спросимъ себя, гдѣ именно источникъ этого явленія, то послѣ краткаго размышленія найдемъ, что онъ лежитъ въ характерѣ каждаго единичнаго впечалѣнія, изъ этой культуры идущаго. Анализъ частнаго воспріятія здѣсь, какъ и всюду въ воспитаніи, тотчасъ обнаружитъ смыслъ цѣлаго, которое есть только сумма этихъ частностей И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ впечатлѣнія, которое, идя изъ древняго міра или изъ христіанства, не было бы сложно всегда оно есть не только *свѣдѣніе*, но и нѣкоторое сопровождающее его *вліяніе*, эстетическое или нравственное; и въ силу отсутствія тѣсныхъ границъ у всего нравственнаго и у всякой красоты это вліяніе *неопредѣленно* разростается въ душѣ, въ мѣру даровъ ея или вызывая собой цѣлый міръ отзвуковъ, или, напротивъ. будя лишь не многіе, но всегда какіе-нибудь. Если, затѣмъ, мы обратимся къ впечатлѣніямъ изъ сферы новой культуры, мы. напротивъ, замѣтимъ, что всѣ они просты: каждое изъ нихъ есть только свѣдѣніе, сообщаетъ лишь фактъ и дѣйствуетъ на одну сторону души—всегда на разсудокъ И такъ какъ, дѣйствуя на него, оно лишь внѣдряется въ него, какъ новое содержаніе, то даже разсудокъ—единственно дѣятельная сторона при реальномъ воспитаніи, ужасающе подавляется въ своихъ оригинальныхъ, творческихъ зачаткахъ. Напротивъ, эти зачатки нерѣдко возбуждаются при воспріятіи впечатлѣній сложныхъ: дѣйствуя въ значительной степени на вкусъ или на чувство, эти впечатлѣнія оставляютъ умъ незанятымъ и, въ силу природы своей, онъ становится невольно наблюдателемъ происходящихъ въ душѣ нравственныхъ или художественныхъ волненій, а, наблюдая, онъ о нихъ и судитъ — уже свободно, внѣ какихъ-нибудь цѣлей, кромѣ чистой любознательности. Только быстрая прерываемость впечатлѣній, ставшая истиннымъ несчастіемъ всякаго теперь воспитанія, убила эту незамѣтную и главную работу души, и классическое воспитаніе уже не воздѣлываетъ умъ такъ, какъ оно способно воздѣлать; безъ этой же прерванности, мы безъ колебанія скажемъ, чтеніе 12 строкъ древняго поэта или прозаика, не говоря о вліяніи собственно на сердце, и самый умъ изощряетъ болѣе, нежели усвоеніе самой трудной теоремы геометріи.

Факты, передаваемые въ краткомъ какомъ-нибудь обрывкѣ изъ Тита Ливія, незначительны, и они незначащи для всякаго, читающаго этотъ обрывокъ, но въ томъ ли дѣло, они ли составляютъ смыслъ строкъ? Нѣтъ. А то, что составляетъ этотъ смыслъ—красота чувства, такъ глубоко и неопредѣленно волнуетъ душу, та-

кимъ длиннымъ впечатлѣніемъ на нее ложится, какимъ не ляжетъ и не можетъ лечь никакой тѣсно опредѣленный, отчетливо ограниченный фактъ, напр. этотъ

«Квадратъ, построенный на гипотенузѣ прямоугольнаго треугольника, равняется суммѣ квадратовъ, построенныхъ на его катетахъ»[1])

Мы чувствуемъ, повторяя въ своемъ умѣ движеніе мысли Пиѳагора, открывшаго эту теорему, какъ умъ нашъ стѣсненъ этою мыслью, какъ онъ не можетъ двинуться куда-нибудь въ сторону и не только не можетъ, но и прежде всего — не хочетъ. Здѣсь все опредѣленно, и все—страшно ограничено, и далѣе, въ этомъ ограниченномъ полѣ лежитъ фактъ, правда ясный, быть можетъ любопытный, но ничѣмъ, никакою своею стороной, не взаимодѣйствующій съ нашей душой. Еслибъ его не было, еслибъ мы его не узнали, ничего не измѣнилось бы для насъ въ природѣ и не измѣнились бы мы сами, напротивъ, развѣ мы остаемся тѣми же, развѣ природа та же для насъ, когда, развернувъ Гомера, мы прочитываемъ у него эти два стиха.

«Половину добротели отнимаетъ широковѣщающій Зевесъ у человѣка, когда его постигаетъ день рабства».

Не вызываетъ ли это въ насъ длинной вереницы воспоминаній, частью постыдныхъ и всегда горестныхъ? не пробуждаетъ ли нашу мысль къ исканію, къ сравненію? не склоняетъ ли наше сердце къ жалости и умъ къ размышленію надъ судьбой народовъ, состояній, лицъ? И, между тѣмъ, вѣдь это только предположеніе, здѣсь нѣтъ даже никакого факта, который обогатилъ бы нашъ умъ новымъ свѣдѣніемъ, но какъ, не обогащая насъ содержаніемъ, этотъ намекъ *развиваетъ* насъ!

Или вотъ страница, опять не сообщающая никакого значащаго факта, но какъ она *образуетъ* насъ, какъ *воспитываетъ* къ лучшему:

«Когда я возвратился въ домъ свой и отданы мнѣ были Анна, жена моя, и Товія, сынъ мой, въ праздникъ пятидесятницы, въ святую седьмицу седьмицъ, приготовленъ у меня былъ хорошій столъ и я возлегъ ѣсть. Увидѣвши много приготовленнаго, я сказалъ сыну моему, пойди и приведи, кого найдешь, бѣднаго изъ братьевъ нашихъ, который помнитъ Господа, а я подожду тебя». И пришелъ онъ и сказалъ, «отецъ мой, одинъ изъ племени нашего удавленный брошенъ на площади». Тогда я, прежде нежели сталъ ѣсть, поспѣшно вышедши, убралъ его въ одно жилище до захода солнца. Возвратившись, совершилъ омовеніе и ѣлъ хлѣбъ

---

[1]) Эта теорема по своей структурѣ одинакова съ каждою истиною изъ міра этихъ наукъ; поэтому для выясненія этой структуры безразлично, взять ли какую-нибудь истину физики, или какую-нибудь теорему.

мой въ скорби. И вспомнилъ я пророчество Амоса, какъ онъ сказалъ: *праздники ваши обратятся въ скорбь, и всѣ увеселенія ваши—въ плачъ.* И я плакалъ.

«Когда же зашло солнце, я вышелъ и, ископавъ могилу, похоронилъ тѣло. Сосѣди насмѣхались надо мной и говорили «еще не боится онъ быть убитымъ за такое дѣло. спасался уже за него въ бѣгствѣ, и вотъ опять погребаетъ мертвыхъ». Въ эту самую ночь, возвратившись послѣ погребенія и будучи нечистымъ, я легъ спать за стѣною двора, и лицо мое не было покрыто. И не замѣтилъ я, что на стѣнѣ были воробьи Когда глаза мои были открыты, воробьи испустили теплое на глаза мои и сдѣлались на глазахъ моихъ бѣльма. И ходилъ я къ врачамъ, но они не помогли мнѣ. Ахіахаръ, родственникъ, доставлялъ мнѣ пропитаніе, доколѣ не отправился въ Елимаиду, а потомъ жена моя, Анна, въ женскихъ отдѣленіяхъ, пряла шерсть и посылала богатымъ людямъ, которые давали ей плату и однажды въ придачу дали козленка.

«Когда принесли его и онъ началъ блеять, я спросилъ жену. «откуда козленокъ этотъ? не краденый ли? Отдай его, кому онъ принадлежитъ; ибо непозволительно ѣсть краденое». Она же отвѣчала. «это подарили мнѣ сверхъ платы» Но я не вѣрилъ ей и настаивалъ, чтобы отдала его, кому принадлежитъ, и разгнѣвался на нее. А она въ отвѣтъ сказала мнѣ. «гдѣ же милостины твои и праведныя дѣла? вотъ какъ всѣ они обнаружились на тебѣ».

«Опечалившись, я заплакалъ и молился со скорбію, говоря: Праведенъ Ты, Господи, и всѣ дѣла Твои и всѣ пути Твои — милость и истина, и судомъ истиннымъ и правымъ судишь Ты во вѣкъ. Воспомяни меня и призри на меня; не наказывай меня за грѣхи мои и заблужденія мои и отцевъ моихъ, которыми они согрѣшили передъ Тобою. Ибо они не послушали заповѣдей Твоихъ, и Ты предалъ насъ на расхищеніе и плѣненіе и смерть, и въ притчу поношенія передъ всѣми народами, между которыми мы разсѣяны. И по истинѣ многи и праведны суды Твои, дѣлать со мной по грѣхамъ моимъ и грѣхамъ отцевъ моихъ, потому что не исполняли заповѣдей Твоихъ и не поступали по правдѣ передъ Тобою. И такъ, твори со мною, что Тебѣ благоугодно: повели взять духъ мой, чтобы я разрѣшился и обратился въ землю· ибо мнѣ лучше умереть, нежели жить, такъ какъ я слышу лживые упреки и глубока скорбь во мнѣ. Повели освободить меня отъ этой тяготы въ обитель вѣчную, и не отврати лица Твоего отъ меня!

«Въ тотъ самый день случилось и Саррѣ, дочери Рагуиловой, въ Екбатанахъ Мидійскихъ, терпѣть укоризны отъ служанокъ отца своего за то, что она была отдаваема семи мужамъ, но Асмодей, злой духъ, умерщвлялъ ихъ прежде нежели они были съ нею какъ съ женою. Онѣ говорили ей. «развѣ тебѣ не совѣстно, что ты задушила мужей своихъ? Уже семерыхъ ты имѣла, но не назвалась

именемъ ни одного изъ нихъ. Что насъ бить за нихъ? они умерли, иди же и ты за ними, чтобы намъ не видѣть твоего сына или дочери во вѣкъ».

«Услышавъ это она впала въ печаль, такъ что рѣшилась было лишить себя жизни, но подумала «я одна у отца моего, если сдѣлаю это безчестіе ему будетъ. И я сведу старость его съ печалію въ преисподнюю». И стала она молиться у окна, и говорила: «Благословенъ Ты, Господи, Боже мой и благословенно имя Твое святое и славное во вѣки, да благословятъ Тебя всѣ творенія Твои во вѣки! И нынѣ къ Тебѣ, Господи, обращаю очи мои и лицо мое. молю возьми меня отъ земли сей и не дай мнѣ слышать еще укоризны. Ты знаешь, Господи, что я чиста отъ всякаго грѣха съ мужемъ. и не обезчестила имени моего. ни имени отца моего въ землѣ плѣна моего Я единородная у отца моего. и нѣтъ у него сына, который могъ бы наслѣдовать ему, ни брата близкаго, ни сына братняго. которому я могла бы сберечь себя въ жену: уже семеро погибли у меня. Для чего же мнѣ жить? А если не угодно Тебѣ умертвить меня. то благоволи призрѣть на меня и помиловать меня. чтобы мнѣ не слышать болѣе укоризны».

«И услышана была молитва обоихъ передъ славою великаго Бога. и посланъ былъ Рафаилъ исцѣлить обоихъ» [1].

Здѣсь нѣтъ никакого возбужденія въ насъ рефлексіи, но, въ замѣнъ этого. мы чувствуемъ душу свою какъ бы попавшею въ вихрь особаго строя чувствъ, къ которому, конечно, мы способны, но онъ никогда самобытно не возникалъ въ насъ. и. повинуясь этому строю. душа наша невольно влечется къ идеаламъ совершенно чистымъ чрезвычайно возвышеннымъ, дающимъ высшее удовлетвореніе нашей совѣсти.

Это вліяніе—моральное: и какъ при чтеніи отрывковъ изъ Ливія и Гомера въ насъ возбуждается рефлексія пробуждается знойное ощущеніе красоты, такъ и здѣсь, при чтеніи отрывка изъ Библіи, намъ становится понятно и близко ощущеніе святости Во всѣхъ трехъ случаяхъ всѣмъ существомъ своимъ (а не разсудкомъ только) мы отзываемся на прекрасные звуки, идущіе изъ далекой древности; мы на минуту чувствуемъ себя приподнятыми ими, и когда они замолкли. не можемъ уже опуститься такъ низко. какъ стояли ранѣе, или, опустившись чувствуемъ неизмѣнно горесть объ этомъ.

Теперь, если, отвлекшись отъ этихъ волнующихъ звуковъ, мы снова обратимся къ теоремѣ о квадратахъ на гипотенузѣ и катетахъ прямоугольнаго треугольника, мы почувствуемъ, какъ голо знаніе, какъ оно обнажено отъ всякихъ сопровождающихъ его идей, желаній. чувствъ. И душа. возросшая лишь на усвоеніи подобныхъ

[1] Книга Товита. гл. II и III.

знаній, какъ бы ни была переполнена ими. остается въ сущности не пробуждена въ самыхъ лучшихъ глубокихъ своихъ частяхъ. Даже умственно она остается неразвита; такъ тѣсны пути, по которымъ она здѣсь движется, такъ узокъ здѣсь путь сужденія. Уму нигдѣ почти не приходится творить, и нигдѣ также не приходится достигать до конца, предѣла завершенія. Онъ вѣчно на полу-дорогѣ. съ одною возможностью передвинуться впередъ, но не осмотрѣться по сторонамъ и въ особенности — не думать о чемъ-нибудь лучшемъ или окончательномъ. Отсюда сухость. частичность, какая-то неосмысленность созерцанія во всякомъ умѣ, который возросъ только на подобныхъ впечатлѣніяхъ. какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго разсужденія:

«Самымъ точнымъ и наглядным показателемъ высоты цивилизаціи и энергіи поступательнаго движенія любой страны. любаго общества является та степень быстроты и успѣшности, которую люди проявляютъ въ сферѣ передвиженія. т. е. въ борьбѣ съ разстояніями. Чѣмъ медленнѣе и чѣмъ съ большимъ трудомъ совершается въ данной странѣ движеніе по путямъ сообщенія. тѣмъ и страна эта представляется болѣе отсталою на пути прогресса. Пути сообщенія—это артеріи соціальнаго тѣла Чѣмъ многочисленнѣе и совершеннѣе по своему устройству эти артеріи, чѣмъ обильнѣе и быстрѣе проносящіяся по нимъ людскія волны, тѣмъ и процессъ «обмѣна вещества». «питанія» въ названномъ тѣлѣ идетъ энергичнѣе, тѣмъ и «пульсъ» общественной жизни оказывается болѣе полнымъ и сильнымъ. тѣмъ и жизнедѣятельность общественнаго организма выше. тѣмъ и культура, и цивилизація, какъ высшіе продукты этой жизнедѣятельности, представляются болѣе богатыми по своему содержанію. Въ виду всего этого, быстроту движенія по путямъ сообщенія мы съ полнымъ правомъ можемъ брать за мѣрило прогресса.

«Если мы, вооружившись этою мѣркою. сравнимъ очень даже недалекое прошлое цивилизованныхъ странъ съ настоящимъ, то увидимъ, что современное человѣчество, или. по крайней мѣрѣ, авангардъ его прогрессируетъ съ очень большою быстротою. Наши дѣды. а пожалуй даже и многіе изъ отцовъ назвали бы (да и дѣйствительно называли) безумцемъ того. кто сталъ бы увѣрять ихъ въ томъ. что вполнѣ возможна и легко достижима наша нынѣшняя быстрота передвиженія. Въ настоящее время мы переносимся въ нашихъ обыкновенныхъ желѣзнодорожныхъ поѣздахъ, въ нѣсколько часовъ или дней, на такія разстоянія, для преодолѣнія которыхъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, требовались цѣлыя недѣли. Теперь поѣздъ отъ Ливерпуля до Манчестера пролетаетъ въ 24 минуты, отъ Берлина до Гамбурга въ $3^1/_2$ часа, отъ Парижа до Кале въ 4 часа, и т. д. Быстрота, какъ видитъ читатель, огромная, но и она оказывается еще не предѣльною: максимальная быстрота

экстренныхъ поѣздовъ равна въ Бельгіи 100 километрамъ въ часъ, во Франціи — 120 килом, въ Англіи — 125; что же касается до Сѣверной Америки, то тамъ поѣзда на нѣкоторыхъ линіяхъ летаютъ иногда даже еще быстрѣе.

... «Если мы примемъ въ разсчетъ то упорство, ту энергію, которыя цивилизованный міръ проявляетъ теперь въ борьбѣ съ разстояніями, а также и тѣ поразительные успѣхи которыхъ онъ достигъ въ этой сферѣ на нашихъ глазахъ, — то трудно даже и предугадать на какомъ предѣлѣ скорости движенія остановится человѣчество... Рискъ схода слишкомъ стремительно несущагося поѣзда съ рельсъ можетъ быть устраненъ разными способами, такъ, между прочимъ можно проложить рельсовый путь по трубчатому ходу, при которомъ соскакиваніе вагона съ рельсовъ станетъ физически невозможнымъ. Считаемъ нелишнимъ напомнить здѣсь читателю, что проекты транспортированія пассажировъ и клади по трубамъ, въ цилиндрическихъ вагонахъ, возникаютъ уже и теперь. Задача предохраненія пассажировъ отъ опасности задохнуться въ поѣздѣ молніи можетъ быть разрѣшена такъ же очень легко: стоитъ только герметически закрытый вагонъ снабдить, въ достаточномъ количествѣ сжатымъ или приведеннымъ въ жидкое состояніе кислородомъ или воздухомъ, да обезпечить отток или очищеніе (химическимъ путемъ) испорченнаго дыханіемъ воздуха,—и запертые въ вагонѣ пассажиры не будутъ испытывать ни малѣйшихъ неудобствъ отъ того, что поѣздъ несется, чуть не въ буквальномъ смыслѣ слова, съ быстротою молніи, мало того, они не будутъ замѣчать даже и самаго движенія» [1])

Можно подумать, что если бы найденъ былъ способъ пересылать автора этого разсужденія по телеграфной проволокѣ, онъ ощущалъ бы себя совершенно счастливымъ, облетая шесть разъ кругомъ земли въ теченіе не болѣе какъ минуты.

Интересно сравнить съ этимъ ползучимъ желаніемъ, еще вчера выросшимъ и, кажется, наполняющимъ сегодня уже сердца всѣхъ, это глубоко человѣчное желаніе, идущее изъ болѣе чѣмъ двухъ-тысячелѣтней дали

«Неизвѣстна судьба мертвыхъ:
Они существуютъ, говоритъ одинъ,—*ихъ нѣтъ*, говоритъ другой.
Вотъ что хочу я знать, что открой мнѣ.
Вотъ желаніе, которое я выбираю»

Такъ говоритъ браминъ въ одной изъ ведійскихъ легендъ; ему отвѣчаетъ Яма, богъ смерти, къ которому онъ обратился съ этимъ вопросомъ:

---

[1]) «Русскія Вѣдомости», за 1892 г.

«Самые боги издревле не знаютъ о томъ
Темна эта тайна, ее трудно понять.
Другое желанье скажи. Начикетасъ.
Не настаивай на этомъ, освободи меня отъ слова».

Начикетасъ.

«Для самихъ боговъ это скрыто,
И трудно понять, говоришь ты, о, смерть!
Однимъ ты инѣ можешь это открыть.—
И только это желаніе я выбираю».

Богъ смерти.

«Выбирай долголѣтнихъ дѣтей и внуковъ,
Деньги, стада, слоновъ и коней;
Выбирай на землѣ огромное царство,
Пусть будетъ долга жизнь твоя, какъ ты желаешь!
Если замѣнишь желаніе свое, выбирай
Хоть богатство, хоть долгую жизнь,
Царя надъ землей, Начикетасъ.
Всѣхъ наслажденій участникомъ будь!
Все, что смертнымъ съ трудомъ достается.
Всякую радость возьми, къ которой сердце стремится,—
Только не спрашивай, Начикетасъ, о смерти!

Начикетасъ.

»Все это пригодно лишь не надолго·
Сила чувствъ у людей исчезаетъ,
Въ жизни все скоро проходитъ.
Пѣсни и танцы, кони, стадо, все это—твое.
Людямъ богатство не даетъ довольства:
Что для насъ деньги когда мы увидимъ тебя?
Всѣ мы живемъ, пока лишь ты велишь,—
Потому выбираю это одно желанье:
О чемъ, полные сомнѣнья, думаютъ люди,
Объ этомъ скажи мнѣ—о смерти, о будущемъ царствѣ
Желанье, что въ скрытую глубь проникаетъ,
Я выбираю его одно».

(Упанишады)

Такимъ образомъ, руководимые ли высшимъ свѣтомъ, или роясь только въ нѣдрахъ собственнаго существа, люди всегда, отъ самыхъ древнихъ временъ, останавливались мыслью своею надъ высшими вопросами, видѣли удовлетвореніе для себя въ успокоеніи совѣсти. Нужно было трехъ-вѣковое устремленіе вниманія наружу, кругомъ себя, на эти разбросанные на пути камни, растущія окрестъ деревья, на плывущія по небу облака, чтобы такъ окончательно, такъ полно забыть о себѣ самомъ, о своихъ задачахъ и цѣляхъ въ мірѣ. Но, конечно, если уже несчастію суждено было совершиться, если безсознательно, шагъ за шагомъ, какъ бы снимая съ себя историческія одѣянія, человѣкъ палъ до такихъ низинъ желанія и мысли, — сознательно воспитывать его въ этихъ низинахъ было бы и безумно, и преступно.

Итакъ мы оставимъ намѣреніе, съ какимъ начали это разсужденіе выяснить особыя задачи такъ называемаго «реальнаго образованія». Нѣтъ такого образованія, и если въ обществѣ есть съ раннихъ лѣтъ обученіе реальнымъ ли навыкамъ или реальнымъ предметамъ, пусть это существуетъ если нужно —но не называется образованіемъ.

XVI.

Мы переходимъ къ высшимъ формамъ просвѣщенія, къ тѣмъ въ которыхъ окончательно формируется человѣкъ, гдѣ онъ созрѣваетъ уже для дѣятельности въ духѣ, въ смыслѣ своей культуры, для истинной пользы своего народа, и прежде, нежели для этого,— для высшаго удовлетворенія своей души.

Духовныя академіи и университеты, однѣ соотвѣтствуя древней христіанской основѣ и другіе—позднѣйшему пышному наросту на ней, выполняютъ или могутъ при лучшихъ условіяхъ выполнить эту особую роль. Эти учрежденія справедливо раздѣлены въ православныхъ и католическихъ земляхъ, гдѣ ими выражаемыя формы просвѣщенія были исторически въ антагонизмѣ: и справедливо же они соединены въ протестантскихъ странахъ (богословскіе факультеты при университетахъ), гдѣ религіозное движеніе выросло объ руку съ гуманизмомъ, вмѣстѣ съ нимъ возставъ и разрушивъ древній церковный строй.

Объ академіяхъ мы не можемъ сказать ничего сверхъ того, что уже замѣтили о среднемъ церковномъ образованіи: что даваемое въ нихъ просвѣщеніе должно быть строго выдержано въ своемъ типѣ, т. е. изъ него должны быть удалены всѣ безобразящія, обезсмысливающія его позднѣйшія придѣлки. Странно видѣть священника, который, хорошо объясняя сатиры Кантемира, не умѣетъ прочесть двухъ-трехъ строкъ древняго еврейскаго текста, и постыдно видѣть, что, встрѣтясь съ раскольничьимъ начетчикомъ, онъ, конечно, можетъ объяснить ему, отчего и какъ происходитъ гроза, когда и кѣмъ былъ изобрѣтенъ паровозъ, но въ сферѣ своей собственно, т. е. въ знаніи Писанія и отеческихъ книгъ, оказывается передъ нимъ совершеннымъ невѣждою. Еще болѣе постыдно видѣть, что чѣмъ выше получаемое въ нашихъ церковныхъ школахъ образованіе, тѣмъ ниже уровень чистой и горячей вѣры въ ихъ питомцахъ; такъ-что наихудшіе въ этомъ отношеніи (а слѣдовательно и во всѣхъ) священники суть тѣ, которые прошли академическій курсъ. Думается, сверхъ вреднаго вліянія упомянутыхъ придѣлокъ, вторая причина этого кроется въ неопреодолимомъ вліяніи непосредственныхъ созерцаній. Наши академіи, за исключеніемъ московской, расположены въ самыхъ шумныхъ центрахъ теперешней цивилизаціи, которая всѣмъ своимъ видомъ, соблаз-

нами и обаяніемъ завтра разрушаетъ то, что было сдѣлано вчера за глухими академическими стѣнами. Нѣтъ пользы въ образованіи — такомъ, но при такихъ условіяхъ. И академіи (какъ думается, и семинаріи даже, и женскія епархіальныя училища) должны-бы быть перенесены изъ шумныхъ центровъ за стѣны уединенныхъ, славныхъ не одними историческими воспоминаніями, но и строгостью теперешней жизни, монастырей. Не библіотеку Соловецкаго монастыря слѣдовало передавать въ Казанскую академію, не говоря уже о нарушеніи права, объ отнятіи лучшаго сокровища у нашей древней исторической святыни. Слѣдовало бы скорѣе перенести Казанскую академію въ Соловецкій монастырь, какъ Петербургскую въ Кирилло-Бѣлозерскій или Волоколамскій, и Московскую — нѣсколько далѣе, чѣмъ теперь, не въ монастырь, столь обильно посѣщаемый, столь тревожимый визгомъ ничего о молитвахъ не знающаго паровоза.

Въ сущности, при естественномъ развитіи всѣхъ дѣлъ, въ сферѣ ли церкви, въ жизни ли народной, такъ и произошло бы изъ силы вѣры, изъ горячаго желанія пробуждать ее и въ другихъ, возникло бы *тамъ, гдѣ эта вѣра наиболѣе пламенно и чисто горитъ*, углубленіе въ познаніе ея истинъ, т. е. духовное ученіе. Но, конечно, это не могло войти въ соображеніе людей, которые, относясь къ вѣрѣ извнѣ и извнѣ желая оживить ее, основали для этого школы тамъ, гдѣ удобнѣе было бы наблюдать за ними, не такъ монотонно проходила бы жизнь, и все вообще, *но кромѣ вѣры*, дѣятельнѣе существуетъ и успѣшнѣе достигается.

Что касается университетовъ, то это суть высшіе продукты, въ какихъ новая культура (и античная, насколько она стала предметомъ усвоенія и передачи) выразила свои самыя идеальныя, чистыя черты, *познаніе* мы считаемъ главною и характерною особенностью новыхъ вѣковъ, высшею ихъ задачею, которую предопредѣлилъ своимъ мышленіемъ Декартъ и указалъ Бэконъ,—какъ религіозное просвѣтлѣніе считаемъ задачей среднихъ вѣковъ, и выпуклое, внѣшнее выраженіе красоты и затѣмъ спѣпленіе міра правомъ—задачей античнаго міра. И въ самомъ дѣлѣ, только еще политическая жизнь или, наконецъ, поэзія, могли бы счесться центральнымъ явленіемъ новой исторіи, но что же можно сказать о новыхъ государствахъ въ сравненіи съ Римомъ въ смыслѣ красоты, въ смыслѣ мощи, въ смыслѣ *окончательнаго на землѣ*, чѣмъ пытался и уже почти сталъ Римъ и чѣмъ никогда не задумывали, не смѣли думать сдѣлаться его слабыя и тусклыя повторенія въ исторіи. Воля не есть въ человѣкѣ напвысшее, не ею достигнетъ онъ неба—таковъ былъ смыслъ великаго катаклизма, которымъ закончился Римъ и который предостерегаетъ другіе народы отъ вступленія на пути его. Далѣе, если мы перейдемъ къ поэзіи, то, понимая ее лишь какъ часть проявленій прекраснаго, будемъ поражены

тѣмъ, какъ въ позднѣйшей фазѣ европейской исторіи это прекрасное выражено узко, имѣя лишь одну для себя форму—поэзію. Она оголена, ее не сопровождаетъ ни сколько-нибудь ей равная скульптура, не ея достойное зодчество: только музыка достигла въ эти поздніе вѣка несравненнаго развитія, но вѣдь это—самое философское изъ искусствъ, вѣдь въ смыслѣ выраженія красоты это вовсе не то уже, что ясная въ чертахъ своихъ статуя, неопредѣленно волнующій и самъ неподвижный храмъ, вѣчно опять и опять припоминаемая картина. Собственно красивость, какъ что-то неопреодолимо притягательное для созерцанія, уже замѣнена другимъ чѣмъ-то въ музыкѣ: и замѣчательно, какъ эта же красивость также замѣнена и въ новой поэзіи, болѣе содержательной и глубокой, нежели поэзія античная Но, будучи такова, она несомнѣнно менѣе прекрасна, чѣмъ послѣдняя, не такъ мѣрна, не такъ влечетъ къ себѣ именно созерцаніе наше, и это одно здѣсь значаще. Она содержательнѣе, она глубже, потому-что она *осложнена* мыслью; собственный, родной міръ этой мысли есть, конечно, философія и наука. Въ новомъ мірѣ, выступивъ за предѣлы свои, эта мысль покорила себѣ искусство, удаливъ отъ человѣка пластическія выраженія и приблизивъ музыку, сдѣлавъ для него невыразимо привлекательными такія произведенія, какъ «Гамлетъ», какъ «Манфредъ», какъ «Фаустъ», въ античномъ мірѣ только бы смѣшныя, и, далѣе, покорило себѣ и религію, подчинивъ ее своей критикѣ, что и составляетъ смыслъ протестантизма, этого перехода вѣры отъ мистическихъ основъ на почву раціонализма [1]). И такъ, если одна мысль въ новой исторіи не только развивается въ мѣру естественныхъ задатковъ своихъ, но и ширится, и покоряетъ, и переиначиваетъ по своему подобію всѣ остальные задатки въ духовномъ существѣ человѣка, и онъ остается блѣденъ въ желаніяхъ своихъ, тусклъ въ красотѣ, не твердъ, измѣнчивъ въ вѣрѣ,—то не ясно ли, что собственное ея царство, т. е. философія и наука, и есть истинный центръ переживаемаго фазиса исторіи. Познаніемъ своимъ, какъ прежде волею, какъ потомъ вѣрой и самоотреченіемъ, человѣкъ въ третій разъ пытается достигнуть неизъяснимыхъ высотъ,

---

[1]) Разумѣется, Лютеръ не думалъ объ этомъ, но очень скоро послѣ него собственно лютеранская церковь, какъ вѣтвь протестантизма, стала уже раціоналистическою и пietическою, что же касается до другихъ, ему современныхъ реформаторовъ, то Меланхтонъ былъ только ученый безъ какихъ-либо мистическихъ порывовъ, Цвингли былъ раціоналистомъ и въ основаніяхъ, и въ выводахъ, а Кальвинъ въ знаменитомъ трудѣ своемъ «Institutio christiana» не раціоналистиченъ только въ первыхъ посылкахъ, и тѣмъ строже раціоналенъ во всей послѣдующей конструкціи своего ученія. Пietизмъ можно разсматривать какъ протестъ сердца противъ насильственнаго вторженія мысли въ область вѣры, и поэтому исторически, какъ и логически, онъ неотдѣлимъ отъ раціонализма

къ которымъ доступъ ему закрытъ ли навсегда, или возможенъ — объ этомъ не намъ и не теперь судить

Universitas omnium litterarum—«кругъ всѣхъ наукъ», и есть видимое, осязательное средоточіе этихъ идеальныхъ стремленій, этихъ новыхъ порывовъ человѣческаго духа въ высь Изъ этой, и никакой другой идеи. должна вытекать ихъ организація, отношеніе къ нимъ окружающаго и ихъ къ окружающему. Безусловная несвязанность мысли и ея выраженія должна быть допущена здѣсь— вѣдь безъ этого тотчасъ нарушается самая идея познанія: но, конечно. къ этому высокому праву могутъ быть допущены только тѣ, которые подходили бы къ нему съ священнымъ трепетомъ долга. Итакъ, доступъ туда не можетъ быть свободенъ для всякаго, и онъ не можетъ стать предметомъ передачи отъ учителя ученику своему—вѣдь будетъ выбранъ лишь воспріимчивый и покорный, а не дѣятельный и не строптивый въ мысли, какой, между тѣмъ, и нуженъ, и не можетъ этотъ доступъ открываться самимъ университетомъ. ибо никогда посредственными умами (а въ разныя эпохи именно таковъ будетъ составъ учащихъ) не будетъ допущенъ въ среду свою даровитый, который могъ бы ихъ затмить своею силою или оскорбить смѣлостью. Древній примѣръ Платона, не допустившаго Аристотеля до преемства себя въ Академіи и передавшаго завѣдываніе ею неспособному Спевзиппу, могъ бы послужить предостерегающимъ урокомъ для всѣхъ, кто вздумалъ бы на этихъ принципахъ основать процвѣтаніе наукъ.

Но кому же, если не учителю, если не самому университету, должно быть предоставлено право возводить на его каѳедру? Мы думаемъ—совокупности университетовъ, но такъ, чтобы избираемый въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ былъ избираемъ не изъ корпораціи, его избирающей. но изъ другихъ родственныхъ: въ противномъ случаѣ на видную открывающуюся каѳедру былъ бы передаваемъ университетами наименѣе имъ нужный или почему-либо неудобный. вообще въ какомъ-нибудь отношеніи худшій. Это же право, безъ всякаго ущерба для университета и его достоинства, могло бы принадлежать пожизненнымъ ихъ покровителямъ. но непремѣнно— близкимъ къ нимъ. Какъ общее процвѣтаніе науки не можетъ не быть священно для *совокупности* людей, надъ нею трудящихся такъ процвѣтаніе *каждаго* университета не можетъ не стать предметомъ ревнивой заботливости его особаго покровителя, если онъ только будетъ пожизненъ, если всякія другія заботы и опасенія будутъ тщательно удалены отъ него. Мы думаемъ, назначеніе отъ государства подобныхъ покровителей наилучшимъ образомъ могло бы обезпечить университеты отъ уклоненія въ сторону съ путей своихъ,—будетъ ли то мелкая, закрытая отъ всѣхъ, борьба страстей и интересовъ. или явное склоненіе вниманія своего въ сторону массъ и духа времени, или, наконецъ, косность и застой въ идеяхъ.

Впрочемъ, истинно государственная мудрость состоитъ въ томъ, чтобы производить опыты ранѣе, чѣмъ полагаться на теоріи, и въ данномъ случаѣ наиболѣе разсудительнымъ была бы индивидуализація условій университетской жизни, т. е. примѣненіе къ отдѣльнымъ изъ нихъ порознь всѣхъ выше указанныхъ способовъ замѣщенія каѳедръ, чтобы послѣ долгаго (вѣковаго) опыта остановиться на которомъ-нибудь одномъ (если только это непремѣнно нужно).

Далѣе, такъ какъ культъ науки и философіи, какъ и культъ искусства или религіи, не можетъ быть сосредоточенъ исключительно гдѣ-нибо, но бываетъ разлитъ въ цѣломъ обществѣ, то слѣдуетъ развитіе университетовъ поставить въ зависимость отъ усилій самого общества: мы разумѣемъ здѣсь основаніе новыхъ каѳедръ. Ни въ чемъ такъ не выражается недостаточность государственныхъ заботъ объ образованіи, какъ въ недостаткѣ представительства въ университетахъ, напр. въ нашихъ, множества отраслей знанія, уже давно, уже дѣятельно и обширно разработываемыхъ на западѣ. Достаточно сказать, что у насъ нѣтъ спеціальныхъ каѳедръ греческой исторіи и исторіи римской, что (по крайней мѣрѣ недавно), пройдя такъ называемый историко-филологическій факультетъ, можно было, однако, не выслушать тамъ ни одного слова о греческой философіи, объ исторіи римской и греческой литературъ, о греческомъ искусствѣ, о грамматикѣ языка, на которомъ говоришь, о родной литературѣ въ той порѣ ея развитія, когда она только и стала интересна, — наконецъ, не услышать даже именъ конфуціанства, браманизма, буддизма, ничего не узнать о германской философіи послѣ Лейбница, — чтобы понять, до какой степени знанія, тамъ сообщаемыя, какъ они ни прекрасны и ни занимательны въ извѣстныхъ рамкахъ, однако по самымъ размѣрамъ этихъ рамокъ—узки и обрывочны. Недавно у насъ совершена была реформа университетовъ: вѣковое названіе четырехъ курсовъ замѣнено названіемъ восьми полукурсовъ,—что, наконецъ, походитъ на Германію; но чтобы дать въ нашихъ университетахъ и мѣсто германскому развѣтвленію знаній — это, какъ уже нѣчто существенное и дѣйствительно полезное, было, какъ и всегда почти, при всѣхъ нашихъ реформахъ, забыто иниціаторами преобразованія именъ и формъ.

Только сами университеты могутъ во-время указать, чего недостаетъ имъ, т. е. какія вновь возникающія дисциплины требуютъ учрежденія новыхъ каѳедръ; но, мы думаемъ, изысканіе средствъ на ихъ содержаніе должно быть предоставлено частной и общественной иниціативѣ; достаточно, если государство оснуетъ лишь существеннѣйшія, тѣсно необходимыя каѳедры и укажетъ, что дополненіе ихъ до богатства, до роскоши принадлежитъ свободной любви и уваженію къ наукѣ, насколько они выросли въ обществѣ.

Двѣ функціи, сверхъ главной и понятной, т. е. преподаванія,

должны бы, казалось, быть предоставлены высшимъ ученымъ учрежденіямъ въ государствѣ: это — надзоръ за печатью и надзоръ за среднимъ, подготовляющимъ образованіемъ Печать столь явно, столь очевидно несетъ въ себѣ съ добромъ и зло, бросаетъ въ общество быстро растущія сѣмена и того и другаго, что не можетъ подлежать сомнѣнію необходимость на ряду съ бережнымъ отношеніемъ къ первымъ — затаптывать до всхода вторыя. Этому раздѣленію едва-ли могутъ подлежать книги; даже въ томъ случаѣ, если книга имѣетъ мало отношенія къ истинѣ и ея исканію. если она стремится повлiять только на чувства, даже на дурныя страсти, она все-таки есть плодъ индивидуальныхъ усилій, въ ней все-таки видно, что какое-то лицо трудилось надъ извѣстными мыслями или подобіемъ мыслей, все-таки обдумывая ихъ, быть можетъ колеблясь, сомнѣваясь. Словомъ книга, какова бы она ни была, есть все-таки плодъ внутренней душевной работы, надъ которымъ слѣдуетъ задуматься прежде, нежели что-либо рѣшить относительно его: почти то же слѣдуетъ сказать о крупной періодической печати, и по крайней мѣрѣ у насъ эта печать. отъ архаическихъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій», отъ изданій Новикова и Карамзина и до нашего времени, оказала столь несомнѣнныя, столь великія услуги умственному и художественному воспитанію общества, что, каково бы ни было отношеніе къ ней въ другихъ странахъ, у насъ она должна быть только оберегаема, только хранима. Но нельзя этого сказать о прессѣ ежедневной—этомъ ежедневномъ брызганьи слюной и заикающемся бормотаньи, которое по непреодолимому предразсудку всѣ почему-то называютъ тоже литературой. Но это требуетъ и стоитъ болѣе подробнаго обсужденія...

Нужна защита для могилъ, нужно охраненіе для зиждительнаго труда исторіи; нельзя, появившись на землѣ лишь на мгновенье, думать, что на это мгновеніе земля принадлежитъ намъ и мы можемъ на ней сдѣлать, что хотимъ. Мы можемъ лишь *продолжить* на ней то, что дѣлано ранѣе, прибавить что-нибудь свое, но разрушить сдѣланное—на это у насъ нѣтъ права, и въ комъ есть совѣсть,—почувствуетъ, что этого права у живущихъ никогда и не будетъ: оно унесено въ могилу прежними поколѣніями, которыя оставили намъ лишь право на созерцаніе. Великій художникъ нашъ и провидецъ въ тоскливую минуту своей жизни сказалъ, что, быть можетъ, наступитъ моментъ, когда завистливый и бездарный рабъ (а имъ можетъ быть и художникъ), взобравшись къ лику Сикстинской Мадонны, сорветъ и разрѣжетъ его на куски; но чтобы не наступила физическая возможность этого, нужно, чтобы понята была его правовая невозможность· не только одинокій рабъ, при торжествующихъ крикахъ вотъ *этой* толпы подобныхъ же рабовъ, но и вотумъ всѣхъ народовъ, населяющихъ теперь землю, не можетъ ничего рѣшить о Сикстинской Мадоннѣ,

какъ не для нихъ нарисованной. Они могутъ только нарисовать новую Мадонну, но разрушить уже нарисованную—не могутъ: она для ихъ внуковъ для ихъ десятаго поколѣнія, мнѣнія котораго еще никто не знаетъ и его предрѣшать не можетъ, нарисована столько же, какъ и для нихъ

Итакъ, есть вещи, существованіе которыхъ вѣчно, право на которыя распредѣлено на всѣ поколѣнія людей, насколько имъ суждено чередоваться на землѣ. Нельзя требовать, чтобы пониманіе этого права было усвоено каждымъ, и въ особенности людьми, которые никогда ничего не созидали, не знаютъ трудностей этого созиданія и такъ же радостей созерцанія чужаго возвышеннаго труда. Но и можно, и слѣдуетъ требовать, чтобы въ цѣломъ своемъ каждое поколѣніе понимало свой долгъ передъ прошлымъ, и чѣмъ обильнѣе въ немъ уродливыя вырожденія, тѣмъ тверже оно встало бы передъ ними за святыню прошлаго. Никто не допускаетъ гіену до могилъ — хотя бы гіена была дѣйствительно голодна, хотя бы могилы уже дѣйствительно ничего не чувствовали; но есть родственность между нами и этими могилами, и мы ляжемъ современемъ рядомъ съ ними, и въ минуту, когда будемъ ложиться, намъ дорога была бы увѣренность, что ее не раскопаютъ и не осквернятъ; но эту увѣренность нужно купить — вѣрностью своею тому, что жило. По крайней мѣрѣ кощунства надъ прошлымъ, вандальскаго разрушенія уже созданнаго въ правѣ не допустить всякое поколѣніе, и изъ этого права вытекаетъ то veto, о которомъ мы сказали, что оно должно быть налагаемо время отъ времени на прессу, насколько, живя исключительно дневными интересами, она болѣе, чѣмъ все другое, нежели каждый отдѣльный человѣкъ, имѣетъ тенденцію терять память о прошломъ.

Замѣтимъ, что предоставленіе этого veto учрежденіямъ съ очень временными задачами, съ минутными тревогами, опасеніями, нуждами, было повсюду въ Европѣ грубымъ политическимъ заблужденіемъ, это къ тому же было и фактомъ, за которымъ вообще не лежало никакого права: нѣтъ вѣчныхъ вещей, нѣтъ святынь, нѣтъ неприкосновеннаго, съ чѣмъ какими-либо нитями были бы связаны эти временныя учрежденія, слѣпыя рабыни нуждъ своего дня. Нѣтъ ничего, что такъ мало почувствовало бы свой долгъ защитить прошлое, что такъ слабо знало бы это прошлое, такъ неспособно было бы понять его, какъ этотъ вѣчно преобразующійся и всему угодливый протей, идущій впередъ, безъ цѣлей, безъ воспоминаній, по волѣ того лишь, кто на немъ сидитъ. И такъ какъ у сидящаго нѣтъ тысячи глазъ, чтобы все видѣть, а каждая святыня единична и единичнымъ же актомъ разрушается, то ясно, что слѣпой везущій конь способенъ не сохранить, но затоптать ихъ всѣ И такъ не ему, сильному, но не зоркому, должно быть отдано это veto. Оно по всей справедливости должно бы при-

надлежать самому общему, самому духовному и всѣми сторонами равно признаваемому органу, какой мы думаемъ, раньше или позже будетъ созданъ въ этихъ цѣляхъ новою цивилизаціею.

Сила не всегда есть и умѣнье, и возница, собравшій всѣ возжи въ руки, еще не значитъ успѣшно имѣющій проѣхать черезъ всѣ трудности пути искусный знаетъ, что въ темнотѣ, близъ пропасти, нужно предоставить конямъ идти свободно. что, руководимые какимъ-то безотчетнымъ инстинктомъ, они проходятъ безопасно тамъ. гдѣ погубитъ малѣйшее движеніе правящей руки. Разница между администраціей и политикой и состоитъ въ томъ, что первая, заботясь только о силѣ. все лишь собираетъ возжи и въ заботахъ о нихъ не смотритъ, не имѣетъ времени смотрѣть на путь; она къ тому же вовсе и не знаетъ природы коней. Именно на знаніи этой природы и на тщательномъ всматриваніи въ путь основывается истинная политика: почти не заботясь о спѣхѣ и вовсе не собирая возжей. она достигаетъ, однако, того. что кони бѣгутъ и долго, и сильно, и, никуда не порываясь, спокойно довозятъ до конца.

Знаменитый и древній вопросъ. «кто будетъ сторожить стражей»?—показываетъ слабость и тщету этихъ надеждъ на силу, когда она вся и во всѣхъ видахъ будетъ въ «подвѣдомственныхъ» рукахъ: никто не устережитъ дремлющаго раба и не уловитъ лукаваго, хотя бы, теряясь въ толпѣ другихъ рабовъ, онъ еще вчера вмѣстѣ съ ними клялся всѣми клятвами, что не сомкнетъ глазъ и положитъ животъ свой передъ врагомъ. И такъ, нужно не довѣряться этимъ клятвамъ—нужно въ тиши, въ темнотѣ подсмотрѣть, кто истинно любитъ хранимое сокровище, кто и безъ клятвъ не заснулъ бы надъ нимъ. И понявъ это, различивъ вѣрныхъ, нужно, и уже не доглядывая за ними, отдать имъ охрану воротъ. Такъ поступаетъ мудрый хозяинъ. каковаго и можно ожидать надъ великими сокровищами исторіи. на чредѣ народной жизни, — и, поступая такъ, онъ этихъ сокровищъ не растериваетъ, эту жизнь сохраняетъ

XVII.

Безъ сомнѣнія, подобная же забота—не упустить чего, не досмотрѣть за чѣмъ, породила и странное подчиненіе среднихъ формъ образованія не университетамъ, къ которымъ онѣ—только поднимающая ступень, а особымъ «административнымъ единицамъ» — округамъ, ни съ университетами, ни вообще съ просвѣщеніемъ въ его идеѣ и смыслѣ не имѣющимъ ничего общаго Мы говоримъ о духѣ, а не о формахъ. ибо по формѣ можно связать и вещи противоположныя. по природѣ же онѣ всегда останутся противоположны и будутъ отвращаться другъ отъ друга. Этимъ отвращеніемъ, этимъ не высказаннымъ и ничему не покоряющимся антагонизъ-

момъ проникнуты и разрозненныя вѣтви образованія всюду, гдѣ оно еще не задохлось въ сѣтяхъ созданныхъ для него формъ, стремясь, въ силу природы своей, отдалить отъ себя эти формы,—какъ онѣ, въ силу природы же своей, стремятся его только давить. Но мы думаемъ, нѣтъ исторической необходимости въ этомъ антагонизмѣ, и формы, оставаясь крѣпкими, могутъ быть примѣнены къ другому, а просвѣщеніе можетъ быть свободно.

Безъ сомнѣнія, университеты лишь свѣдущи, кто имъ нуженъ, кто внимательнѣе склоняетъ слухъ къ ихъ ученію; и они же сами настолько просвѣщены, что могутъ различить, въ комъ, за всѣмъ недочетомъ формъ, есть живое зерно, которое слѣдуетъ полить и оно «во благовременіи» принесетъ плодъ. Но вотъ это различеніе и право избранія отнято у нихъ, и они обращены въ нѣмой сосудъ, куда, и уже давно, въ силу «страннаго сочетанія велящихъ звѣздъ», бросается одна шелуха, которую какъ-то, — но уже какъ хотятъ,—а должны они превратить въ полновѣсное зерно Имъ говорятъ, что бросаемое въ нихъ блестяще, и когда они отвѣчаютъ что это потому, что оно шелуха, они не получаютъ никакого отвѣта — по непониманію бросающихъ, что̀ такое шелуха. Люди, никогда не имѣвшіе дѣла съ зерномъ, и во всѣхъ явленіяхъ обращавшіеся лишь къ внѣшней ихъ сторонѣ, естественно и понятно раздражаются, слыша непонятный для нихъ языкъ; они не довѣряютъ этому языку, думаютъ, что въ немъ скрывается обманъ Но печальная истина состоитъ въ томъ, что двѣ группы людей, равно правыхъ и равно свѣдущихъ, но въ сферахъ, рѣшительно не имѣющихъ между собою ничего общаго, призваны говорить другъ съ другомъ объ одномъ и потому не понимаютъ взаимныхъ рѣчей.

И не только рѣчей не понимаютъ, но и бьющихъ фактовъ, и не только не понимаютъ, но не хотятъ задуматься. Какія формы были не соблюдены, какія «программы» не выполнены, чего недоставало по внѣшности, когда въ темную ночь, крадучись по коридорамъ, со связкой поддѣланныхъ ключей, шли «лишь на одинъ день недозрѣлые» къ замкамъ, чтобы, выкравъ изъ-подъ нихъ хитро задуманныя темы, завтра же явиться окончательно созрѣвшими и, наконецъ, торжествующе вступить въ университетъ Бѣдный университетъ, ихъ долженствовавшій принять! но и еще болѣе бѣдная администрація, которая видѣла и не поняла, что для этихъ людей уже никогда не настанетъ «зрѣлости». Но фактъ былъ не понятъ и, кажется, не внушилъ даже потребности обсужденія [1]): какую форму онъ нарушалъ? развѣ это былъ недочи-

[1]) Одна кража оканчивающими учениками темъ была года за три-четыре до моего выпуска, темы переданы были по телеграфу въ другія однородныя заведенія, что и вызвало производство во всемъ округѣ вторичныхъ экзаменовъ. Съ тѣхъ поръ, по неудобству подобнаго перепроизводства экзаменовъ, темы

танный Гомеръ? или пропущенная страница катехизиса? или не понятая теорема алгебры? Это былъ только рабскій страхъ, жалко изворачивающійся въ поискахъ за документомъ, и какъ, какими путями, формами можно огородиться отъ него, когда онъ вытекаетъ изъ чего-то, съ этими формами не имѣющаго ничего общаго?..

Этотъ страхъ, это душевное рабство, есть антитеза тому, что, какъ высокій идеалъ, повсюду постановлено воспитаніемъ. И если онъ есть, нигдѣ не уничтоженъ — есть ли гдѣ-нибудь воспитаніе? не есть ли лишь внѣшнія формы его, за которыми не скрывается уже давно никакой сущности? Сухая, сморщенная, всюду безъ боли разрываемая кожа, которую мы разсматриваемъ,—не показываетъ ли, что живое существо, которое предполагалось за нею, уже давно куда то и безслѣдно исчезло, и тщетно бросаютъ передъ ней приманки, толкаютъ ее, обрызгиваютъ водой: она не движется, она не видитъ и не слышитъ, она давно перестала жить

И какъ то, что перестала жить схоластика, обнаружилось ясно для всѣхъ въ знаменитомъ споръ о числѣ ангеловъ, умѣщающихся на остріѣ иглы, и не требовалось болѣе ни споровъ, ни разъясненій для всѣхъ, кто видѣлъ это и понималъ,—такъ точно, если мы имѣемъ умъ предковъ, мы должны бы понять, до какой степени ложенъ и извращенъ былъ трудъ, который мы клали такъ долго на возведеніе призрачнаго зданія, съ гордыми замыслами въ чемъ-то «поправить исторію», «измѣнить къ лучшему человѣка», для бѣдныхъ и темныхъ народовъ создать наконецъ «гражданъ»,—когда, вмѣсто всего этого, изъ воздвигнутаго зданія, какъ окончательный продуктъ заложенныхъ въ него рождающихъ силъ, показались эти крадущіяся и дрожащія тѣни, съ блѣднымъ отъ страха лицомъ и съ горящими жадностью глазами, которыя,—стой на пути ихъ не стальной замокъ, но отечество, вѣра, всѣ дорогія святыни исторіи,—они не задумались бы и ихъ взломать, чтобы только себя и только на эту минуту насытить, чѣмъ нужно.

XVIII.

Мнѣ припоминается, какъ, много лѣтъ назадъ, утомившись ходить по длинной красивой залѣ, съ паркетнымъ поломъ и двойнымъ свѣтомъ, я сѣлъ на концѣ ея, и, самъ еще подростокъ, сталъ въ разсѣянности смотрѣть на лица множества такихъ же подростковъ, которые по-двое, по-трое, то подходили ко мнѣ, то удалялись,

разсылаются такъ, чтобы получались въ каждомъ городѣ лишь наканунѣ экзамена. Такимъ образомъ у учениковъ нѣтъ времени украсть темы. — оно отнято, конечно, не безъ увѣренности, что будь сохранено. — темы будутъ украдены.

разговаривая. Не знаю, подъ вліяніемъ ли уже ранѣе бродившихъ во мнѣ мыслей, или по чему другому, но я сталъ въ эти лица, давно уже знакомыя и не интересныя, всматриваться съ особеннымъ интересомъ. До окончанія курса, до зрѣлости», и мнѣ, и этому множеству юношей оставались кому мѣсяцы, кому немногіе годы. Какъ и всегда, между ними шумно играли мальчики 11—14 лѣтъ, бѣгая, прячась и ловя другъ друга. И въ этотъ разъ, какъ всегда потомъ въ продолжительные годы уже собственнаго учительства, я видѣлъ этотъ возрастъ съ яркою печатью занятости вотъ этою текущей минутою, съ отдачею ей всѣхъ силъ души и тѣла; ни яснаго склоненія къ добру, ни яснаго уклона къ злу въ нихъ еще не было было одно естественное, натуральное добро, которое, пожалуй, влечетъ къ себѣ даже болѣе, чѣмъ привитое, но изъ котораго, во всякомъ случаѣ, то можетъ быть выведено, взращено. Это добро было принесено изъ семьи; оно было слишкомъ ярко но оно уже начинало пугливо прятаться съ наростаніемъ годовъ, и ясно было, что не здѣсь оно выросло.

Совершенно иное впечатлѣніе производили лица юношей въ 17—19 лѣтъ. Они такъ же въ большинствѣ смѣялись или очень оживленно разговаривали. Но совершенно ни одного среди нихъ не было, на которомъ, именно въ моментъ оживленія, не отпечатлѣлось бы какого-нибудь искривленнаго чувства. Было ясно, какъ заискиваютъ одни у другихъ, какъ робѣютъ другіе передъ возможностью осужденія, и какъ готовы къ этому осужденію болѣе сильные. Пріязни, взаимнаго расположенія ни у кого не было, и ни въ комъ не было открытости. Правда, все это было мелко; но, сравнивая ихъ съ тутъ же бѣгающею толпой мальчугановъ, становилось ясно, что это мелкое — только первый заворотъ винта, по которому, все расширяя обороты и все восходя выше въ разъ уже данномъ направленіи, поднимется душа ихъ всѣхъ.

Кѣмъ данъ былъ этотъ заворотъ, и почему не вправо, а влѣво, и не въ комъ-нибудь, а во всѣхъ онъ уклонился? Эти заискивающія чувства, эта боязнь въ однихъ и готовность злоупотребить превосходствомъ у другихъ, наконецъ — и это чаще всего — тщеславіе и тщеславіе, ранняя жадность хоть чѣмъ-нибудь, хоть на минуту насытить его,—откуда все это? изъ семьи-ли, гдѣ ихъ-же видѣлъ я гораздо болѣе простыми и естественными, какъ-бы отдыхающими отъ этихъ чувствъ? отъ церкви-ли, гдѣ все, что они слышатъ (въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда слушаютъ), стремится подавить эти чувства и замѣнить ихъ противоположными? Непререкаемо очевидно было, что именно здѣсь взросли они,—на этихъ паркетныхъ полахъ, при яркомъ освѣщеніи въ два свѣта, при всюду развѣшанныхъ «таблицахъ правилъ», среди точныхъ или путающихся отвѣтовъ, но отвѣтовъ все на вопросы знанія, все въ длинныхъ вереницахъ фактовъ.

Ярко дурного чего-либо ни въ этихъ фактахъ, ни въ этихъ вопросахъ, ни въ этихъ «правилахъ» не было; но было какое-то неуловимое и постоянное зло въ томъ цѣломъ, что они составляли собою; какъ было бы безобразіе въ искусственно подобранномъ изъ костей и мускуловъ тѣлѣ, которое,—пусть каждая часть въ немъ взята изъ прекраснаго цѣлаго,—какъ новое, было-бы непреодолимо отвратительно.

Эта отвратительность искусственнаго состава, который видомъ своимъ такъ походилъ на цѣлое, на организмъ, и въ дѣйствительности былъ ему совершенно противоположенъ, и отражалась какъ постоянное неуловимое зло въ формированіи характеровъ, развитіи способностей, наконецъ на каждомъ молодомъ и уже притворномъ лицѣ. Въ миньятюрѣ они всѣ были такъ же искусственны, такъ же ложны, такъ же пусты отъ всякой вѣры во что-либо, отъ всякой любви къ чему-нибудь, кромѣ вѣры въ себя, кромѣ любви къ себѣ, какая была и въ системѣ, которая воспитала ихъ.

Не было и не могло быть чего-либо дурного ни въ одномъ изъ свѣдѣній, которыя такъ отчетливо и своевременно ложились въ ихъ душу. Но длинныя вереницы этихъ свѣдѣній, изъ которыхъ всякое ложилось въ свой рядъ, ничего не знали каждая о близъ-лежащемъ рядѣ, и не только не знали: каждая всѣмъ смысломъ, всѣмъ строемъ, всѣмъ наклономъ своимъ отрицала его; и изъ этихъ взаимно скрещивающихся отрицаній въ душѣ воспринимающаго выростало лишь сомнѣніе во всѣхъ нихъ. То, что было въ этомъ сомнѣніи умственнаго, сказывалось какъ индифферентизмъ ко всякому дальнѣйшему пріобрѣтенію свѣдѣній; но въ немъ была еще и сторона нравственная, которая выражалась какъ отсутствіе къ чему-либо любви, уваженія,—того, что выше мы назвали *культомъ*. За потерей всего этого, за недостаткомъ какого-либо далекаго и влекущаго предмета, что другое оставалось для каждаго, какъ всю силу вниманія своего сосредоточить на себѣ? Тотъ, кто не поклоняется ничему и не можетъ поклониться,—всегда поклонится себѣ.

Всѣ разнообразные виды маленькихъ страстей, маленькихъ боязней, маленькихъ позывовъ, какіе такъ живо были напечатлѣны на лицахъ, мелькавшихъ передо мной въ тотъ далекій памятный часъ, имѣли въ основаніи своемъ этотъ маленькій культъ своего «я». Онъ одинъ остался; потому-что всякій другой культъ, и даже тотъ бѣдный, узкій культъ, который каждымъ былъ принесенъ изъ семьи—культъ ея самой и близъ лежащей церкви, былъ невозвратимо потерянъ.

XIX.

Позднѣе, вступивъ въ университетъ, я былъ пораженъ его странною запустѣлостью. Или вымеселъ и ложь было все, что тамъ и сямъ, въ историческихъ или художественныхъ воспоминаніяхъ,

записано объ университетахъ за прежнія десятилѣтія ихъ существованія, или дѣйствительно, точно подъѣдаемые какою болѣзнью, эти университеты неимовѣрно пали съ тѣхъ поръ. Они пали не въ смыслѣ людности: они пали въ томъ главномъ смыслѣ, что къ нимъ не приносилось болѣе никакой жажды знанія, и если они на что-нибудь отвѣчали, то, во всякомъ случаѣ, не на вопросъ, не на любопытство ума. Въ самомъ университетѣ были, конечно, недостатки,—и главнѣйшій состоялъ въ томъ, что не были развиты его ученія, развѣтвлены въ разныхъ направленіяхъ, и въ своей совокупности они не представляли чего-либо цѣлаго и законченнаго. Но каждое почти ученіе порознь было высоко просвѣтительно: оно было культурно въ томъ смыслѣ какъ было объяснено это выше, за нимъ свѣтилась любовь учащаго и къ предмету своего ученія, и къ самому ученію. Были недочеты въ формахъ [1]), въ тѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ «ревности по службѣ», какихъ совершенно не было въ только-что пройденной средней школѣ; но — о чемъ тамъ и понятія не имѣлось—не было недочета въ духѣ, въ дѣйствительной преданности дѣлу, въ осмысленности отношенія къ нему. Между очень старыми профессорами были образцы такой высокой человѣчности, такого удивительно живого и многообъемлющаго интереса къ знанію и, также, къ самой жизни, къ ея текущему моменту, но въ формахъ благородныхъ, возвышенныхъ, что, конечно, годъ, два общенія съ ними воспитывали неизмѣримо болѣе, чѣмъ долгіе годы, проведенные надъ нелѣпымъ «учебнымъ матеріаломъ» средней школы. Было бы правильнѣе сказать, что это общеніе, наконецъ, возвращало душу къ тому нормальному состоянію, отъ котораго такъ надолго и такъ далеко, погружаясь во вся-

[1]) Мнѣ извѣстныя, на нашемъ факультетѣ, состояли исключительно въ неявленіи на лекцію—по слабости, слишкомъ распространенной въ отечествѣ, чтобы называть ее. На вопросъ, обращенный къ служителю, будетъ ли такой-то профессоръ,—угрюмый служитель лаконически отвѣчалъ нашему курсу: «со вдовой Поповой бесѣдуетъ». Но, уже явившись на лекцію, этотъ профессоръ и извѣстный ученый такъ читалъ намъ, что ни въ комъ изъ слушавшихъ и тѣни осужденія ему не могло быть за то, что 3—4 раза приходилось напрасно толкнуться въ аудиторію. Еслибы этого профессора, свѣтило нашего факультета и цѣлаго университета, перевести съ его слабостью въ гимназію, онъ, конечно, оказался бы тамъ нетерпимъ—«по неуважительному манкированью службой». Въ годы моего ученія, впрочемъ, началось уже тлѣніе университета и по духу Любопытно, что его ранними представителями были именно самые юные профессора, которые читали лекціи, одновременно готовясь къ магистерству,—т. е. тѣ hominculi, которые, съ соблюденіемъ всѣхъ Парацельсовыхъ правилъ, только-что вываренъ были средней школой. Это тлѣніе сверху, загнивавшіе вершины, гораздо ярче было выражено на другихъ факультетахъ.—и изъ нихъ юридическій, съ «кружкомъ молодыхъ профессоровъ» во главѣ, шелъ впереди всѣхъ. Подъ «тлѣніемъ» я не разумѣю здѣсь ничего другого, кромѣ появленія какихъ-нибудь иныхъ интересовъ на каѳедрѣ сверхъ чисто научныхъ; какъ въ студентахъ подъ этимъ словомъ не разумѣю ничего, кромѣ упадка любознательности.

ческое раздраженіе и ненависть, она была отклонена въ пору воспріимчиваго отрочества.

Если въ комъ-нибудь изъ насъ, потомъ вышедшихъ на широкую арену жизни, былъ взрощенъ культъ своей родины, ея прошлаго, наконецъ, религіи и церкви [1])—это конечно, было сдѣлано университетомъ, хотя, любопытно. ни однимъ словомъ тамъ не *навязывался* этотъ культъ. но онъ возникалъ самъ собою изъ общаго отношенія къ дѣлу,—какъ общимъ же отношеніемъ къ дѣлу, вопреки отдѣльнымъ зазываніямъ къ этому культу, мы отъ него непреодолимо отвращались въ средней школѣ.

Благодатный духъ древняго и прекраснаго учрежденія, цѣльнаго въ своей идеѣ, не растеряннаго во множествѣ противоположныхъ и несоединимыхъ цѣлей, вѣялъ здѣсь и отражался невольно, хоть сколько-нибудь, хоть иногда косвенно, иногда много времени спустя, по воспоминаніямъ —на каждомъ, кто имѣлъ дорогое право войти сюда, посидѣть на этихъ почтенныхъ старыхъ скамьяхъ, увидѣть, послушать этихъ стариковъ. Здѣсь все было хорошо именно потому, что было старо: на этихъ скамьяхъ можетъ быть сидѣли эти старики, быть можетъ ихъ не вынесутъ еще и тогда, когда уже будетъ учиться новое поколѣніе, съ другими мыслями, съ другими надеждами и замыслами, чѣмъ мы.

Въ средней школѣ все было заново выполировано; скамьи были «послѣднихъ образцовъ», вѣрно одобренныя на какомъ-нибудь гигіеническомъ конгрессѣ и красовавшіяся на педагогической выставкѣ, не было неостриженныхъ головъ, учебники были въ переплетахъ, учитель не запаздывалъ ни на минуту и аккуратно записывалъ въ журналъ, что объяснялъ, кого спросилъ, кто не пришелъ въ классъ. Но... это, наконецъ, было изобрѣтеніе, выдумка, которой не перестанетъ удивляться будущее.

Коллизія этихъ двухъ школъ—прежней исторической, которая принимала въ себя питомцевъ, и новой, только-что созданной, которая подготовляла ихъ, была удивительна и сказывалась на первыхъ же порахъ: она сказывалась въ томъ культѣ чистой науки, съ которымъ захудалыя, обезлюдѣвшія отдѣленія прежняго «философскаго факультета» по древнему упорному правилу назывались на актѣ первыми, выдвигались впередъ другихъ; и въ томъ, какъ отворачиваясь отъ этихъ факультетовъ (т. е. историко-филологическаго и физико-математическаго), густой толпой, уже не неопытные, юнцы валили къ хлѣбнымъ факультетамъ, т. е. юридическому и медицинскому. «Что ты мнѣ дашь?», а не «чему меня научишь?»— этотъ вопросъ былъ ясно у всѣхъ входившихъ. И столь же ясно

[1]) Даже церкви,—какъ это ни странно, ни удивительно покажется очень многимъ: но и я. и нѣкоторые изъ моихъ товарищей (а мы и ранѣе всѣ учили катехизисъ) во всемъ ея необъятномъ величіи поняли, что такое церковь въ исторіи, лишь на университетскихъ историческихъ лекціяхъ.

должно быть для всякаго, до чего затруднительно сдѣлалось положеніе университета съ его традиціями, съ его воспоминаніями, съ его долгомъ передъ своей идеей, разъ ему приходилось отвѣчать на этотъ вопросъ. Лишь впадая въ ложь передъ дѣйствительностью, онъ могъ сохранить прежній идеализмъ и, разъ открывалъ онъ глаза на эту дѣйствительность, не оставалось мѣста болѣе для этого идеализма.

Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ это раздвоеніе болѣе возрастало. Очень скоро было понято многими слушателями, что, ради хлѣба въ будущемъ, незачѣмъ отказываться отъ него и въ настоящемъ: предоставивъ готовить первый старымъ колпакамъ на каѳедрахъ, они во множествѣ разсѣялись по провинціи, гдѣ жизнь дешевле и конкурренція на трудъ слабѣе. Аудиторіи порѣдѣли: здѣсь работали стенографы, и старая связь между каѳедрой и слушателями сдѣлалась забытымъ мифомъ, никого не интересующею сказкой.

И, между тѣмъ, безъ этой связи — гдѣ же университетъ? въ чемъ его *собственная* цѣль? и неужели идея его такъ мало дала въ прошломъ, чтобы съ нею можно было безъ сожалѣнія разстаться въ настоящемъ.

XX.

Еще позднѣе, и уже разсматривая тѣ же явленія сверху какъ воспитывающій, я понялъ, до какой степени въ каждомъ порознь впечатлѣніи, серіи которыхъ ложились на душу воспитываемыхъ, былъ нарушенъ законъ его дѣйствія, его благотворнаго внѣдренія. И какъ, въ силу нарушенія этого закона, они всѣ, въ огромной своей массѣ, не только не достигали ожидаемыхъ отъ нихъ результатовъ, но и производили совершенно обратное. По истинѣ, это былъ ливень, выбивавшій ниву. Понятно стало мнѣ, какимъ образомъ послѣ восьми лѣтъ обученія библейской и евангельской исторіи, догматамъ и богослуженію—мы оканчивали курсъ сознательными атеистами [1]), почему, усвоивъ учебники, въ патріотическомъ духѣ составленные, мы не только презирали прошлое сво-

[1]) Это было въ 78 году; у насъ въ прежніе годы, въ среднихъ классахъ, бывали нерѣдко религіозные споры, но передъ окончаніемъ курса они уже болѣе не возбуждались Между моими товарищами только два, М—нъ и Ор—скій, не были атеистами: первый жилъ съ матерью-мѣщанкой и младшимъ братомъ, котораго подъучивалъ, второй былъ изъ очень хорошей и многочисленной семьи, причемъ мать его, протестантка, и всѣ сестры (православныя по отцу) были очень религіозны. Но М—нъ перешелъ въ нашъ лагерь, прочитавъ какое-то поразившее его мѣсто у одного извѣстнаго критика 60-хъ годовъ (не у Добролюбова); Ор—скій же, съ которымъ я встрѣтился позднѣе въ университетѣ (онъ учился въ другомъ), и уже самъ начавъ относиться иначе къ религіи, сталъ съ такимъ же жаромъ разъубѣждать меня въ ней, какъ я дѣлалъ это съ нимъ въ гимназіи.

его народа, но и ненавидѣли настоящее его до такой степени, что были только на одинъ шагъ, чтобы примкнуть къ «партіи дѣйствія» [1]); что въ учебномъ заведеніи, которое считалось образцомъ для другихъ со стороны административнаго порядка, и, кажется, со стороны педагогической [2]), мы узнали всѣ формы разврата [3]); и не было формы цинизма, кощунства, на которую не были бы готовы сами. Это былъ, если говорить рѣзкими сравненіями, обитый позументами гробъ, накрѣпко забитый гвоздями, куда не было

---

[1]) Катаясь на конькахъ, мы обмѣнивались номерами извѣстнаго лондонскаго изданія «Впередъ», которое, почему-то, такъ же правильно между нами циркулировало, какъ если бы оно издавалось въ Москвѣ или Петербургѣ: только отвратительная и глупая форма, въ какой выражался нашъ заграничный политическій протестъ, дѣлала насъ холодными къ нему; но выражайся онъ благороднѣе и поумнѣе, онъ нашелъ бы въ насъ почву слишкомъ подготовленную.

[2]) Судя по всегда отлично сходившимъ ревизіямъ, подъ впечатлѣніемъ которыхъ, безъ сомнѣнія, вскорѣ по окончаніи мною курса, нашъ директоръ, отличный дипломатъ по педагогической части, былъ передвинутъ на очень высскій административно-учебный постъ. Позднѣе, уже будучи учителемъ и служа въ разныхъ гимназіяхъ, то близкихъ, то далекихъ отъ центра, я былъ удивленъ, какъ въ самой захудалой изъ нихъ и почти забытой начальствомъ (она была болѣе, чѣмъ въ 100 верстахъ отъ желѣзной дороги) ученье шло до того бодро, до того дѣятельно, какъ ни въ одной изъ ранѣе мною видѣнныхъ: «опоздаешь на пять минутъ, а весь день испорченъ», сказалъ мнѣ здѣсь одинъ учитель въ отвѣтъ на удивленіе, зачѣмъ онъ такъ рано до уроковъ приходитъ въ гимназію. Вообще, и это надо имѣть всегда въ виду, *нѣтъ средствъ*, при административной постановкѣ воспитанія, улучшить его путемъ усиленія и напряженія контроля, который вызоветъ въ отвѣтъ лишь напряженіе формъ — къ ухудшенію дѣла, сущности, духа. Сметя все захудалое по формѣ, но дѣятельное, благотворное, истинно воспитательное по духу, этотъ контроль, вмѣсто оздоровленія, окончательно отравилъ бы собою все. Есть только одно средство къ улучшенію — въ перестановкѣ всего дѣла съ административныхъ началъ на воспитательно-культурныя, черезъ возвращеніе его въ кругъ, въ сферу вліянія и единственнаго руководства древнихъ культурныхъ силъ, т. е. у насъ—церкви, семьи, университета.

[3]) И нѣкоторыя очень странныя, поражавшія наше воображеніе, сдѣлались извѣстны намъ съ той стороны, откуда внушался порядокъ и благочиніе; что касается до разврата собственно среди насъ, то онъ практиковался, но постоянно въ обычныхъ, «терпимыхъ» формахъ. До какой степени, однако, эта практика была постоянна, я самъ узналъ изъ одного краткаго разговора, который очень поразилъ меня: «гдѣ вы были вчера утромъ?» спросилъ я у одного, шедшаго классомъ меня выше, воспитанника, С—ва, очень неглупаго и добраго: «а у Давыдки». — «Да что же вы тамъ дѣлали въ такое время?»—«А такъ сидѣли».—«Да что же за удовольствіе?»—«А мы ужъ привыкли: какъ кончимъ уроки, всегда туда отправляемся—есть деньги, покупаемъ пиво, нѣтъ—у хозяина кредитуемся, а не предвидится къ уплатѣ — такъ сидимъ и болтаемъ». Нашъ классъ былъ нѣсколько теоретическаго настроенія и *этой* практики не зналъ; но, подвергаясь всегда упрекамъ за отсталость по ученію, долженъ былъ имѣть въ виду примѣръ этого старшаго класса, который по блестящимъ успѣхамъ считался лучшимъ въ гимназіи. Онъ и дѣйствительно былъ очень хорошій, и если предавался такой практикѣ, то лишь по отсутствію какой-либо и чѣмъ-либо заинтересованности помимо своего ученическаго дѣла.

доступа постороннему воздуху и гдѣ. среди невыносимаго смрада, смрада во всѣхъ видахъ и всего касавшагося тлѣли наши души, такъ довѣрчиво, съ такими надеждами переданныя сюда изъ семьи.

Кому, какому интересу отвѣчало умноженіе этихъ гробовъ? кому дорого было бы сохраненіе въ тайнѣ ихъ содержанія? Не ясно ли. что и тайна эта хранится, и умноженіе это возрастаетъ внѣ всякаго и чьего-либо предвидѣнія. Это одно изъ тѣхъ роковыхъ историческихъ золъ которыя время отъ времени развивались съ неодолимою силою тамъ, гдѣ, вмѣшиваясь въ Промыслительное направленіе судебъ своихъ, стараясь замѣнить это направленіе своей рефлексіей. человѣкъ впадалъ при этомъ почти въ неуловимыя для него ошибки.

XXI.

Мы снова возвращаемся къ идеѣ Парацельса и къ образу оставленному доброй памяти» художникомъ Бандинелли.

Есть два пути воспитанія. естественный и искусственный. Первый путь, въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ тысячелѣтій исторіи, былъ не столько соблюдаемъ человѣкомъ, сколько хранимъ для него Богомъ онъ состоялъ почти исключительно изъ непосредственныхъ созерцаній, и подъ вліяніемъ ихъ. въ духѣ и въ смыслѣ своего вѣка, возрастало каждое поколѣніе. Въ древней Греціи предметомъ этого воспитывающаго созерцанія служили памятники искусства, картина всей широко развитой общественной жизни, религіозныя процессіи, мистеріи и болѣе всего прекрасныя учрежденія полугородскаго полу-государственнаго характера. Какъ орудіе, и очень могущественное, такого воспитанія, уже все это понималось людьми того времени объ этомъ читаемъ мы у Ѳукидида. объ этомъ же говорилъ Демосѳенъ. Въ болѣе узкомъ, но въ подобномъ же духѣ, было воспитаніе въ Римѣ.

Въ средніе вѣка измѣнился до противоположности и духъ, и смыслъ воспитанія. но его орудія остались тѣ же. Съ прежними богами ушелъ въ землю и прежній человѣкъ. На оголенномъ мѣстѣ исторіи засіялъ крестъ, и къ нему потянулись народы; имъ руководились въ жизни. на созерцаніи. на мысли о немъ, на безчисленныхъ воспоминаніяхъ, съ нимъ связанныхъ. воспитывались. Неузнаваемо перемѣнился человѣкъ, но одно сохранилось въ немъ— красота его, — ставъ вмѣсто внѣшней болѣе внутреннею. Рыцарь, какъ и Мараѳонскій воинъ, какъ и сенаторъ въ годину Каннъ, были. каждый по-своему, прекрасны.

Незамѣтно, какъ тѣни облаковъ подъ солнцемъ сбѣгаютъ съ поверхности земли, сбѣгали и набѣгали въ новыя эпохи новыя тѣни на человѣческое лицо, на его духъ Каждая эпоха приносила ему съ собою новыя задачи, новые труды, неожиданныя страданія, но и свои утѣшенія. Никогда онъ не отказывался отъ труда, ни-

когда не терялъ надежды выйти побѣдителемъ изъ испытанія. Онъ думалъ только о борьбѣ, никогда не задавался онъ мыслью, хорошъ ли самъ въ ней. Но мы, поздніе судители его дѣлъ, на разстояніи тысячелѣтій слѣдя за его мѣняющимся образомъ не знаемъ, въ который мигъ его болѣе любить, когда должно его глубже чтить.

Таковъ былъ человѣкъ, какъ продуктъ естественныхъ рождающихъ силъ всякаго народа и непосредственныхъ созерцаній своей эпохи. Видъ мастерской стараго художника, который мы избрали, какъ мимолетный образецъ такого созерцанія и вмѣстѣ какъ примѣръ естественнаго воспитанія, долженъ при этихъ мысляхъ, безгранично раздвинуться въ нашихъ глазахъ. Все входитъ въ картину такого воспитанія: битвы и героизмъ, семья въ ея свѣтлыя минуты, гулъ моря и синева небесъ, смерть близкихъ и звукъ церковнаго пѣнія. Это — необъятная школа, въ которой воспитывающимся было человѣчество, и воспитывающимъ Промыселъ, которому оно оставалось покорно.

Съ конца прошедшаго вѣка, когда старыя произрастанія погибли и для всего заложены были новыя сѣмена, одно сѣмя заложено было и для новаго воспитанія. Его бросилъ на землю незадолго передъ великимъ историческимъ катаклизмомъ, человѣкъ, о которомъ изъ всего, что было высказано, вѣрнѣе всего было бы сказать, что это былъ самый искусственный, наименѣе естественный по натурѣ изъ всѣхъ, какія знаетъ исторія, порожденій женщины, и вмѣстѣ онъ одаренъ былъ силою привлеченія къ себѣ, какою мало кто обладалъ въ ней. И мощь даровъ его, и искусственность его природы отпечатались въ трудахъ его. сѣмя, имъ брошенное, жадно принялось землей; и когда взросло оно, осѣнило землю зловѣщей тѣнью.

Идея искусственнаго человѣка, образованнаго внѣ естественныхъ историческихъ силъ и внѣ какой-либо вѣры своего вѣка и народа, удивительнымъ образомъ увлекла за собой всѣ народы Европы. Никто не хотѣлъ видѣть въ порождаемыхъ поколѣніяхъ повторенія пороковъ своихъ, заблужденій, бѣдствій; всякій народъ, рождая, торопливо отвращалъ въ сторону лицо свое, боясь, какъ бы оно не отпечатлѣлось на образѣ его дѣтей. Опасеніе, что порожденное останется вовсе безъ образа, что, не имѣя пороковъ, оно не получитъ и добродѣтелей, не страдая — не узнаетъ и радостей,—никого, повидимому, не смущало. И. между тѣмъ, не много еще времени прошло, какъ появившіяся во множествѣ тѣни безъ лицъ, которыя невозможно любить, которымъ невозможно что-нибудь передать, которыя бродятъ по лицу Европы безъ родины, безъ религіи, безъ семьи, — поражаютъ ужасомъ всѣхъ, кто, не щадя усилій и не останавливаясь передъ заклинаніями, такъ недавно еще вызывалъ ихъ. Теперь мы готовы бы новыми заклинаніями прогнать ихъ со своихъ глазъ, но едва-ли не поздно уже

это, и, главное — нашъ собственный языкъ коснѣетъ, руки безсилѣютъ, и разумъ становится слабъ.

Мы безсильны, безвольны, мы робки умомъ, чтобы понять, какъ вмѣсто того, чтобы возвысить человѣка путемъ искусственныхъ манипуляцій, въ дѣйствительности уронили его, вмѣсто того чтобы поддержать культуру, исторію, — подсѣкли ее подъ главный корень. Мы забыли, что ни исторія не можетъ продолжаться, ни человѣкъ жить безъ чего-нибудь абсолютнаго, что̀ или сердцемъ своимъ, или сознаніемъ, онъ понялъ бы какъ единственно для себя цѣнное. И вотъ, имѣя сами въ себѣ лишь остатки этой крѣпкой вѣры, мы у дѣтей своихъ отняли ее совершенно и замѣнили ее созерцаніемъ относительностей. Все есть въ длинномъ ряду этихъ относительностей, всякая красота заключена въ немъ, кромѣ одного — ощущенія абсолютности чего-нибудь: по отношенію къ чему остальное и было бы относительно, условно. И такова вѣчная природа человѣка даже на ступеняхъ ея формированія, что образуемыя поколѣнія, непреодолимо отвращаясь отъ этихъ гирляндъ помертвѣлыхъ цвѣтовъ, какими мы ихъ увиваемъ, ищутъ прилѣчиться хоть къ трепетному, но живому листку среди нихъ, привязаться хотя бы къ посредственному, хотя бы къ дурному, но съ тою беззавѣтностью, какой требуетъ для себя все абсолютное. Но мы не понимаемъ этого, не видимъ той боли, которая испытывается душою, когда она стремится и не находитъ для себя никакого средоточія и никакого источника для своей жизни; мы все держимъ, какъ древній Парацельсъ, идею искусственнаго состава человѣка, и всякій разъ, когда homunculus начинаетъ принимать слишкомъ человѣкообразный видъ, мы снова возвращаемъ его къ прежней безформенности, опасаясь, что въ немъ не соблюдены всѣ пропорціи или недостаетъ «древности», или есть избытокъ «новыхъ вѣковъ». Такъ, держа передъ формирующимся существомъ нѣсколько образующихъ формъ и отодвигая каждую, какъ только она начинаетъ слишкомъ налагать на него свои черты, — мы создаемъ тѣ безкровныя тѣни которыя такъ пугаютъ насъ.

Первою задачею, если мы въ самомъ дѣлѣ хотимъ прогнать эти тѣни, должно быть возвращеніе въ воспитаніе этого абсолютнаго. Только оно имѣетъ зиждительную способность—растить около себя силы души; на беззавѣтной преданности себѣ, на безграничной любви — воспитывать ихъ. И это тотчасъ приводитъ насъ къ мысли, что воспитаніе должно быть поставлено подъ покровъ такихъ великихъ историческихъ институтовъ, въ которыхъ сохраняется это абсолютное, есть вѣра въ одно что-нибудь—около чего не стоитъ ничего другаго смущающею тѣнью. Въ государствѣ есть это абсолютное, несравненно цѣнное, безъ чего невозможно продленіе исторической жизни— это *форма:* оно своими учрежденіями, своимъ закономъ, общимъ повсюду и для всего однороднаго, обво-

лакиваетъ всякое содержаніе, но оно безсильно создать какой-нибудь идеалъ, придать содержанію смыслъ, одухотворить форму, которую вѣчно одну вѣчно ткетъ по самой своей природѣ. Это и дѣлаетъ его не воспитательнымъ. Въ замѣнъ этого, есть другіе историческіе институты, которые столь же безсильны коснуться формы и имѣютъ отношеніе исключительно къ содержанію: это — идеальныя учрежденія церкви, семьи, наконецъ, университета, какъ законченнаго выразителя умственныхъ стремленій исторіи. Будучи различны между собою по объему и смыслу, они сходны въ одномъ— въ своемъ воспитательномъ смыслѣ, по-своему каждый, но они всѣ — вѣрующи, въ каждомъ изъ нихъ есть свой идеалъ, и не сливая человѣческаго лица въ одно, они различнымъ его выраженіямъ придаютъ одно общее — красоту. Только къ этому мы и должны идти, это одно и можетъ составить задачу воспитанія, чтобы человѣкъ, къ чему бы различному не стремился, во всякомъ стремленіи оставался прекрасенъ.

Мы не говоримъ при этомъ о формахъ: онѣ естественно и сами собою развьются около содержанія, отвѣчая слѣпо его движеніямъ, его жизни,—и государству можетъ принадлежать задача укрѣпленія ихъ, охраненія; но это есть вторичное, и значило бы погубить дѣло въ началѣ же, если бы захотѣли, создавъ формы, ожидать, когда въ нихъ зародится содержаніе. Эта погубляющая ошибка и была всюду сдѣлана. Безъ знанія истинныхъ законовъ образованія человѣческой души, руководясь только заботою о легкости созиданія самыхъ формъ—онѣ всюду были установлены въ такомъ видѣ, въ какомъ не могутъ выработать никакого сколько-нибудь желательнаго содержанія. Не были и не могли быть приняты во вниманіе тѣ пластическія условія, при которыхъ только и образуется, и воспитывается душа: вмѣсто того, чтобы класть на нее впечатлѣнія длинныя, взаимно скрѣпляющія другъ друга, и ими индивидуально дѣйствовать на индивидуальныя же ея особенности, всюду установлены были впечатлѣнія прерванныя, взаимно дисгармонирующія и оголенныя какъ въ формѣ своей, такъ и въ способѣ передачи до потери всего индивидуальнаго. Урокъ, смѣшанная изъ разнороднаго программа, оголенный учебникъ — это стало неотдѣлимо отъ самой идеи образованія; хотя, по истинѣ, никогда не появлялось въ исторіи ничего, что было бы въ такомъ же антагонизмѣ съ истиннымъ образованіемъ, какъ все это. При помощи именно ихъ, которые удалили новаго человѣка отъ созерцанія, отъ медленнаго впитыванія въ себя всего, чѣмъ жила исторія и что было свято въ теченіе тысячелѣтій для людей, образовались тѣ уплотненныя, тяжелыя души, которыя куда бы и зачѣмъ ни появились, всегда тяготѣютъ только къ низинамъ, и мыслью, и воображеніемъ, и чувствомъ падая на дно, туда же влекутъ за собою все, за что ни берутся, къ чему ни прикасаются.

Никогда эти тѣсныя, неподвижныя формы, однако, такъ удобныя для созиданія и поддержанія, не могли бы развиться изъ самаго содержанія, никогда бы священникъ, ученый, филантропъ, всякій любитель и знатокъ души человѣческой не остановилъ рѣчь свою потому, что отсчитанныя минуты протекли, ни сталъ бы говорить пустое, потому что онѣ еще не кончились, и ни одинъ-же, кто имѣетъ какую-нибудь жалость къ другому и наконецъ къ себѣ, не сталъ-бы, снимая съ исторіи уборъ ея, передавать ея высокое и святое содержаніе въ скользящихъ книжкахъ съ одною заботой, чтобы они легко и безъ воспоминанія ложились, куда нужно. Никогда все это, что на пространствѣ цѣлой земли годъ за годомъ и десятилѣтіе за десятилѣтіемъ ниже и ниже спускаетъ исторію, дальше и дальше отодвигаетъ человѣка къ его первоначальной простотѣ,—никогда не могло-бы это получить силу, еслибы, какъ всегда до нашего вѣка, растущія поколѣнія, оставаясь въ семьѣ такъ долго, какъ можно, вводились затѣмъ подъ покровъ церкви, и ею подъ водительство науки, чтобы затѣмъ, и уже сформировавшись духомъ, силами своими послужить и государству, которое все это сберегло но ничего изъ этого не нарушило.

XXII.

Въ христіанскомъ обществѣ, въ противоположность древнему языческому, каждый единичный человѣкъ уже не есть только гражданинъ. Слитность, единство лица его, которое въ античномъ мірѣ безраздѣльно выражалось въ государствѣ и удовлетворялось совершенно принадлежностью къ нему, — въ новомъ мірѣ не находитъ удовлетворенія въ одной этой принадлежности и, оставаясь гражданиномъ, каждый хочетъ внѣ этого и независимо отъ этого, быть еще христіаниномъ, отцомъ, наконецъ — мыслителемъ или художникомъ. Человѣкъ сдѣлался сложенъ, и было бы глубочайшимъ поворотомъ его отъ христіанства вновь къ язычеству, еслибы онъ захотѣлъ снова простоты и слитности въ себѣ, если-бы чему-нибудь одному въ своемъ сложеніи онъ допустилъ распространиться до цѣлаго, до поглощенія всего себя.

Это открываетъ намъ историческій смыслъ явленія, которое въ значеніи его для человѣка, для индивидуума, мы пытались объяснить выше. Переходъ воспитанія изъ лона семьи и церкви къ государству не безъ причины совпалъ съ началомъ прошедшаго вѣка и началомъ нынѣшняго: это была эпоха, когда вообще европейское человѣчество, какъ-бы утомленное христіанствомъ, стало медленно сходить съ основъ его, чтобы переступить на новыя, языческія. Но, по истеченіи восемнадцати вѣковъ христіанской культуры, непрерывнаго историческаго созиданія, этотъ переходъ имѣетъ свой особый оттѣнокъ и смыслъ.

Непрерывно возрастая до этого времени въ своей сложности, въ богатствѣ и разнообразіи своихъ выраженій, ликъ европейскаго Запада съ тѣхъ поръ началъ обратно съуживаться. Лишнія, столь долго его красившія тѣни, одна за другою сходятъ съ него, и оно вновь принимаетъ всюду, во всѣхъ направленіяхъ, одно выраженіе. Быть христіаниномъ, какъ и быть дѣйствительно независимымъ художникомъ или мыслителемъ, наконецъ быть отцомъ прочной семьи — все это слишкомъ сложно и трудно стало для человѣка, все это требуетъ обилія творческихъ и организующихъ силъ, и, не находя ихъ болѣе, слагается для облегченія индивидуума. Ростъ государственности въ Европѣ всюду идетъ объ руку съ развитіемъ индивидуализма—этого уединенія человѣка въ себя, вдали отъ общества. Гражданскій долгъ, который затѣмъ остается, — это уже давно не долгъ римлянина или даже афинянина: это—только отсутствіе всякаго долга, озабоченности, предоставленіе другимъ—досужнымъ или оплаченнымъ людямъ, нести бремя тревогъ, отвѣтственности, какія возлагаетъ на каждаго полнота человѣческаго существованія.

Всѣ связи, всякій лишній уборъ правъ, обязанностей, заботъ слагается съ себя индивидуумомъ, чтобы, уйдя изъ-подъ нихъ, онъ могъ на досугѣ предаться своимъ маленькимъ наслажденіямъ, или просто, чувствуя себя свободнымъ, не чувствовать позади себя никакихъ напоминаній. Мы сказали о язычествѣ, къ которому передвигается европейское человѣчество съ христіанскихъ основъ; но это—не прежнее мощное язычество Рима, это новое маленькое язычество передъ своимъ «я», въ сторонѣ отъ большихъ путей исторіи, и даже съ возможнымъ забвеніемъ объ этихъ путяхъ.

Передача безъ сожалѣнія, безъ особыхъ тревогъ, дѣтей своихъ на заботу далекихъ учрежденій — это имѣетъ въ основѣ своей на Западѣ указанное стремленіе семья тяготитъ человѣка, дѣти составляютъ не радость уже, но бремя,—и если возможно безъ преступленія сбросить это бремя, оно сбрасывается [1]), какъ въ другихъ случаяхъ сокращается [2]). Съ другой стороны, поднимая его на свое попеченіе, государство дѣлаетъ уже много, если дѣлаетъ что-нибудь Брошенное, тяготящее всѣхъ поколѣніе — это алчное племя голодныхъ ртовъ и еще какихъ-то запросовъ сознанія, должно быть довольно и за то малое, то грубое, что не по любви, не по милосердію, но по необходимости даютъ ему. «Не тяготи меня видомъ своимъ», говоритъ ему каждое отходящее старѣющее

---

[1]) Любопытно, что уже Руссо, родоначальникъ новаго воспитанія, рождая дѣтей—бросалъ ихъ въ воспитательный домъ.

[2]) Извѣстно, что во Франціи, родинѣ Руссо, уже давно, и именно въ зажиточныхъ семьяхъ, практикуется способъ ограничивать число дѣтей, и, какъ писалось уже лѣтъ 12 назадъ, это быстро распространяется (но изъ Франціи) и въ другихъ странахъ

поколѣніе. «не смущай меня явностью своихъ пороковъ», говоритъ ему государство: «соблюди мѣру, сохрани внѣшность, и скоро ты будешь господиномъ всего».

Въ жизни, гдѣ всѣ идеалы уже позади и впередъ ничто не манитъ, эти невысказанныя мысли и дѣйствительность, которая явно изъ нихъ вытекаетъ, не могутъ внушать особеннаго удивленія. Совершонный трудъ, историческое утомленіе имѣютъ свои права на прощеніе, но еслибы общество, еще молодое, съ неизсякшими силами, даже и не сознавая возможности подобныхъ мотивовъ, дѣлало по формѣ однако то же, — что могло бы для него послужить оправданіемъ? что оно сказало бы передъ судомъ дѣтей своихъ, судомъ правымъ и, безъ сомнѣнія, осуждающимъ?

ТРИ ГЛАВНЫЕ ПРИНЦИПА ОБРАЗОВАНІЯ.

(По поводу замѣчаній Д. И. Иловайскаго [1]).

Нѣкоторыя главы моей статьи «Сумерки просвѣщенія» (*Русскій Вѣстникъ*. 1893 года), къ сожалѣнію, страдаютъ такими недостатками изложенія, которые, въ значительной степени отнимая у нихъ силу убѣдительности, могутъ, кромѣ того, дать поводъ къ невѣрному пониманію ихъ основныхъ мыслей. Пишущему не часто приходится сообщить лучшія внѣшнія достоинства тѣмъ своимъ мыслямъ, которыя онъ считаетъ по внутреннему содержанію наиболѣе правильными и для себя дорогими. Обстоятельства совершенно побочныя и частныя могутъ ослабить его руку въ самыя нужныя минуты, и трудъ, съ наилучшими надеждами начатый, можетъ принести ему наиболѣе огорченій. Конечно, ни для кого изъ его читателей они не могутъ быть такъ больны, какъ для него самого, вниманія, котораго онъ хотѣлъ для себя именно въ данную минуту, именно въ данномъ кругу умственныхъ своихъ заботъ—нѣтъ для него; и лучшее свое дѣло онъ видитъ разрушеннымъ въ самомъ же началѣ собственными своими руками.

Мысли, изложенныя въ моей статьѣ, должны бы быть индифферентны для всѣхъ партій, борющихся за ту или иную систему образованія у насъ-ли, въ Западной-ли Европѣ, и я имѣлъ нѣкоторую надежду, что для всѣхъ-же партій онѣ будутъ цѣнны, потому что вскрываютъ сгорону вопроса, ими всѣми равно опущенную. Я не касаюсь ни реализма, ни классицизма въ образованіи; меня занимаетъ скорѣе вопросъ: почему и при классицизмѣ юныя

---

[1]) См. *Московскія Вѣдомости*, 1893 г., № 61, статья «О нѣкоторыхъ явленіяхъ въ столичной печати».

образующіяся души являются такъ мало проникнутыми имъ? почему, проходя реальную школу, онѣ такъ мало проникнуты бываютъ интересомъ къ реальнымъ наукамъ—этому плоду новаго, трехвѣковаго европейскаго движенія? Ни одного типа школы я не отвергаю, я изслѣдую только, почему всѣ типы школы такъ мало достигаютъ своихъ цѣлей, съ такимъ упорствомъ осуществляемыхъ, такъ ярко и, несомнѣнно, благородно желаемыхъ.

I.

Три принципа образованія мнѣ видятся равно нарушенными во всѣхъ типахъ школы, во всѣхъ борющихся системахъ, и отъ этого нарушенія результаты всѣхъ ихъ такъ сомнительны, такъ горьки для самихъ образующихъ, какъ безъ сомнѣнія, они не горьки для стороннихъ зрителей ихъ усилій, много критикующихъ, но ни въ чемъ не могущихъ, не умѣющихъ помочь дѣлу. Эти принципы слѣдующіе.

I. *Принципъ индивидуальности* Онъ требуетъ, чтобы какъ въ образуемомъ (ученикъ), такъ и въ образующемъ (учебный матеріалъ), была по возможности сохранена индивидуальность, это драгоцѣннѣйшее въ человѣкѣ и въ его творчествѣ. Это лучшее въ нихъ, чрезъ соприкосновеніе чего (ихъ обоюдное вліяніе) и совершается именно образованіе Гдѣ она не сохранена, подавлена или въ пренебреженіи, *тамъ образованія совершенно не происходитъ*,—вотъ моя мысль; только какъ личность, какъ *этотъ опредѣленный человѣкъ*, а не «человѣкъ вообще», я могу быть наиболѣе изобрѣтателенъ въ мысляхъ свѣжъ въ своихъ чувствованіяхъ, упоренъ, твердъ въ стремленіяхъ. Оставьте во мнѣ «человѣка вообще», дѣйствуйте только на него и только общими-же своими сторонами и вы навѣрное сдѣлаете меня во всемъ недалекимъ, ко всему вялымъ, ни въ чемъ не яркимъ; незамѣтно для себя, вы сдѣлаетесь и сами такими-же; вы многаго еще *не забудете*, но *лучшее* въ себѣ *потеряете*; многому меня *обучите*, но не пробудите никогда самаго во мнѣ лучшаго, что уже есть, дремлетъ, *заложено* въ особенностяхъ моего душевнаго склада. Въ противоположность животному, которое всегда есть *родъ*, *видъ*, *разновидность*,—человѣкъ есть всегда *особенное*. «Личность»—вотъ его высшее, глубочайшее опредѣленіе; и отвѣчая этому опредѣленію, каковъ бы ни былъ типъ школы, система образованія только та одна будетъ образовательною, гдѣ не будетъ нарушенъ этотъ принципъ индивидуальности. Какъ это можетъ быть сдѣлано? что это значитъ?

Сохраните ребенка какъ можно долѣе въ семьѣ, поставьте его потомъ какъ можно ближе къ Церкви—вотъ требованіе этого принципа въ томъ, *что касается образуемаго* (ученикъ). по самой своей природѣ, семья и Церковь индивидуальны въ способахъ сво-

его воздѣйствія, въ своемъ воззрѣніи на человѣка,—въ томъ, какъ относятся къ нему. Онѣ къ этому *способны*,—не по сознанію долга, не по доблести, не потому, что онѣ лучше всего остального. но потому, что внутренни, субъективны, знаютъ лицо въ человѣкѣ, а не родъ только, не группы людей. Онѣ въ воспитаніи суть наилучшія. И, въ обратность этому, менѣе всего довѣряйте большимъ, строго организованнымъ, хорошо дисциплинированнымъ школамъ: что-бы онѣ ни дали вамъ, онѣ отнимутъ у васъ драгоцѣннѣйшее, чѣмъ то, что вы получите отъ нихъ.

Не отряхайте съ цвѣтовъ махровости: сведите къ minimum'у учебную переработку памятниковъ, доведите до maximum'а ихъ непосредственное изученіе — вотъ требованіе этого принципа въ томъ, что касается *образующаго* (учебный матерьялъ). Вмѣсто того, чтобы заучить двѣ страницы *о* Котошихинѣ и два отрывка *изъ* Котошихина, изучите *четыре* отрывка *изъ* него—вотъ простое и ясное примѣненіе этого принципа. Вмѣсто того, чтобы, прочитавъ 400 стиховъ изъ Гомера, и уже начавъ осваиваться съ нимъ, привыкать къ нему, понимать его языкъ безъ затрудненія, перебѣгать къ Геродоту и такъ-же медленно, крошечными отрывками, его усвоивать, какъ до сихъ поръ и Гомера,—лучше оставьте совсѣмъ Геродота и просидите годъ, полтора года надъ однимъ Гомеромъ—вотъ другое подобное примѣненіе этого принципа. Не оставляйте никакого изученія ранѣе, чѣмъ послѣ труда не почувствуете, наконецъ, и наслажденія, а съ нимъ привязанности, интереса къ изучаемому. Наконецъ, вмѣсто того, чтобы запомнить календарно краткія свѣдѣнія о всѣхъ важныхъ лицахъ и событіяхъ исторіи — безъ образа и безъ смысла, узнайте треть, четверть этихъ лицъ и событій въ живыхъ образахъ и съ какимъ-нибудь смысломъ — вотъ третье примѣненіе этого принципа. Не удивительно-ли, не безумно ли, не развращающе-ли, наконецъ, что ни «Борисъ Годуновъ», ни «Скупой рыцарь», ни «Слово о Полку Игоревѣ», ни даже само Евангеліе и Библія не имѣютъ въ современной школѣ и тѣни того вниманія къ себѣ, какое отдано тысячамъ страницъ дурного текста, невѣдомо кѣмъ и какъ составленнаго, о томъ-же Годуновѣ, о томъ-же «Словѣ», о Евангеліи, Библіи, о всѣхъ предметахъ міра,—текста, изучаемаго изъ строки въ строку, изъ страницы въ страницу, и это безъ какого-либо сомнѣнія для. каждаго, что здѣсь нѣтъ ничего воспитывающаго и образующаго.

Указавъ на этотъ недостатокъ школы (всѣхъ типовъ и степеней), я долженъ былъ естественно ожидать встрѣтить тысячи возраженій. Чтобы предупредить ихъ, я сдѣлалъ ссылки на примѣръ мнѣ казалось, самый убѣдительный я взялъ учебникъ, составленный лицомъ, завѣдомо хорошо знающимъ свой предметъ, даже болѣе—лицомъ, сдѣлавшимъ этотъ предметъ интересомъ всей своей жизни, наконецъ, я взялъ родную исторію и патріота, о ней напи-

савшаго учебникъ. И если, тѣмъ не менѣе, выдержки съ непреодолимою очевидностью убѣждаютъ, что не осталось отъ этого интереса, этого уваженія къ родной исторіи, этого патріотизма въ учебной переработкѣ и слѣда, то не ясно-ли, что *въ самыхъ условіяхъ подобнаго труда есть нѣчто исключающее всякую возможность сохраненія въ немъ образовательнаго значенія* Г. Иловайскій находитъ въ моихъ словахъ «укоры» ему, по истинѣ, изъ сдѣланнаго мною выбора онъ могъ-бы извлечь скорѣе нѣкоторый поводъ къ гордости, но, сдѣлавъ это, тотчасъ и во всей строгости признать справедливость моихъ указаній, безъ всякихъ ограниченій согласиться, что даже и онъ ничего не могъ сдѣлать тутъ. Въ сущности, онъ и соглашается, но, не понимая всего ужаса положенія дѣла и думая, будто-бы его именно, его особенно, въ чемъ-то обвиняютъ, пытается сбросить это обвиненіе, какъ скорѣе идущее къ комунибудь иному, нежели къ нему Онъ говоритъ.

«Г. Розановъ совѣтуетъ въ нашихъ школахъ, между прочимъ, отбросить историческіе учебники, *съ ихъ простымъ русскимъ языкомъ*, а воротиться къ «Синопсису» XVII вѣка, написанному неудобо-понятною смѣсью церковно-славянскаго съ русскимъ. Эту смѣсь онъ находитъ «изложеніемъ строго-культурнымъ» и даже художественнымъ, болѣе всего подходящимъ для «крестьянскаго воспитанія». Но если онъ говоритъ собственно о сельскихъ школахъ, то причемъ тутъ укорительныя ссылки на мой учебникъ русской исторіи, имѣвшій въ виду старшіе классы средне-учебныхъ заведеній?»

И нѣсколько далѣе:

«Г. Розановъ читалъ, повидимому, нѣкоторыя страницы моего учебника, но совсѣмъ незнакомъ съ моимъ главнымъ трудомъ, то-есть съ нѣсколькими томами моей *Исторіи Россіи*» и т. д.

Онъ указываетъ на свои заслуги передъ наукой русской исторіи, онъ хочетъ показать, будто я такъ ограниченъ, что не вижу преимуществъ «простаго русскаго языка»... какъ будто въ этомъ дѣло? какъ будто споръ только объ «общепонятномъ» и я имѣлъ завистливо въ виду чьи-то слишкомъ блистающіе лавры? Богъ съ ними, со всѣми лаврами! Я имѣлъ въ виду тысячи и тысячи юныхъ душъ, въ возрастѣ отъ 15 до 19 лѣтъ, которыя обо всемъ, о чемъ ни учатъ, вынуждаются запоминать какія-то схемы, *плодъ нашей абстракціи отъ созерцанія реальнаго міра*, который, вопреки всѣмъ органическимъ законамъ развитія, имъ дается какъ предвареніе этого самаго созерцанія *Мы* съ этими именами (въ исторіи), съ этими движеніями, дѣлами, походами, усиліями, соединяемъ въ умѣ своемъ тысячи подробностей; но *для того, кто ничего не соединяетъ съ ними*, не одѣваетъ ни одно имя живою плотью, не представляется ли русская, французская, греческая, всякая исторія какою то странною толкотней тысячи ногъ, ступни кото-

рыхъ онъ видитъ, головы же и туловища надъ ними не можетъ разсмотрѣть,—и, однако, почему-то долженъ непремѣнно запомнить, какая нога кому принадлежитъ. Я хочу именно образовъ; я не понимаю исторіи, которая не различаетъ народовъ иначе какъ по странамъ, въ которыхъ они обитали, по направленіямъ, въ какихъ они двигались, по хронологическимъ даннымъ, по языческимъ или христіанскимъ ихъ именамъ. Я утверждаю, что это не есть исторія, не только французская, русская, но и вообще какая-нибудь; такъ нельзя изучать человѣка, такъ нельзя говорить о немъ: и говорить такъ о человѣкѣ возрасту, которыи черезъ исторію съ нимъ ознакомляется, и имѣть видъ, будто при этомъ и уважаешь человѣка, и имѣешь попеченіе о возрастѣ,—значитъ или быть непростительно недальновиднымъ, или въ какомъ-то непонятномъ индифферентизмѣ совершать преступное развращеніе. По истинѣ, какое-то odium humani generis можетъ невольно возникнуть при взглядѣ на эти вереницы людей, которые такъ долго жили и такъ мало перемѣнились, жили повсюду и все съ тѣми же лицами, не научились ничему изъ опыта жизни, кромѣ какъ поворачивать съ юга на сѣверъ или съ запада на востокъ и потомъ обратно.

Вотъ гдѣ источникъ моей ссылки на «Синопсисъ», въ которомъ,—какъ и въ тысячѣ подобныхъ, *тогда* написанныхъ книгъ,—образы не стерты съ людей, и ихъ можно различить по ихъ благороднымъ частямъ, а не по двигающемуся ихъ тавру. Читая его, я знаю, что это *мои* предки умирали на Куликовомъ полѣ, что это не были ни Греки, ни Римляне, ни Персы, ни Французы,—чего я вовсе не знаю изъ учебника, гдѣ, правда, написано также «это Русскіе», но я боюсь, такъ ли я запомнилъ подпись, къ тому ли я отнесъ ее. Г. Иловайскаго смущаетъ «славяно-русскій» языкъ; его не смущаетъ, однако, греческій текстъ въ Иліадѣ, и, продолжая свою мысль, онъ не скажетъ, что тѣ краткія и красивыя событія, какія здѣсь разсказаны, можно бы скорѣе и легче запомнить въ легкомъ современномъ пересказѣ, а не въ гекзаметрахъ Гомера. Г. Иловайскій и не догадывается, что принципъ индивидуальности, мною развиваемый въ отношеніи къ образованію, есть *общая теорія* къ *факту* классическаго образованія, который внѣ этого принципа и не имѣетъ никакихъ основаній, на немъ же непоколебимо покоится. Но, утверждаю я, этотъ принципъ долженъ быть выраженъ по всѣмъ линіямъ образующей системы, онъ не долженъ быть только случайнымъ явленіемъ въ одномъ-двухъ предметахъ. Не иначе, какъ мы изучаемъ древній міръ по непосредственнымъ памятникамъ, — по нимъ же, этимъ непосредственнымъ памятникамъ, такъ глубоко воспитывающимъ, такъ образующимъ, мы должны изучать и Евангельскую исторію, и библейскую, и свою родную, и исторію всякой литературы. Вотъ въ чемъ, и только въ этомъ, лежитъ источникъ моей враждебности къ учебнымъ пере-

работкамъ: въ этой враждебности договорился ли я «въ февральской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* если не до совершеннаго обскурантизма, то до чего-то очень къ нему близкаго», какъ утверждаетъ мой оппонентъ, объ этомъ я предоставляю ему подумать теперь. Есть новый видъ обскурантизма, который всесиленъ, предъ которымъ напрасно ломаешь руки, который, въ стихійной своей слѣпотѣ, безжалостенъ, и ему послужилъ ли я въ своей статьѣ или г. Иловайскій въ своей учебной переработкѣ — это могло бы послужить другою темой его размышленій.

II.

Отъ принципа индивидуальности, на которомъ должна покоиться школа во всѣхъ ея типахъ и степеняхъ, переходимъ къ другому принципу, который въ иныхъ направленіяхъ, въ отношеніи къ иному, долженъ не менѣе проникать ее.

II. *Принципъ цѣлости.* Онъ требуетъ, чтобы всякое входящее въ душу впечатлѣніе не прерывалось до тѣхъ поръ другимъ впечатлѣніемъ, пока оно не внѣдрилось, не окончило своего взаимодѣйствія съ нею, потому что лишь успокоенный въ себѣ, не занятый умъ можетъ начать воспринимать плодотворно новыя серіи впечатлѣній. Отсутствіе разорванности въ группахъ знаній, въ художественномъ чувствѣ, въ волевомъ стремленіи—вотъ требованіе этого принципа; онъ указываетъ, что нельзя дробить очень сильно знаній, ощущеній; что такъ раздробленныя, будучи и вполнѣ приняты, они уже вовсе не оказываются тѣмъ, чѣмъ были въ началѣ, что они суть въ себѣ самихъ, въ своей цѣлости. Именно культурнаго, образующаго, воспитывающаго значенія они не удерживаютъ въ себѣ при этомъ.

И, какъ «учебная переработка», «изложеніе своими словами», является разрушительнымъ по отношенію къ художественной красотѣ памятниковъ, такъ это дробленіе является разрушительнымъ по отношенію къ ихъ силѣ. Школа, гдѣ нарушенъ принципъ индивидуальности, не воспитываетъ, не образуетъ; гдѣ нарушенъ принципъ цѣлости — не вліяетъ, не сообщаетъ какихъ-либо убѣжденій, не даетъ вѣры во что-нибудь. Не удивительное ли это явленіе, что въ новыхъ іезуитскихъ, въ средневѣковыхъ схоластическихъ, наконецъ въ древнихъ греческихъ школахъ юноша выходилъ всюду съ вѣрой, съ преданностью тому, чему его, хотя и немного, несовершенно, грубо, учили —съ вѣрой въ культуру, въ образованіе въ гражданственность своего времени; и только въ школахъ современнаго типа, такъ изощренно трудящихся надъ нашими дѣтьми, и, несомнѣнно, трудящихся въ полномъ согласіи съ духомъ и воззрѣніями отцовъ, дѣти почему-то становятся индифферентными ко всему, чему эти отцы вѣрятъ, что они исповѣдуютъ, въ чемъ

ихъ. наконецъ, воспитываютъ? Почему въ школѣ не завязывается никакихъ сильныхъ влеченій, интересовъ, привязанностей-умственныхъ, эстетическихъ, религіозныхъ, гражданскихъ? Часто мнѣ представляется вопросъ отчего случайная встрѣча съ человѣкомъ, даже одинаковаго умственнаго развитія, но противоположнаго склада убѣжденій, иногда неизгладимо вліяетъ на насъ, преображаетъ насъ? и отчего никогда этого дѣйствія не оказываетъ школа, школа именно *новаго* типа (потому что всѣ прежнія подобное дѣйствіе оказывали)? Гдѣ лежитъ тутъ разница, и въ чемъ вообще заключается тайна вліятельности?

Мнѣ кажется, заключается она въ цѣльности того, что вліяетъ. Вѣдь и одинокій другъ ни въ чемъ не могъ бы убѣдить насъ, еслибы на полусловѣ, на полуаргументѣ прерываемый — онъ долженъ былъ уходить куда-то, и на его мѣсто являлся бы «новый другъ»: вѣдь и книга, листы которой были бы переложены листами множества другихъ книгъ, которые всѣ мы были бы обязаны читать съ одинаковымъ, безраздѣльнымъ на время, вниманіемъ, не произвела бы на насъ никакого впечатлѣнія Нужно долгое, вдумчивое къ одному чему-нибудь отношеніе, чтобы это одно стало намъ дорого, чтобъ оно овладѣло нами послѣ того, какъ мы имъ овладѣли. И вотъ почему принципъ цѣлости всею своею силой становится противъ множественности предметовъ изученія, противъ чрезмѣрной краткости уроковъ, до какой она теперь доведена (5/6 часа), противъ ихъ обилія въ одинъ день. Онъ указываетъ, что, какъ бы ни были цѣнны свѣдѣнія, этимъ путемъ пріобрѣтаемыя, они всѣ ложатся на индифферентную къ нимъ почву, что какими бы навыками, знаніями ни былъ надѣленъ здѣсь человѣкъ, онъ останется человѣкомъ не воспитаннымъ, не образованнымъ.

И здѣсь мы снова приходимъ къ ряду самыхъ простыхъ, практическихъ указаній и къ ряду оцѣнокъ, совершенно расходящихся съ тѣми, какія обычно дѣлаютъ школѣ. Лучшая школа, элементарная или средняя, есть не та, которая расширяетъ горизонтально курсы, прибавляя къ однимъ предметамъ новые; лучшая та, которая ихъ съуживаетъ и въ то же время углубляетъ. Идеалъ образованія на этихъ двухъ ступеняхъ есть minimum изучаемыхъ отраслей знанія: но изучаемыхъ очень внимательно, очень строго. При этомъ съуженіи можно, по крайней мѣрѣ на протяженіи одного дня, сдѣлать предметомъ вниманія только одинъ, два, три предмета; мы говоримъ страшно много, говоримъ противъ своего убѣжденія — въ виду подавляющаго впечатлѣнія практики, которая дошла до 10 — 12 разнородно смѣняющихся предметовъ въ сутки, изъ которыхъ ни одинъ не держитъ на себѣ вниманія ученика долѣе чѣмъ $1^1/_4$—$1^1/_2$ часа времени (5 — 6 уроковъ, прослушанныхъ въ школѣ утромъ, приготовленіе вечеромъ къ 5—6 урокамъ на завтра); и это въ возрастѣ не 7—13 лѣтъ, когда впечатлѣнія

могутъ быть кратки, когда ихъ дѣйствительно можетъ быть много, но и въ возрастъ 17—19 лѣтъ, когда умъ не только способенъ, но стремится къ удлиненнымъ впечатлѣніямъ, когда онъ формируется и однако ежедневно отбрасывается назадъ въ этомъ своемъ усиліи сформироваться. Можно ли представить себѣ внутреннюю боль, отъ этого происходящую, нужно ли говорить о безплодности этой боли, о ея ненужности для кого-нибудь и чего-нибудь? Потому что ясно, что сдѣлавъ три полуторачасовыхъ урока (взамѣнъ 5—6 коротенькихъ) въ день, мы сдѣлаемъ каждый изъ нихъ обильнымъ по количеству сообщаемыхъ свѣдѣній, и слѣдовательно ничего не потеряемъ въ ихъ объемѣ. И, между тѣмъ, много выиграемъ. Ибо приготовить къ этому полуторачасовому уроку одну законченную сцену изъ Иліады, законченный разсказъ изъ Ливія, аргументъ изъ Платона — это уже не то, что приготовить ту же сцену, разсказъ, аргументъ, разорвавъ ихъ на части, изъ которыхъ начало непонятно безъ конца, и конецъ непонятенъ и неинтересенъ, когда забыто начало.

Г. Иловайскій, пропуская у меня подобную же страницу, сѣтуетъ на чрезмѣрное, подавляющее развитіе періодической печати и этимъ развитіемъ объясняетъ упадокъ въ обществѣ серьезнаго чтенія. «Періодическая печать» — возражаетъ онъ мнѣ или думаетъ, что возражаетъ, — «теперь убила книгу... въ Европѣ уже немного осталось людей, которые, подобно Гладстону, еще борются съ наплывомъ газетнаго чтенія и продолжаютъ читать книги». Мой почтенный оппонентъ видитъ фактъ, но не ищетъ его причины. Ему не кажется, что для этого перехода общества отъ серьезнаго чтенія къ чтенію поверхностному есть какая-нибудь общая почва и что она должна скрываться въ условіяхъ, этому чтенію предшествующихъ и его подготовляющихъ для каждаго: мы видимъ, что въ возрастъ двадцати и далѣе лѣтъ всѣ ищутъ краткихъ впечатлѣній пробѣгаемаго газетнаго листа и тяготятся всякимъ сколько-нибудь продолжительнымъ и связнымъ умственнымъ трудомъ, если онъ не вынужденъ, не есть обязанность службы или источникъ средствъ къ жизни. И я утверждаю, что причина этого лежитъ въ столь же краткихъ, такъ же не тянущихся впечатлѣніяхъ, изъ какихъ фатально, безсознательно, неудержимо всюду сложилось и продолжаетъ состоять школьное образованіе. Въ немъ—та же перемежаемость, то же отсутствіе долгаго, вдумчиваго вниманія къ одному чему-нибудь, какія мы наблюдаемъ и въ чтеніи, къ которому всѣ неодолимо влекутся по выходѣ изъ школы. Періодическая печать созданіе вѣдь не нашего вовсе времени; но только въ наше время она стала тѣмъ, что̀ есть—единственною почти умственною пищей всѣхъ. Почему ни въ первой половинѣ XIX вѣка, ни, особенно, въ его первой четверти, ни въ XVIII столѣтіи газета не только не выступала на первый планъ,

но даже совершенно терялась. исчезала за книгой. за сборникомъ статей (альманахи), наконецъ, за политическимъ памфлетомъ? По оживленію общества, по множеству ежедневно интересующихъ тревогъ, вѣдь ни время передъ революціей, ни время Наполеоновскихъ войнъ никакъ не уступаю нашему. Но есть убѣждающее подтвержденіе моей мысли и въ нашемъ времени—газета и теперь вовсе не всюду распространена. она совершенно не имѣетъ хода во всѣхъ слояхъ, хотя и образованныхъ, но не черезъ школу интенсивную, новѣйшаго типа. ни духовенство. ни учащіеся въ университетахъ (къ великому счастью) вовсе не льнутъ къ газетѣ и предпочитаютъ или чтеніе книгъ, или разговоры на книжныя и житейскія темы. или, наконецъ, вовсе ничего не читаютъ. Потребность газетнаго чтенія. этой новизны мелкихъ, не внѣдряющихся, и, въ сущности. не услаждающихъ и ненужныхъ впечатлѣній. пассивно переживаемыхъ, есть продолженіе привычки пассивно же, внимая только (утромъ). или безъ углубленія прочитывая (вечеромъ) воспринимать серіи и серіи впечатлѣній въ школьномъ возрастѣ. Если бы въ возрастѣ 16—19 тѣтъ занятія состояли не изъ 11—12 въ сутки чередующихся приступовъ вниманія къ разнороднымъ предметамъ, если бы они состояли изъ подготовленія каждый разъ въ теченіе 2—3 дней, или недѣли, цѣлой группы законченныхъ свѣдѣній о чемъ-нибудь,—нѣтъ сомнѣнія, изъ *этого подготовленія* никакъ не вытекло бы позднѣйшее желаніе всякое утро воспринимать скользящую смѣсь разнородныхъ свѣдѣній о всемъ на свѣтѣ и со всѣхъ концовъ свѣта.

III.

III. *Принципъ единства типа* — есть третій и послѣдній, на которомъ можетъ быть построено истинное образованіе. Онъ состоитъ въ требованіи, чтобы всѣ образующія впечатлѣнія. падающія на данную единичную душу, или, что то же, исходящія изъ данной единичной школы, были непремѣнно одного типа, а не разнородныхъ или не противоположныхъ. Иными словами они должны идти изъ источника одной какой-нибудь исторической культуры, гдѣ они всѣ развились (какъ факты, свѣдѣнія, воззрѣнія и т. д.) другъ *изъ* друга, а не другъ *противъ* друга, или *подлѣ* друга, какъ это было въ смежныхъ, смѣнявшихся во времени, цивилизаціяхъ. Нужно оставить попытки соединить христіанство съ классическою древностью, или житія святыхъ съ алгеброй, думая, что все это также удобно совмѣщается въ душѣ ребенка, какъ учебникъ алгебры и катехизисъ совмѣщаются въ его сумкѣ. Никогда этою индифферентною сумкой не станетъ ченовѣкъ — напрасны на это надежды. тайкомъ, съ непреодолимымъ отвращеніемъ, онъ выкинетъ изъ себя и катехизисъ, и алгебру, и останется пу-

стымъ, открытымъ для всѣхъ вліяній.—какъ это и есть, какъ это мы наблюдаемъ съ ужасомъ. не понимая. что своими руками подготовляемъ этотъ ужасъ.

Есть въ природѣ законъ, по которому два луча свѣта. извѣстнымъ образомъ направленные, взаимно интерферируются и, вмѣсто того, чтобы производить усиленное освѣщеніе. производятъ темноту, есть нѣчто подобное и въ душевной жизни человѣка. и въ ней также интерферируются образующія впечатлѣнія. если они противоположны по своему типу, и. вмѣсто того, чтобы просвѣщать умъ и сердце, погружаютъ ихъ въ совершенный мракъ Этотъ мракъ хаоса. когда свѣдѣнія есть. когда знаній много, и однако нѣтъ изъ нихъ ни одного дорогого, не осталось и тѣни вѣры во что-нибудь, убѣжденія, готовности, потребности, — кто теперь не узнаетъ его въ себѣ, не скажетъ: «это—я. это—моя пустота?»

Найти источникъ, объяснить происхожденіе этой пустоты—составляло мою задачу въ предпринятомъ анализѣ новаго типа школы. Дѣлая его, я вмѣстѣ дѣлалъ анализъ новаго человѣка, въ разрушенномъ, больномъ строѣ котораго мнѣ видѣлось отраженіе нарушенныхъ законовъ пластическаго образованія человѣческой души. Рѣшая свою задачу, я убѣжденъ однако, что рѣшалъ ее въ главной ея тяжести. а не въ краевыхъ затрудненіяхъ. Мнѣ казалось безплоднымъ разсматривать школу внѣ ея отношеній къ исторіи и главнымъ институтамъ исторически-развившагося общества: семьѣ, церкви. государству. не менѣе поверхностнымъ казалось мнѣ бороться за одну изъ соперничествующихъ системъ образованія, когда такъ ясно, что ни одна изъ нихъ, ни другая не имѣютъ никакого значенія для образованія духовной структуры новаго человѣка, очевидно растущей изъ условій чрезвычайно общихъ и элементарныхъ, заложенныхъ одинаково въ обѣихъ борющихся системахъ.

Просвѣщеніе, мнѣ казалось, принадлежитъ къ тѣмъ утонченнымъ, трудно осуществимымъ въ исторіи вещамъ, которыя, будучи чрезвычайно высоки въ своихъ правильныхъ проявленіяхъ, при нарушеніи этой правильности являются съ чертами отвратительными, а не безразличными только Всмотритесь въ лицо человѣка со сладострастнымъ, низкимъ выраженіемъ, или въ лицо идіота: вѣдь это все-таки человѣкъ, еще онъ издаетъ членораздѣльные звуки, къ какимъ неспособно животное; но вотъ, въ то время какъ фигура животнаго въ ея грубой, несовершенной организаціи всегда и для всякаго или посредственно хороша, или безразлична, лицо человѣка. не удержавшагося на высотѣ своей, отвратительно. Все совершенное по своему задатку, по своему замыслу, какъ бы

въ возмѣщеніе за это совершенство имѣетъ силу пасть ниже, чѣмъ только посредственное. Этотъ законъ справедливъ для всего очень высокаго, онъ справедливъ и для просвѣщенія, которое въ правильныхъ своихъ формахъ есть высшій для человѣка даръ его исторіи, но даръ, могущій и стать въ своей неправильности истиннымъ его несчастіемъ.

АФОРИЗМЫ И НАБЛЮДЕНІЯ.

I

Недостатокъ художественнаго воззрѣнія на предметъ есть коренной источникъ ошибокъ, допущенныхъ въ организацію воспитанія и образованія всюду—въ Европѣ и у насъ. Отъ практическаго, отъ научнаго и всякаго другого художественное воззрѣніе отличается тѣмъ, что оно не дробитъ свой предметъ и для него всякая часть имѣетъ значеніе лишь въ отношеніи къ цѣлому, насколько помогаетъ его красотѣ и гармоніи. Физіологъ можетъ интересоваться въ организмѣ лишь расположеніемъ и дѣйствіемъ нервовъ, физикъ въ природѣ—звукомъ или свѣтомъ, и всякій практическій человѣкъ—своимъ особымъ ремесломъ. Но нѣтъ, и мы не можемъ представить себѣ—художника, который дѣлалъ-бы однѣ руки, слѣдилъ-бы за выгибомъ только спины; цѣльная статуя—вотъ что влечетъ его; цѣльный человѣкъ—вотъ что влечетъ воспитателя-художника, въ отличіе отъ воспитателя-ремесленника или отъ воспитателя-ученаго, которые вѣчно трудятся надъ выработкою «ногъ» или «рукъ», безъ мысли о томъ, къ чему онѣ будутъ прикрѣплены.

Человѣкъ долженъ быть безгранично благодаренъ природѣ-ли, или еще чему, за одинъ великій даръ, который безъ усилій, безъ просьбъ, безъ ожиданія—для охраненія сообщенъ ему: именно, каждый въ отношеніи себя самого, и въ отношеніи къ нему всякій непосредственно близкій есть неизмѣнно безсознательный *художникъ-воспитатель*. Мы хотимъ этимъ указать, что при непосредственной близости человѣкъ всегда оцѣнивается нами въ цѣломъ, а не въ подробностяхъ, не въ частностяхъ, не въ особенныхъ его навыкахъ, умѣньяхъ, способностяхъ. И если мы начинаемъ цѣнить

въ комъ-нибудь лишь послѣднія, то это не иначе, какъ если стоимъ вдали отъ того кого такъ оцѣниваемъ. Мы не любимъ болѣе этого далекаго оцѣниваемаго, мы его не понимаемъ болѣе, мы только предугадываемъ тогда, что онъ можетъ дать своимъ умѣньемъ, своими способностями. Намъ не нуженъ *онъ*, но только то, что онъ несетъ *съ собою*. Мы беремъ отъ него дары его, закрывая глаза на его лицо. Такъ, подобно этому далекому оцѣнщику, поступаетъ въ отношеніи къ человѣку государство; иначе—субъективно, относятся къ нему семья, Церковь II вотъ почему эти послѣднія воспитательны по преимуществу.

Отсюда, изъ этого антихудожественнаго взгляда, какой примѣненъ всюду въ воспитаніи къ предмету его и задачѣ, текутъ поразительныя особенности, какія мы въ немъ наблюдаемъ.

II.

Только для людей, не стоящихъ къ воспитанію близко, остается тайною эта истина что вовсе не наилучше одаренные полнотою душевныхъ даровъ, и даже умственно не наиболѣе способные съ успѣхомъ проходятъ тотъ типъ всюду однообразной, прочно установленной школы, которую мы одну знаемъ и здѣсь анализируемъ, но именно посредственные и часто совсѣмъ обдѣленные [1]). Проходятъ ее успѣшно тѣ, которые до возраста 18—20 лѣтъ [2]), то-есть,

---

[1]) Я до сихъ поръ сохраняю у себя пачку писемъ одного школьнаго товарища, исключеннаго изъ нашей средней школы по такъ-называемому «§ 34» (за неспособность), написанныхъ непосредственно вслѣдъ за исключеніемъ, когда онъ принялъ на себя содержаніе оспротѣлой семьи своей, — свидѣтельствующихъ о такой высокой мѣрѣ именно умственныхъ способностей, о такомъ брызжущемъ искрами дарованіи, что ни въ гимназіи, ни позднѣе въ университетѣ я столь яркихъ способностей въ своихъ товарищахъ не встрѣчалъ. Позднѣе, ставъ учителемъ, я наблюдалъ, какъ по тому-же «параграфу», въ идеѣ опредѣляющему ученика какъ лѣниваго и неспособнаго, удалялись именно такіе воспитанники, рѣдкая любознательность которыхъ (но всегда въ одной группѣ между собою связанныхъ предметовъ) была извѣстна всѣмъ исключавшимъ

[2]) Громадная перемѣна въ характерѣ университетской жизни, какая наблюдается теперь сравнительно съ прежнимъ временемъ, должна быть объясняема изъ перемѣны возраста, въ которомъ въ нее вступаютъ теперь: прежде въ университетъ вступала самая свѣжая юность, не очень обремененная свѣдѣніями, но съ чрезвычайною жаждой новыхъ воспріятій, съ родникомъ силъ, готовыхъ къ творчеству, къ оригинальному движенію мысли и во всѣхъ сферахъ — къ энтузіазму, самопожертвованію, теперь приносятся сюда гораздо болѣе обильныя свѣдѣнія, но съ значительнымъ равнодушіемъ къ ихъ дальнѣйшему пріобрѣтенію и съ озабоченностью гораздо большею — будущимъ своимъ устроеніемъ въ практической жизни. Замѣтимъ, кстати, чтобы подтвердить свое указаніе на то, какъ мало принципъ обособленности, и не только лицъ, но даже возрастовъ, понятенъ тому, кто организовалъ новую школу, что въ этой школѣ мужчины въ 18—20 лѣтъ учатся и «ведутъ себя» по тѣмъ самымъ рчамъ, какъ и дѣти въ 9—10 лѣтъ. Естественно пожелать, и обще-

до полной возмужалости, ничѣмъ и никогда не съумѣли заинтересоваться горячо, серьезно, и. далѣе, тѣ, которые умѣютъ индифферентно отнестись къ безчисленнымъ фактамъ несправедливости, оскорбленія, какіе время отъ времени переживаются или наблюдаются въ школѣ [1]) И это понятно: первые равномѣрно отдаютъ

ству слѣдовало-бы желать, чтобы воспитанію и ученію, то-есть *направленію* растущаго, отдавались лишь годы самого *роста*, то есть для мужскаго пола до 20 лѣтъ, и для женскаго—до 15, и позднѣе этого ни элементарная, ни средняя, ни высшая школы не могутъ иначе, какъ преступая противъ самыхъ цѣлей своего бытія, удерживать въ себѣ питомцевъ II всякая система воспитанія и обученія—мы разумѣемъ весь организмъ школъ въ странѣ, которая не успѣваетъ за этотъ срокъ окончить своего дѣла, можно быть увѣреннымъ, не успѣетъ ничего сдѣлать, если ей предоставить человѣка до самой старости. Продолжительная по *годамъ* ученія школа еще не есть серьезная, она только—неумѣлая, и часто какъ въ смыслѣ какого-нибудь искусства, такъ и въ смыслѣ простого пониманія того, чѣмъ занята. Элементарному ученію принадлежитъ дѣтство, и въ немъ же должны быть даны здоровые и честные навыки, среднему—отрочество, и въ немъ на тѣсномъ кругѣ немногихъ однородныхъ предметовъ долженъ быть пробужденъ умъ, возбуждено сердце; высшей школѣ должно принадлежать удовлетвореніе ихъ—не въ мѣру сытости, для этого и жизни недостаточно, но въ смыслѣ образованія вкуса къ тому, чѣмъ истинно человѣкъ можетъ быть насыщенъ

[1]) Какъ, напр., удаленіе наиболѣе даровитыхъ учениковъ, постоянное невниманіе къ нравственнымъ сторонамъ порознь всякой души, — и, наконецъ, этотъ повсемѣстный фактъ, что школа, къ любознательности въ идеѣ ведущая человѣка, на практикѣ любознательность, проявляющуюся въ любви, въ привязанности къ чтенію—тѣснитъ, съуживаетъ, и часто въ грубыхъ формахъ гонитъ.—Отсюда-же, въ отдаленныхъ перипетіяхъ—то, что можно было бы назвать звѣрствомъ бумаги. Былъ такой случай (разсказанный мнѣ преподавателемъ елецкой гимназіи г С.): ученикъ на испытаніи зрѣлости писалъ работу и написалъ уже за половину, когда изъ дому прибѣжала служанка и сказала, что «ихъ батюшка кончается». Доложили директору и всей испытательной комиссіи, сейчасъ-же передали и ученику Быстро пробѣжали «чернякъ» работы, онъ былъ удовлетворителенъ, т. е почти удовлетворителенъ, а ученикъ былъ плохъ, «еле-еле»... Однако, написано было столько что засчитаться за работу, т. е. пойдя въ округъ, тамъ засчитаться она не могла-бы. Конечно, ученикъ могъ сейчасъ прервать экзаменъ и директоръ ему это предложилъ, но тогда онъ долженъ былъ бы писать такъ-называемую «запасную тему», и кто знаетъ, какова она, въ запечатанномъ конвертѣ, а эта была легка, безспорно и ясно—легка, а главное—почти написана. Трудно и мучительно было всѣмъ, я думаю — больше всего директору и комиссіи, однако думать было некогда. «Что-же, отца вы уже не спасете, а ваиъ жить надо»,—сказалъ кто-то изъ учителей, и я вѣрю—это былъ лучшій изъ учителей, т.-е. 8 лѣтъ наблюдавшій усилія ученика, и живо ихъ въ эту минуту совмѣстившій въ воображеніи, отца-же вѣдь онъ не видѣлъ, а такіе вопросы и въ такія минуты рѣшаются темпераментомъ, живымъ образомъ, передъ глазами стоящимъ фактомъ, а не отвлеченнымъ понятіемъ долга Ученикъ остался писать Нѣтъ преступника—есть преступленіе; нѣтъ виновнаго—есть только и всѣ страдающіе .. Но главное, что я хочу спросить—гдѣ здѣсь воспитаніе? Въ этихъ измѣренныхъ и вписуемыхъ фактахъ.—которые-же воспитываютъ? Разсказъ, въ хрестоматіи Басистова о томъ, какъ «Николиньку и Володю» благословляла умирающая мать, изъ «Дѣтства и отрочества» Л. Толстого—важно, существенно, не пропустимо. Прощанье-же вотъ этого «Семенова Николая» съ отцомъ—тоже

свои силы всѣмъ предметамъ, потому что не заинтересованы ни которымъ. вторые удобно проходятъ черезъ сѣть всякихъ правилъ. иногда мимо нихъ, но предусмотрительно не задѣвая ни одного явно или рѣзко [1]).

Иногда приходитъ на мысль: сквозь школу этого новаго типа, механическую и взыскательную. могло ли бы пройти все множество людей, о которыхъ мы читаемъ въ исторіи? Они ее сложили своею позднею дѣятельностью. но объ ихъ раннихъ годахъ мы изъ нея-же знаемъ столько привлекательно-своеобразнаго, что не хотѣло, не умѣло, не должно было подчиниться никакому «правилу»,— и въ то же время не погубило ихъ, не отбросило отъ жизни на ея задній дворъ, въ затворъ дѣятельности узкой и захлой. Пушкинъ разсказываетъ о себѣ, что онъ былъ органически неспособенъ къ математикѣ, даже въ тѣхъ элементарныхъ ея свѣдѣніяхъ, которыя одни въ то время усвоивались въ школѣ, о школьныхъ годахъ Шиллера мы знаемъ, что однажды онъ безъ позволенія и тайно уѣхалъ въ сосѣдній городъ, чтобы насладиться какимъ-то театральнымъ представленіемъ. Перенесемъ ихъ въ нашу дѣйствительность: несомнѣнно они изгнаны были бы теперь, одинъ какъ «неуспѣвающій» (по § 34), и другой какъ «неодобрительно ведущій себя», — объ этомъ есть много параграфовъ II вотъ, всегда съ этою мыслью соединяется другая что-же, исключительно-ли тому времени были свойственны натуры, или одностороннія въ дарахъ своихъ, или неугомонныя въ своихъ порывахъ? И если—нѣтъ, то гдѣ онѣ, какова ихъ теперь судьба? Мы можемъ отвѣтить только, что въ жизни зрѣлой, трудясь плечомъ къ плечу и другъ на друга оглядываясь, мы этихъ лицъ, и геніальныхъ и страстныхъ, не наблюдаемъ болѣе.

И вообще можно спросить: куда дѣвать раннюю мечтательность. пылкое воображеніе, живую отзывчивость, честную гордость

важно и ужасно-бы какъ хотѣлось его дать отцу и сыну, тогда-бы всѣ «видимости» были соблюдены.—но какъ-то не вышло, не «вытанцовалось». и потому, конечно. что въ концѣ концовъ—«пропустимо».

[1]) Изъ множества фактовъ этого рода. мнѣ извѣстныхъ, приведу одинъ особенно яркій справляясь о судьбѣ одного ученика VII класса Б—чъ (Е—цкой гимназіи), всегда шедшаго впереди своихъ товарищей по *всѣмъ* предметамъ. я съ изумленіемъ узналъ, что учителемъ русскаго языка онъ не былъ допущенъ до VIII класса: и, справившись, узналъ, что онъ въ теченіе всѣхъ семи классовъ былъ послѣднимъ по умѣнью излагать письменно свои свѣдѣнія,—не говоря о мысляхъ, которыхъ у него никакихъ своихъ не было. Такъ какъ въ VIII классѣ его работа должна была быть послана на просмотръ въ Округъ, то учитель, до тѣхъ поръ скрадывавшій совершенную неспособность ученика что-нибудь правильно выразить, не говоря уже подумать, въ виду этой неспособности и чтобы не компрометировать цѣлаго заведенія, разъяснилъ Совѣту положеніе дѣла, представилъ тетради, и всѣ убѣдились, что полнота очень точно, очень твердо усвоенныхъ свѣдѣній совмѣщается съ совершеннымъ отсутствіемъ того. на чемъ эти свѣдѣнія держались-бы или чему они служили-бы.

теперь, когда путь для развивающейся натуры такъ подробно регламентированъ, такъ съуженъ тысячью деталей, сообразованныхъ лишь съ понятіемъ человѣческой натуры въ ея общихъ, вульгарныхъ свойствахъ, но отнюдь не съ представленіемъ въ ней геніальнаго, или хотя бы рѣзко обособленнаго, глубоко личнаго? [1]).

Даже въ наѣздничествѣ удовлетворительнымъ считается не тотъ кто умѣетъ объѣздить вялую, среднюю лошадь, но кто справляется съ горячимъ, неукротимымъ скакуномъ. Меньшія-ли требованія должны быть представлены школѣ? Меньшаго не оскорбительно-ли было-бы требовать отъ воспитателя, отъ наставника? И, однако, именно меньшее и отъ первой, и отъ второго всюду требуется.

«Вы разрушаете», мнѣ скажутъ, «школу, вы разрушаете всѣ ея принципы..» Да, но чѣмъ-же? Раскрытіемъ преступнаго смысла этихъ принциповъ, ихъ несообразности? Конечно, этимъ я утверждаю начала истинныя.

Мнѣ не кажется излишнею въ школѣ суровость; я не отвергаю (и думаю, напротивъ, что даже должны быть возстановлены въ ней) физическія наказанія. *Это* терпѣніе — не истощающее: кто ко многому порывается, кто думаетъ, что онъ порывается къ лучшему, долженъ и кое-что умѣть перенести за это лучшее. Я отвергаю лишь истощающій методизмъ, при которомъ школа оставляется добровольно (знаю самъ такія примѣры), безъ всякаго понужденія, и оставляется нерѣдко способнѣйшими, лучшими. Я говорю, что эти лучшіе дары должны быть сохранены всѣми способами, что эти способы должны быть найдены [2]).

Семья сберегаетъ свои лучшіе члены, нѣжные ростки, — и она не боится ихъ наказывать. *Честная семья* почти всегда нѣсколько сурова, и это уже потому, что она есть трудящаяся семья. Честная, трудящаяся школа, школа суровая — вотъ идеалъ, который пе-

---

[1]) Замѣчательно, что школа церковная, по крайней мѣрѣ прежняго типа, умѣла справляться съ подобными натураии и сохранила ихъ въ себѣ (какъ приходилось читать и слышать — даже лелѣяла въ себѣ эти явно даровитыя и неугомонныя натуры), то же дѣлала прежняго типа военная школа. Кажется, это объясняется изъ того, что, погрѣшая въ деталяхъ, эти школы ясно имѣли передъ собою цѣль своего бытія—развитіе силъ нравственнаго воздѣйствія, развитіе мужества, смѣлости, и прочаго подобнаго. Только собственно «ученая» школа, «общеобразовательная», какъ-то утративъ цѣли бытія своего, анти-любознательная по существу, анти-культурная по строю, — все культурное, всякую любовь и живую способность угашаетъ, мнетъ, спрыскиваетъ мертвою водой.

[2]) И въ самомъ дѣлѣ, монахъ видитъ великую цѣль своего терпѣнія, воинъ—своихъ трудовъ; но ученикъ, который въ тысячѣ деталей видитъ, что эта цѣль фальшива, что его любознательность ни для кого не нужна и умъ во всякомъ дѣлѣ излишенъ, наконецъ съ негодованіемъ разбиваетъ эти «искусы», эти уроки, классы, учебники, цѣну которыхъ онъ знаетъ, и могъ-бы ихъ переносить ради чего нибудь великаго, но этого великаго, онъ видитъ—*нѣтъ*.

редъ нами носится, въ замѣнъ школы слащавой [1]), дипломатизирующей [2]).

Нужно беречь *будущее* питомцевъ, и, сберегая это будущее, *честно* его сберегая, можно и иногда нужно не щадить ихъ въ текущій, измѣнчивый моментъ. Обламывающій загнившія вѣтки у дерева еще не губить дерева; берегущій эти вѣтки, боящійся сломать ихъ — вотъ кто губитъ его вершину, его красивую крону и еще не снесенный цвѣтъ.

Глава школы намъ рисуется именно какъ такой суровый отецъ,— хоть и не своей, но ставшей для него своею, трудящейся, людной семьи. Нѣтъ въ этой семьѣ мѣста только ясно выраженному нежеланію что-либо дѣлать, и, сверхъ этого—только совершенной, окончательной неспособности. Но для очень маленькихъ способностей при добромъ сердцѣ, для даровъ одностороннихъ и яркихъ, для натуръ рѣзко порывистыхъ и богатыхъ силами здѣсь должны быть эластически измѣнчивыя формы, которыя-бы ихъ сохранили, сформировали и направили къ возможно лучшему.

Непонятна, не нужна школа, которая не сохраняетъ націи лучшихъ ея даровъ, пренебрегая безупречнымъ сердцемъ, которое такъ часто, волею какого-то каприза, соединяется съ изъяномъ то въ однихъ, то въ другихъ умственныхъ способностяхъ

Сколько разъ, въ долгую свою учительскую практику, мнѣ случалось видѣть это странное, печальное соединеніе. Что всего удивительнѣе, при величайшей скромности, выдержанности характера у удаляемыхъ, можно часто наблюдать у нихъ и положительно свѣтлый умъ, недостаетъ именно какой-нибудь второстепенной, усвоивающей способности: памяти, математической догадливости (въ рѣшеніи задачъ), дара письменной или устной рѣчи, но при требованіяхъ школы, исключительно механическихъ, гдѣ оцѣнивается не умъ, но измѣряется усвоенное памятью, не ищется творчество, но воспитывается логическій навыкъ, именно эти второстепенныя способности являются главными и все собою рѣшающими. Ихъ нѣтъ,— и при высшихъ, истинно глубокихъ дарахъ души, при нѣжной впечатлительности, пытливой любознательности, наконецъ при способности къ чуткому вниманію (мы говоримъ о дарахъ только умственныхъ) юноша признается неспособнымъ къ дальнѣйшему развитію.

---

[1]) Даже ученикамъ I—II классовъ, то-есть, мальчикамъ 9—13 лѣтъ, учитель (иногда старикъ) говорить «вы», опасаясь грубымъ «ты» оскорбить въ нихъ «личность человѣка!»

[2]) «Служить» хорошо обыкновенно не тотъ учитель, который хорошо учитъ дѣтей, но который хорошо видитъ свои отношенія къ окружающимъ и высшимъ. Еще болѣе это относится къ начальнику учебнаго заведенія, который рѣшительно стоитъ въ центрѣ чрезвычайно тонкихъ и сложныхъ отношеній къ администраціи города, къ своей учебной администраціи, къ обществу: ему, если онъ хочетъ хорошо «служить», даже и вспомнить некогда, что есть еще какія-то дѣти, также ждущія отъ него чего-то.

Сколько честныхъ труженниковъ для всѣхъ поприщъ національной жизни губится при этой системѣ казовыхъ требованій, и какъ мало эта казовитость отвѣчаетъ нашему народному характеру, нашей исторіи! Ея лучшая черта въ томъ, что все казовое въ ней прошло (и пройдетъ) незначущимъ, едва волнующимъ поверхность вѣтромъ, и все значущее—скорѣе хоронилось отъ глазъ людей, нежели сколько-нибудь усиливалось передъ ними выпятиться.

III

Школа должна оцѣнивать человѣка *въ цѣломъ*, и она должна оцѣнивать его *въ будущемъ*. Сѣренькая, маленькая, бѣдная, если дѣлаетъ это, она будетъ воспитательна, она будетъ художественнообразующею школой, наконецъ—школой національною.

Эластичность ея формъ, гибкихъ въ примѣненіи къ неисчерпаемому разнообразію индивидуальныхъ развитій, можетъ достигнуться при условіи, если она, какъ и семья, какъ церковь, какъ все органическое, станетъ жить *бытомъ*, а не правилами, не механически инертнымъ или машинообразно дѣйствующимъ строемъ. Если не создать (что невозможно), то способствовать самосозданію въ ней этихъ бытовыхъ формъ, воспитывающихъ безъ словъ, безъ поученій, однимъ своимъ духомъ, смысломъ — вотъ первая забота организаціи національнаго воспитанія. Удаленіе изъ нея чиновника-наставника, который ничѣмъ съ нею не связанъ, или связанъ не болѣе, чѣмъ работникъ съ машиною, на которой онъ работаетъ, есть первый шагъ, начальное требованіе этой организаціи. Не зная города, въ которомъ онъ только *служитъ*, имѣя всѣ связи свои вдали отъ него, въ узлѣ административнаго управленія тысячею подобныхъ же школъ (канцелярія учебнаго округа), оттуда только ожидая себѣ всего—награды или наказанія, въ сущности что можетъ этотъ чиновникъ дать непосредственно той школѣ, въ которой трудится? Конечно — сдѣлать ее незамѣтно предметомъ своей эксплоатаціи, отдавая ей лишь *требуемое* подъ страхомъ, и не далѣе только *формы*. Этотъ типъ школы—бюрократической и хищной—всюду, гдѣ она не сохранила захолустной распущенности, сталъ давно господствующимъ. До существа дѣла — ею завѣдывающимъ нѣтъ дѣла; до боли, до страданія мѣстности [1]), гдѣ она внѣдрилась,

---

[1]) Такова была (теперь закрытая) четырехъ-классная прогимназія (въ г. Б-скѣ), гдѣ мнѣ пришлось начать службу. Ея вредъ до того былъ для всѣхъ очевиденъ, что городъ, въ которомъ она находилась, изъ года въ годъ ходатайствовалъ передъ министерствомъ о ея закрытіи; но всегда получалъ отказъ. Кончилось тѣмъ, что жители его перестали просто отдавать дѣтей въ нее, отвозя ихъ въ сосѣдній городъ, и прогимназія закрылась за отсутствіемъ учениковъ (жителей въ городѣ было 15.000).

имъ нѣтъ заботъ Ихъ заботы, ихъ опасенія вдали. тамъ. откуда блюдутъ за ними, слѣпо нащупываютъ—всѣ ли формы соблюдены, и соотвѣтственно этому обѣщаютъ награды, грозятъ наказаніями. Этотъ строй, машинообразный, слѣпой, безжалостный, долженъ быть ранѣе всего изъятъ изъ дѣйствительности. Школа должна жить *здѣсь* и *теперь*: въ каждый моментъ вся полнота ея силъ должна быть отдана вотъ этому текущему моменту, вся полнота заботъ — вотъ этимъ частнымъ нуждамъ, этимъ маленькимъ лицамъ, которыя ожидаютъ этихъ заботъ. Ея страхъ (если онъ нуженъ) долженъ быть тутъ, на мѣстѣ, и тутъ же, внутри ея самой, должны быть всѣ ея награды.

IV.

Мѣстный характеръ поэтому долженъ быть въ высшей степени наблюденъ въ школѣ. въ ея бытѣ [1]), въ зависимости [2]), въ составѣ не только учащихся, но, по мѣрѣ возможности, и учащихъ. не говоримъ уже о воспитывающихъ. Отнюдь не должна она быть лишь территоріальнымъ повтореніемъ общегосударственнаго учрежденія, мѣстною функціей органа, центръ котораго далеко. Школа за № такимъ-то, съ набранными отовсюду учениками, съ присланнымъ контингентомъ учителей, съ учебниками для всѣхъ странъ и климатовъ сработанными однимъ способомъ — эта безличная, безкровная школа въ лучшемъ случаѣ будетъ солидна съ виду. но она никогда не будетъ питательна внутри. Всего же менѣе она будетъ органомъ, выраженіемъ мѣстной жизни; въ ней, черезъ нее эта жизнь никогда не будетъ возрастать, нисколько не будетъ просвѣтляться.

Достаточно бросить взглядъ на то, какъ *формируется* учитель, чтобы понять весь ужасъ того, что такое школа, чѣмъ по отно-

---

[1]) Въ гимназіяхъ нашихъ есть нѣкоторыя подробности, не удобныя для *мѣстныхъ* учениковъ и существующія исключительно въ виду *общаго* характера каждой школы, хотя бы даже самой захолустной, эти подробности безусловно должны быть отброшены Въ послѣднія десятилѣтія развился у насъ особый контингентъ «странствующихъ» учениковъ. выискивающихъ учебное заведеніе, гдѣ преподаваніе слабѣе и вѣроятность окончить курсъ больше; эти «странствованія», когда они не связаны съ переѣздомъ родителей, должны быть также прекращены

[2]) Каждая семья въ правѣ отказать учителю, вредное вліяніе котораго на дѣтей своихъ она видитъ; можетъ-ли кто-нибудь лишить этого права совокупность семей, приходъ, городъ, уѣздъ? Конечно, лишь тотъ могъ бы перенести на себя это право, кто поручился бы, что воздѣйствіе школы на ребенка онъ *видитъ такъ же зорко и непрерывно, какъ семья, и о судьбѣ его печется столько же, какъ она* Мы утверждаемъ. и готовы всякій часъ подтвердить фактами, что ни этой зоркости, ни этой бережливости (заботливости) нѣтъ у администраціи учебныхъ округовъ, восьми или девяти на всю имперію; а не имѣя ея, какъ могутъ они удерживать при себѣ право, вытекающее изъ обязанности, которая ими не исполнена?

шенію ко всякой мѣстности она необходимо становится. Человѣкъ и безъ того очень общаго образованія, долгаго ученія и, слѣдовательно, очень *отвлеченныхъ* интересовъ, онъ обычно рожденъ въ одномъ городѣ, гимназію прошелъ — въ другомъ, университетъ — въ третьемъ, и службу проходитъ въ четвертомъ, пятомъ, шестомъ. Онъ—человѣкъ *безъ корней*; въ сущности—у него нѣтъ *родины* и слѣдовательно — *роднаго*. Гдѣ его близкіе? Отношенія временнаго товарищества суть единственныя, какія у него есть, то-есть, отношенія совмѣстности и одинаковаго труда, но отнюдь не связи. Ничего постояннаго, неизмѣннаго въ отношеніи къ людямъ, ихъ быту, особенностямъ, нуждамъ, недостаткамъ онъ не имѣетъ. Они для него, какъ и онъ для нихъ — проходящія тѣни, цѣпляющіяся другъ за друга только временною нуждой. Въ сущности, онъ только commis-voyageur просвѣщенія: никому *онъ* не нуженъ всѣмъ нужно то, что онъ *несетъ;* и если онъ уменъ, если онъ человѣкъ съ сердцемъ,—что бываетъ часто,—онъ становится почти врагомъ образованія, которое такъ много у него отняло и такъ мало ему дало. Въ худшемъ случаѣ онъ становится сухъ, эгоистиченъ; не рѣшаясь обзаводиться семьей (вѣроятно, до 50% учителей остаются холостыми, и это есть самый важный показатель неустроенности ихъ быта), онъ угрюмо кладетъ деньги въ банкъ, болѣзненно привязываясь мечтою къ мысли, что когда обезпечитъ наконецъ себя, то станетъ и свободенъ, и независимъ. Но гораздо ранѣе, на пятнадцатомъ, на восемнадцатомъ году службы обычная неврастенія постигаетъ его, отложенное—берется обратно, переносится къ докторамъ, и когда вожделѣнная минута двадцатипятилѣтія (и пенсіи) настаетъ,—тотъ, кто столько ея ждалъ, не нуждается ни въ чемъ болѣе, кромѣ сидѣлки, компресса на голову, стклянки съ микстурой, — которые не долго еще будутъ облегчать послѣднія его страданія.

Всякая школа должна само-пополняться учителями: учитель — мѣстный житель, любимый питомецъ школы, ею высмотрѣнный, съ дѣтства наблюденный, испытанный, посланный доучиваться въ университетъ. Его перемѣщеніе [1]) есть нетерпимое преступленіе; если и вся предусмотрительность при его выборѣ была напрасна, если онъ дуренъ, сталъ дурнымъ, зачѣмъ наказывать имъ другой городъ? Гдѣ бы онъ ни былъ дуренъ,—его или нужно перетерпѣть на мѣстѣ, какъ неизбѣжное зло, или удалить вовсе.

V.

Мы очертили одинъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ школы, поэтому именно совершенно пренебреженный. Вѣдь *учебникъ* и

[1]) Обычная форма наказанія учителей за дурно исполняемыя обязанности.

учитель—это и есть *все*, съ чѣмъ соприкасается ученикъ, не знающій вовсе тѣхъ центральныхъ узловъ учебной администраціи, которые такъ красиво выдѣляются на фонѣ обще-государственной жизни. Онъ не знаетъ прекрасныхъ замысловъ, съ которыми составлялись для него «учебные планы»; не знаетъ предусмотрительныхъ къ нимъ «объяснительныхъ записокъ». Все это—у насъ, наверху, для радости нашихъ глазъ; тамъ же, у *него*, внизу — только керосиновая лампа, свѣтлое пятно подъ зеленымъ абажуромъ, и въ фонѣ его — вереницы, вереницы, вереницы словъ, въ которыхъ на завтра онъ долженъ дать отчетъ желчному, нелюбимому и его не любящему, не знающему учителю.

Повторяю, учитель и учебникъ—тотъ, *кто* учитъ, и то, по *чему* онъ учитъ — это и есть все; ихъ выработать, создать или извлечь изъ-подъ закрывающаго мусора ненужныхъ учрежденій, словъ, регламентовъ — это и есть то, послѣ чего для организующей силы нечего дѣлать, все кончено.

Замѣчательно, что *очень хорошія* учебныя книги вовсе не прививаются къ школѣ новаго типа, по крайней мѣрѣ, къ средней: и отъ опытныхъ, старыхъ учителей намъ приходилось слышать, что чѣмъ далѣе идетъ время, тѣмъ учебники становятся хуже и хуже. На вопросъ, почему же именно худшее, а не лучшее изъ однороднаго избирается для руководства въ школѣ, неизмѣнно можно услышать отвѣтъ: «лучшее заинтересовываетъ, останавливаетъ вниманіе, и потому мѣшаетъ другому; оно къ тому-же и само усвоивается не такъ быстро: требуетъ неторопливости, вниманія, и все это въ высшей степени неудобно; дурное—*ловчье* для прохожденія, оно такъ уже и написано, въ этихъ именно видахъ,—и вотъ почему оно всюду и проходится».

Въ нашей литературѣ есть превосходное руководство по элементарной геометріи — *Начала* Эвклида, въ переводѣ и объясненіяхъ проф. Кіевскаго университета Ващенко-Захарченко; трудъ этотъ—мы говоримъ о переводѣ и геометрическомъ комментаріи—до того замѣчателенъ, что при своемъ появленіи обратилъ вниманіе даже французской ученой литературы, какъ извѣстно, наиболѣе богатой по этой отрасли знаній въ Европѣ. Излагается въ немъ то самое, что излагается въ курсахъ геометріи, принятыхъ въ нашей средней школѣ; и вотъ, въ то время, какъ эти курсы проходятся по компилятивнымъ руководствамъ, твореніе Эвклида остается не только не принятымъ, но оно и вообще мало извѣстно среди учащихся, и, можетъ-быть, даже въ средѣ учащихъ. По начальной физикѣ, также въ объемѣ средней школы, и для нея именно написанное, есть руководство профессора Любимова, какъ извѣстно, самаго глубокаго у насъ знатока историческаго развитія этой науки, и, конечно, также совершенно компетентнаго въ ея тепе-

рѣшнемъ состояніи; и вотъ, почему-то этотъ курсъ совершенно не распространенъ и вытѣсненъ компендіумами этой науки, не подписанными никакимъ авторитетнымъ именемъ Наконецъ, по исторіи и до сихъ поръ единственно серьезное руководство, составленное профессоромъ Шульгинымъ, не имѣетъ никакого примѣненія и составляетъ библіографическую рѣдкость, цѣну которой, однако, уже чувствуетъ всякій толковый ученикъ Почему-то учебникъ, чтобы имѣть распространеніе, долженъ быть непремѣнно нѣсколько глупъ: онъ во всякомъ случаѣ долженъ быть поверхностенъ относительно своего предмета: нужно, чтобы предметъ этотъ, данная наука, не особенно занималъ его составителя, и всего лучше, если онъ ему не очень хорошо знакомъ. Съ любовью, съ интересомъ, съ тонкимъ пониманіемъ написанное руководство непремѣнно будетъ выброшено школой, въ условіяхъ которой, слѣдовательно, есть что-то непреодолимо противящееся введенію всего подобнаго.

До чего быстро совершается изготовленіе этихъ руководствъ, можно судить изъ слѣдующаго когда въ 1890 году были произведены нѣкоторыя перемѣны въ учебныхъ планахъ гимназій, и эти перемѣны стали извѣстны къ *веснѣ* этого года, къ *осени* того-же года къ директорамъ гимназій и учителямъ соотвѣтствующихъ предметовъ уже разсылались печатные бланки-письма отъ составителей руководствъ, съ увѣдомленіемъ, что, соотвѣтственно новому распредѣленію учебнаго матеріала, ими выпущены въ переработанномъ видѣ прежнія руководства, или изготовлены новыя. Такъ до 90 года въ III классѣ проходился эпизодическій курсъ всеобщей исторіи и русской, отъ Астіага и Кира Персидскаго до Севастопольской обороны включительно; согласно новому измѣненію въ томъ-же классѣ предполагалось проходить только русскую исторію. И вотъ, чтобы всемірную исторію переработать въ русскую, отбросивъ первую и распространивъ вторую, достаточно было *трехъ мѣсяцевъ*. Впопыхахъ этого распространенія составитель самаго распространеннаго учебника (г. Беллярминовъ) перепуталъ даже первое и второе нашествіе Монголовъ на русскую землю, на р. Калку, въ пріазовскую степь, онъ ихъ привелъ не изъ-за Кавказа, а черезъ Уралъ, гдѣ тринадцать лѣтъ спустя проходилъ Батый.

Но это—пустое, и не объ этомъ мы говоримъ. Мы говоримъ съ нестерпимою болью о томъ: что одушевляло этого составителя, и ему подобныхъ, въ горячіе мѣсяцы спѣшной работы? какая другая мысль водила ихъ перомъ, кромѣ страха, чтобы пишущаго не успѣлъ предупредить другой соперникъ-составитель? И книга, такъ написанная, гдѣ въ каждой страницѣ учитель читаетъ алчность, и ученикъ—ничего не говорящія ни уму, ни сердцу вереницы строкъ, изучается такъ, какъ никогда не будутъ имъ изучаться ни «Борисъ Годуновъ», ни «Скупой рыцарь», ни все, что вышло изъ ума возвышеннаго, изъ благороднаго сердца, и звучитъ гдѣ-то, кому-то,

но только не здѣсь, не въ школѣ, не возрасту самому впечатлительному и теперь именно набирающемуся силами, которыми онъ будетъ жить во всѣ остальные длинные годы жизни своей. Фактъ этотъ, что самое дурное изъ произведеній человѣческаго пера, наиболѣе среди всѣхъ ихъ небрежное, наименѣе обдуманное, и никогда, ни въ какомъ случаѣ не проникнутое какимъ-либо живымъ интересомъ къ своему предмету, теплымъ чувствомъ къ читающему, стало всюду, во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ Европы единственнымъ средствомъ умственнаго образованія и воспитанія.—есть явленіе до того поразительное, до того значущее. и вмѣстѣ такъ мало замѣченное кѣмъ-либо, что во всякомъ размышляющемъ человѣкѣ оно можетъ вызвать самое глубокое изумленіе и самую сильную тревогу Чтобы поднять человѣка къ наилучшему (это цѣль) въ наилучшій его возрастъ (это время), онъ питается наихудшею духовною пищей, въ этихъ именно видахъ приготовляемою открыто, на глазахъ у всѣхъ. и о которой спросить: «нѣтъ-ли тутъ чего-нибудь глубокомысленнаго, чего-нибудь оживляющаго, на что-нибудь одушевляющаго?»—значило-бы одинаково вызвать у всѣхъ улыбку недоумѣнія. Въ этомъ недоумѣніи, при совершенной естественности вопроса, есть столько поразительнаго, что, очевидно, лишь одинъ день, одна историческая минута отдѣляетъ насъ отъ часа, когда «недоумѣнное» теперь мы поймемъ какъ какое-то, относительно даннаго пункта, временное всеобщее помѣшательство [1]).

---

[1]) Лѣтъ 5—6 назадъ раздались крики въ нашей печати, требующіе мѣръ противъ «подстрочниковъ», «рѣшительно мѣшающихъ ходу обученія»; но что такое подстрочникъ по отношенію къ учебнику, какъ не то же, что учебникъ по отношенію къ серьезной, творчески созданной книгѣ и что такое эта школа, одолѣваемая подстрочниками, какъ не первый и главный между ними всѣми подстрочникъ по отношенію къ истинному образованію и наученію. Уже такъ все понято въ самомъ началѣ, чтобы все сократить, ускорить, утропить, торопится программа, подгоняясь къ ней—торопится учебникъ и еще болѣе торопливо обгоняетъ его подстрочникъ Если въ учебникѣ, законномъ учебникѣ, берется 2—3 сцены изъ «Мертвыхъ Душъ», а остальное содержаніе излагается для краткости «собственными словами»: если программа на половинѣ обрываетъ чтеніе пѣсни Виргилія. потому что въ курсѣ того-же класса, кромѣ Виргилія. есть еще Овидій и Горацій—отчего подстрочнику еще не оборвать. не сократить, не облегчить и вообще разными способами не сберечь столь дорогое, столь расхватанное, рвущееся за недостаткомъ время ученика. Вѣдь суть дѣла въ его оболочкѣ, а не въ зернѣ: не въ томъ, что есть въ каждой изъ культуръ зовущій, сладкій идеалъ и не въ способѣ подойти къ нему, понять его, прозрѣть въ него и его таинства. Этотъ идеалъ раздробленъ, этотъ идеалъ убитъ; кажется, онъ даже не былъ никогда здѣсь почувствованъ Итакъ, остаются грубые факты этихъ культуръ. вотъ эти строки—какъ можно больше строкъ, эти законы, походы, имена—какъ можно больше именъ, походовъ, законовъ и, самое главное, въ возможно краткое время Подстрочникъ только обнаруживаетъ общую универсальную тенденцію; неудержимо выскакиваетъ поверхъ «гуманитета», поверхъ такъ и не сформировавшихся чертъ «прекраснаго образа» и кричитъ, о цѣлой системѣ кричитъ: «это—я»!

VI.

Кто не размышлялъ надъ этимъ фактомъ: вотъ заданъ 3 — 4 мальчуганамъ, помѣщеннымъ на «братской квартирѣ» (есть такія). «Бѣжинъ лугъ»,—и усиленно, при свѣтѣ лампы, они учатъ діалоги тѣхъ мальчугановъ на «Бѣжиномъ лугу», какъ и что сказалъ одинъ и что отвѣтилъ ему другой, чего они оба испугались. Имена мальчиковъ, которыя случайно избралъ Тургеневъ, «Митя» тамъ или «Петя», нужно твердо знать. если ихъ переврешь на-завтра, уже не получишь «пяти» за отвѣтъ. пожалуй даже получишь «три», а между тѣмъ, при легкости урока, слѣдуетъ именно завтра запастись «пятеркой», т.-е. уже заранѣе поправить возможную и даже вѣроятную «единицу» «въ томъ мѣсяцѣ». Все это отчетливо и твердо соображается тремя-четырьмя мальчуганами, уже чуть-чуть хитрыми, дальновидными, лукавыми, «искусившимися» за три протекшіе года ученія: они теперь въ 4-мъ классѣ. И съ усиліемъ, до боли въ головѣ —потому что это они приготовляютъ къ завтрему пятый урокъ—они учатъ, что мальчики на «Бѣжиномъ лугу» испугались водяного или разговаривали объ «утопленникѣ». Хорошо не помнится, но они на завтра не должны въ этомъ сбиться...

Но вотъ всѣ трое-четверо, — замѣтивъ, что старушка. за ними «наблюдающая» на «братской квартирѣ». заснула,—осторожно. на цыпочкахъ, выходятъ въ сѣни. на улицу, дальше, за околицу, и пробѣжавъ нѣсколько улицъ города, дѣйствительно переживаютъ «Бѣжинъ лугъ», — переживаютъ поэтичнѣйшіе 3 — 4 часа теплой осенней ночи, вбѣгая въ опушку чернаго стоящаго лѣса и съ визгомъ неистоваго страха выскакивая оттуда назадъ, купаясь въ теплой. до странности теплой, какъ парное молоко. водѣ настоящаго озера т.-е. озера не изъ «Бѣжина луга», но гдѣ-нибудь около Борисоглѣбска... На другой день все узнано: наказаніе, строжайшее наказаніе. почти исключеніе изъ гимназіи и, конечно. «единица» изъ «русскаго языка и словесности»...

Между тѣмъ, вѣдь для чего-то избранъ. изъ всего словеснаго «матеріала», какъ составителемъ «учебнаго руководства», такъ и учителемъ, задавшимъ урокъ, именно «Бѣжинъ лугъ»; вѣдь не за одинъ-же «слогъ» онъ избранъ. Поманила поэтичность самой, переданной въ словѣ, жизненной сцены; почувствовалось что-то воспитательное въ этой сценѣ. Но вотъ именно почувствовалось все это лишь какъ предметъ класснаго представленія и книжнаго «изложенія». исключительно «до сихъ поръ» и не далѣе, и здѣсь—мертвая петля. гдѣ давится вся новая педагогика и гдѣ она все живое давитъ собою. Кромѣ тенденцій къ книжности, здѣсь дѣйствуетъ, кажется. страхъ передъ всѣмъ не отмѣреннымъ и чего нельзя отмѣрить.

Но перенесемся къ одному изъ тысячъ зеленыхъ абажуровъ—къ учебному столику мальчугана въ возрастѣ 14 — 15 лѣтъ (IV-и классъ). въ пансіонѣ. на ученической квартирѣ, у родителей—все равно; и пусть это будетъ какой-нибудь день недѣли, положимъ *среда* —день легкій сегодня. когда только *пять* уроковъ. и трудный завтра, когда уроковъ *шесть* Вниманіе мальчика уже было сосредоточено сегодня на пяти разнородныхъ впечатлѣніяхъ: на физическомъ устройствѣ Кавказскаго края, его климатѣ. и промысловомъ значеніи, на дѣепричастныхъ формахъ церковно-славянскаго языка и одномъ отрывкѣ изъ Остромирова Евангелія на такъ называемыхъ нѣмыхъ глаголахъ греческой этимологіи и двухъ нетрудныхъ переводахъ изъ латинскаго и нѣмецкаго языковъ. Обѣдъ конченъ и часъ проведенъ на дворѣ, въ игрѣ со сверстниками, короткій зимній день смеркается. и вотъ. торопливо кончивъ игру. ученикъ идетъ въ свою комнату.

На завтра исторія, греческій языкъ. Законъ Божій. латинскій языкъ алгебра и русскій языкъ [1]); такихъ тяжелыхъ дней только три въ недѣлю. Классный наставникъ. хоть и не классикъ самъ, совѣтовалъ всегда начинать приготовленіе съ главныхъ предметовъ. дабы именно они всегда и безусловно выучивались. Небольшой отрывокъ изъ «Анабазиса» Ксенофонта .. великое героическое отступленіе 10 000 грековъ, но Богъ съ нимъ!—требуетъ только 9—10 справокъ въ словарѣ, и изъ этихъ справокъ только одна, о давно забытомъ глаголѣ со страннымъ аористомъ. заставила три-четыре раза справиться и ошибиться. Но вотъ, первооснова его отыскана и съ чувствомъ большого облегченія вписана на ряду съ другими девятью словами. въ продолговатую тетрадь греческихъ вокабулъ. Теперь можно встать и. ходя изъ угла въ уголъ по комнатѣ. выучить приисканныя слова; это не требуетъ болѣе десяти минутъ но вмѣстѣ съ приискиваніемъ и записываніемъ. заняло ихъ уже двадцать; основа греческаго урока сдѣлана, завтра ученикъ не встанетъ передъ учителемъ совершенно растерянный, но нужно-же и перевести отрывокъ. Нѣкоторыя фразы понялись безъ труда. — но вотъ за ними длинный періодъ, запутанная конструкція — запутанная для него, конечно, для его 14 лѣтъ, смыслъ полуясенъ все тѣ-же парасанги и тотъ-же Клеархъ, но совершенно непонятно, въ какомъ они стоятъ отношеніи; однако. часовая стрѣлка еще передвинулась и послышался мѣрный ударъ—половина пятаго. Мальчикъ рванулся—періодъ такъ-же неясенъ. Что, по крайней мѣрѣ, далѣе за нимъ? Далѣе — лучше: смыслъ, правда. послѣ непереведеннаго мѣста, совершенно теменъ, но конструкція отдѣльныхъ предложе-

[1]) Мы разбираемъ конкретный, намъ извѣстный примѣръ. но. конечно, при единствѣ образовательной системы, этотъ примѣръ представляетъ лишь повтореніе тысячъ другихъ; число предметовъ и заданные уроки нами взяты изъ дѣйствительности

ній прозрачна, и это одно, что нужно. Онъ ихъ понимаетъ совершенно грамматически, и ни въ какомъ случаѣ на нихъ не попадетъ. Итакъ, лишь одно мѣсто, четыре строки въ серединѣ, не переведены, но слова въ нихъ извѣстны: нужно еще повторить по образцамъ вотъ это существительное и два глагола, грамматика раскрыта, небольшое усилие сдѣлано, и еще не пробило пяти, а съ греческимъ урокомъ можно кончить, и пора приступить къ русскому.

Достается тетрадь съ составляемыми образцами періодовъ: внимательно читается по грамматикѣ о винословномъ періодѣ, еще и еще читается, и придумывается на него примѣръ. Онъ вписывается въ тетрадь затѣмъ умственно пробѣгаются опредѣленія другихъ видовъ періода, и ихъ элементовъ. Грамматическая часть урока окончена, и остается только заучить двѣнадцать строкъ изъ «Поликратова перстня».

„На кровлѣ онъ стоялъ высоко
И на Самосъ богатый око
Съ весельемъ гордымъ преклонялъ.
Сколь щедро взысканъ я богами
Сколь счастливъ я между царями.
Царю Египта онъ сказалъ“...

и т д. Это уже трудно, а учитель велѣлъ еще справиться съ параллельнымъ нѣмецкимъ текстомъ, приложеннымъ къ русскому въ заботливо составленной христоматіи [1]) Ученикъ улыбается, ему на минуту весело при воспоминаніи объ этомъ требованіи, а языкъ машинально вторитъ за бѣгущими по книгѣ глазами:

„Къ тебѣ благопріятны боги
Они къ твоимъ врагамъ лишь строги“, и пр.

—нѣтъ, это очень трудно; только пять строкъ повторяются совершенно твердо, а изъ остальныхъ—все выпадаетъ то одно, то другое слово; наконецъ, вотъ еще выклевываются шестая и седьмая строки, однако—всѣхъ двѣнадцать, а уже давно пробило четверть шестаго. Шагъ очень утороплен; мать кричитъ изъ-за стѣны «чай готовъ» —«Подождите, мамаша»,—и безъ четверти въ шесть стихотвореніе кончено, и полу-усталая «натура» смачивается 2—3 стаканами чая. Бьетъ шесть,—«доучивай же уроки», говоритъ мать робко, «на прошлой недѣлѣ получилъ двѣ дурныя отмѣтки, на нынѣшней нужно ихъ выправить». Но ученикъ уже за стѣной

Корнелій Непотъ открытъ и лексиконъ придвинутъ; еще пріискивается 12—13 словъ, и они заучиваются, когда пробило половина седьмаго; слишкомъ пора переводить, но что это тутъ темно съ самаго начала. Всѣ слова извѣстны, и однако въ текстѣ полная

[1]) Л. И Поливанова.

безтолковщина. Безъ сомнѣнія, это отъ того, что взяты не тѣ значенія словъ; и вотъ, закладывая пальцы въ 3—4 мѣста лексикона, каждое слово ученикъ пересматриваетъ вновь и каждое изъ 6—7 значеній, отмѣченныхъ въ лексиконѣ, прикидываетъ къ данному тексту и вновь комбинируетъ его съ значеніемъ остальныхъ словъ, становится очень жарко, а текстъ такъ же теменъ, даже темны отдѣльныя въ немъ предложенія, то-есть, непонятно, которое къ которому и какъ относится. Ученикъ взглядываетъ на циферблатъ часовъ и, пугливо бросая первый періодъ, переходитъ къ слѣдующимъ. Нѣтъ, это гораздо труднѣе греческаго, и каждая фраза требуетъ усилія; есть коротенькія и совершенно непонятныя; зато какая радость, когда предложеніе строки въ три величиной переводится послѣ незначительнаго напряженія рѣдкое удовольствіе. Пробило семь: что же, однако, сдѣлано? только нѣсколько разрозненныхъ фразъ переведено—понятныя предложенія среди непонятнаго общаго смысла. Медлить, однако, совершенно нельзя, и, минуя алгебру, онъ беретъ исторію, изъ которой завтра навѣрное будетъ спросъ. Заданы Лициніевы законы и первая самнитская и латинская война. Учитель что-то объяснялъ на урокѣ, но это и безъ объясненій такъ понятно. Кай Лициній Столонъ и Луцій Секстій Латеранъ въ 376 году до Р. Х внесли въ народное собраніе три рогаціи: 1) отмѣнить военныхъ трибуновъ съ консульскою властью и вмѣсто ихъ избирать по-прежнему двухъ консуловъ, изъ которыхъ одинъ былъ бы непремѣнно плебей; 2) никто не можетъ пользоваться болѣе чѣмъ 500 югерами земли изъ общественныхъ полей и высылать на общественнын пастбища болѣе 100 головъ крупнаго скота и 500 мелкаго, — всѣ же остальныя земли должны быть розданы плебеямъ участками по 7 югеровъ на семейство, 3) уплаченные по долгамъ проценты зачесть въ долговой капиталъ, а оставшійся долгъ погасить въ трехъ-годовые сроки. Конечно, это очень длинно, какъ и длинныя имена трибуновъ, но только для памяти,—и хуже ихъ путанная толкотня съ Самнитами и Латинами: не кончилась одна война и началась другая, и въ каждой свои имена полководцевъ, точно для симметріи — все по двое. Учитель совѣтовалъ, приготовляя урокъ, не останавливать вниманіе на запоминаніи и прочитывать весь урокъ до конца цѣликомъ, затѣмъ еще и еще разъ прочитывать все, не дробя, однако, не вѣрится, чтобы такъ было лучше. Что же читать, забывая тотчасъ прочитанное, и черезъ это теряя съ нимъ связь послѣдующаго, а вмѣстѣ—и какое либо его пониманіе. Вѣдь все тутъ такъ дробно, такъ путано и безобразно. И ученикъ начинаетъ отъ красной строки до красной вытверживать урокъ кусками, абзацами. Факты такъ сжаты, почти только названы въ своемъ смыслѣ, что здѣсь можно, конечно, переставлять слова въ предложеніяхъ, но нельзя забыть ни одного предложенія безъ того, чтобы не вышла

совершенная безсмыслица Абзацы должны твердо лечь въ памяти, безъ какого-либо измѣненія въ себѣ и въ своемъ расположеніи, какъ квадраты паркета въ настилаемомъ полу,—иначе они будутъ разсыпающейся, ничего не значущей, кучей словъ. Но вотъ они въ памяти, наконецъ,—и какъ трудно ихъ тамъ держать! Теперь остается только просмотрѣть хронологію и одновременныя событія въ Греціи, что всегда требуетъ «припомнить» учитель: справка удостовѣряетъ, что одновременно было возвышеніе Ѳивъ, Пелопидъ и Эпаминондъ»—и они торопливо пробѣгаются по учебнику, когда пробила уже половина девятаго. Урокъ твердъ, и раскрывается катехизисъ—о девятомъ членѣ Символа вѣры.

«Понятіе о Церкви, сущей на землѣ и купно небесной, утверждается на словахъ ап. Павла: *Приступисте къ Сіонстѣй горѣ, и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и тьмамъ ангеловъ, торжеству, и церкви первородныхъ, на небесахъ написанныхъ, и судіи всѣхъ Богу, и духомъ праведныхъ совершенныхъ, и къ Ходатаю Завѣта Новаго Іисусу*, Евр. 12, 22 — 24». Этотъ курсивъ.. и зачѣмъ тексты печатаются курсивомъ? Какъ мила страница, имъ не чернѣющая, и какъ страшна та, которая имъ чернѣетъ Нѣтъ, это гораздо труднѣе «Поликратова перстня», хотя и проза... Бьетъ девять, въ спинѣ боль.. Лампа пригромождается къ кровати, и ученикъ легъ на спину и, зажмуривъ глаза, учитъ и повторяетъ, учитъ и повторяетъ... «*Того даде главу выше всѣхъ Церкви, яже есть тѣло Его* Ефес., 1.. Тотъ же Апостолъ говоритъ пастырямъ Церкви: «*внимайте убо себѣ и всему стаду, въ немъ же васъ Духъ Святый постави епископы, пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію Своею*».. —«Почему Церковь *едина?*» — «Потому — что она есть одно духовное тѣло, имѣетъ одну главу, Христа, и одушевляется однимъ Духомъ Божіимъ: *Едино тѣло, единъ Духъ, яко-же и звани бысте во единомъ упованіи званія вашего: единъ Господь, едина вѣра, едино крещеньe, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ.* Ефес. 4». Конечно урокъ—только полторы страницы, но до чего же это трудно!.. А стрѣлка на часахъ подвигается и подвигается; какъ бы хорошо сказать. «стой солнце и не движься луна»; но то—Іисусъ Навинъ, и это—въ первомъ классѣ, гдѣ Ветхій завѣтъ; попробовали бы они катехизиса и неужели чѣмъ дальше—будетъ все труднѣе? Бьетъ десять, и мать кличетъ ужинать. Конечно, урокъ еще не твердъ, тексты совершенно разваливаются, но можно подъучить его завтра на исторіи, а тексты подскажутъ товарищи изъза спины. Теперь остается только алгебра.

Ужинъ конченъ въ половинѣ одиннадцатаго, и сильно клонитъ не столько ко сну, сколько къ лежанію,—или ужъ, наконецъ, къ прогулкѣ, къ какому нибудь сильному движенію руками и ногами, и тогда бы можно алгебру. Будутъ спрашивать послѣднія пройденныя теоремы, новаго урока нѣтъ, кромѣ задачъ на рѣшеніе двухъ

уравненіи, т. е. на предварительное ихъ составленіе и потомъ—уже рѣшеніе. Кажется, бочка и въ ней три открытые крана, изъ которыхъ черезъ одинъ, потолще вода выливается и черезъ два, потоньше вливается. «Почему все вода, и зачѣмъ ее вливаютъ и выливаютъ такимъ страннымъ образомъ? Вѣрно только для задачъ». Усталая голова нервнымъ движеніемъ приподнята съ кровати раскрыта толстая черновая тетрадь, и x и y замелькали какъ символическія означенія минутъ и ведеръ воды. Задача рѣшилась скоро, но вотъ другая, съ движущимися на встрѣчу другъ другу поѣздами, никакъ не выходитъ. Сонъ, между тѣмъ, рѣшительно овладѣваетъ, и вотъ сквозь дремоту, уже переписавъ первую задачу въ бѣловую тетрадь и рѣшивъ 2-ю списать назавтра у товарища ученикъ сбрасываетъ съ себя платье и засыпаетъ — безъ грезъ, безъ смѣшливаго воспоминанія за день, безъ молитвы, со стучащими въ головѣ консулами и бочками, съ «Того даде главу» и парасангами Клеарха

То, что мы привели, и что, безъ сомнѣнія нѣсколько утомительно въ чтеніи, есть не только основной фактъ общепринятой учебно-воспитательной системы, но и ея единственный фактъ, подлежащій размышленію, анализу и критикѣ. Все прочее, что прилегаетъ къ нему—или значущее, и тогда вытекаетъ изъ этого же факта,—или является около него незначущей случайностью, побочнымъ и временнымъ явленіемъ. И педагогическая литература, насколько она не имѣетъ въ виду этотъ только фактъ, какими бы достоинствами въ самой себѣ ни отличалась, имѣетъ тотъ одинъ недостатокъ, что не относится ни къ чему дѣйствительному· хороша въ себѣ. а не въ отношеніи къ своему предмету..

Что такое этотъ фактъ въ данный единичный вечеръ? что такое онъ въ долгіе зимніе, осенніе, весенніе вечера? наконецъ, онъ же, перерывающій дѣтскія игры въ возрастѣ 9 — 10 лѣтъ и уже мѣшающійся съ первою любовью, съ пробуждающейся любознательностью въ возрастѣ 17—20 лѣтъ,—все это время ползущій съ безостановочностью часовой стрѣлки, которая имъ управляетъ и, повидимому, для него служила прототипомъ? Вотъ о чемъ нужно размышлять.

VII.

Всегда занималъ меня этотъ вопросъ: какъ образуются великіе люди,—великіе въ характерѣ, или, особенно, въ умѣ? Любопытно, что какъ ни различны бывали условія ихъ воспитанія, двѣ черты всегда въ нихъ отсутствовали: *перемежаемость* впечатлѣній и ихъ *разнородность*. Всегда и всѣ сколько-нибудь замѣчательные люди воспитывались на одномъ чемъ-нибудь; предметъ ихъ вниманія всегда былъ тѣсенъ, узокъ. Отъ этого самое вниманіе ихъ не разсѣивалось, и внимающая душа имъ углублялась. Являлся

серьезный интересъ, серьезная привязанность: изъ него. изъ этого *одного* интереса, потомъ уже возникали другіе. расширялись, разнообразились. сплетались въ новыя и новыя сочетанія. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ, порою—въ старости, мы находимъ. наконецъ, этотъ интересъ разросшимся до всеобъемлемости: новая поэзія, классическій міръ. точныя науки и философія. библія и политическія страсти — все находимъ мы умѣщеннымъ въ одной удивительной душѣ. но это—только на склонѣ лѣтъ, это уже цвѣтъ и плодъ, и то, что мы ищемъ—это стволъ и особенно корни того дерева, которое приноситъ этотъ чудный плодъ. Сѣмя этого дерева. первый незамѣтный ростокъ—*одинокій* интересъ къ чему нибудь въ дѣтствѣ. сосредоточенное, не раздѣленное вниманіе иногда заброшеннаго, забытаго мальчика къ предмету-ли какому-нибудь, къ случайно попавшейся книгѣ, къ человѣку-ли, заброшенному судьбою въ эту мѣстность, или, наконецъ, къ Божьему міру, красота котораго повсюду, всегда. для всякаго открыта. Я не могу привести теперь надлежащихъ примѣровъ,—для этого нужно бы справляться. я предлагаю только читателю обратить вниманіе на указываемую сторону воспитанія, когда онъ самъ случайно или изъ любопытства заглянетъ въ исторію, біографіи.

Съ другой стороны, безъ какого-либо исключенія мнѣ приходилось наблюдать, что *хорошо обставленныя педагогически* дѣти неизмѣнно не даютъ изъ себя ничего, кромѣ посредственнаго среди собранныхъ для нихъ коллекцій—они скучаютъ. обложенныя лучшими книгами — не имѣютъ никакого представленія о томъ, что тамъ написано [1]), если только эти представленія, эти знанія не вбиты имъ, не натвержены учителемъ,— и тогда они запомнились, но не усвоены, вовсе не вросли въ душу. За много лѣтъ наблюденій мнѣ не припоминается рѣшительно ни одного случая, чтобы *богато обставленный* научными пособіями ребенокъ, мальчикъ, дѣвочка—были сколько-нибудь любознательны. напротивъ, въ полуграмотныхъ семьяхъ, у какого-нибудь мѣщанина, ремесленника, бѣдной чиновницы, живущей на пенсію, у причетника, священника — я встрѣчалъ дѣтей съ пожирающею жаждой ученія. Для каждаго, кто наблюдалъ за жизнью непосредственно. кто не судитъ о ней издали, изъ центровъ административнаго управленія или съ высоты ученаго кресла, это до такой степени общеизвѣстно, что не требуетъ ни подтвержденій. ни разъясненій. полуразутый мальчуганъ. отбивающійся отъ безчисленныхъ братишекъ и сестренокъ—обычный любитель книги, ищущій съ нею уединенія; онъ же, въ вычурно сшитой курточкѣ, никѣмъ предусмотрительно не тревожи-

---

[1]) Напр. такъ называемыя «наградныя книги» всегда остаются непрочитанными «награжденными» и выпрашиваются у нихъ для прочтенія никогда не награждаемыми средними или плохими даже учениками.

мыи среди стоящихъ вокругъ его глобусовъ, теллуріевъ, иллюстрированныхъ книжекъ — ихъ первый, до конца жизни иногда, не скажу — врагъ, но *нерадѣтель*.

VIII.

Мысль сдѣлать образованіе «серьезнымъ» черезъ удаленіе отъ него неимущихъ, то-есть, «не серьезныхъ» классовъ, есть, поэтому, не только мысль безнравственная (ибо она неблагодарно забываетъ свое прошлое), но и изумительная въ своей наивности. Именно неимущіе-то классы и даютъ всюду лучшій контингентъ учениковъ, мирящихся со всякою строгостью дисциплины, преодолѣвающихъ всякія трудности ученія—будутъ-ли то древніе языки, математика или что другое,—учениковъ, бодро проходящихъ это ученіе, въ то время, какъ ихъ богатые товарищи, на половину растерянные уже во время курса, еле-еле тянутся за ними къ концу его [1]) Есть много причинъ для этого, и частью, кажется, органическихъ неистощенность силъ, которыя, тратясь лишь на физическое и никогда на духовное, именно для этого послѣдняго сохранены были въ цѣлости ихъ отцами, дѣдами, пра-дѣдами, и, полученныя въ нетронутомъ видѣ дѣтьми, обращенными на духовную ниву, и на ней даютъ результаты столь же добрые, обильные, полновѣсные, какъ ранѣе, въ долгихъ предыдущихъ генераціяхъ иныя силы давали свой плодъ на полѣ хлѣбномъ, въ мастерской, въ мелко-

[1]) Помню, какъ однажды, во время моего урока, въ классъ, считавшійся по успѣшности первымъ въ прогимназіи, вошелъ директоръ, чтобы спросить, кто изъ учениковъ не въ состояніи внести семидесяти-копѣечной мѣсячной платы за завтраки, устроенные при этой прогимназіи; встало учениковъ 6—7, первыхъ учениковъ класса и вмѣстѣ составлявшихъ предметъ гордости для всего учебнаго заведенія. Я и раньше зналъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ очень бѣдныхъ, но о другихъ не предполагалъ этого, и по крайней опрятности ихъ въ одеждѣ, и по благовоспитанности, деликатности, въ отношеніи товарищей и учителей По выходѣ директора, я всѣхъ ихъ другъ за другомъ вызвалъ къ каѳедрѣ и спросилъ, кто ихъ родители: «сынъ кузнеца» — Кононовъ, «сынъ крестьянина»—Васильевъ, «сынъ сапожника» — Богдановъ (первый ученикъ, никогда и ни по чему не опускавшійся даже до четырехъ), «сыновья мѣщанъ»— Баташовъ и Ксюнинъ, фамилій остальныхъ учениковъ я уже теперь не припомню, но и тѣ были дѣти, кажется, бѣдныхъ лавочниковъ; всѣ безъ исключенія за прекрасное поведеніе и успѣхи были избавлены отъ платы за ученіе, нѣкоторые изъ нихъ пользовались казенною одеждой и книгами (отъ благотворительнаго общества, состоявшаго при прогимназіи). Извѣстный циркуляръ о непріемѣ дѣтей изъ этихъ «поддонковъ общества» былъ здѣсь, за отдаленностью и слабостью центральнаго надзора, не приведенъ въ исполненіе умнымъ и понимающимъ положеніе вещей директоромъ. И на ряду съ этими учениками тащились, мучились, мучили собою учителей два сына почетнаго попечителя этой же прогимназіи, купца, имѣвшаго около 30 000 десятинъ земли, передъ которымъ всѣ двери были открыты, — его дѣтей призывали къ ученію всѣ «циркуляры» .. Зачѣмъ, что имъ изъ ученія? и какъ не дать этого ученія тѣмъ, кто его проситъ, къ нему ярко способенъ?..

умственномъ трудѣ незначительнаго чиновника, священника. Новь хороша не только въ земледѣліи, — и въ сѣяніи духовномъ она есть и такова же, какъ при посѣвѣ хлѣбномъ. Но, кромѣ этой неистощенности силъ, этой готовности къ обильному произрожденію поднимаемой нови, есть тутъ благопріятный моментъ въ самомъ законѣ сѣянія: зерна бросаются неторопливо, рѣдко: каждое зерно имѣетъ вокругъ себя обилие тучной земли, и силы этой земли не раздѣляются на питаніе кучи зеренъ, какія въ иномъ мѣстѣ бросаются рукою, можетъ быть и любящею, и искусною, но въ этомъ таинственномъ дѣлѣ не умудренною. Я хочу сказать, что въ малообразованной семьѣ, гдѣ мальчикъ до 8—9 лѣтъ былъ предоставленъ себѣ и, часто о многомъ спрашивая, никогда на вопросъ не получалъ отвѣта, онъ къ возможному будущему отвѣту естественно прислушивается внимательнѣе, естественно ловитъ его жаднѣе, чѣмъ его богатый сверстникъ, въ которомъ вопросы не только всегда и сейчасъ всѣ разрѣшались, но и возбуждались тогда, когда онъ хотѣлъ бы только играть и бѣгать. Первый — ожидалъ долго и будетъ слушать жадно, будетъ спрашивать еще, второй — уже такъ утомленъ выслушаннымъ, что не только ни о чемъ новомъ не спроситъ, но и передъ тѣмъ, что ему попытаются сказать, или отвернется, или прослушаетъ его разсѣянно, въ лучшемъ случаѣ запомнитъ, но никогда не заинтересуется.

Нужда и бодрый трудъ, отсюда вытекающій — вотъ лучшая атмосфера для воспитанія. Нѣтъ книгъ для чтенія — но ихъ жаждутъ; иногда жаждутъ и все таки не находятъ, и тогда время идетъ на бодрыя, умныя забавы на дворѣ, улицѣ, въ лѣсу, — забавы, укрѣпляющія здоровье и своеобразно, *своими путями*, развивающія умъ. Ранѣе или позже, книги сыщутся — и тогда онѣ жадно прочтутся: *это одно и нужно*. Нужно, чтобы во благовременіи, на университетской скамьѣ, на томъ или иномъ поприщѣ жизни, не клонила ко сну зѣвота при всякомъ живомъ словѣ, при видѣ всякой серьезной книги

Что же, въ виду сказаннаго, дѣлать богатой, образованной семьѣ со своими дѣтьми? Ни въ какомъ случаѣ не давать имъ чувствовать этого богатства, и также не внушать, что они составляютъ предметъ изощреннаго, главнаго вниманія семьи, которую радуютъ своими успѣхами, печалятъ неуспѣхами, и вообще въ своей волѣ или даже капризѣ обладаютъ ея счастьемъ или несчастьемъ. Семья— богата-ли она или небогата,—въ себѣ самой, въ сферѣ своего особаго труда (который дѣти лишь наблюдаютъ) несетъ свои отдѣльныя печали и радости; у дѣтей—пока однѣ обязанности и строгая за нихъ отвѣтственность передъ этой трудящейся, озабоченною семьей. На нихъ лежитъ долгъ, и только; они—не счастье, не красота семьи. пусть *эта* тайна будетъ понятна имъ гораздо позже; пока въ ихъ сознаніи должно быть, что они *трудны* семьѣ, и за

это трудное должны чѣмъ-нибудь вознаградить ее. Въ ихъ представленіи не должно быть развращающей мысли, что они — цѣль, ради которой семья все несетъ и должна вынести; это и не такъ въ дѣйствительности каждая семья живетъ для себя, для счастья текущаго момента столько же, какъ и для всякаго ожидаемаго. Умственная перспектива дѣтей должна отвѣчать дѣйствительности. что они уже принесли собою семьѣ много заботъ. потребовали много для себя труда, что на нихъ излита, о чемъ они даже не помнятъ и чего еще не понимаютъ, безконечная любовь Теперь они приходятъ въ сознаніе; теперь они дѣлаютъ собственныя усилія, чтобы подняться въ уровень съ этою любовью, чѣмъ нибудь вознаградить эти заботы. въ свою очередь своимъ трудомъ дать утѣшеніе слабѣющимъ родителямъ.

Время начинающагося ученія — время наступающихъ обязанностей. пробужденія сознанія, отвѣтственности, долга· конечно, онъ можетъ быть требуемъ и взыскиваемъ твердо лишь семьей, которая сама въ иныхъ сферахъ. передъ иными и высшими вещами несетъ твердо свой долгъ

Есть несчастныя семьи, гдѣ все это уже нарушено; часто это недурныя семьи, но только уже распустившіяся и не имѣющія силы подняться снова къ труду, къ обязанностямъ; наконецъ, есть положительно дурныя семьи, съ разрушающимися отношеніями ихъ старшихъ членовъ. Что дѣлать такой семьѣ съ дѣтьми? возможно раньше и возможно строже выдѣлить ихъ изъ себя, изъ своей разлагающей атмосферы, передать ихъ воспитаніе бѣднымъ родственникамъ, отдать въ закрытое учебное заведеніе, взять домашняго воспитателя или учителя, и хотя и оставить ребенка въ себѣ, въ своей дурной атмосферѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, черезъ обращеніе его привязанности на посторонняго, какъ бы изолировать его отъ себя Пусть у мальчика или у дѣвочки изъ подобной, чувствующей себя испорченною, семьи. создается свой *особый* міръ, возможно менѣе сливающійся съ ея міромъ.

IX.

Дѣтскій міръ и всегда вообще чище міра взрослыхъ людей, даже если послѣдніе недурны; и вотъ почему, за исключеніемъ того случая, когда семья состоитъ изъ двухъ только членовъ съ третьимъ при нихъ ребенкомъ, лучше, чтобы дѣти были нѣсколько отдѣлены отъ жизни старшихъ и образовали свой особый міръ. Это отвѣчаетъ требованіямъ одинаково какъ нравственнаго воспитанія, такъ и умственнаго развитія. Находясь въ средѣ взрослыхъ, когда этихъ послѣднихъ много, когда они разнаго положенія (мы здѣсь говоримъ уже не о родителяхъ, но о всемъ кругѣ лицъ, съ которыми родители вступаютъ въ соприкосновеніе), дѣти видятъ отно-

шенія, имъ мало понятныя въ источникѣ, но кривизны которыхъ они не могутъ не чувствовать. Маленькая лесть, маленькое самохвальство, всякаго рода фальшь и мелочность,—гдѣ встрѣтимъ мы взрослыхъ людей, *совершенно свободныхъ* отъ этого? Пустословіе едва ли не самый извинительный порокъ ихъ,—и зачѣмъ уже о немъ знать дѣтямъ не говоря о большемъ? Какъ это не удивительно, но мы скажемъ безъ смущенія, что дѣтскій міръ вообще серьезнѣе міра взрослыхъ людей: игры здѣсь *дѣйствительно* забавляютъ, огорченія — *дѣйствительно* вызываютъ слезы, и даже ссоры—суть *дѣйствительныя* ссоры, какъ по причинамъ своимъ, такъ и по исходу. Все здѣсь реальнѣе, все незамаскированнѣе,—и этимъ самымъ лучше. Своимъ присутствіемъ взрослые только внесли бы сюда искусственность, маскированіе, дѣланность, — и всегда ее вносятъ.

При входѣ взрослыхъ, дѣти обычно стѣсняются и прекращаютъ свои игры; вотъ вѣрный знакъ, что они или не будутъ вести себя при нихъ открыто, или, если преодолѣютъ наконецъ естественную застѣнчивость, то не ранѣе, какъ почувствовавъ свою фамильярность со взрослыми — то-есть, не слившись нисколько съ ними, перестанутъ принимать ихъ въ какое-нибудь вниманіе, то-есть уважать ихъ. Взрослые принимаютъ это обыкновенно за «довѣріе» къ нимъ, «расположеніе» дѣтей, но это — наивное предположеніе, ибо дѣтямъ не въ чемъ съ ними сливаться, они могутъ только перестать уважать ихъ, счесть, что у этихъ взрослыхъ нѣтъ никакого своего дѣла, нѣтъ особеннаго своего міра, что они прежде всего и только—праздны и пусты.

Все сказанное относится къ нравственной сторонѣ, но едва ли не важнѣе еще здѣсь сторона умственная: ребенокъ долженъ быть всегда серьезенъ [1]), и, вмѣстѣ, онъ долженъ быть свободенъ, то-есть окружающія его вещи и люди не должны стоять слишкомъ высоко надъ его умственными силами, не должны его *подавлять*. Мы уже выше замѣтили, какъ опасно для умственнаго развитія тотчасъ получать на все отвѣты, никогда не ожидать ихъ, и слѣдовательно не жаждать; теперь — мы беремъ другую сторону этой же самой опасности, собственно волевую. Приставить очень умнаго, очень ученаго, очень опытнаго педагога къ ребенку, который на всякое недоумѣніе послѣдняго давалъ бы длинныя объясненія, отъ всего поспѣшнаго или излишняго благоразумно останавливалъ бы, и вообще вѣчно во всемъ поучалъ — есть вѣрное средство сдѣлать этого ребенка глупымъ, то-есть не только вовсе неразвитымъ, но и до крайности робкимъ умственно, неувѣреннымъ, неуклюжимъ.

[1]) Какъ уже замѣтилъ я, серьезность не исключаетъ ни смѣха, ни игръ; ребенокъ тогда только не серьезно смѣется, когда предметъ смѣха въ дѣйствительности его не смѣшитъ, и тогда не серьезно играетъ, если игра его не забавляетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, въ умственномъ отношеніи, около человѣка съ чрезвычайнымъ перевѣсомъ знаній и умственной силы ребенокъ постоянно долженъ чувствовать себя какъ бы на днѣ глубокой пропасти, высокія края которой для него недосягаемы и не даютъ прямо взглянуть на солнце истины, то-есть на дѣйствительность. Возлѣ себя, передъ собою онъ видѣлъ бы постоянно чрезмѣрное превосходство ума, и неуловимо для него какъ и для самого воспитателя это превосходство давило бы его, онъ никогда не поправился бы но только былъ бы поправляемъ; никогда не отважился бы на сужденіе или поступокъ, не спросивъ предварительно объ ихъ возможномъ исходѣ, онъ былъ бы всегда пассивенъ и никогда дѣятеленъ а между тѣмъ въ жизни, въ послѣдующемъ, въ самомъ пріобрѣтеніи знаній—вездѣ ему предстоитъ быть именно дѣятельнымъ.

Минерва приняла когда-то видъ Ментора, чтобы не только провести Улиссова сына куда нужно, но во время пути и возможному научить его, наставить. Безъ сомнѣнія, это былъ самый безплодный ея поступокъ, и ни исторія, ни миѳъ, ни даже позднѣйшія нравоучительныя сочиненія ничѣмъ не опровергаютъ этого: всѣ они повѣствуютъ, что Телемакъ былъ наученъ, но умалчиваютъ что же вышло изъ этого ученія. Несомнѣнно только (и никто не рѣшился даже предположить этого) что изъ него не вышло никакого подобія его мудраго отца, около котораго однако не стоялъ никакой Менторъ. Но замѣчательно, что эта исторія о Минервѣ и Телемакѣ была неоднократно повторена и въ дѣйствительности, всегда съ тѣмъ же результатомъ умолчанія о послѣдующемъ, и слѣдовательно — вѣроятнаго безплодія. Кантъ, Дидеро, также, кажется, Локкъ, имѣли около себя питомцевъ и, безъ сомнѣнія выполняли свою роль не менѣе успѣшно, чѣмъ древняя Минерва, но гдѣ же ихъ ученики, что повѣствуетъ о нихъ исторія? Какимъ подвигомъ, мудрою дѣятельностью, или хотя бы просто чѣмъ-нибудь выдающимся они отмѣтили себя въ ней? Навѣрное, исполненные благоговѣйной памяти къ великимъ своимъ наставникамъ, они до конца жизни повторяли ихъ мысли, примѣняли указанія, и, какъ бы не живя вовсе, не живя, по крайней мѣрѣ, для себя и собою, прошли незамѣтною, тусклою тѣнью и для другихъ.

Взрослый же, каждый и всегда, около ребенка стремится естественно принять видъ разъясняющаго или поучающаго Ментора: въ мѣру того, какъ онъ этого не умѣетъ дѣлать, онъ, конечно, безвреденъ, — и, однако, всегда вреденъ тѣмъ, что его поученіямъ, даже и безвреднымъ, ребенокъ не умѣетъ ничего противупоставить, противуположить изъ себя. Поученіе, и строгое и прекрасное, какое можетъ получить ребенокъ отъ старшихъ, есть единственно поученіе изъ созерцанія ихъ жизни, идущей своимъ путемъ, къ

своимъ особымъ цѣлямъ, не дѣтскимъ — когда она идетъ къ этимъ цѣлямъ серьезно и въ прекрасныхъ формахъ

Какъ и всегда, сила общаго закона наблюдается рѣзко въ нѣкоторыхъ исключительныхъ явленіяхъ, и мы укажемъ на одно изъ такихъ. Кто не зналъ (или не слыхалъ отъ другихъ) объ удивительныхъ семьяхъ, съ несомнѣнно болѣзненнымъ отклоненіемъ отъ нормы, гдѣ вся нѣжность родителей сосредоточена на одномъ ребенкѣ, а другой внушаетъ этимъ же родителямъ какое-то физіологическое отвращеніе, повторяемъ, есть такія семьи съ необъяснимымъ уклоненіемъ родительской (всего чаще—материнской и всего чаще въ отношеніи къ дочерямъ) привязанности, и мнѣ лично два раза случалось наблюдать это странное явленіе [1]). Что же оказывается? Ребенокъ заброшенный, едва допускаемый на глаза, растущій на кухнѣ, съ прислугою — не только образецъ кротости, душевнаго благородства, но и сосудъ ярко свѣтящихся умственныхъ даровъ, другой, не спускаемый съ глазъ любящими родителями, съ приставленными мамками и учителями, вѣчно спрашиваемый и развиваемый, тупъ нравственно и умственно до степени, которая граничитъ съ уродливостью

Но это — рѣдко наблюдаемое, хотя и ярко доказывающее явленіе. Есть фактъ болѣе общій, доступный повѣркѣ каждаго, извѣстный, кажется, всѣмъ изъ исторіи изъ бѣдныхъ, необразованныхъ семей вышли едва ли не всѣ тѣ независимые умы и смѣлые характеры, которые въ разныхъ сферахъ становились реформаторами человѣческихъ обществъ; вѣдь къ этой смѣлости и независимости они пріучались же—пріучались тѣмъ именно, что уже съ первыхъ годовъ ученія не только не чувствовали надъ плечомъ у себя какихъ-либо вершинъ, но, напротивъ, сами уже въ дѣтскую пору въ томъ и иномъ, а наконецъ и во всемъ, чувствовали себя выше, умственно *сильнѣе* непосредственно окружающихъ и, однако, дорогихъ, уважаемыхъ людей. Это-то и воспитывало въ нихъ то здоровое мужество, которое одновременно полно и любви къ дѣйствительности, и вѣры въ идеальное, и готовности провести это идеальное въ эту высоко цѣнимую и, однако, ломаемую дѣйствительность. Мы не знаемъ учителей Лютера — другихъ, кромѣ безпощадно суроваго отца; безъ призора, съ невѣжественными учителями, выросъ нашъ Петръ; и едва ли не всѣ истинно великіе государи были въ ранней юности или гонимы, или отброшены въ сторону, такъ или иначе пренебрегаемы. И если лишь несчастіе, затерянность, безпризорность объединяютъ столь несродные характеры,

[1]) Не знаю, записаны ли гдѣ-нибудь подобные факты, и еще менѣе знаю, объяснялись ли они когда-нибудь. Патологическій характеръ здѣсь несомнѣненъ изъ отсутствія способности даже видѣть своего ребенка, и, позднѣе, послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, видѣть хотя бы для того, чтобы благословить на бракъ, при полномъ сознаніи отсутствія на немъ какой-нибудь вины.

какъ Генриха IV у французовъ и Іоанна IV у насъ, Густава Вазу у шведовъ королеву Елизавету у англичанъ, и всѣ они, этимъ условіемъ объединенные, стали велики, — значитъ, есть въ этомъ воспитательный моментъ, котораго ранѣе не замѣчали.

Мы его старались объяснить: роль его въ исторіи неизмѣримо велика, и мы можемъ только прибавить, что не была бы эта исторія тѣмъ мудрымъ и свѣтлымъ, чѣмъ она является намъ, еслибъ не этотъ удивительный законъ, посредствомъ котораго Богъ охраняетъ человѣка, когда онъ не можетъ или не умѣетъ охранить себя самъ.

X

Такимъ образомъ, трудомъ и нуждою воспитывается духовно здоровое, сильное: геніальное же въ умѣ или особенно въ характерѣ воспитывается бѣдствіемъ, незаслуженнымъ несчастіемъ, продолжительнымъ горемъ. Оно только одно истинно углубляетъ сердце и заостряетъ разумъ,—сообщаетъ второму великую, поражающую всѣхъ прозорливость, первому даетъ свѣтъ, всѣхъ привлекающій къ человѣку, всѣхъ ему покоряющій. Много умнаго, любопытнаго мы можемъ услышать отъ всякаго, но проникновенное—только отъ человѣка, который когда-нибудь, въ какой-нибудь формѣ, и иногда скрыто отъ всѣхъ людей вынесъ что-нибудь особенное. И такъ какъ это особенное никогда не можетъ быть предметомъ преднамѣреннаго исканія,—послѣднее къ тому же было бы и напрасно,—то и великое, геніальное въ исторіи должно нами пониматься, какъ нѣчто посылаемое человѣку внѣ всякихъ его разсчетовъ, по высшему предвидѣнію, для его нуждъ и въ моментъ, смыслъ котораго и значительность выше обычнаго.

Есть, однако, и въ исторіи нѣчто аналогичное тѣмъ условіямъ, которыя мы только-что указали какъ дѣйствующія на индивидуальное развитіе, — условія, дѣйствующія уже на цѣлое поколѣніе или рядъ поколѣній людей. Есть въ ней цѣлыя эпохи, воспитывающія по своему смыслу, но есть и развращающія. Мы можемъ, обратившись къ какому-нибудь вѣку и странѣ, найти поразительное множество людей, ничѣмъ особенно не выдающихся, людей только среднихъ способностей, вся жизнь которыхъ, однако, проходитъ въ какомъ-то высокомъ напряженіи, совершенно скрывающемъ отъ насъ средній или даже мелкій уровень ихъ умовъ. И можемъ, иногда въ той же странѣ, вѣка два спустя, встрѣтить не меньшее обиліе людей, которые даже при высшей одаренности, обладая чрезмѣрною умственною силой, являютъ собою что-то мелочное, незначительное, хотя и вмѣстѣ — удивительное. Какъ на примѣръ первой эпохи, мы можемъ указать на время реформаціоннаго броженія въ Германіи и Франціи, вѣкъ гуманизма въ цѣлой Европѣ; какъ на примѣръ второй—время послѣднихъ Людовиковъ во Фран-

ціи. Меланхтонъ былъ только мирный ученый. Лютеръ—искавшій личнаго спасенія человѣкъ.—но чѣмъ же сдѣлала, какъ возвысила ихъ эпоха. проникнутая высшимъ исканіемъ и высшими отрицаніями! Съ другой стороны. Дидеро, Вольтеръ, Руссо во всякое время были бы люди чрезвычайной умственной силы, они были таковы и въ свое время. но смыслъ этого времени былъ такъ низменъ. его желанія—такъ недалеко шли. отрицанія — такъ неглубокаго касались, что прошелъ только вѣкъ, и они — именемъ своимъ еще на устахъ всѣхъ. и ни въ чьемъ сердцѣ—своимъ значеніемъ. Первые, едва возвышаясь надъ обычнымъ уровнемъ своими способностями. стали велики. истинно велики, и притомъ на всѣ времена, — ибо время ихъ собственное было уже высоко, и они сіяли въ немъ. какъ даже незначительный холмъ сіяетъ вѣчными снѣгами, если онъ стоитъ на вершинѣ могучаго горнаго хребта; вторые, какъ ни высоки были сами по себѣ, подобно высокой башнѣ на низменной, топкой впадинѣ, быстро теряются на горизонтѣ времени, и хоть собственную высоту никогда не теряютъ. вмѣстѣ съ временемъ этимъ впадаютъ въ общее забвеніе.

И что отражается величіемъ или умаленіемъ на выдающихся людяхъ эпохи. то на ихъ современникахъ, имена которыхъ скрыты совершенно въ исторіи. отражается какъ воспитаніе. Въ эпохи существеннымъ образомъ *доживающія*, когда всѣ руководительные принципы жизни ослабли, и люди растеряны, нерѣшительны,—существованіе каждаго является чѣмъ-то расшатаннымъ и можетъ быть укрѣплено только личнымъ, чрезмѣрнымъ усиліемъ. Тогда *трудъ* есть дѣйствительно послѣднее. на что можетъ надѣяться человѣкъ; онъ не спасаетъ его собственно, но не допускаетъ по крайней мѣрѣ до индивидуума коснуться тѣмъ общимъ развращающимъ условіямъ, которыя, какъ только человѣкъ не занятъ. свободенъ, открытъ,—заливаютъ его собою и уносятъ туда же, въ ту же гибель, куда влекутъ и всю умирающую эпоху. Нѣтъ ничего во времени, что поддерживало бы человѣка; нѣтъ нитей, которыя не давали бы ему упасть, даже когда его собственныя силы и малы, нѣтъ смысла его оживляющаго внѣ права. подъ которымъ онъ живетъ, плуга, надъ которымъ согбенъ, дѣтей, которыхъ нужно привести къ лучшему, чѣмъ гдѣ находишься самъ. Нѣтъ надо *мною* и *моимъ* великаго *духовнаго организма*, къ которому бы я принадлежалъ, въ которомъ былъ бы проченъ, нуженъ, и, — давая ему себя, свои силы, способности,—себѣ, этимъ силамъ своимъ, способностямъ получалъ бы отъ него высшее просвѣщеніе.

Мы высказали, наконецъ, слово, въ которомъ заключена вся наша мысль объ образованіи. *Его исканіе есть только исканіе этого духовнаго организма*; критика его, отрицаніе — есть только тоска по утратѣ этого же организма, того *крова*, который я ожидалъ бы найти надъ собою и *всѣми*. и его не вижу. О, конечно,

и въ индивидуумѣ есть смыслъ, которымъ онъ обращенъ къ Богу, и одинъ онъ—дорогъ. его цѣнность — вѣчна; но есть отъ Бога же исходящіе вѣчные законы, которыми онъ единится со всѣми людьми и бьется съ ними въ біеніи одного пульса. Незыблемость, ясность, для всѣхъ очевидность этихъ законовъ и есть то, что воспитываетъ истинно, что образуетъ дѣйствительно, въ согласіи съ чѣмъ, наконецъ, могутъ быть выведены и тѣ, не очень значущія, подправляющія лишь въ частностяхъ, пристройки, которыя мы называемъ «школами». Сознаетъ ли данное время себя такимъ духовнымъ организмомъ, или не сознаетъ болѣе, — вотъ что рѣшаетъ судьбу поколѣній, или имѣющихъ пройти тѣнью въ исторіи, или, напротивъ, призванныхъ поработать въ ней и создать. Вѣритъ ли чему-нибудь эпоха? Чѣмъ признаетъ себя, *ощущаетъ* человѣкъ? Какъ смотритъ онъ на свою жизнь? Если какъ на случайное, мимо идущее явленіе, какъ на странный и непредвидѣнный исходъ удовольствія своихъ родителей, — что ему нужно, зачѣмъ ему воспитаніе? Онъ доживетъ до своихъ лѣтъ, потомъ умретъ, потомъ черви сдѣлаютъ свое дѣло съ нимъ, съ его дѣтьми... и ничего далѣе нѣтъ, и *не нужно* ничего.

Въ подобныя эпохи все, что дѣлается для воспитанія, есть въ сущности незначущая, лишь закрывающая глаза на будущность, игра,— есть построеніе стѣны на фундаментѣ, плиты котораго тщательно укладываются въ почву отваливающагося зѣва вулкана. Пусть онѣ уложены прочно, пусть благороденъ былъ трудъ клавшихъ,—черезъ минуту и ихъ самихъ, и ихъ труда не будетъ.

XI.

Эпоха съ религіозною серьезностью, понимающая себя и свой смыслъ въ исторіи—вотъ что одно воспитываетъ; абсолютное, призванное къ вѣчной жизни *послѣ* насъ,—вотъ что сообщаетъ вѣчность и намъ, и труду нашему, что можетъ сдѣлать наше существованіе свѣтлымъ и въ немъ—свѣтлымъ дѣтство нашихъ дѣтей. Безъ этого, печать идіотизма ляжетъ на нихъ, какъ эта печать лежитъ уже на насъ, несмотря на наши придуманныя рѣчи и дѣланныя движенія. Абсолютное передо мною, это значитъ: ясно для меня, что я долженъ дѣлать—Ему служить; ясно, для чего я долженъ воспитывать дѣтей, зачѣмъ ихъ рождаю,—*по* Его *закону* рождаю, для *продолженія моего труда* (который правъ) воспитываю. Все ясно, ничего темнаго передо мною, и это не размышленіемъ, не моимъ индивидуальнымъ усиліемъ пріобрѣтено. Какъ не индивидуальнымъ усиліемъ капля крови несется къ легкимъ, въ нихъ оживляется, оживляетъ тѣло и возвращается къ тѣлу, чтобы повторить этотъ кругооборотъ, такъ *я*, *другой*, мои *дѣти*, *внуки*, всѣ мы живемъ, свѣтло ожидаемъ смерти, но и по смерти остаемся въ жизни цѣ-

лаго, которое все дышетъ, оживлено, и за черту котораго ничто не выходитъ

Конечно, есть только *одно* абсолютное, но когда значеніе этого абсолютнаго человѣкъ придаетъ даже временному, когда онъ обманывается относительно другого, но не относительно себя, котораго считаетъ сосудомъ вѣчнаго —эпоха можетъ быть свѣтлою, она можетъ испытать счастье [1]), хотя и не можетъ сохранить свою вѣчность въ исторіи. И поколѣнія, въ ней взрощенныя, могутъ быть воспитанными—въ себѣ, конечно, въ силахъ своихъ, въ красотѣ формъ [2]), безъ отношенія къ тому, чему они служатъ. И эти формы разобьются, эта красота пройдетъ, силы угаснутъ—на время, какъ отраженнымъ свѣтомъ пройдя въ жизни поколѣній. Только обманъ и относительно другаго, и относительно себя не даетъ уже никакого свѣта, только воззрѣніе, что все вокругъ человѣка и онъ самъ—случайно, временно, не нужно,—дѣлаетъ эпоху окончательно не нужною, воспитаніе—окончательно невозможнымъ.

Въ эпоху подобной темноты что можно сказать человѣку? Что могъ бы ему сказать другъ исторіи, будущности? «Пойди изъ земли твоей, отъ родства твоего и изъ дома отца твоего» (Бытіе XII), куда Богъ укажетъ, до лучшаго времени, когда ты или другой, но кто-нибудь уединившійся — будетъ призванъ къ новому сѣянію на почвѣ запустѣлой.

Индивидуализмъ, замкнутость въ себѣ человѣка—это есть слѣдствіе разлагающейся эпохи, но въ немъ же таится и возможность возрожденія эпохи новой. Не въ великихъ историческихъ движеніяхъ, гдѣ одно смѣняется другимъ, не въ широкихъ массовыхъ волненіяхъ, не въ переворотахъ, которые насъ пугаютъ, изумляютъ,—источникъ жизни новой, отличный отъ того, что мы узнали, поняли, возненавидѣли, презрѣли; ея источникъ въ тревогахъ личной, уединенной совѣсти: гдѣ-нибудь въ незамѣтномъ углу, иногда въ попираемомъ человѣкѣ, зрѣетъ новое настроеніе, зажигается еще не горѣвшій свѣтъ, лучи котораго, распространяясь, не входятъ ни въ какое сочетаніе съ лучами гаснущими прежняго свѣта. И когда только смрадъ исходитъ отъ источника прежняго свѣта, и въ этомъ смрадѣ задыхаются люди,—одинокій, чистый, хотя и слабый, новый

---

[1]) Нельзя отрицать порывовъ нѣкотораго счастья въ людяхъ первой французской революціи, когда (какъ m-me Роландъ) люди даже на плаху шли съ вѣрою въ смыслъ и абсолютную значительность своего времени, считая свою личную гибель случайною и временною ошибкою (см. также характеры С. Жюста, Дантона и особенно всей Жиронды).

[2]) Также было бы напрасно отрицать въ людяхъ только-что указанной эпохи извѣстную монументальность характеровъ, «красоту формъ», «величіе силъ», «личности», — что все было же въ нихъ чѣмъ-нибудь воспитано: мы утверждаемъ—моментомъ *вѣры*, хотя бы и относительной, ложной. Замѣчательно, что самое появленіе этихъ характеровъ сопровождаетъ пробужденіе вѣры, и становится особенно замѣтно со временъ Руссо.

свѣтъ привлекаетъ ихъ всѣхъ. Они идутъ сюда всѣ—согрѣть около него душу освѣтить разумъ, который совершенной темноты никогда не можетъ переносить, по крайней мѣрѣ, не переноситъ ея долго. И новая эпоха настаетъ, съ другою вѣрой, не прежнею любовью.

Въ томъ, что *живетъ*, а не существуетъ только, все новое не собирается изъ частей, но изъ цѣлаго рождается въ цѣломъ же видѣ, не собирается тѣло изъ мускуловъ, костей, нервовъ, и отдѣльно отъ нихъ не вливается въ него потомъ кровь. Насколько же болѣе исторія есть живое цѣлое, не собираемое порознь изъ учрежденій, законовъ, наукъ, художествъ, — во что все, когда оно ново, можно было бы влить и новый потокъ людей. *Лицо* въ ней есть самомалѣйшее, и вмѣстѣ оно есть уже живой синтезъ всего, что такъ напрасно, такъ безсильно мы пытаемся между собою соединить въ своемъ смыслѣ, красотѣ, строѣ душевномъ оно несетъ и законъ, и возможныя учрежденія и всякую мудрость. Все въ этомъ зародышѣ неразличимо слито до времени, какъ въ яйцѣ зрѣющемъ неразличимы до времени будущіе органы, все, однако же, въ немъ и реально, и, главное, одухотворено уже все, заложено для жизни будущей, которая, кромѣ какъ этотъ, не имѣетъ другихъ путей для своего возрожденія.

XII.

Но и не только для будущаго, и не для одного «человѣчества», а для всякаго порознь и во всякій текущій моментъ, высшее сознаніе о себѣ, о своемъ долгѣ можетъ быть въ темную эпоху воспитано лишь индивидуально, разрозненными усиліями. Мы возвращаемся вновь къ дѣтямъ. Было бы напрасною и пагубною иллюзіею ожидать, что въ сторонѣ отъ личныхъ *моихъ* усилій, отъ *нашей* семьи, отъ *ближняго* прихода.—въ далекомъ учрежденіи, заботливо охраняемомъ, дорого оплачиваемомъ, будетъ дано моимъ, нашимъ дѣтямъ то, чего нѣтъ не только у охраняющихъ, но и нѣтъ въ самомъ времени, недостаетъ цѣлой эпохѣ. Конечно, точныя знанія будутъ даны, будутъ созданы полезные навыки, еще что-нибудь. Въ миньятюрѣ повторится то, что мы только-что сказали о большомъ мірѣ исторіи. кости, мускулы, органы будутъ собраны, но ничѣмъ не одухотворятся и даже не свяжутся между собою. Все быть можетъ хорошо, что отсюда выйдетъ: но только не выйдетъ никогда отсюда живой, полный человѣкъ.

И если цѣлое этого не видитъ; если, собирая мертвыя кости мертвыми руками, оно будетъ дѣлать это такъ, какъ будто-бы творило что-то живое,—индивидуумъ можетъ быть мудрѣе его и разсудительнѣе. Отдавая ему все требуемое, соблюдая должное, онъ можетъ соблюдать это лишь внѣшнимъ образомъ—вѣдь только внѣш-

нее, въ сущности, и дѣтямъ его дается,—и, поступая такъ—сохранять всю теплоту сердца своего, всю горячность вѣры для внутренняго, для ближайшаго, для дѣтей своихъ, которыя еще могутъ жить, когда цѣлое навѣрно гибнетъ.

Какъ это ни удивительно, индивидуумъ прочнѣе общества, долговѣчнѣе, и то, что ближе всего стоитъ къ нему,—семья, она можетъ быть еще тепла, религіозна, можетъ горѣть полною жизнью, когда этой жизни нѣтъ уже нигдѣ кругомъ. Причина этого кроется въ мистическихъ основаніяхъ семьи, которыхъ не имѣетъ общество черезъ нее именно, а не черезъ общество индивидуумъ сливается со всѣмъ родомъ человѣческимъ и также соприкасается съ тайнами жизни и смерти. Отмѣченъ и не объясненъ историками великій фактъ первенствующаго значенія, какое женщина имѣла въ принятіи народами, еще языческими и темными, христіанства. Полураба и вѣчная труженица, не знавшая поля битвъ, народныхъ столкновеній, чужихъ странъ —она ранѣе всѣхъ почувствовала слово объ искупленіи и грѣхѣ, о мірѣ здѣшнемъ и загробномъ, и первая поднялась на встрѣчу этому слову, радостно и трепетно. Что же, какъ королевы сдѣлали это—св. Клотильда, св. Берта, св. Людмила, у насъ св. Ольга? Или, быть можетъ, какъ дѣвушки? Нѣтъ, но какъ *женщины*, какъ рождавшія и слѣдов. стоявшія у дверей гроба, откуда были позваны назадъ для заботъ о жизни новой, которую произвели изъ себя. Тайны гроба и жизни полнѣе, цѣлостнѣе, ярче открыты женщинѣ; она—ихъ преимущественная хранительница, и то, что къ ней примыкаетъ,—семья можетъ быть полна еще смысломъ этихъ таинствъ, когда все вокругъ его утратило. Мы возвращаемся къ школѣ — развѣ она теряла ребенка? вымаливала его жизнь, не скажемъ у Бога, но хотя бы у «природы»? Итакъ, можетъ-ли, умѣетъ-ли, если бы даже хотѣла, она молиться такъ горячо, страстно, такъ бояться Бога, какъ семья, и даже такая, въ которой нѣтъ «катехизиса»?

XIII

Индивидуумъ можетъ и долженъ быть убѣжденъ, что есть вещи, которыя онъ знаетъ *одинъ*, что *этихъ* вещей некому передать его дѣтямъ, наконецъ, что это именно знаніе и есть главное, которое опредѣляетъ жизнь, опредѣляетъ самого человѣка, тогда какъ всякимъ другимъ знаніемъ онъ лишь *пользуется*. Давая орудія ему въ руки, нужно же подумать, чтобы онъ самъ былъ *кто-нибудь*; нужно, чтобы пользующійся и обладающій былъ вмѣстѣ и какое-нибудь лицо. Нельзя нанизывать нить безъ того, на что она нанизывалась бы; готовя серіи знаній, совершенствуя ихъ, комбинируя — не раньше однако можно приступать съ ними къ человѣку, какъ убѣдившись, что *главное* знаніе, которое осмысливало бы его лицо, не только

есть въ немъ, но и совершенно твердо. Лишь. когда семья сформировала ребенка, укрѣпила, дала ему вѣру и серьезность—а это все *она только* можетъ дать ему,—въ насыщеніе, въ пособіе, какъ средства, какъ посохъ страннику, пусть даетъ ему школа всѣ остальныя, второстепенныя свѣдѣнія.

Но тутъ я слышу со всѣхъ сторонъ готовыя подняться возраженія: «семья», мнѣ скажутъ, «вовсе не то, что вы о ней предполагаете». И это скажутъ уже безчисленные теперь, всесильные ея антагонисты, пытающіеся болѣе и болѣе вытѣснить ее изъ сферы ея обязанностей и перенести эти обязанности на себя. «Семья развращена. дика, безбожна уже по невѣжеству; у насъ, въ нашихъ книгахъ—вотъ въ этихъ сумкахъ, которыя мы даемъ дѣтямъ, написано все, о чемъ она забыла. Мы знаемъ,—тогда какъ она невѣжественна; мы правильны—тогда какъ она хаотична».

Правильны, знающи,—но *вѣрующи* ли въ то, о чемъ у васъ знаніе? Правильны но не изъ *страха* ли только дисциплины, которою, ставъ противъ семьи и Церкви, вы взаимно себя связали? Вѣдь и я стоялъ годы въ этихъ дисциплинированныхъ рядахъ, священнодѣйствующихъ въ классѣ и совѣтѣ, всегда серьезныхъ, поучающихъ, укоряющихъ.. Зачѣмъ хранить тайну, которою вы всѣ связаны; что не вѣра движетъ ваши ряды, что индифферентизмъ религіозный, мѣстный, національный, прикрытый для видимости только соотвѣтствующими параграфами, есть то, что болѣе всего васъ одушевляетъ? и что всякій изъ «вѣрующихъ», непредвидѣнно для себя замѣшавшійся въ эти ряды, чувствуетъ себя въ нихъ смѣшнымъ, ненужнымъ, всего менѣе способнымъ двигать блоки, приподнимать и опускать декораціи, и вообще принимать какое-либо участіе въ дающейся грандіозной оперѣ, гдѣ все издали такъ красиво, зрители тронуты, тронуты многіе изъ самихъ «пѣвцовъ», излишне вошедшихъ въ роль, но вообще и въ массѣ всѣ такъ чрезмѣрно утомлены?

По самымъ принципамъ своего возникновенія. школа въ Европѣ повсюду и одинаково атеистична, хотя тѣмъ наче удлиняетъ программы по «Закону Божію»; она давно безотечественна, хотя и справляетъ юбилеи и всякія «памяти». Это давно безродный, всюду и отъ всего отдѣлившійся въ своемъ родѣ «индивидуумъ», который, перекочевывая съ мѣста на мѣсто, льстиво приближается къ каждому и увѣряетъ, что ему именно онъ приходится ближайшимъ родственникомъ, наслѣдство котораго онъ въ правѣ и долженъ получить. Она—собиратель всѣхъ историческихъ наслѣдій, съ вѣрой, и, въ сущности, съ тайной, инстинктивной жаждой, чтобы всѣ эти наслѣдуемые были не очень здоровы, не очень долго тянули жизнь, а ужъ по кончинѣ она возьметъ на себя трудъ устроить имъ пышныя похороны, произнести надгробныя рѣчи и дѣянія каждаго занести въ соотвѣтствующія у себя книги.

Вотъ тайная сторона ея отношеній къ дѣйствительности, изъ которой вытекаетъ явная: что ни государство не крѣпнетъ [1]) подъ ея воздѣйствіемъ, какъ она обѣщала это, ни церковь не наполняется молящимися [2]), ни семья не становится лучше, изящнѣе въ своихъ формахъ, теплѣе въ содержаніи [3]) Первые бѣгуны съ поля битвы [4]), послѣдніе и лишь по принужденію входящіе въ храмъ, эксплоатирующіе женъ, бросающіе дѣтей — кто они? кто повсюду, безъ раздѣленія странъ, народовъ, вѣръ?

---

[1]) «За что ты бьешь насъ, *вѣрныхъ* слугъ *своихъ*», спрашиваетъ Курбскій царя Іоанна въ письмѣ своемъ, и въ тонѣ вопроса этого, хотя и негодующаго, у *бѣглеца*, у *изгнанника* слышится все-таки какое-то подавленное чувство близости и родственности къ государю, отъ котораго онъ бѣжалъ, къ землѣ, которую навсегда покинулъ; не говорю о «холопѣ» Шибановѣ. И вотъ, не дерзая оспаривать у каждаго право негодовать на то и иное въ своей родинѣ (что часто бываетъ выше и чище самой любви), я хочу сказать что ни въ негодованіи, ни въ любви нѣтъ и я не встрѣчалъ никогда въ толкахъ взрослыхъ учениковъ той теплоты, той интимности, тѣхъ «незамѣтныхъ слезъ», которыя негодованію придавали бы остроту, силу, любви—справедливость, нѣжность. Вялое отрицаніе ироніи скорѣе чѣмъ негодованіе.—вотъ обычное отношеніе «обычнаго» юноши къ своему отечеству въ старшихъ классахъ гимназіи и въ университетѣ. И, между тѣмъ, не изъ семьи это чувство приносится дѣти-подростки маленькихъ классовъ какъ мнѣ приходилось наблюдать, всегда— безсчетные патріоты Однажды объясняя въ V классѣ урокъ по римской исторіи, я, невольно увлекшись, коснулся той темы, что Римъ погибъ естественно, пройдя всѣ возможныя для него фазы исторіи, и раздѣлилъ въ этомъ случаѣ судьбу всѣхъ развивающихся, даровитыхъ народовъ Во время объясненія я слышалъ уже какое-то, мнѣ непріязненное бормотанье на задней партѣ, и, кончивъ объясненіе, спросилъ, обращаясь къ ученику «что вамъ, Колесниковъ?»—Какъ же вы это говорите, что всякій народъ долженъ умереть, — проговорилъ онъ грубо, не скрывая неудовольствія. Не догадываясь, въ чемъ дѣло, я началъ кратко повторять доводъ, но онъ рѣзко перебилъ.—Послѣ этого, по вашему выходитъ, что и Россія когда-нибудь погибнетъ? — «Конечно..» — «Никогда этого не будетъ!» Это былъ сынъ какого-то желѣзнодорожнаго мастера, грубый и умный ученикъ Конечно, такимъ замѣчаніемъ студентъ уже никогда не остановитъ профессора

[2]) Въ Е—цѣ и Б—скѣ, гдѣ мнѣ приходилось служить учителемъ, я замѣчалъ, что лучшая церковь, куда «приводились» ученики ко всенощной и литургіи, вовсе почти не посѣщалась молящимися (народомъ) до такой степени, безсознательно всѣ чувствовали, что атмосфера, вносимая въ храмъ «учащимися», дисгармонировала съ тѣмъ, что въ храмѣ привыкли искать и находить молящіеся! Изъ этихъ городовъ, по крайней мѣрѣ первый имѣлъ высокій церковный духъ, и мнѣ приходилось видѣть въ морозные зимніе дни большую толпу, безъ шапокъ, молящуюся передъ входомъ и не могущую уже протѣсниться въ храмъ (то-есть, не тотъ, гдѣ молились «учащіеся»)

[3]) Браки въ образованныхъ семьяхъ рѣже, чѣмъ въ необразованныхъ, и весьма часто — это браки очень скоро расторгаемые, иногда (какъ мнѣ извѣстны подобные случаи) расторгаемые при первой-же беременности жены, которая бросается мужемъ и съ будущимъ ребенкомъ.

[4]) Однажды, встрѣтивъ только что кончившаго курсъ юриста въ формѣ «вольноопредѣляющагося», я увидѣлъ его въ крайней ажитаціи, и, спросивъ о причинѣ ея, узналъ, что завтра, во время смотра, онъ собирается жаловаться дивизіонному генералу на ротнаго за его грубость: «.. толкаетъ въ спину, какъ какого-нибудь простого солдата». Я спросилъ, что и какъ было, и узналъ, что

XIV

Итакъ, не закрывая глазъ ни на которую сторону и нисколько не скрывая отъ себя опаснаго положенія и семьи, мы помнимъ, однако, общій законъ, что она, какъ и личная совѣсть, гибнутъ въ исторіи послѣдними,—послѣдними въ ней становятся пусты, холодны. И исходя изъ этого, думаемъ, что — по крайней мѣрѣ, въ столь сомнительный, тревожный моментъ, какъ нашъ, когда все обманчиво и остается полагаться лишь на природу, — дѣти возможно долго не должны быть выводимы изъ своего родного гнѣзда, чтобы, согрѣвшись здѣсь непритворною любовью, узнавъ хоть что-нибудь не въ ложныхъ отношеніяхъ, были способны и въ послѣдующую

въ моментъ выстрѣла, на ученьи, студентъ-воинъ всякій разъ выравнивалъ, бросалъ ружье и офицеръ идя сзади ряда и не разсмотрѣвъ, кого онъ бьетъ, ткнулъ въ спину робкаго стрѣлка. Я объяснилъ, что вѣдь нужно-же прилучаться къ ружью «да зачѣмъ я буду прилучаться къ шагистикѣ и всей этой ерундѣ?.»— Да какже на полѣ-то битвы? — «Да, конечно, убьгу.» Я оторопѣлъ, и споръ быстро перешелъ къ государству не помню его нити, но помню, что мнѣ долго и упорно приходилось доказывать что государство—это вовсе не окружной судъ, въ которомъ я веду процессъ, и что тутъ есть кое-что въ прошломъ, что обязываетъ меня теперь. Я помню ясно, что студентъ ничего этого не понималъ и смотрѣлъ такъ, какъ еслибы онъ встрѣтилъ пуму, чернаго лебедя, что-нибудь изъ Австраліи или Южной Америки, вычурное или необыкновенное. Просто, онъ *отвыкъ* отъ этого (т. е. за годы только-что оконченнаго ученія).— отвыкъ отъ всѣхъ представленій отечества, цѣлаго чего-нибудь, чему принадлежалъ по рожденію, по вѣрѣ и т. п. Приведенные факты очень частны, и для убѣдительности я приведу болѣе общее: протоіерей Z на 1-мъ курсѣ одного изъ университетовъ читалъ соединеннымъ четыремъ факультетамъ курсъ богословія, и избралъ для него *апологетику христіанства*, и первый вопросъ, которымъ мы, 500—600 юношей, только-что окончившихъ курсъ въ гимназіи, были встрѣчены на его лекціяхъ, былъ слѣдующій: такъ-ли окончательно доказано «наукою» *небытіе Божіе*, и въ самыхъ наукахъ, по преимуществу естественныхъ, нѣтъ-ли фактовъ, наблюденій, которые это ученіе подрывали-бы? Я не могу объяснить какъ и почему, но этотъ вопросъ на первой лекціи, передъ гурьбой совсѣмъ молоденькихъ слушателей, меня удивилъ и поразилъ почти страхомъ, страхомъ именно историческимъ, какъ исполненный чрезвычайной знаменательности. О томъ-же профессорѣ мнѣ передавали товарищи-студенты, что еще филологовъ и другихъ студентовъ онъ на исповѣди (исповѣдь у него была безплатная, и потому едва не весь университетъ у него исповѣдывался) еще спрашиваетъ о чемъ-нибудь, но когда на вопросъ, какого факультета, исповѣдующійся отвѣчаетъ: «медикъ» (т. е. почти $^1/_2$ университета) — онъ прямо читалъ отпустительную молитву и никогда о грѣхахъ не спрашивалъ т. е. онъ зналъ—вѣрно не безъ опыта многихъ исповѣдей,—что здѣсь исповѣдь будетъ издѣвательствомъ надъ таинствомъ. Когда этотъ-же священникъ приводилъ, послѣ смерти государя Александра II, студентовъ къ присягѣ, я помню его испуганное почти, до крайности смущенное лицо: онъ очевидно боялся, что вотъ вотъ случится неприличіе, выйдетъ скандалъ.— и, между тѣмъ, какъ всѣ помнятъ, это былъ очень гордый, вовсе не робкій священникъ. Онъ былъ очень старъ (въ 78—82 гг.), былъ давно профессоромъ университета, и приведенныя мною наблюденія я указываю какъ простую суммацію *его опыта*, не прибавляя ничего отъ себя.

жизнь внести какую-нибудь прямоту, хотя грубую. и что-нибудь теплое. Повторяемъ, школа даетъ только посохъ — человѣку, котораго формируетъ семья. Это даваемое — не «законченный кругъ свѣдѣній», не «міросозерцаніе», еще менѣе — познаніе «обязанностей человѣка и гражданина». Мы думаемъ, что — въ текущій, по крайней мѣрѣ, моментъ — единственная роль, какую школа можетъ выполнить около семьи, церкви, университета (мы говоримъ о школѣ предварительной).—это, не вмѣшиваясь въ ихъ дѣятельность и оставляя для этой дѣятельности достаточный досугъ, предложить въ себѣ имъ въ пособіе обширный и удобно устроенный складъ второстепенныхъ ученій, куда приходятъ и. получивъ нужное, за него платятъ,—и только.

Ея сфера—гораздо уже и скромнѣе. чѣмъ думаютъ; ея обязанности въ этой сферѣ могутъ быть, наконецъ. поняты, и она въ состояніи будетъ ихъ выполнить, не впадая въ притворство и внутреннюю фальшь. въ которую невольно теперь впадаетъ, берясь замѣнить для ребенка и семью, и церковь, и отечество,—все это призывая къ себѣ въ *пособіе* и тѣмъ самымъ лишая его *абсолютнаго* значенія, какое оно въ дѣйствительности имѣетъ. Но вѣдь и теоріи искусства—вспомнимъ здѣсь кстати—указывая на утилитарныя для него цѣли, все-таки въ виду этихъ цѣлей *требовали* искусства, и, однако, *погубили* его, именно потому, что требовали себѣ въ пособіе и уже тѣмъ самымъ критиковали его въ отношеніи себя, а не въ отношеніи его собственныхъ, особыхъ цѣлей. Не потому ли, неуловимо для всѣхъ и для всѣхъ же ясно, вокругъ школы пустѣетъ семья, холодѣетъ церковь, отрицается отечество, что все это въ ней стало какимъ-то педагогическимъ примѣромъ, лавкой учебныхъ пособій, которая по достаточномъ пользованіи и давъ все, что нужно, естественно забывается, и даже съ нѣкоторымъ отвращеніемъ

Любить искренно и глубоко. любить безъ всякаго раздѣленія античный міръ—кому это можетъ быть воспрещено? кто воспретилъ бы мнѣ. еслибы, взявъ на себя трудъ выучивать древнимъ языкамъ, ихъ литературѣ, ихъ искусству, исторіи, религіознымъ и государственнымъ учрежденіемъ, я съ нѣсколькими помощниками. мною самимъ розысканными, принялъ съ одной стороны обязанности передъ родителями, довѣряющими мнѣ своихъ дѣтей, и съ другой — передъ университетомъ, который мнѣ указываетъ, что именно ему нужно, чего онъ будетъ требовать отъ каждаго въ него поступающаго и безъ чего онъ емуне нуженъ? Не—«дуренъ», не «недостоинъ», что все сомнительно, ни для кого непонятно и всегда оспоримо, а только не *нуженъ*,—что и понятно и умѣстно въ устахъ того, кто другого принимаетъ къ себѣ для своихъ особыхъ цѣлей. Я не учу Закону Божію,—потому-что этимъ святымъ вещамъ не могу научить; я не отрицаю этимъ ихъ, но только не

лицемѣрю. какъ лицемѣря отрицаю теперь въ сущности все, чему внѣшнимъ образомъ и съ притворною гримасой научаю Вѣдь не выучиваю я дѣтей чувству ихъ къ родителямъ и ощущенію красоты природы—не учу ихъ заглядываться на звѣздное небо, трепетно любить мать,—но, не уча, отрицаю-ли? Нѣтъ, но только благоговѣю къ безчисленнымъ вещамъ, которыя выше моего искусства, чище моего ума: не скверню *ихъ* своимъ прикосновеніемъ, не скверню *дѣтей*; но, беря отъ послѣднихъ лишь незначительную долю времени и вниманія, оставляю ихъ учиться и у звѣзднаго неба. и въ семейныхъ играхъ, и въ храмѣ, куда его поведетъ мать, куда онъ, когда вздумаетъ, самъ зайдетъ,—и пусть уже никогда не заходитъ лучше, нежели какъ теперь, когда его водитъ сюда «классный наставникъ», и онъ съ ненавистью къ храму, съ отвращеніемъ къ богослуженію выстаиваетъ здѣсь свои постылые часы. Я говорю элементарныя вещи, и не могу скрыть ужаса при чувствѣ, какъ безконечно мы удалились отъ этихъ элементарныхъ вещей, какъ запутались въ хитро-вычурныхъ мысляхъ, и идя въ нихъ далѣе и далѣе, дошли до такой виртуозности въ уродливомъ и глупомъ [1]), что и выхода изъ него никто не видитъ, и, кажется, всякій уже боится его искать

Государство-же можетъ и должно сохранить положеніе заботливаго во всемъ этомъ руководителя, видящаго крупное, но который не впутывается въ міръ частнаго, субъективнаго, интимнаго, куда его толкаютъ льстивые и безразсудные рабы, и оно сюда входитъ. но, не различая здѣсь ничего,—ломаетъ все, мучитъ и возмущаетъ все противъ себя. Его роль—собрать и оплатить сиротъ, послать и обездоленнымъ лучъ духовнаго свѣта, который иначе по необходимости падалъ-бы лишь на обезпеченныхъ и, слѣдовательно, немногихъ. Повторяемъ, возвратившись къ своимъ естественнымъ, грубымъ задачамъ, въ то-же самое время государство можетъ стать истинно-христіанскимъ, нравственнымъ, всѣми благоговѣйно чтимымъ. Такъ-же честно, какъ я относительно дѣтской любви къ родителямъ, и оно можетъ сказать относительно вообще ученія: «я здѣсь не вижу, не различаю: но вотъ я различаю этихъ и тѣхъ бѣдняковъ,—дайте и имъ то, что вы даете богатымъ, и я вознагражу васъ».

XV.

И семья, когда «видимости» даже никто не сохраняетъ, что беретъ на себя ея обязанности, очнется отъ безпечности, въ кото-

[1]) Напримѣръ, въ прогимназіи, гдѣ я былъ класснымъ наставникомъ, двумъ ученикамъ-братьямъ, на просьбу отца-священника позволить имъ и по вступленіи въ школу посѣщать всенощную и литургію съ матерью, какъ это было ранѣе, было грубо и безъ объясненій отказано начальникомъ заведенія, причемъ ходатаемъ за просящихъ былъ я самъ, въ качествѣ класснаго наставника.

рую такъ часто впадаетъ теперь, такъ манится въ нее всѣми окружающими условіями. Мать вынетъ, наконецъ, грудь, когда никакая истощенная, безмолочная кормилица не будетъ стоять передъ нею и протягивать рукъ къ ея ребенку. Семья не можетъ не быть серьезна, когда на ней лежатъ серьезныя обязанности, когда она обязана къ труду, заботѣ о дѣтяхъ, безъ чего выросши—они никому и ни для чего не нужны. А ставъ серьезна внутри себя, она — и оставаясь даже малообразованною — будетъ воспитательна, какъ мы объяснили выше. Ничего сложнаго отъ нея и не нужно требовать, никакого нагроможденія свѣдѣній или образованія сложныхъ навыковъ. Всѣ ея заботы должны быть сосредоточены только на выработкѣ въ ребенкѣ *лица*, то-есть, уже нѣкотораго характера: умѣнья подчиняться тому. чему слѣдуетъ подчиняться, сопротивляться другому, чему слѣдуетъ сопротивляться. Страхъ Божій и неизмѣнное трудолюбіе—одно какъ выраженіе внутренняго лица, и другое—какъ выраженіе внѣшняго, намъ представляются единственнымъ, на чемъ должно быть сосредоточено вниманіе родителей. На это осмысленное и твердое лицо школа съумѣетъ позднѣе навить нити своихъ свѣдѣній.

Мнѣ приходилось наблюдать семьи, образованіе которыхъ не восходило далѣе грамотности,—слѣдя за которыми годы, я удивлялся ихъ воспитательному такту. Какъ ни мало правдоподобны покажутся мои слова многимъ, я скажу твердо (сколько видалъ), что ребенокъ *никогда* и *никакъ* не наказанный, и при всемъ томъ воспитанный въ строжайшемъ религіозномъ и нравственномъ духѣ путемъ непрерывнаго надъ нимъ наблюденія старшихъ—есть идеалъ не только желаемый, но иногда и осуществляемый (видѣлъ это и свидѣтельствую) въ средѣ первобытно-необразованной народа нашего, гдѣ старшіе члены семьи не умѣютъ подписать безъ пропуска двухъ буквъ своего имени. Что-же относится до старины, могу сослаться на воспоминанія дѣтства въ извѣстныхъ «Странствованіяхъ» инока Парѳенія—книгѣ, представляющей неоцѣненное сокровище для изученія духа нашего народа въ его коренныхъ, прежнихъ, не разрушенныхъ формахъ. Итакъ, идеалъ воспитанія въ народѣ нашемъ, насколько онъ самъ воспитанъ церковью и ея указаніями крѣпокъ, есть совершенная гуманность при неусыпной заботливости,—полное сліяніе *вѣры* въ предметы наученія, великіе, торжественные, святые, съ *любовью* къ научаемымъ, трепетнымъ, беззаступнымъ, невиннымъ. Но если мы возьмемъ самый худшій случай,—наказаніе *несправедливое*, то-есть ошибку въ принятой мѣрѣ, и здѣсь въ общей формѣ своей способъ воздѣйствія такъ хорошъ, что даже эта частная ошибка приноситъ послѣдствія не вредныя. И въ самомъ дѣлѣ подойдите къ незаслуженно наказанному ребенку. именно потому, что онъ чувствуетъ себя обиженнымъ несправедливо и больше, чѣмъ заслужилъ, вы найдете его мягкимъ, впечатли-

тельнымъ, отзывчивымъ, — не къ тому, конечно, *кто* наказалъ, но это и не нужно, а *въ себѣ* самомъ, что одно нужно. Тогда какъ безконечно скучающій «24 часа въ карцерѣ по § такому-то» не только не размягченъ, не чуткъ, но, сверхъ безграничнаго противъ всѣхъ раздраженія отъ скуки, — только еще сонливъ и голоденъ; сверхъ этого, можетъ быть, и болѣе плутоватъ—отъ изобрѣтательности всякихъ потемокъ и изощренности всякаго уединенія. Помню, я былъ разъ очень больно наказанъ въ дѣтствѣ, я пишу не въ интересахъ «педагогики», а то, что было въ дѣйствительности,—и вотъ помню, что уже очень рано я забылъ и кто, и какъ, и за что меня наказывалъ, и до сихъ поръ помню только, какъ тетка въ зеленомъ платьѣ пришла и сѣла около меня часа два спустя, и, ощупывая наказанныя части, съ ужасомъ говорила; «что же они съ нимъ сдѣлали'», и утѣшала меня, наказаннаго *явно* и *больно* всегда кто-нибудь пожалѣетъ; слѣдовательно, пожалѣетъ когда-нибудь и онъ [1]).

XVI.

Но, какъ уже замѣтилъ я, это только символъ разрыва съ настоящимъ, и не ребенокъ наказываемый въ строгой семьѣ — мой

[1]) Въ бытность мою учителемъ гимназіи, и вмѣстѣ класснымъ наставникомъ, ко мнѣ, какъ къ послѣднему, не рѣдко являлись матери учениковъ (всегда вдовы) съ просьбою наказать розгами (то-есть, чтобы это было сдѣлано въ гимназіи) своего разбаловавшагося мальчугана: «сестеръ колотитъ, меня не слушаетъ, ничего не могу сдѣлать» etc; я, конечно, объяснялъ, что это запрещено всѣми параграфами, но, зная *конкретно* (вѣдь въ педагогической литературѣ фигурируютъ, въ качествѣ примѣровъ, лишь бумажные манекены, которыхъ «во всемъ можно убѣдить словами», и, конечно, зачѣмъ для нихъ наказаніе?) мальчишку способнаго и, что называется, зарвавшагося, потерявшаго голову отъ баловства, всегда давалъ совѣтъ—обратиться къ кому-нибудь по сосѣдству или изъ родственниковъ и больно-больно высѣчь его. И теперь, когда мнѣ приходится видѣть въ богатой и образованной семьѣ лимфатическихъ дѣтей, киснущихъ среди своихъ «глобусовъ» и другихъ «пособій», я всегда, вспоминая и свое дѣтство, думаю· какъ-бы встряхнулись они, оживились, начали тотчасъ и размышлять, и чувствовать, еслибы, въ замѣнъ всѣхъ этихъ для ихъ любознательности разшпиленныхъ букашекъ и запыленныхъ минераловъ, разъ другой ихъ самихъ вспрыснуть по-старому. Все тотчасъ-бы перемѣнилось въ «обстоятельствахъ»: и впечатлительность-бы пробудилась, и сила сопротивленія требуемому,—именно *оживился-бы* духъ, который теперь только затягивается какою-то плѣсенью подъ музыку все поученій, поученій и поученій, все разъясненій, разъясненій и разъясненій. Розга—это, наконецъ, фактъ; это—насиліе надо мною, которое вызываетъ всѣ мои силы къ борьбѣ съ собою; это—предметъ моей ненависти, негодованія, отчасти, однако-же и страха; въ отношеніи къ ней - я, наконецъ, не пассивенъ; и, уединившись въ себя отъ тѣхъ, въ рукахъ кого она,—наконецъ свободенъ, то-есть свободенъ въ душѣ своей, въ мысли, непокоренъ ничему, кромѣ боли своей и негодованія Я серьезно спрашиваю: чѣмъ, какими коллекціями, какими иллюстраціями и глобусами можно вызвать всю эту *сложную* и *ярую* работу души, эту ея самодѣятельность, силу, напряженіе? Что касается «униженія человѣческой природы», будто-бы наносимаго розгой, то вѣдь не унизила она Лютера, нашего Ломоносова;—отчего-же бы унизила современныхъ мальчишекъ?

идеалъ; идеалъ — въ семьѣ строгой до суровости, но строгой въ духѣ, въ строѣ своемъ, въ пониманіи каждымъ своихъ обязанностей, что̀ настолько предупреждаетъ самое зарожденіе какихъ-нибудь несносныхъ пороковъ въ дѣтяхъ, что о примѣненіи физическаго наказанія здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Наказаніе, собственно, примѣнимо лишь въ семьѣ, нѣсколько распущенной въ себѣ самой, не трудолюбивой, не выдержанной. здѣсь оно вызывается, когда мальчикъ потерялъ мѣру и перешелъ границу, и хорошо потому еще, что тотчасъ изолируетъ его въ своихъ собственныхъ глазахъ, какъ бы отдѣляетъ на нѣкоторое время отъ семьи, то-есть отъ дурного, отъ главнаго, откуда идетъ его порча. Въ коренномъ своемъ основаніи, оно, конечно, несправедливо; но отлично, какъ простая, немудрая мѣра, дающая наилучшіе результаты въ данномъ положеніи вещей. Мальчуганъ обиженъ: «такъ ли я *дуренъ*, что заслужилъ это»? вотъ его первый вопросъ, источникъ безконечныхъ полусознательныхъ, темныхъ размышленій, которыя не столько пробѣгутъ въ его мысли, сколько пройдутъ черезъ его душу, преемственно овладѣютъ его сердцемъ: «такъ ли *они* хороши, что въ правѣ это дѣлать со мною? и неужели во мнѣ нѣтъ совершенно *ничего*, *кромѣ* того, что вызываетъ къ себѣ *ихъ* презрѣніе, какъ шалости, проступки, озорство, — что̀ все, ради этого лучшаго, они простили бы мнѣ, еслибы *знали* меня?» — вотъ начало гордости, еще дѣтской, но уже прекрасной, но уже глубочайшей по своей серьезности.

Мы приводимъ всѣ эти соображенія, чтобы показать, что въ физическомъ наказаніи нѣтъ ничего такого пугающаго, что̀ въ немъ прозрѣла новая педагогія и чего не видѣли люди самаго высокаго образа мыслей и безупречнаго характера долгіе вѣка. Замѣтимъ въ дополненіе своихъ мыслей и въ оправданіе тѣхъ умершихъ поколѣній, которыя мы считаемъ во всякомъ случаѣ болѣе способными къ любви, чѣмъ поколѣніе наше, что именно истинная ихъ любовь къ своимъ дѣтямъ, любовь серьезная и ко многому обязывающая, а потому трудная, и сдѣлала ихъ немного суровыми въ отношеніи этихъ дѣтей. Но, конечно, нѣтъ необходимости, чтобы эта суровая любовь доходила даже до физическаго наказанія. Идеалъ лежитъ въ семьѣ, гдѣ самая мысль о немъ уже оскорбительна, и потому оно невозможно; гдѣ дѣти трудятся, потому что старшіе трудятся, не зная отдыха; не балуются, не бездѣльничаютъ, потому что на всякую минуту и имъ указано дѣло, которое съ нихъ спросится; они заботливы къ этому указанному предмету ихъ дѣтскаго вниманія, потому что чувствуютъ ежеминутно заботливость и вниманіе, на себя устремленныя. Подобная семья, будь она даже малообразована, никогда не можетъ не быть вмѣстѣ и благородна, и этотъ духъ ея благородства отразится непремѣнно и на дѣтяхъ.

Но во всемъ этомъ, на что мы здѣсь указали, и что вращается

около труда, какъ своего главнаго основанія, заключена только еще форма. только упорядоченная внѣшность, которая безъ соотвѣтствующаго себѣ субъективнаго содержанія никогда не удержитъ своей прочности. Что же можетъ быть этимъ субъективнымъ содержаніемъ? Теплота религіозной жизни, слиянность съ церковью, и отсюда — свѣтлое. радостное отношеніе ко всему окружающему, то-есть, какъ къ природѣ, такъ и къ людямъ. Семья—это малый міръ, малое отраженіе большого міра, и она должна соединять на себѣ всѣ его лучи. Какъ тотъ міръ освященъ — она должна быть освящена, и здѣсь узелъ ея отношеній къ церкви; но какъ тотъ міръ полонъ вѣчной дѣятельности, неустаннаго движенія—неустанна въ трудѣ своемъ должна быть и она. Физическое и духовное въ ней сплетено въ одинъ узелъ; но, какъ во всемъ истинно живомъ, духовное не только должно въ ней обладать физическимъ. но и сообщать ему безконечный смыслъ, проникать его неугасающимъ свѣтомъ. Источники того и другого — только въ религіи. Къ чему бы еще мы ни обратились. къ государству ли, къ наукѣ или искусству,—мы безъ труда замѣтимъ, что смысломъ своимъ они не переступаютъ земного существованія человѣка, и границы ихъ видны. Имъ, поэтому, можетъ отдавать человѣкъ на служеніе свои *способности*, но не отдаетъ *себя*; и пока ихъ однихъ знаетъ, не можетъ не томиться и въ глубинѣ души не презирать нѣсколько эти не настоящіе предметы своего вниманія. Только въ той полнотѣ сознанія о себѣ, какое получаетъ человѣкъ въ религіи, онъ преходящею мыслью своею сливается съ природою своею во всей ея глубинѣ и цѣльности, становится въ уровень себѣ, а не въ уровень съ окружающимъ. И тогда только становится истинно просвѣщенъ.

XVII.

Мнѣ всегда думалось, я всегда это чувствовалъ, что человѣкъ религіозный—не въ смыслѣ религіозныхъ исканій, но въ живомъ, конкретномъ образѣ своемъ, въ живой связи съ исторически сложившеюся церковью,—сверхъ всего другого и болѣе просвѣщенъ, нежели человѣкъ не религіозный, который, какъ бы много ни зналъ, не узналъ главнаго: *кто* онъ, *среди* чего живетъ, для чего, наконецъ, *рожденъ?* Первый цѣльнѣе въ своемъ образѣ, онъ — законченный человѣкъ, и вотъ почему онъ въ то же время и просвѣщенный уже человѣкъ; напротивъ, напитанный, но только умственно, даже умственно питающій другихъ и даже обильно, тѣмъ не менѣе не законченъ, и уже тѣмъ самымъ—не просвѣщенъ. Онъ многое знаетъ, ничего худаго о немъ нельзя сказать, и, тѣмъ не менѣе, онъ остается какою-то Юлией Пастраной, или же уродомъ, у котораго нѣтъ ногъ, или спины, или чего-либо другого. Уродъ этотъ удивителенъ, право смотрѣть на него покупаютъ, и все-таки

онъ несчастнѣе каждаго изъ тѣхъ, кто покупаетъ это право. Такъ и мы, съ страшнымъ перевѣсомъ въ себѣ умственной стороны надъ другими, являемся въ исторіи, въ нашъ даже текущій моментъ, какими-то Юліями Пастранами, безъ горькаго сознанія, къ сожалѣнію, о себѣ, какое несомнѣнно у нея было. Мы незакончены, въ этомъ наше несчастіе, — и мы уже готовы бы гордиться имъ; но въ этомъ и уродство наше—и тѣнь какой-либо гордости въ насъ должна исчезнуть. Уродливые, незаконченные въ себѣ, мы не можемъ и изъ нѣдръ своихъ развивать жизнь иную, какъ только незаконченную же, уродливую: Юлія Пастрана — это не только мы, это — и фазисъ нашей исторіи, судьба нашихъ усилій, нашихъ уродливыхъ надеждъ и ожиданій, всего, что мы создаемъ изъ себя; и, кажется, въ самомъ воспоминаніи народовъ, послѣ того какъ всѣ подробности нашего образа въ немъ исчезнутъ, эта одна особенность останется неизгладимою и вѣчною. Мы геніальны, велики— въ одномъ чемъ-нибудь, и слѣдовательно только уродливы—въ себѣ; велики для другого чего-то—для внѣшняго, но не велики и даже смѣшны и жалки—сами. Цѣльный человѣкъ—вотъ идеалъ исторіи; пусть не геніальный, пусть даже не очень свѣдущій, онъ носитъ въ себѣ *полноту* законовъ своего человѣческаго существованія — вотъ почему онъ лучшій. Ибо, что же означаютъ въ родѣ человѣческомъ понятія «лучшее» и «худшее», какъ не сообразность лица съ этими законами, которые даны ему были въ неизвѣстномъ темномъ рожденіи, и даны до другого. столь же темнаго, далеко въ будущемъ, конца? Но эта полнота—гдѣ она безъ сознанія, *кто я, зачѣмъ, откуда?*—безъ всѣхъ тѣхъ знаній, о которыхъ молчитъ наука, въ которыхъ нѣмо государство, которыхъ не знаетъ искусство, и которыя озаряютъ нашу жизнь, осмысливаютъ наше лицо въ религіи, въ церкви, въ единеніи нашемъ съ темью вѣковъ и далью народовъ? Не свѣдущъ—но просвѣщенъ, ограниченъ въ дѣлахъ—но безконеченъ въ предметахъ помышленія, моментъ преходящій на землѣ — но не имѣющій конца въ будущемъ вѣкѣ, — вотъ человѣкъ религіозный, кто бы онъ ни былъ, въ сравненіи съ нерелигіознымъ, всѣ опредѣленія котораго обратны, какъ бы ни былъ онъ великъ въ своихъ частностяхъ.

XVIII.

Задача воспитанія, историческаго, истиннаго воспитанія, которое дѣйствуетъ, обязываетъ человѣка, налагаетъ на него до могилы не снимаемую норму, есть, именно, задача возстановленія въ человѣкѣ, потерявшемъ цѣльность своего образа, этой утраченной цѣльности. Мы сказали въ самомъ началѣ, что истинная точка зрѣнія въ воспитаніи есть художественная, теперь, раскрывая болѣе полно это опредѣленіе, скажемъ, что она есть религіозная.

Кто, и въ какое время, при какихъ измѣнившихся условіяхъ выполнитъ эту великую, священную миссію — не для своего народа только, но для всего, растерявшагося въ данный историческій моментъ человѣчества, — кто для этого будетъ посланъ? объ этомъ мы не можемъ и не должны судить, этого мы вправѣ только ожидать, молить, готовиться къ тому, чтобы въ нужный моментъ встать и безъ замѣшательства пойти туда и за тѣмъ, за кѣмъ и куда нужно. Если въ насъ, въ самомъ дѣлѣ, еще осталось что-нибудь цѣнное, намъ будетъ послано это утѣшеніе· еще разъ быть въ исторіи воспитанными, еще разъ осмысленно взглянуть на природу, произнести нѣсколько о ней разумныхъ словъ. Если уже не осталось въ насъ ничего—для чего было бы намъ все это? о чемъ говорить? Мракъ нашего просвѣщенія—тогда для насъ лучшій мракъ; это — желанная темнота сознанія, когда не нужно, когда было бы трудно все понимать, видѣть и, понимая, переносить.

Явится ли человѣкъ истинно религіозный среди времени, упавшаго въ вѣрѣ? съ крѣпкимъ закономъ въ себѣ, когда въ насъ всѣ законы уже расшатаны? будетъ ли онъ посланъ намъ, заслужили ли мы это?—вотъ вопросъ будущаго. Заслужили—и онъ явится, и мы пойдемъ за нимъ, и будемъ утѣшены, еще разъ утѣшены въ исторіи, хоть и не до конца, до новой слабости своей—успокоены въ ней. Все неразрѣшимое теперь или разрѣшимое только условно, и слѣдовательно не надолго, слѣдовательно къ новому только страданію,—разрѣшится само собою. Въ концѣ-концовъ человѣкъ не беззаконникъ по природѣ; только потерявъ дѣйствительно всѣ законы, не ощущая болѣе ни одного, онъ говоритъ, что и не хочетъ никакихъ,—не хочетъ того, о чемъ не знаетъ. Покажите ему законъ истинный, не выдуманный, взятый изъ вѣчной его природы,— и онъ этому закону подчинится, потому что не можетъ не почувствовать, что здѣсь для него—и успокоеніе и радость.

Радость — и слѣдовательно бодрость дѣятельности; успокоеніе— и слѣдовательно твердость быта. Все это—*для насъ*, взрослыхъ, и слѣдовательно *для дѣтей нашихъ*, которыхъ не можемъ же мы, въ самомъ дѣлѣ, отдѣлять отъ себя, изолировать, уединять отъ своего быта, отъ формъ труда своего. Поэтому, кто *насъ* научилъ бы, *насъ* призвалъ бы къ труду и въ этомъ трудѣ указалъ бы смыслъ, нѣсколько большій, чѣмъ только пропитаніе тѣла, кто передъ нэми освѣтилъ бы *жизнь*, — освѣтилъ бы и *будущее* передъ нашими *дѣтьми*.

XIX.

Но это — все небеса, все — историческая даль, а между тѣмъ такъ плохо и трудно на нашей бѣдной землѣ; мы возвращаемся вновь къ подробностямъ. Меня всегда занималъ вопросъ: когда-же

именно, въ какіе моменты совершается образованіе? теперь — развѣ только, когда человѣкъ спитъ...

Мы привели выше времяпрепровожденіе *ученика* за день, часъ за часомъ указали, въ чемъ состоитъ его бодрствованіе,—и едвали кто усомнится, что въ тысячахъ часовъ, такъ же повторяющихся, тѣмъ-же наполненныхъ, отсутствуетъ этотъ образовательный моментъ. Почти нельзя удержаться, чтобы не сказать, что онъ не только отсутствуетъ, но что всѣ слагающіе моменты здѣсь, хотя и суть моменты усвоенія, т. е. какъ бы расширенія душевнаго содержанія, въ дѣйствительности, однако, такъ соотносятся другъ съ другомъ, и порознь въ отдѣльности всѣ таковы, что самое времяпрепровожденіе, ими наполненное, представляется для посторонняго и безпристрастнаго наблюденія чѣмъ-то идіотическимъ. Но вотъ и другая сторона этого-же явленія, остающаяся очень мало извѣстною за крайнею замкнутостью отъ общества, изолированностью школы: и времяпрепровожденіе *обучающаго* слагается изъ подобныхъ-же моментовъ, изъ этой-же стукотни тѣсно вдавленныхъ въ недостающее время впечатлѣній, такъ-же перемежающихся, такъ-же разнородныхъ, такъ-же антихудожественныхъ и невоспитательныхъ порознь.

Нужно изучать *бытъ* учителей, чтобы что-нибудь понять въ образованіи,—не въ его «идеѣ», но въ его дѣйствительности, которая вѣдь одна соприкасается съ нами, въ то время, какъ рѣдкіе изъ насъ счастливцы имѣютъ досугъ и расположеніе занимать себя его «идеей». Даже администрація нашла нужнымъ укоротить срокъ учительскаго служенія на десять лѣтъ сравнительно съ общимъ, нормальнымъ, хотя-бы тоже умственнымъ (какъ судебныя должности) чиновническимъ трудомъ [1]). Спрашивается, почему это такъ? И если несомнѣнно, что тайна здѣсь не въ физической усталости, а въ *психическомъ изнеможеніи*, то спрашивается еще, есть-ли и можетъ-ли быть что-нибудь образовательное и воспитательное въ трудѣ, такъ устроенномъ, такъ расположенномъ, что именно дѣятельный въ немъ органъ не только не изощряется, не усиливается, не расцвѣтаетъ, но, среди полной возмужалости всѣхъ остальныхъ органовъ, впадаетъ въ странную усталость, безсиліе, порою извращается и всегда изнемогаетъ? Вѣдь у кузнеца долѣе всего и здоровѣе всего сохраняются руки, у охотника — ноги и глазъ, у мыслителя—умъ (Кантъ, Локкъ, Ньютонъ, длинный рядъ великихъ математиковъ и натуралистовъ); и только у учителя, какъ кожа и мускулы у рабочаго на фосфорной фабрикѣ, ранѣе всего атрофируется то именно, чѣмъ онъ обращенъ къ предмету труда своего— душа, умъ, цѣлый психическій строй.

---

[1]) Срокъ выслуги пенсіи въ министерствѣ народнаго просвѣщенія — 25 лѣтъ, во всѣхъ другихъ вѣдомствахъ—35 лѣтъ.

Но и гораздо ранѣе вышеуказаннаго укороченнаго срока, уже на 12-мъ—14-мъ, рѣже на 16-мъ—18-мъ году своей дѣятельности, учителя становятся инвалидами, нуждающимися скорѣе въ заботахъ о себѣ, нежели сколько-нибудь способными еще въ теченіе 8—12 лѣтъ оказывать безпрерывное, ежеминутное и самое утонченное вниманіе къ нуждамъ сотенъ и сотенъ образующихся юныхъ существъ. Общества покровительства животныхъ, благодѣтельные попечители о тюрьмахъ—да вотъ передъ вами братья ваши, лучшіе изъ васъ, несравненно болѣе многихъ образованные, гуманные, дѣйствительно благожелательные, преждевременно искалѣченные, кажется всѣми презираемые, несравненно болѣе несчастные, нежели покровительствуемые вами четвероногіе и двуногіе. О, конечно, нѣтъ никакихъ внѣшнихъ аттрибутовъ страданія на нихъ — кромѣ одного, впрочемъ, но за то общаго, лежащаго уже на всѣхъ: выраженія ихъ лица, ихъ движеній, манеры держать себя и говорить.

Даже мало знакомый съ ихъ бытомъ человѣкъ, встрѣтивъ среди многолюднаго общества, на гуляньи, въ театрѣ, гдѣ-нибудь, очевидно случайно попавшую сюда, понурую фигуру, съ разсѣяннымъ, ни на что не смотрящимъ, взглядомъ — фигуру, непремѣнно уходящую отъ общества, а не стремящуюся радостно къ нему приблизиться,—угадаетъ и скажетъ: «вѣрно—учитель». Его всѣ узнаютъ. Никто не захочетъ съ нимъ заговорить, скорѣе всякій сдѣлаетъ усиліе избѣжать этого; но, и заговоривъ, скажетъ что-нибудь придуманное, нарочное, и, услышавъ нѣсколько придуманныхъ-же словъ, очень правильно грамматически связанныхъ, поторопится отойти въ сторону. Учитель для всѣхъ страненъ, всегда и для всѣхъ чуждъ. Живой, беззаботный смѣхъ—вотъ чего никогда, ни въ какомъ состояніи вы не услышите отъ учителя; сильное движеніе, энергическое усиліе—вотъ чего нельзя ожидать отъ него. Онъ все можетъ *изложить*, но никогда — *разсказать* анекдотъ. Никогда и никого онъ не заразитъ весельемъ, и даже не оживитъ, развѣ — займетъ нѣсколько. Разговоръ, если только онъ не съ человѣкомъ наединѣ, а среди общества, уже пугаетъ его самою своею возможностью. Повидимому, онъ можетъ только научать или выслушивать, и всѣ остальныя его способности, умѣнія,—атрофированы. И вовсе не атрофированы, однако, другія стремленія, вкусы, пóзывы.

Мнѣ привелось нѣсколько лѣтъ прожить среди учителей (разныхъ гимназій), молодыхъ и старыхъ, съ различнымъ прошлымъ, съ неодинаковымъ темпераментомъ и складомъ ума и характера, и я могу (насколько имѣю право) свидѣтельствовать, что, за обычными всегда и вездѣ исключеніями, это въ огромномъ большинствѣ люди съ чрезвычайно тонкимъ душевнымъ развитіемъ, съ задатками, съ позывами къ научному мышленію и изученію, и, что несравненно важнѣе этого, — душевно чистые. Вы здѣсь найдете истинное уваженіе къ бѣдности, истинное презрѣніе ко всякому

виду шалопайства, физическаго или духовнаго; изъ представителей всѣхъ остальныхъ профессій университетъ здѣсь теплѣе и ярче всего вспоминается, здѣсь цѣнится, любится, выслѣживается въ дальнѣйшей судьбѣ своей. Заброшенныхъ въ глухую провинцію, я здѣсь встрѣчалъ людей, которые уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ начинали серьезно заниматься музыкою, выучивались живописи (храню картину, нарисованную мнѣ лѣтъ 7 назадъ, очень несчастнымъ въ своей судьбѣ математикомъ), начинали, съ самой смутной надеждой на окончаніе, переводить какой-нибудь многотомный трактатъ Секки (этотъ-же математикъ-живописецъ), что-нибудь изъ Монтескье, изъ какого-нибудь древняго философа. Все это были чистые порывы къ благородному, безъ какой-либо корысти, среди такой провинціальной глуши, гдѣ кругомъ царило пьянство, картежъ, животная грубость,—просто изъ потребности лучшаго, и, можетъ быть, еще изъ темнаго инстинкта самосохраненія души своей. Въ случайномъ, уединенномъ разговорѣ, съ глазу на глазъ, вы встрѣтите у учителя не рѣдко такую бездну еще не замершаго интереса къ жизни, далекой, чужой, ему ненужной жизни; иногда отъ посторонняго человѣка, спустя много времени послѣ самаго факта, узнаете о такомъ нѣжномъ отношеніи къ человѣку (одѣваніе на свой счетъ какого-нибудь нищаго ученика или чуть не кормленіе его буквально голодной семьи), что невольно начнете чему-то вѣрить, на что-то надѣяться... И вотъ эти люди, таковые порознь внутри себя, въ своей дѣятельности совокупной являются въ такихъ чертахъ, что ненавидимы учениками, ненавидимы городомъ; вредны семьѣ, церкви; анти-созидательны въ исторіи; и хорошо еще, еслибы только ненавидимы: но болѣе, нежели ненавидимы, — презираемы всюду и всегда, и это знаютъ.

Если вы знакомы съ бытомъ учителя, то и не входя на урокъ къ нему, въ классъ, вы знаете, что этотъ-же мягкій, высоко-образованный человѣкъ тамъ угрюмъ, разсѣянъ, несправедливъ, жестокъ; учителя всѣ объ этомъ другъ про друга знаютъ; всѣ мучительно объ этомъ молчатъ; первые годы силятся это преодолѣть, побѣдить, наконецъ—хоть только скрыть, и къ концу, становясь уже болѣе или менѣе циничными, уже растерявъ все—перестаютъ и скрывать, тѣмъ болѣе, что видятъ, что тайна эта давно и для всѣхъ была ясна. Гдѣ-же, въ какихъ особенностяхъ труда, въ чемъ специфическомъ и незамѣченномъ лежитъ корень этого поразительнаго явленія? Чтобы понять это, нужно разомъ и въ цѣльности представить себѣ, что такое въ сущности этотъ трудъ. Представьте себѣ дѣятельность несравненно болѣе деликатную, утонченную, чѣмъ дѣятельность профессора, академика, какого-нибудь ученаго обязанность не только изложить, но съумѣть заинтересовать изложеннымъ, а въ случаѣ неспособности, разсѣянности, тысячи недостатковъ со стороны слушающихъ,—отвѣтить на каждый изъ этихъ не-

достатковъ соотвѣтствующимъ способомъ воздѣйствія, который такъ или иначе, но непремѣнно направилъ-бы ихъ вниманіе на нужное и (это уже совершенно необходимо) нужное въ ихъ сознаніи укрѣпилъ-бы; предметъ изложенія—не только знакомый давно, но и элементарный настолько, что, лишь искусственно съуживая развитое зрѣніе, можно на немъ сосредоточиться, припадая какъ маленькій къ землѣ, приподнимать невидимую вещицу и съ оживленною миной, видимой заинтересованностью, ее другимъ показывать; эти приподнимаемыя вещицы мѣняются каждыя 55 минутъ, и съ каждыми 55-ю минутами нужно перемѣнить нѣсколько, но не очень много, мину, манеру, способъ изложенія, степень одушевленія, чтобы не показаться смѣшнымъ или неумѣстнымъ возрасту совершенно новому, каждый изъ этихъ возрастовъ, за исключеніемъ совершенно маленькихъ, подъ давленіемъ другого механизма, его формирующаго, который мы описали выше, при всѣхъ усиліяхъ не можетъ скрыть отвращенія къ показываемому и насмѣшки къ самому показывающему .. Этотъ механизмъ, тянущійся 5 — 6 часовъ, вставленъ въ рамку дня, состоящаго изъ обѣда, двухъ торопливыхъ чаепитій и изъ чтенія отъ 40 до 60 текстовъ [1]), невообразимо перевранныхъ, но совершенно тожественныхъ по смыслу, словамъ. конструкціи... День этотъ $^1/_{200}$ часть учебнаго года, сложеннаго изъ

---

[1]) Мы разумѣемъ поправленіе письменныхъ работъ учениковъ на дому (extemporalia, домашнія работы) По крайней мѣрѣ, въ недавнее время это поправленіе наполняло дома проводимое время настолько, что однажды, отдавая визитъ вновь опредѣлившемуся въ гимназію учителю, я, просидѣвъ всего нѣсколько минутъ, получилъ отъ него предложеніе—просмотрѣть въ эту минуту любопытную книгу изъ его библіотеки, пока онъ «поправляетъ тетрадочки». На педагогическомъ совѣтѣ, въ той-же гимназіи, всякій разъ, когда вопросъ шелъ о такомъ классѣ, гдѣ не преподавалъ данный N N., членъ совѣта, этотъ послѣдній незамѣтно вставалъ и отходилъ къ небольшому столику въ сторонѣ, гдѣ лежали, имъ принесенныя изъ дому, тетради (extemporale), такъ какъ, объяснялъ онъ мнѣ, «достаточно одинъ день не выправить нужное число тетрадей, чтобы уже потерять всякую возможность съ ними справиться». Мой уважаемый наставникъ, А. И Свиридовъ, передавалъ мнѣ нѣсколько лѣтъ назадъ о своемъ молодомъ сослуживцѣ, преподавателѣ латинскаго языка въ Н—ской гимназіи. что, женившись на молодой образованной дѣвушкѣ, онъ черезъ годъ или два послѣ брака былъ брошенъ женою и тещей, внезапно уѣхавшими, причемъ. вернувшійся со службы мужъ нашелъ всѣ свои тетради съ extemporalia'ми порванными и разбросанными на полу, а на столѣ—письмо, гдѣ теща объясняла ему, что она. выдавая за него свою дочь. никогда не думала обрекать ее на такую идіотскую семейную жизнь, въ которой она видитъ мужа только на постели. Измѣнено или нѣтъ это положеніе дѣла теперь—не знаю, но оно продолжалось 20 лѣтъ, начиная съ 71 года. Между прочимъ, здѣсь лежитъ объясненіе специфической тупости и неразвитости учителей древнихъ языковъ (наибольшее количество тетрадей), уже много разъ отмѣченное именно за это время предполагавшагося разцвѣта у насъ классической школы. Судя по одному очень строгому въ отношеніи учителей циркуляру, упрекающему ихъ въ лѣности и нерадивости, эта сторона дѣла осталась неизвѣстною какъ Министерству, такъ и учебнымъ округамъ. она просто не приходила въ голову.

двухсотъ такихъ дробей... Эти дроби — на фонѣ оставленной, никогда почти не видимой семьи, падающихъ силъ, возрастающей съ дѣтьми денежной нужды, уже долголѣтняго и все, кажется, напраснаго заискиванія передъ начальникомъ, наконецъ—отчужденія отъ всѣхъ людей, сознанія ненужности дѣлаемаго дѣла.

Къ этому нужно прибавить серію разнородныхъ обязанностей, повидимому, имѣющихъ въ виду дополнить, закрѣпить, улучшить классную работу, въ дѣйствительности-же ее окончательно расшатывающихъ: учитель приходитъ на урокъ не только усталый, какъ можетъ быть усталою только лошадь, бѣгущая въ «конкѣ» цѣлый день между парою желѣзныхъ рельсъ, но и раздраженный вчерашнимъ совѣтомъ, на которомъ онъ хотѣлъ-бы, но побоялся твердо отстоять свое мнѣніе, сегоднишнимъ замѣчаніемъ о неаккуратности въ составленіи четвертной вѣдомости, заботою объ очередномъ помѣщеніи ученическихъ квартиръ, опасеніемъ предстоящей ревизіи, необходимостью уладить отношенія къ товарищамъ на время близящихся экзаменовъ, когда всякій изъ нихъ можетъ ему навредить. Урокъ, даваемый въ классѣ — это не единственная его забота *и даже не самая настоятельная:* если этотъ урокъ прошелъ совершенно дурно, и даже формально дурно, это не ведетъ за собою никакого немедленнаго, болящаго результата; но не составленная къ совѣту «вѣдомость»—это уже непріятность, которую нельзя оговорить: это просто нужно исполнить во что-бы то ни стало; во что бы то ни стало нужно обойти разъ въ мѣсяцъ всѣ ученическія квартиры, сдѣлать столько-то классныхъ работъ, выписать въ кондуитную книгу всѣ шалости, подвергнуть ихъ классификаціи и подвести имъ статистику. Это все работы *неоговоримыя*; тогда какъ забывчивость имъ ученика, который вотъ въ этомъ-то хромалъ, и и его бы надо подъучить, но не хватило на это класснаго времени, да и просто учитель забылъ о немъ за другими неотложными обязанностями—это не только оговоримо, но, какъ вещь неуловимая и никуда невписуемая, это и не возбуждаетъ чьего-либо вопроса, и слѣдовательно какой-либо отвѣтственности, кромѣ отвѣтственности совѣсти. Тысяча такихъ-жене исполненныхъ, неощутимыхъ обязанностей; ученики, изгнанные по моему нерадѣнію, изгнанные по нерадѣнію, иногда недоброжелательству, дурного моего товарища; десятки учениковъ, выгнанные послѣ ревизіи, когда гимназію указано было «поднять»—все это живетъ въ встревоженной памяти учителя,—и вотъ онъ удивляетъ классъ непонятною снисходительностью, безумною дикою вспышкой противъ разсѣяннаго ученика, когда «самъ» такъ разсѣянъ, что совершенно не разбираетъ, что ученикъ, сбившись, уже давно несетъ невыразимый сумбуръ, а онъ только говоритъ: «да, да... да не торопитесь же очень»... Жестокій, глупый, несправедливый, онъ же и умный, изболѣвшій въ сердцѣ человѣкъ—вотъ учитель.

Въ свои ученическіе годы, подобно всѣмъ товарищамъ, я думалъ, что учитель—это наиболѣе изъ всѣхъ обдѣленный душевно человѣкъ, въ виду явной нелѣпости, рѣжущей глаза несправедливости, какую онъ позволяетъ себѣ въ отношеніи учениковъ. Позднѣе, ставъ учителемъ и увидя сѣть отношеній, обязанностей, трудовъ, тревогъ, которые для ученика невидимы, и, между тѣмъ, сквозь нихъ уже учитель соприкасается къ нему, нисходитъ въ классъ, я понялъ, до какой степени всякое обвиненіе здѣсь не то, что несправедливо, но не имѣетъ просто никакого отношенія къ предмету. «За одну ошибку онъ поставилъ единицу, а еще вчера пропустилъ десять ошибокъ»... Да—но между вчера утромъ и сегодня утромъ было вчера вечеромъ, когда былъ «заслушанъ и подписанъ» протоколъ объ исключеніи его любимаго ученика въ такомъ-то классѣ, способнаго, развитаго, любознательнаго, который послѣ замѣны старой рухляди, преподававшей до сихъ поръ математику, «новою метлою», присланною изъ округа, несмотря на всѣ усилія въ теченіе года, даже несмотря на помощь нѣкоторыхъ преподавателей, припомнившихъ по нуждѣ имъ чуждый предметъ, уже не въ силахъ былъ ничего сдѣлать и, вслѣдъ за другими нѣсколькими, «очищаетъ» отъ себя гимназію [1]). Я понялъ, до какой степени вся

[1]) Нельзя назвать иначе, какъ преступленіемъ противъ дѣтей, эти *періодически* повторяющіяся въ каждомъ учебномъ заведеніи *поднятія* его уровня или въ цѣломъ, или въ отношеніи къ какому-нибудь одному предмету. Не слѣдуетъ допускать предметъ или заведеніе до паденія, и, разъ допустивъ его до этого, поднимать можно лишь на страхъ, на ущербъ себѣ, и никакъ не учениковъ, въ этомъ невинныхъ; и между тѣмъ только на ихъ судьбѣ возмѣщаются ошибки или злоупотребленія, допущенныя учебнымъ округомъ. Фактъ, приведенный мною въ текстѣ, имѣлъ мѣсто въ Б—ой прогимназіи, которую *открыть* и затѣмъ *установить* въ ней весь *строй*, въ качествѣ перваго ея начальника, былъ предназначенъ человѣкъ, не только не знавшій этого строя сверху, въ качествѣ учителя, но не знакомый и съ самыми формами его хотя бы даже въ качествѣ ученика (какъ сынъ очень богатыхъ родителей, онъ поступилъ въ университетъ съ домашнею подготовкой) Распущенность доходила въ его управленіе до того, что учитель новыхъ языковъ, напримѣръ, только около 20 числа посѣщалъ гимназію, и ученики смѣясь говорили ему это на урокѣ въ глаза, а самъ начальникъ бралъ съ урока преподавателя математики играть къ себѣ въ шашки, оставляя классъ на надзирателя,—и также не скрывая отъ учениковъ, зачѣмъ берется отъ нихъ преподаватель Неудивительно что ученики, переходившіе для окончанія курса изъ этой прогимназіи въ сосѣднія полныя гимназіи, за рѣдкими исключеніями, уже не въ силахъ были въ нихъ кончить курсъ. Да и въ этой же самой прогимназіи, когда ея начальникъ, еще молодой человѣкъ, былъ переведенъ директоромъ въ Т., — ученики при измѣнившихся порядкахъ должны были разсчитываться за все, чего не доучили за пять лѣтъ его распущеннаго управленія. Все это такъ невыносимо стало для города, что родители просто перестали отдавать въ эту прогимназію дѣтей, предпочитая ихъ отвозить въ сосѣдніе города, и она была закрыта, за изсякновеніемъ «обработываемаго матеріала», если не ошибаюсь, въ 1889 году. Чтобы дорисовать положеніе дѣла, замѣчу, что городъ давалъ на содержаніе этой прогимназіи значительную субсидію, и хотя, видя такое положеніе дѣлъ, позднѣе отказывался давать, но былъ вынужденъ къ этому разъ выраженнымъ

сфера дѣйствій здѣсь и мнѣній, по существу, есть сфера невмѣняемаго,—здѣсь, гдѣ все должно бы быть вмѣнено, все будетъ вмѣнено по предостереженію: «истинно, истинно говорю вамъ: аще кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, лучше было бы ему, еслибъ жерновъ мельничный повисъ у него на шеѣ и пучина морская поглотила его».

XX.

Но вотъ великіе ветхіе завѣты мы замѣнили правилами новыми, яснѣе выраженными, лучше выполнимыми, и,—главное—выполненіе которыхъ могло бы быть всегда провѣрено.

Однако, выполнены ли по крайней мѣрѣ «*правила*?» Есть ли даже *форма*—тамъ, гдѣ содержанія нѣтъ и оно не предполагается, гдѣ оно сознательно пренебрежено? Мнѣ хочется взять частицу, и анализомъ ея показать, что цѣлое, откуда она извлечена, не можетъ удерживать даже и никакой формы, что даже и эта форма есть фикція, о которой всѣми условлено молчать.

До сихъ поръ все, что я говорилъ, имѣетъ тотъ смыслъ, что при совершенномъ, идеальномъ выполненіи всего предположеннаго въ учебно-воспитательномъ механизмѣ, все-таки создаваемое имъ не можетъ получить никакого правильнаго человѣческаго образа; что эклектически слагаемая въ этомъ механизмѣ фигура—безжизненна, тускла, искажена въ чертахъ своихъ, и никогда не будетъ иною, хотя бы свѣдѣнія, какими она обладаетъ, были точны, знанія ея обширны и самые пріобрѣтенные навыки добропорядочны; что нѣтъ въ образуемомъ живого центра, который эти навыки примѣнилъ бы къ доброму, или хотя бы имѣлъ силы ихъ въ себѣ удержать, эти свѣдѣнія — пожелалъ бы расширить, точныя знанія—къ чему-нибудь благому примѣнить Но я теперь хочу сказать, что и самая эта обширность свѣдѣній, точность знаній есть фикція. И то, что вырабатывается механизмомъ, столь изощренно придуманнымъ, не только не есть *живое* человѣческое лицо, но и не есть даже сколько-нибудь *цѣльная* человѣкообразная маска, а рядъ клоковъ, тряпокъ, линій, между собою не связанныхъ,—что-то непонятное и ненужное, въ чемъ все одно до другаго не дотягивается, и если еще какъ-нибудь лежитъ на гладкихъ листахъ «программъ», «уставовъ», «объяснительныхъ записокъ», то вовсе никакъ не лежитъ на человѣкѣ, который живетъ, поступаетъ, думаетъ и говоритъ къ

согласіемъ. Нельзя не замѣтить по этому поводу вообще, что городъ *всегда* знаетъ истинное состояніе учебнаго заведенія, и *никогда* не имѣетъ причинъ желать, чтобы оно было дурно, или хотя бы оставаться къ этому индифферентнымъ; поэтому только онъ и есть его естественный блюститель, непрестанный ревизоръ (конечно, въ лицѣ представителей своихъ, достаточно компетентныхъ, а не богатыхъ невѣждъ, какіе обычно избираются въ такъ-называемые «почетные попечители»).

удивленію всеобщему такъ, какъ еслибы не только ни къ чему не воспитывался, ни для чего не обучался, но и забылъ совершенно о всемъ, о чемъ неучившемуся напоминаютъ страна, мѣстность, время—своими памятниками, бытомъ, природой, нуждою, страхомъ и вообще тысячью вещей, которыя всѣ знаютъ и не знаетъ только вчерашній ученикъ и завтрешній дѣятель

Утверждается вообще, что чрезмѣрно малый процентъ оканчивающихъ полное среднее образованіе въ свѣтской школѣ [1]), зависитъ отъ чрезвычайной *высоты* и *обширности* ея требованій, отъ *трудности* выполнить эти требованія для всѣхъ тѣхъ, кто не обладаетъ хорошими способностями и совершенно удовлетворительною домашнею обстановкою. Но это — обманъ и самообманъ: обманъ общества, населенія страны, будто бы безспильныхъ подняться на предлагаемую высоту, и потому только ея не досягающихъ; самообманъ самихъ организаторовъ системы, допустившихъ въ нее непростительныя ошибки, которыя уже независимо ни отъ какихъ «исполнителей», фатально, безпричинно, ненужно дѣлаютъ возможнымъ окончаніе курса только для 2%—5% и вообще даже менѣе. Истинная причина этого явленія кроется въ томъ, что въ *первой* порѣ своей ученіе сдѣлан искусственно слабымъ, идетъ предустановленно распущеннымъ ообразомъ; и когда въ эту распущенность ученики уже вошли и къ ней привыкли, имъ неожиданно (на 4-й годъ ученія) предъявляется чрезмѣрная строгость требованій, и притомъ не только за проходимое въ данный годъ, но и за все пройденное ранѣе. Сперва развратить слабостью, потомъ исправить строгостью, не научить въ началѣ и въ концѣ все-таки потребовать—вотъ изумительная, ничьего вниманія не останавливающая на себѣ и совершенно непонятная въ основаніяхъ постановка дѣла, въ которой и лежитъ объясненіе, почему нормальное прохожденіе курса въ нашей средней школѣ почти невозможно, — и когда возможно для нѣкоторыхъ, даже для нихъ является возможнымъ лишь въ силу обмана, къ которому вынуждены прибѣгать учителя.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ это объяснено будетъ сейчасъ ниже, ученики въ каждый послѣдующій классъ переводятся съ недостаточнымъ знаніемъ ими курса класса предыдущаго; и въ силу того, что каждый послѣдующій курсъ есть лишь развитіе предыдущаго,—

---

[1]) Онъ гораздо меньше, чѣмъ даже думаютъ: изъ 40—50 учениковъ, поступающихъ одновременно въ два отдѣленія перваго класса, черезъ *8 лѣтъ* достигаютъ *8-го* класса 1—2 (иногда ни одного) ученика, и слѣдовательно только для этихъ 1–2 учениковъ курсъ гимназіи есть восьмилѣтній, для всѣхъ же остальныхъ, т е. *вообще* для учащихся, онъ есть *девяти, десяти, одиннадцати-лѣтній* Чрезвычайно ускоренный темпъ, какимъ проходятся въ гимназіи всѣ предметы, есть лишь искусственная вставка нормальнаго одиннадцатилѣтняго курса въ срокъ восьми годовъ, въ видахъ предоставленія *одному* возможности его скорѣе окончить и, конечно, къ полному уродованію остальныхъ учениковъ.

это послѣдующее становится имъ сперва не совсѣмъ ясно въ нѣкоторыхъ частяхъ, затѣмъ лишь полу-понятно даже въ главномъ, и наконецъ совсѣмъ непонятно въ цѣломъ, такъ что въ послѣднихъ классахъ они движутся впередъ ощупью, въ совершенной темнотѣ. и паденіе или спасеніе здѣсь является для нихъ дѣломъ случая и также произвола учителей. Происходитъ это: 1) отъ затемняющихъ, скрадывающихъ истину *выводныхъ*, *четвертныхъ* и *годовыхъ* балловъ, 2) отъ системы *полуэкзаменовъ*, 3) системы *экзаменовъ многогодичныхъ*.

Каждый учебный годъ раздѣляется на четыре учебныя четверти, и къ концу каждой изъ нихъ совокупность всѣхъ балловъ, какими были отмѣчены единичные отвѣты ученика, замѣняется *однимъ*. всѣ ихъ въ себѣ *сливающимъ* балломъ. Замѣтимъ. что изъ шестнадцати, положимъ, уроковъ, бывшихъ по данному предмету въ учебную четверть,—четыре, въ которые ученикъ былъ спрошенъ, онъ знаетъ всегда лучше тѣхъ двѣнадцати, въ какіе не былъ спрошенъ, по естественной въ дѣтяхъ какъ осторожности, такъ и распущенности, въ силу которой они къ ожидаемому спросу готовятся тщательнѣе. чѣмъ къ уроку, по которому ожидать спроса нѣтъ особенно живыхъ основаній. Положимъ, однако, что и эти *наилучше* имъ *данные* отвѣты *оцѣнены* были по учебнымъ четвертямъ, слѣдующими баллами: 1, 2, 1, 2, что въ выводѣ дало *2*; 2, 3, 2, 3, что въ выводѣ дало *3*; 1, 2, 1. 2, что опять въ выводѣ дало *2*, и за послѣднюю четверть· 2, 3, 2, 3, что снова даетъ *3*. Изъ четырехъ четвертныхъ балловъ: 2, 3, 2, 3 выводится за годъ два съ дробью, которая въ силу того, что за послѣднюю четверть былъ баллъ удовлетворительный, принимается за полную единицу, и ученикъ признается учившимся въ теченіе года достаточно для перевода въ слѣдующій классъ, хотя среднее ариѳметическое всѣхъ 16 годовыхъ балловъ есть чистое *два*. безъ всякой дроби. то-есть въ теченіе всего года занятія ученика оцѣнивались какъ *неудовлетворительныя* (1+2+1+2+2+3+2+3+1+2+1+2+2+3+2+3 = 32; 32:16=*2*). А если мы примемъ во вниманіе, что урокъ, приготовленный вчера вечеромъ и отвѣченный сегодня утромъ на *три*, къ концу учебной четверти не можетъ помниться болѣе, чѣмъ на *два*, и тоже слѣдуетъ сказать о всѣхъ другихъ баллахъ, то мы поймемъ, что годовой достаточный для перевода баллъ (*3*) прикрываетъ собою знанія, которыя ви истинной своей оцѣнкѣ выражаются даже не балломъ *2*, а балломъ *1*, то есть прямо, какъ худыя. И между тѣмъ этотъ *фальшивый баллъ*, когда всѣ единичныя оцѣнки, изъ которыхъ онъ произошелъ, выброшены, стерты, забыты,—остается одинъ, какъ орудіе, какъ средство при разрѣшеніи вопроса, переводить ли ученика въ слѣдующій классъ. Онъ указываетъ, что ученикъ занимался удовлетворительно, и самого *вопроса* о его переводѣ уже нѣтъ: онъ — *фактъ*, ученикъ — *переведенъ*; *съ какими*

свѣдѣніями — мы это только-что поняли. И вотъ почему уже во *второй* годъ ученія (а впереди такихъ годовъ еще *шесть*, съ повтореніемъ все этой же игры, какъ бы *облегчающей* ученика и въ дѣйствительности его обманывающей, набрасывающей на него мертвую петлю) курсъ ученія неожиданно для него и къ раздраженію учителей оказывается почему-то тяжелъ, онъ тяжелъ потому, что неясенъ въ связи съ предыдущимъ, котораго лишь обрывки, пусть еще большіе, но ни въ какомъ случаѣ не слитая цѣльная поверхность знаній, сохраняются въ утомленномъ, съ каждымъ днемъ все затуманивающемся умѣ.

Въ слѣдующемъ и слѣдующемъ классахъ эти точныя свѣдѣнія, все ширясь въ содержаніи своемъ, въ объемѣ предлагаемыхъ къ запоминанію фактовъ, принциповъ, методовъ и т. д. и т. д., въ то же время болѣе и болѣе расчленяются между собою, дробятся, и, наконецъ, становятся какими-то зыбкими, пловучими островками, колеблющимися на фонѣ необозримаго тумана. Всякое новое пріобрѣтаемое свѣдѣніе съ болью усиливается прицѣпиться къ чему-нибудь въ этомъ туманѣ, и не можетъ. Ученье становится невыносимо трудно; ученикъ почти ничего не понимаетъ въ томъ, чему онъ учится. Приготовлять на завтра всѣ пять уроковъ онъ не имѣетъ никакихъ силъ; текстъ переводимаго писателя для него теменъ, когда слова даже и знакомы всѣ; но и словъ онъ не знаетъ такую массу, что только пріискать ихъ въ лексиконѣ, не говоря о томъ, чтобы заучить—это отнимаетъ у него часа два времени [1]). Въ фактахъ исторіи, въ явленіяхъ физики, въ наблюденіяхъ космографіи онъ не видитъ давно никакой связи, и, за недосугомъ, даже не спрашиваетъ себя объ этой связи, не справляется о ней по учебнику [2]). Онъ сперва не приготовляетъ на завтра лишь одного урока, по которому навѣрное не будетъ спроса; мало-по-малу не приготовляетъ нѣсколькихъ, и, наконецъ, начинаетъ лихорадочно готовить хоть одинъ, по которому будетъ рѣшительный. обѣщанный, пригроженный учителемъ,— спросъ Ученикъ уже давно растерянъ, измученъ; совершенно теменъ въ курсѣ всѣхъ предметовъ; и, между тѣмъ, фикція «*тройки*» еще держится. Она, правда, обрывается то на одномъ предметѣ, то на другомъ, но возстановляется при новыхъ нечеловѣческихъ усиліяхъ, — впрочемъ, въ

---

[1]) Мнѣ извѣстны случаи, когда ученики *все* время приготовленія уроковъ употребляли на пріисканіе словъ, и уроки приготовлялись уже на другой день передъ классами, въ перемѣны между уроками, на самыхъ урокахъ (т е. на каждомъ данномъ урокѣ готовился урокъ слѣдующій,—*какъ*, это читатель можетъ живо себѣ представить). Отсюда вытекла необходимость подстрочниковъ, подсказываній и пр.

[2]) «Что *былъ убитъ*, что *побѣдилъ*— это вамъ все равно?» замѣтилъ однажды, разсмѣявшись, экзаменаторъ кончающему курсъ ученику, который на его замѣчаніе: «вовсе не былъ убитъ» (про какого-то героя въ какой-то битвѣ), равнодушно поправился· «то-есть побѣдилъ».

этомъ единичномъ поправляемомъ предметѣ, съ паденіемъ въ другомъ, иногда въ двухъ другихъ предметахъ. И, между тѣмъ, совокупность этихъ проходимыхъ предметовъ, въ широко начертанныхъ программахъ ихъ, въ ихъ между собою «связномъ организмѣ», представляетъ такое красивое цѣлое; жаль что-нибудь здѣсь опустить; не хочется нарушить иллюзію; фата-моргана манитъ, если не ученика, истомленнаго, искалѣченнаго, давно глупаго, то тѣхъ, кто, *издали* созерцая тысячи и тысячи юныхъ душъ, расцвѣтающихъ на этой тщательно воздѣланной почвѣ, безъ интереса къ какому-нибудь лицу въ отдѣльности, наслаждаются зрѣлищемъ ихъ *общаго* вида.

Фиктивный, обманывающій годовой баллъ [1]) всюду принятъ въ основаніе для перевода, и замѣчательно, что тогда какъ въ старшихъ классахъ онъ долженъ быть полнымъ по всѣмъ предметамъ, въ *младшихъ*, то-есть, когда ученикъ *приноравливается*, *приспособляется* къ требованіямъ заведенія, онъ не требуется *полный* по *всѣмъ* предметамъ: имѣя по нѣкоторымъ второстепеннымъ предметамъ и *2*, ученикъ все-таки переводится, ему дается льгота поправиться въ слѣдующій годъ,—и какой же ребенокъ въ 10—11 лѣтъ, если онъ ребенокъ не исключительный, не воспользуется этою льготою? Эти льготы, о которыхъ ребенокъ думаетъ, что онѣ ему *прощаются*, *снисходятся*,—учителя, заведеніе, организація системы знаетъ, что онѣ лишь *отлагаются*, и черезъ 4 года спросятся во всей полнотѣ и совершенно строго. Зима и лѣто смѣняются, смѣняются одинъ разъ, два, три—и подступаетъ весна четвертаго года: грозный четвертый классъ, его *собственная* программа *обширнѣе*, чѣмъ котораго-либо предыдущаго класса, и когда, черезъ силу перемогая только ее, ученикъ является къ экзаменаціонному столу, ему предлагаютъ взять билетъ не за одинъ годъ этотъ, но и за предыдущій, и за третій, и за четвертый даже, — за то время, когда онъ былъ еще совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ и, ничего не подозрѣвая, забавлялся мячемъ, перочиннымъ ножикомъ, бабками, и вообще тысячью вещей, для него болѣе занимательныхъ тогда, чѣмъ латинскія спряженія, подвиги Александра Македонскаго и азіатскія плоскогорія. Экзаменъ невозможенъ иначе, какъ съ обманомъ: это ясно для ученика, видно для учителя; и первый подъ покровомъ второго, а при его безсиліи—второй, при молчаливомъ согласіи положенныхъ по правилу ассистентовъ и предсѣдательствующаго начальника учебнаго заведенія, — этотъ обманъ совер-

[1]) Онъ, какъ и четвертной баллъ, какъ и всякій обманъ, прикрывающій дѣйствительность, долженъ быть оставленъ вовсе; и, если уже нужно сохраненіе балловъ въ учебно-воспитательной системѣ, должны быть сохранены простые баллы за отвѣты въ году—ихъ рядъ всегда долженъ быть передъ глазами оцѣнивающаго, испытывающаго, спрашивающаго учителя, чтобы направлять его вопросы.

шаютъ. Онъ совершается фатально, всюду, необходимо, при самомъ безукоризненномъ составѣ учителей и учениковъ, онъ вытекъ изъ цѣлой организаціи учебнаго дѣла; его обойти—невозможно, къ нему не прибѣгнуть—значитъ самый переходъ учениковъ въ слѣдующій классъ уничтожить, уничтожить этотъ слѣдующій классъ, то-есть разрушить цѣлое учебное заведеніе, какъ въ физическомъ отношеніи несомнѣнно разрушило бы его, еслибы изъ системы его потолковъ, стѣнъ, сводовъ вдругъ вынули которую-нибудь стѣну—вещь невозможная, фактъ, о которомъ никто даже не смѣетъ предложить себѣ вопроса.

XXI.

Система обмана, самими учителями практикуемая, бываетъ несложна: при письменныхъ испытаніяхъ—это допущеніе списыванія, совѣщанія, справки съ книгою, поправка самимъ наблюдающимъ замѣченной ошибки; при устномъ—это пропускъ молча дѣлаемыхъ ошибокъ, дѣлаемыхъ громадныхъ пропусковъ въ разсказѣ, наконецъ, послѣдній и самый неуязвимый — замѣна разсказа или объясненія ученика разсказомъ и объясненіемъ самого учителя, какъ бы увлекающагося предметомъ и говорящаго *впередъ* ученика, который за нимъ лишь повторяетъ. Послѣдняя форма обмана особенно употребительна на испытаніяхъ изъ закона Божія и при доказательствахъ теоремъ въ геометріи и законовъ въ физикѣ (на доскѣ). Таковы виды обмана въ моментъ самаго экзамена, и къ нимъ приходится прибѣгать лишь въ случаѣ, если оказывается недостаточнымъ обманъ предварительный, условливаемый между учителемъ и учениками: учитель даетъ классу программу, раздѣляющую, положимъ, курсъ предмета за 2 — 3 года на 30 равныхъ частей (билетовъ); изъ этихъ частей каждая такъ обширна, что ее нужно разсказывать часовъ 12; и такъ какъ менѣе 12 часовъ продолжается и весь экзаменъ, то учитель и предупреждаетъ учениковъ, что по каждому билету ученикамъ слѣдуетъ приготовить только самое начало его, дольку $^1/_{10}$ или $^1/_{12}$, минутъ на 10—15 разсказа, и предметъ распредѣляется такъ, что самое начало всякаго билета — что-нибудь не трудное, общеизвѣстное (къ этой системѣ обмана я прибѣгалъ). Испытаніе происходитъ между тѣмъ какъ бы изъ всего предмета, по полной программѣ, и неосторожный вопросъ ассистента изъ остальныхъ частей билета если и вызываетъ совершенно вздорный отвѣтъ ученика, то этотъ послѣдній говорилъ уже такъ долго, что ошибка можетъ быть объяснена простымъ утомленіемъ, и ни въ какомъ случаѣ она не погубитъ ученика.

Этотъ обманъ въ теченіе восьмилѣтняго учебнаго курса практикуется три раза, въ трехъ *критическихъ* классахъ — четвертомъ, шестомъ и восьмомъ, въ которыхъ, необъяснимо почему, ученикъ

долженъ давать отвѣтъ за 4, 2 и 2 года ученія [1]). И, однако, степень поразительной темноты. въ которой, по объясненнымъ выше причинамъ, уже начиная со второго класса, движется все ученіе, такъ велика, что — ни при какихъ усиліяхъ ученика, ни при какомъ снисхожденіи учителей — испытаніе для очень большаго % учениковъ невозможно: можно промолчать, если ученикъ подъ именемъ Людовика XII разсказываетъ исторію Карла VIII, или о Кларендонскихъ постановленіяхъ—какъ о фактѣ изъ царствованія Іоанна Безземельнаго; но если Magna Charta онъ помѣщаетъ въ Испаніи, если вовсе не помнитъ, что былъ Филиппъ II Испанскій и Карлъ V въ Германіи, не понимаетъ, что такое гугеноты, и путаетъ ихъ съ гуманистами, если о Петрѣ Великомъ, на вопросъ преподавателя, въ какомъ хоть онъ вѣкѣ жилъ, отвѣчаетъ: «въ четырнадцатомъ» [2]), и это на выпускномъ экзаменѣ, въ возрастѣ 20—22 лѣтъ, передъ вступленіемъ въ университетъ,—экзаменаціонная коммиссія смущается и отвѣтъ оцѣнивается какъ неудовлетворительный. Ученикъ остается въ томъ же классѣ; эти оставленія, какъ могла бы показать статистика, всѣ почти пріурочены къ тремъ названнымъ критическимъ классамъ съ многогодичными испытаніями; и если оставляемыхъ, какъ мы замѣтили выше, въ теченіе 8 лѣтъ является до 95% изъ всего числа поступившихъ въ первый классъ — степень точности пріобрѣтаемыхъ обширныхъ свѣдѣній должна быть для читателей ясна.

Еще маленькая деталь, и все станетъ ясно. Въ объясненіяхъ,

---

[1]) Поразительно, что въ гимназіяхъ у насъ были введены испытанія за 4 года и за 2 тою же самою организаціонною системою, которая позднѣе, получивъ въ свои руки распоряженіе и судьбою университетовъ, уничтожила въ нихъ годичныя испытанія и замѣнила ихъ полугодичными (семестровыми), — то-есть, не довѣряя, чтобы мужчины въ 22—26 лѣтъ были настолько предусмотрительны, чтобы въ *началѣ* года заботиться о томъ. что съ нихъ спросится въ концѣ, довѣряла, что мальчики въ 10—16 лѣтъ будутъ обладать этою предусмотрительностью даже за четыре года

[2]) Высшая степень невѣжества, мною встрѣченная за 12 лѣтъ преподаванія въ разныхъ гимназіяхъ (отъ 81 до 93 гг.), была еще грубѣе: въ Е., куда я только-что былъ переведенъ, ученикъ VII класса, стоя передъ стѣнною картою Европы, долженъ былъ показать истоки Рейна, и когда затруднялся это сдѣлать, я ему сказалъ: «да въ Альпахъ», но онъ попрежнему не рѣшался поднять руки къ ландкартѣ, «да гдѣ же Швейцарія?» спросилъ я его, уже въ свою очередь недоумѣвая, и тогда онъ показалъ неувѣренно на самое гладкое мѣсто карты, гдѣ-то между Рязанской и Калужской губерніями. Въ той же гимназіи ученику VI-го класса на урокѣ исторіи было предложено указать на стѣнной исторической картѣ древнюю Галлію, но онъ не показалъ; на слова «да это—теперешняя Франція, гдѣ Франція?» онъ не показалъ и ея; «между Пиринейскимъ полуостровомъ и Германіей»—навожу я его, но онъ не можетъ найти ни Германіи, ни Пиринейскаго полуострова. Получивъ единицу, онъ счелъ себя оскорбленнымъ моею несправедливостью и принесъ на меня жалобу директору заведенія—безуспѣшно (несправедливость заключалась въ томъ, что шелъ урокъ исторіи, объяснялось переселеніе народовъ, а баллъ былъ поставленъ за незнаніе географіи)

обширныхъ и краснорѣчивыхъ, какъ должно быть производимо испытаніе въ критическихъ классахъ, сказано: «ни въ какомъ случаѣ оно не должно быть испытаніемъ памяти, удостовѣреніемъ въ знаніи подробностей», и вотъ, пусть передъ экзаменующими, вовсе не хотящими испытывать этихъ низшихъ способностей души и по нимъ только опредѣлять правомѣрность ученика занять мѣсто въ пятомъ классѣ, стоитъ 15-лѣтній мальчикъ съ билетами изъ четырехъ курсовъ географіи, номера которыхъ указываютъ слѣдующіе тексты учебниковъ, которые онъ долженъ отвѣтить:

«По вкусу и запаху, ключи бываютъ: *пръсные, кислые, соленые, горькіе, сѣрные, нефтяные, цементные и облъпляющіе*; всѣ они вообще называются *минеральными*. Вкусъ и запахъ ключевой воды зависитъ отъ тѣхъ пластовъ земной коры, черезъ которые она просачивается. Ключи кислые, соленые, горькіе и сѣрные называются *цѣлебными*. Цементные замѣчательны тѣмъ, что если опустить въ нихъ желѣзную вещь, то поверхность ея покрывается слоемъ мѣди; облѣпляющіе — тѣмъ, что, если погрузить въ нихъ, напримѣръ, дерево, то оно черезъ нѣсколько времени покрывается слоемъ извести. Самое большое число минеральныхъ ключей, насколько доселѣ извѣстно, находится въ Европѣ. Между минеральными ключами особенно замѣчательны кислые: *Карлсбадскіе, Теплицкіе, Сельтерскіе и Кавказскіе*: *Кисловодскіе, Желѣзноводскіе и Эссентукскіе*». (Изъ «Учебника географіи» г. *Смирнова*, курсъ I, стр. 30; проходилось 4 года назадъ, въ возрастъ отъ 10—12 лѣтъ, остававшимися гдѣ-либо на повторительный курсъ проходилось 5 или 6 лѣтъ назадъ).

«Голландцамъ принадлежатъ въ Остъ-Индіи: 1) почти всѣ *острова Зондскіе* и 2) острова *Молуккскіе* или *Пряные*. Между Зондскими островами особенно замѣчательны: *Суматра* (болѣе 8.000 кв. м; немногимъ менѣе Франціи), *Банка*, *Ява*, *Мадура*, *Борнео* (немногимъ менѣе Скандинавскаго полуострова) и *Целебесъ* (3.500 кв. м.), между Молуккскими — *Амбоинъ* и *Банда*. Владѣнія Голландцевъ составляютъ пространство около 26.000 кв. м, съ народонаселеніемъ приблизительно въ 23 милл., считаются ихъ лучшими колоніями и вообще принадлежатъ къ лучшимъ колоніальнымъ землямъ европейцевъ. Самыя важныя изъ острововъ для Голландцевъ въ настоящее время—*Ява* и *Мадура*. Яву справедливо называютъ *перломъ Голландской короны*. Съ нихъ въ огромныхъ размѣрахъ получаются кофе, сахаръ, рисъ, свинецъ, индиго и табакъ, особенно же *кофе*. Цѣнность вывозимаго кофе составляетъ почти половину цѣнности всѣхъ вывозимыхъ товаровъ. Въ прежнее время особенно важны были острова *Молуккскіе*, преимущественно *Амбоинъ* и *Банда*; первый — производствомъ *гвоздики*, второй — производствомъ *мускатнаго орѣха*. *О. Банка* важенъ тѣмъ, что представляетъ важнѣйшія въ свѣтѣ *оловянные*

рудники. О. Борнео извѣстенъ своимъ богатствомъ въ *золотѣ* и *алмазахъ*. По берегамъ острововъ Зондскихъ водится знаменитая салангана.—Изъ городовъ замѣчательнѣйшіе: *Макассаръ* на Целебесѣ, *Батавія* и *Сурабайа* на Явѣ; послѣдній занимаетъ нынѣ первое мѣсто по торговлѣ». (Тотъ же учебникъ, курсъ II кл., ст. 24, усваивалось въ возрастѣ 11—13 лѣтъ; проходилось три года назадъ лучшими учениками, 4 и 5 лѣтъ назадъ остальными,— и тогда же было одинъ разъ, въ концѣ учебнаго года, повторено).

«Изъ рѣкъ Англіи особенно замѣчательны: *Темза, Узъ, Трентъ, Тайна, Твидъ, Фортъ, Тэ, Кляйдъ, Мерсей* и *Севернъ* на о. Великобританіи; *Шаннонъ, Барровъ, Бойенъ, Бенъ* и *Лиффи* на о. Ирландіи. Изъ озеръ примѣчательны *Лохъ-Ломонъ* и *Лохъ-Нессъ* на о. Великобританіи; *Нигъ*—на Ирландіи. Между *каналами* особенно примѣчательны: *Бриджватерскій*, самый старый, соединяетъ Ливерпуль съ Манчестеромъ; отъ *Ливерпуля* къ *Ноттингаму* идетъ каналъ *Грэдтъ-Троикъ*, который, такимъ образомъ, соединяетъ Ирландское море съ Нѣмецкимъ; отъ Грэдтъ-Троика идетъ вѣтвь, раздѣляющаяся недалеко отъ Бирмингама на два канала: *Большой Соединительный* къ Лондону; Оксфордскій — къ Оксфорду. *Глэзговскій* и *Каледонскій* — въ Шотландіи; *Королевскій* и *Большой* — въ Ирландіи. Вся длина судоходнаго пути по каналамъ Англіи въ сложности простирается до 600 миль. По относительной длинѣ каналовъ, съ Англіею можетъ сравниться одна Голландія». (Тотъ же учебникъ, курсъ III класса, стр. 123; возрастъ усвоенія 12—14 лѣтъ: пройдено 2—3 года назадъ и повторено разъ или два тогда же).

«Излишекъ своихъ произведеній земледѣльческое пространство отправляетъ на сѣверъ, такъ какъ сбытъ къ Черному морю возможенъ только для южной полосы губерній *Саратовской, Воронежской, Харьковской, Полтавской, Кіевской* и *Подольской*. Среднимъ числомъ грузится товаровъ въ этомъ пространствѣ для отправки къ Черному морю ежегодно на 9 милл. руб. Главнѣйшіе пункты по этой отправкѣ: *Брянскъ, Кіевъ, Кременчугъ* и *Воронежъ*. Въ то же время для отправки на сѣверъ, въ *Ригу, Москву* и *Петербургъ*, здѣсь грузится на 37 мил. руб. Цѣлый рядъ городовъ дѣятельно занимается этою отпускною торговлей, а именно *Камышинъ, Саратовъ, Волжскъ, Хвалынскъ, Самара* и *Симбирскъ* на Волгѣ, *Пенза, Промзино* на Сурѣ, *Тамбовъ, Моршанскъ* на Цнѣ, *Орелъ, Мценскъ* и *Болховъ* по Окѣ и *Елецъ*. Замѣчательно, что изъ общей суммы грузовъ (45 211.637 руб.), сплавляемыхъ изъ этого пространства, двѣ трети (29.720.596 рублей) занимаетъ хлѣбъ и спиртъ».

«Внутренняя торговля земледѣльческаго пространства получила характеръ ярмарочный, какъ по отсутствію дорогъ, такъ и по домо-

сѣдству и неподвижности Малороссовъ. По оффиціальнымъ даннымъ, первыя два мѣста, по числу ярмарокъ, во всей Россіи принадлежатъ Харьковской и Полтавской губерніямъ. Въ первой въ теченіе года бываетъ 425, съ привозомъ товаровъ на 24½ мил. руб.. а во второй—372 ярмарки, съ привозомъ товаровъ на 23 мил. руб. Но оптовыхъ ярмарокъ въ Малороссіи одиннадцать: въ Харьковѣ 4: *Крещенская*—главный складъ товаровъ, назначенныхъ для кочеванія по украинскимъ ярмаркамъ; *Троицкая*—спеціально торгующая испанской шерстью и панскими товарами, *Успенская*—для желѣза и другихъ тяжелыхъ, но малоцѣнныхъ товаровъ, и *Покровская*—овощно-бакалейная; въ Полтавѣ—*Ильинская*, сильная торговля шерстяными тканями, шерстью, мѣхами и донскими лошадьми; въ Ромнахъ—*Маслянская*, особенно важная для мягкой рухляди, и *Вознесенская*, въ Курскѣ—*Коренная*, на которую преимущественно стекаются великороссійскіе купцы и фабриканты; въ Кролевцѣ—*Крестовоздвиженская*; въ Елизаветградѣ—*Георгіевская*, главные предметы которой рогатый скотъ и черные крестьянскіе товары, и въ Сумахъ—*Введенская*. Кромѣ ихъ еще замѣчательны: *Крещенская* или *Контрактовая* въ Кіевѣ и *Бердичевская*, имѣющія свой особый характеръ». («Географія Россіи», *Лебедева* [1]), возрастъ прохожденія 13—16 лѣтъ; проходилась въ годъ производимаго экзамена, и въ нѣкоторыхъ частяхъ была повторена одинъ разъ).

Этого характера текстъ запоминался учениками мельчайшими частицами на протяженіи 4—5—6 лѣтъ, и образуетъ во всѣхъ четырехъ курсахъ томъ въ 418 страницъ (58 стр. I курса + 88 II курса + 142 стр. III + 130 стр. IV курса). Каждый годъ на его

---

[1]) Изъ приведенныхъ учебниковъ—*Смирнова* очень плохъ (однако-же выдержалъ около 20 изданій) и вытѣсняется учебникомъ г. *Янчина*, очень хорошимъ по осмысленности, но, какъ мнѣ приводилось слышать отъ родителей учениковъ, почему-то *болѣе труднымъ* для прохожденія (увѣренъ, именно отъ осмысленности). Учебникъ *Лебедева* считается и есть лучшій (или одинъ изъ лучшихъ) учебниковъ географіи Россіи. Въ текстѣ я упомянулъ, что повторяются всѣ курсы, за исключеніемъ курса перваго класса,—въ предположеніи, что это кѣмъ-либо дѣйствительно дѣлается, но я самъ, въ теченіе 12 лѣтъ преподаванія, несмотря на всѣ усилія, только одинъ разъ могъ повторить въ году курсъ II класса и три раза повторялъ курсъ IV класса—всегда вслѣдствіе особенно счастливаго состава учениковъ соотвѣтствующаго класса. Вычисленіе собственныхъ именъ я дѣлалъ только съ учебниками перваго класса, и нашелъ, что ихъ содержится въ немъ отъ 800 до 900 (не считая терминовъ, какъ экваторъ, орбита, глетчеръ, морена, пассаты и пр.) Такимъ образомъ, съ санкціи соотвѣтствующаго министерства, одобряющаго учебникъ и опредѣляющаго количество годовыхъ уроковъ, ученику I класса, въ возрастѣ 10—11 лѣтъ, дается для усвоенія *къ одному уроку* одна страница текста, большею частью смутнаго для него, какъ-бы отвлеченнаго; 15 новыхъ затверживаемыхъ на память, именъ, и запоминаніе около 15 новыхъ точекъ на нѣмой ландкартѣ, соотвѣтствующихъ этимъ именамъ. Ясно, что даже для наилучшихъ способностей и наилучшаго прилежанія это, при необходимости въ тотъ-же вечеръ приготовить еще три другіе урока, почти неусвоимо.

усвоеніе употреблялось отъ 57 до 60 уроковъ (это maximum, образующійся отъ совпаденія праздничныхъ и царскихъ дней съ воскресными), или, удвояя ихъ часами домашняго приготовленія и принимая время уроковъ за повтореніе—*120 часовъ*. Еслибы эти часы, разсѣянные на протяженіи одного года, слить въ непрерывное время, они составили-бы (120 · 24 = 5) *пять полныхъ сутокъ*, изъ коихъ только $2^1/_2$ были собственно временемъ дѣятельнаго домашняго приготовленія. И эта величина, то-есть $2^1/_2$ *сутокъ*, точно выражаетъ собою время, отмѣренное въ теченіе года на усвоеніе текста въ среднемъ около ста страницъ, съ многими сотнями именъ, и въ которомъ каждыя 5—6 строкъ выражаютъ собою новый и точный фактъ, могущій быть предметомъ только или знанія, или незнанія, но не переиначиванья и не смутнаго воспоминанія. Еслибы кто-нибудь сдѣлалъ пробу запомнить этотъ мною приведенный текстъ и, слѣдя за часами, въ то-же время не употреблялъ-бы на это запоминаніе больше времени, нежели сколько придется по приведенному годовому разсчету,—тотъ безъ труда убѣдился-бы, что уже и тогда, 6—5—4 года назадъ, ученикъ едва имѣлъ силы удерживать его до слѣдующаго дня, и еще менѣе до конца года—въ памяти. И вотъ, въ этомъ году, всего за два дня до рокового испытанія, послѣ 4-хъ сданныхъ уже экзаменовъ, ученику предложено было возстановить въ памяти всѣ 418 страницъ этого текста, *тогда* и *такъ* выученнаго. Что значило-бы для него выраженіе: «не испытываться въ памяти»? что́ значитъ для экзаменаторовъ: «отнюдь не сосредоточивать вниманія на знаніи ученикомъ подробностей»? И какія вообще могутъ быть для мальчика «общія точки зрѣнія на предметъ», которыя онъ долженъ обнаружить предъ экзаменаторами и что́ за «сужденія» о фактахъ—безъ ихъ знанія? И вообще не ясно-ли совершенно, что не оставившая своей подписи рука, упражнявшаяся въ составленіи всѣхъ этихъ «указаній», «разъясненій» и т. д., какъ будто-бы не самое дѣло имѣла передъ глазами, а писала риторическое упражненіе на заданную тему; и, между тѣмъ, закругленные періоды этой дѣтской риторики суть законы; фигуры умолчанія—тропы, синекдохи—правила, патетическая часть—повелѣніе, и вообще все совершенно серьезно и предопредѣляетъ грозно самую сѣрую и тяжелую дѣйствительность И вотъ, сѣрая дѣйствительность, бьющаяся какъ въ законѣ своемъ въ этой риторикѣ, обнаруживаетъ себя какъ невѣжество, обманъ: Темза забыта и помнится «Трентъ, Узъ»; нѣтъ Эдинбурга, пропалъ Манчестеръ; и самый «Римъ»—только коротенькія четыре буквы—не вызываетъ, когда о немъ спрашиваютъ, на лицѣ ученика никакой мысли, никакого воспоминанія. Вѣдь это *намъ* есть что́ о немъ помнить, а для *него*—это такое-же коротенькое слово, какъ тысячи другихъ, и, однако, если именно оно изъ серіи ихъ выпало—мы смущены и отказываемся ученика чего-то удостоить. Растерянный

мальчуганъ, бормоча испуганно: «Мантуя, Пескіера, Верона, Леньяно составляютъ неприступный четыреугольникъ...», удивляется, какъ не могли простить ему незнаніе одного только слова, когда онъ зналъ другіе четыре [1]).

---

[1]) Въ послѣднія десять лѣтъ, въ министерство гр И. Д Делянова, внесены, впрочемъ, нѣкоторыя улучшенія въ эту дѣйствительность Перечислимъ вкратцѣ рядъ простыхъ мѣръ, которыя могли-бы улучшить это положеніе нашей средней школы, не преобразуя и не одухотворяя ее. 1) возстановленіе годичныхъ испытаній во всѣхъ классахъ, съ недопущеніемъ къ нимъ неудовлетворительныхъ учениковъ, съ избавленіемъ отъ нихъ отличнѣйшихъ. 2) Строгость требованій должна быть возрастающею не къ верху, какъ теперь, но къ низу, въ сторону элементовъ — къ моменту, когда ученикъ впервые ознакомляется со степенью требованій заведенія и къ ней приспособляетъ себя, съ нею сообразуетъ свой трудъ; поэтому съ перваго класса, и въ теченіе 3—4 лѣтъ, къ самому испытанію должны быть допускаемы ученики, имѣющіе среднимъ ариѳметическимъ изъ всѣхъ годовыхъ отмѣтокъ по каждому предмету 3, а по языкамъ и математикѣ 4 Для нашихъ гимназій эти двѣ мѣры были-бы истиннымъ облегченіемъ, снятіемъ съ тысячъ и тысячъ невинныхъ шей предательской петли, въ которой онѣ теперь давятся. 3) Испытаніе каждаго ученика не должно длиться менѣе получаса, безъ билетовъ, изъ разныхъ частей годового курса, и производиться по учебнымъ планамъ министерства ассистентомъ, только въ присутствіи преподавателя, съ его коррективомъ къ вопросамъ ассистента и оцѣниваться предсѣдателемъ коммиссіи, противъ котораго другіе члены коммиссіи могутъ заявить протестъ. 4) Съ перваго поступленія въ школу никакой праздный ученикъ совершенно и нисколько времени въ ней не терпится, ибо школа не для препровожденія въ ней времени существуетъ, но только и исключительно для ученія, для труда, и это всякому должно быть понятно. Требуя безусловнаго труда, она должна быть безусловно и талантливо трудящеюся сама. 5) Вознагражденіе учителей можетъ слагаться изъ текущаго жалованья, которое не должно быть менѣе вознагражденія служащихъ въ другихъ вѣдомствахъ (судебный слѣдователь, членъ суда, чиновникъ департамента) и изъ единовременныхъ выдачъ въ концѣ года по числу успѣшно каждымъ учителемъ выученныхъ учениковъ (перешедшихъ въ слѣдующій классъ). 6) Къ каждому университету должна быть причислена гимназія, и студенты, предполагающіе занять должность учителя, должны упражняться въ ней въ преподаваніи, научаться этому дѣлу болѣе опытными и испытываться въ природной къ этому дѣлу способности, въ теченіе по крайней мѣрѣ трехъ лѣтъ университетскаго курса; и только талантливые между готовившимися должны быть Округомъ, за этимъ подготовленіемъ слѣдящимъ, избираться къ замѣщенію должностей. 7) Учебные годовые часы по каждому предмету должны быть расчислены и учебники измѣнены Ученымъ Комитетомъ такъ, чтобы совершенно имъ соотвѣтствовать. Еще полезнѣе было-бы, избравъ трудъ классическій и элементарный по каждому предмету (кой въ чемъ его подправивъ, но сохраняя его текстъ и слѣдовательно *духъ*), самую программу по нему составить и учебное число часовъ съ нимъ согласовать, чѣмъ былъ-бы положенъ конецъ развращающему промыслу составленія учебниковъ. 8) Учитель не долженъ имѣть въ день болѣе трехъ уроковъ, потому что безусловно долженъ приготовляться дома къ каждому. 9) Учитель вправѣ отказаться отъ преподаванія въ каждомъ классѣ, гдѣ болѣе 10 учениковъ (ученикъ — не слушатель, а обучаемый и провѣряемый на урокѣ мальчикъ). 10) Учитель вправѣ отказаться отъ всякаго поручаемаго ему занятія, которое не имѣетъ связи (не помогаетъ) съ его класснымъ преподаваніемъ (полицейскій надзоръ за учениками на дому, въ театрѣ, на улицѣ; посѣщеніе ненужныхъ ни для чего педагогическихъ совѣтовъ, составленіе всякихъ вѣдомостей, отчетовъ, веденіе кон-

XXII.

И вотъ, если даже въ томъ, что можно назвать въ просвѣщеніи конторскою стороною, которая не требуетъ для себя ничего, кромѣ умѣнья счесть страницы, часы, и все это соразмѣрить, были

дуитныхъ тетрадей и т п. бумажнаго декорума),—равно директоръ, предоставляя кому нужно изучать ввѣренное ему заведеніе *in re*, долженъ быть избавленъ отъ безконечнаго бумагописанія, какимъ теперь онъ обремененъ со стороны учебнаго округа. прикрывающаго грудой требуемыхъ формальныхъ свѣдѣній свое безучастіе къ истинному состоянію учебныхъ заведеній. 11) Плата за ученіе должна быть полная, половинная и четвертная,—очень высокая въ первой формѣ, никого не обходящая въ послѣдней, и для облегченія родителей, а также и для поощренія ихъ въ надзорѣ за дѣтьми — помѣсячная; она должна почти оплачивать учебное заведеніе, ибо не справедливо-же, чтобы оно содержалось черезъ налогъ на тѣхъ, кто такъ бѣденъ, что не можетъ дать никакого ученія дѣтямъ своимъ (но училищный налогъ на состоятельныхъ бездѣтныхъ и холостыхъ все-таки долженъ быть сдѣланъ, ибо они пользуются знаніями выученныхъ доктора, судьи и проч, и этотъ налогъ есть единственное, что государство, народъ обязаны прибавлять частнымъ людямъ на воспитаніе ихъ дѣтей—не больше). 12) Рождественскія и пасхальныя каникулы, а въ сѣверномъ краѣ и значительная часть лѣтнихъ могутъ быть уничтожены, какъ простое поощреніе праздности, и зато должны быть соблюдаемы всѣ высокочтимые Церковью праздники; равно и празднованіе масляницы должно быть замѣнено молитвою въ первую недѣлю Великаго Поста (теперь вѣдь черезъ это школою отдается больше вниманія до-христіанскому язычеству, чѣмъ Церкви). Вообще больше, нежели съ чѣмъ-нибудь, время ученія должно быть согласовано съ церковнымъ кругомъ, и изъ временъ года скорѣе весна, нежели лѣто, должна быть предоставлена оздоровляющему отдыху. 13) Урокъ долженъ тянуться часъ, лучше часъ съ четвертью или полтора часа; ихъ въ день должно быть maximum 4, лучше 3; чтобы задаваемое къ уроку и объясняемое на урокѣ могло быть сколько-нибудь цѣльно, и черезъ это занимательно, поучительно, вообще дѣятельно для ученика. 14) Время уроковъ полезно было-бы перенести съ полудня къ утру, перемѣщая его сообразно времени года по часамъ и не начиная позднѣе одного-двухъ часовъ послѣ восхода солнца—для младшихъ классовъ, а въ старшихъ классахъ слѣдовало-бы перенести время уроковъ на вечеръ, пріучая юношей дѣятельно заниматься (приготовлять уроки) днемъ, а вечеромъ занимая ихъ въ классѣ, и тѣмъ отнимая просторъ для непозволительныхъ удовольствій. 15) Никто къ посѣщенію храма не долженъ быть понуждаемъ (какъ теперь, когда къ богослуженію внушается отвращеніе, ибо на него, какъ на повинность, ученики приводятся надзирателями, а отсутствующіе переписываются и наказываются за нерадѣніе), но всѣ должны быть къ нему привлекаемы и пріучаемы; посѣщеніе приходскихъ церквей и въ розницу, а не массой, полезнѣе, чѣмъ присутствіе въ собственныхъ гимназическихъ церквахъ, ибо народъ всегда богомольнѣе учащихся, и его масса въ приходской церкви дѣйствуетъ на немногихъ учениковъ, а въ домовой церкви гимназіи масса безрелигіозныхъ учениковъ дѣйствуетъ на немногихъ посторонніхъ. 16) Кажется, полезнѣе было-бы, если-бы гимназіи, какъ незаконченныя учебныя заведенія, лишь подготовляющія юношей къ университету, были подчинены ему въ своей дѣятельности; это всему дѣлу ученія сообщило бы болѣе благородный духъ. Мы наскоро, невольно почти, набрасываемъ эти строки, безъ объясненій, желая узнать только, куда должно быть направлено вниманіе возможной въ будущемъ реформы. Повторяемъ, всѣ эти мѣры *духа* и *смысла* воспитанія не затрогиваютъ.

допущены ошибки столь грубыя, что онѣ задавили трудъ сотенъ учителей и лучшіе годы дѣтей цѣлой страны сдѣлали годами мучительнаго, обманнаго, напраснаго труда,—что можно отъ этихъ способностей, отъ этихъ даровъ ожидать въ вопросахъ культурныхъ, историческихъ? Не также-ли напрасно было-бы здѣсь ожидать чего-нибудь, какъ отъ мастера, не умѣющаго пригнать подошву къ сапогу, было-бы странно ожидать, не воздвигнетъ ли онъ храмъ, въ которомъ всякому захотѣлось-бы помолиться, цитадель, въ которой всякій могъ-бы спастись. Напрасный вопросъ, и вмѣстѣ—ясный...

Некому и незачѣмъ говорить о семьѣ, о церкви, исторіи. Мастеръ воздвигъ дворцы для школы и вынесъ изъ нея распятіе (во Франціи); или, какъ у насъ, взялъ изъ рукъ дѣтей Псалтырь [1]) и предложилъ имъ разучивать на распѣвъ «душевныя свойства лисицы» (см. книжку барона Корфа). Имъ воздвигнутые дворцы — хороши, изъ прочнаго кирпича, честно закупленнаго; свойства лисицы—запомнены; оклады жалованья—выданы въ срокъ. Привратникъ школы свое дѣло выполнилъ; выполнилъ его каменотесъ, столяръ, которому и дѣйствительно было нѣкоторое дѣло около нея. Но, конечно, школа даже и не начиналась.

XXIII.

Отъ печальной критики, которую можно было-бы сдѣлать такою же длинною, какъ длинна сама дѣйствительность, и въ которой мы ограничились скрупуломъ—снова возвращаемся къ идеямъ воспитанія истиннаго. Чего-же недостаетъ, чтобы въ немъ все понять, все оживить, исполнить духа? Геніальный-ли умъ нуженъ для этого, глубокое проницаніе? Нѣтъ, болѣе трудное, чѣмъ это: простое, любящее сердце—только.

Это выше, чѣмъ умъ только; и, вмѣстѣ, это доступно всякому времени. И вотъ, на этомъ-то основываясь, мы еще не растериваемъ всѣхъ надеждъ въ вопросѣ, который насъ занимаетъ. Вѣдь случается иногда и въ практикѣ нашей домашней, что, перемѣнивъ

---

[1]) Извѣстно, что въ нашей сельской школѣ Псалтырь была исключена изъ книгъ, пригодныхъ для чтенія въ классѣ или на дому, равно Евангеліе и Библія. Вообще буря негодованія, которую школьная реформа Жюля Ферри во Франціи вызвала противъ себя въ нашихъ консервативныхъ кругахъ — очень странна, ибо менѣе шумно, при глухомъ только сопротивленіи народа, у насъ была введена подобная же реформа въ министерство гр. Д. А. Толстого. Такъ называемая «церковно-приходская школа» есть только очень слабый протестъ противъ этой «лаицизаціи» народной школы, которая въ нашей странѣ была проведена со смѣлостью и послѣдовательностью такою, какъ будто никогда не было у насъ исторіи, нѣтъ Церкви и у нея покровителя, а у народа отца, который могъ-бы прозрѣть и защитить ихъ отъ безкультурныхъ строителей, которые, ощущая внутри себя tabulam rasam, какъ tabulam rasam понимали и окружающую ихъ, исторически сложившуюся дѣйствительность.

десятокъ «бонивъ» и «домашнихъ учительницъ», и уже считая своего ребенка погибшимъ, мы иногда неожиданно находимъ то, въ чемъ нуждались, въ старухѣ-нянькѣ, въ пренебреженномъ служителѣ, который, пожалуй, дурно исполняя свое прямое дѣло, неожиданно и даже не спрашиваясь выполняетъ хорошо другое, къ которому его никто не приставлялъ. Неисповѣдимы пути исторіи, не вскрыты ея законы; отчаяваясь, мы бываемъ иногда наканунѣ самой свѣтлой радости, радуясь—стоимъ на краю гибели.

Каждое время имѣетъ, въ сущности, ту школу, которой оно заслуживаетъ. Идеи въ устроеніи ея такъ точно отвѣчаютъ главному въ насъ, что *каковы* мы — *такъ* учимъ и воспитываемъ дѣтей. Школа — это скорѣе всего симптомъ, показатель нашего внутренняго *я*. Это—пульсъ, который бьется тревожно и мы ясно его нащупываемъ, когда болѣзнь схоронена еще глубоко внутри организма.

Время грубое, время жестокое, время поверхностное во всѣхъ отношеніяхъ—и не было достойно школы лучшей, нежели та, которую мы анализировали. Это есть истинное счастье, что именно въ деталяхъ, что въ самомъ внѣшнемъ строѣ она такъ явно неискусно выполнена. Иначе ея внутренняя язва могла-бы быть гораздо долѣе скрыта, могла-бы быть лучше задрапирована прибранною внѣшностью. Но удавленникъ въ классѣ [1]), передъ удивленнымъ педагогическимъ міромъ, который говоритъ: «мы однако его не сѣкли»; но ученики, выкрадывающіе изъ-подъ замка темы [2]), но учителя, въ сообществѣ съ учениками обманывающіе верхній бюрократическій механизмъ—это такъ ясно, такъ просто, такъ для всякаго убѣдительно.

Школа есть не только симптомъ наиболѣе ясный, но и проявляющійся въ органѣ, который наиболѣе ярко чувствуетъ, сильнѣе всего болитъ; и вотъ почему не только исцѣлить ее мы призваны, но, быть можетъ, и сами исцѣлѣть черезъ нее. Исцѣлѣть и въ яркости сознанія—изъ какихъ безднъ отрицанія, насъ переполняющаго, она вышла,—и путемъ великой жалости къ своимъ дѣтямъ. Мы, можетъ быть, безвѣрны, дурны, лукавы; но не лукавы-же въ любви къ дѣтямъ, не злы-же въ отношеніи къ нимъ; безвѣрны, но не до того предѣла, чтобы отнимать и у нихъ всякую вѣру.

Оставаясь такими, каковы есть, мы не можемъ воспитывать, не умѣемъ, не вправѣ; и такъ какъ воспитывать все-таки нужно, и это—фактъ, передъ каждымъ отцомъ стоящій, всякій часъ о себѣ

---

[1]) Случаи самоубійства дѣтей въ самыхъ стѣнахъ школы появились именно послѣ реформированія ихъ въ 1871 году; объ одномъ случаѣ такого самоубійства, со всѣми подробностями, разсказывается въ частномъ письмѣ, которое было опубликовано покойнымъ Ѳ. М. Достоевскимъ въ его «Дневникѣ писателя».

[2]) Проступокъ, почти изъ года въ годъ гдѣ-нибудь повторяющійся, такъ, въ 1893 году онъ имѣлъ мѣсто въ одномъ изъ южныхъ учебныхъ округовъ.

напоминающій,—то вопросъ о великой реформѣ *насъ самихъ* принудительно встанетъ передъ нами. «Или оставь дѣтей своихъ на произволъ судьбы, отвернись отъ нихъ,—или измѣнись самъ»,—это въ своемъ родѣ такъ-же ясно и убѣдительно, какъ и висящій трупъ среди класса съ заново отполированными столами послѣдняго педагогическаго образца, приложеннаго къ циркуляру за № 9.187... Бѣдный циркуляръ, не забывшій о партѣ и забывшій о мальчикѣ; бѣдный отецъ, который распутничалъ, кощунствовалъ, глумился,— а передъ нимъ его сынъ, говорящій: «дай мнѣ вѣры»; дочь говорящая: «сохрани мнѣ цѣломудріе».

Вѣра, цѣломудріе, любовь — вотъ что́ предстоитъ найти намъ, чтобы дать и дѣтямъ своимъ; все это—въ сердцѣ своемъ, потомъ— въ цѣльной дѣятельности, позднѣе всего (иначе нельзя) въ школѣ,— вотъ ясный путь, на который насъ зоветъ исторія. Быть геніальными въ замыслѣ, обладать неошибающимся инстинктомъ муравья въ построеніи,—этого или не дано намъ, или не могутъ съ насъ спрашивать; этого не требуетъ отъ насъ Богъ. Чистоты сердца, вѣры въ Него, жалостливости другъ къ другу—*этого* Онъ хочетъ, *это* можетъ человѣкъ, этого одного достаточно, чтобы спасти все.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ТРАФАРЕТКИ.

Въ толкахъ, время отъ времени поднимающихся у насъ и на Западѣ о средней школѣ, всегда бываетъ слышенъ одинъ лозунгъ: перемѣнить трафаретку! «Школа съ двумя древними языками», «школа съ однимъ древнимъ языкомъ», «латинскій языкъ, начиная съ четвертаго класса», «тотъ-же языкъ, одинъ, но съ перваго класса», «увеличить преподаваніе исторіи», «ввести въ программу естественныя науки»—и ничего еще, ничего другого мы не слышимъ. Для всѣхъ представляется, что секретъ улучшенія школы состоитъ въ отысканіи наилучшей трафаретки, никому не приходитъ на умъ поднять вопросъ о существѣ самой трафаретки, выбивающей штемпель «обще-интеллигентности» на ребенкѣ, послѣ чего онъ оказывается негоднымъ или малогоднымъ къ какому-нибудь употребленію.

Это есть старая боль, это—древняя боль, не наша только, но и цѣлой Европы — вопросъ о школѣ; мы испытываемъ здѣсь только «въ чужомъ пиру похмѣлье»; мы ничего здѣсь не выдумывали, ничего не изобрѣтали. Мы были въ школьномъ дѣлѣ — какъ и въ безчисленныхъ другихъ—только копистами чужой работы, плохими учениками, списывающими у сосѣда «extemporale». И если уже почувствовалась нужда что-то поправить здѣсь, перемѣнить, — то вопросъ можетъ быть не о томъ, чтобы механически исправить ту или другую частную ошибку, но о томъ, чтобы истинно понять и истинно научиться дѣлать то дѣло, которое мы дѣлали до сихъ поръ подражательно, едва ли не по принужденію. Въ тему, которую задала Европа своей школѣ, мы въ нее должны вдуматься самостоятельно, чтобы съумѣть сколько нибудь успѣшно разрѣшить ее; и, быть можетъ, при этой самостоятельной вдумчивости мы догадаемся, какъ глубока школьная язва въ самой Европѣ, какъ тамъ

она не излечима предлагаемыми у насъ палліативами. И, можетъ быть, заботясь о себѣ, мы поможемъ ей...

I.

Школа новаго типа, у насъ и на Западѣ, вообще безкультурна; она безкультурна съ малыми программами, какъ и съ большими, съ естественными науками, какъ и съ древними языками. И очень ясна причина этой безкультурности. Задача и способы образованія и особенно воспитанія въ ней сообразованы исключительно съ требованіями бюрократическаго удобства, бюрократическихъ навыковъ, установившихся способовъ руководить, работать, воздѣйствовать, наконецъ наблюдать, размышлять. Вѣдомство народнаго просвѣщенія—у насъ, разумѣется, какъ и вездѣ — по существу своихъ дѣйствій, по характеру и по методамъ своего труда ничѣмъ вовсе не отличается отъ министерства путей сообщенія, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, финансовъ и пр., а между тѣмъ его задача совершенно другая. Всѣ остальныя министерства работаютъ надъ матеріальными задачами, надъ грубыми вещественными предметами—измѣримыми, исчисляемыми, механически регулируемыми; и пріемы, тамъ созданные, пріемы «общеимперской» работы—распространены на министерство народнаго просвѣщенія, которое имѣетъ своею сферою область духа, трудится надъ умственною и нравственною стороною человѣка. Войдите на урокъ въ любой гимназіи, по любому предмету; взгляните на этого чиновника въ вицъ-мундирѣ; взгляните на этихъ учениковъ въ мундирчикахъ, которые не смѣютъ шевельнуться, не могутъ задать вопроса учителю; взгляните на этотъ страхъ, обоюдно сковывающій перваго и вторыхъ,—и вы увидите, что никакого въ сущности просвѣщенія тутъ не происходитъ. Если вы зорки — присмотритесь къ обману, тутъ совершающемуся, на эти подстрочники, подсказыванья, притворное заиканье, чтобъ выиграть минуту и обмануть учителя, и вы увидите, что здѣсь происходитъ скорѣе развращеніе и притупленіе. Вотъ гдѣ горе, вотъ гдѣ источникъ заразы; а не въ томъ, что проходится греческій языкъ, что латинскаго языка слишкомъ много, что нѣтъ естественныхъ наукъ.

Интересъ къ философскимъ занятіямъ въ послѣднія 15—20 лѣтъ очень оживленъ въ нашемъ обществѣ и въ университетахъ, хотя они совершенно исключены изъ программы средней школы; интересъ къ филологіи и древней исторіи упалъ до минимума, изсякъ вовсе, какъ только они заняли центральное положеніе въ гимназическихъ программахъ. Вотъ гдѣ бичъ; вотъ что бьетъ насъ; вотъ не прямое пока, а только косвенное указаніе на язву, объясняющую этотъ чудовищный процентъ не оканчивающихъ курса въ нашихъ гимназіяхъ,—процентъ, который вовсе не имѣетъ никакой связи съ «труд-

ностью» программъ въ нихъ, ибо таланты-то именно и не пробиваются черезъ нашу школу.

Восемь лѣтъ дѣлать видимость умственнаго труда. безъ всякаго дѣйствительнаго умственнаго труда, безъ развитія, безъ возрастанія. безъ озаренія, безъ просвѣтлѣнія—къ этому способны, это могутъ вынести лишь вялыя, инертныя души. Взгляните на наши университеты, на эту апатію студентовъ, на это незнаніе даровитыхъ профессоровъ, что дѣлать съ такими слушателями, на совершенное удовольствіе бездарныхъ профессоровъ, аудиторіи которыхъ ломятся отъ наивно восхищенныхъ слушателей, на это еще небывалое въ исторіи университетовъ явленіе, что студенты не различаютъ болѣе качества своихъ учителей и принимаютъ бездарность за талантъ, а талантъ, если онъ безшуменъ, тихъ—принимаютъ за бездарность,—и вы убѣдитесь въ истинѣ сказаннаго; что все даровитое выбрасывается гимназіею за бортъ, точнѣе. что все даровитое само выбрасывается изъ гимназіи за бортъ, съ полнымъ сознаніемъ, что за этимъ послѣдуютъ годы нужды, нищенства, безпріютности, но съ совершеннымъ безсиліемъ еще на годъ, на два остаться въ этой нравственной и умственной тюрьмѣ, въ этомъ мірѣ видимостей, условностей, притворства, фикцій. Я самъ былъ ученикомъ: талантливѣйшіе изъ моихъ товарищей были выгнаны; я былъ 12 лѣтъ учителемъ талантливѣйшихъ мы выгоняли. У меня хранятся письма товарищей, тетради окончившихъ курсъ учениковъ, если ихъ обнародовать — общество вѣроятно не разъ удивилось бы, увидѣвъ, кто именно изгоняется, кто остается, «успѣваетъ», «благонравствуетъ».

Вопросъ поэтому о средней школѣ, насколько онъ варіируетъ около гимназической программы, пытаясь ее удлиннить, укоротить, разбавить новыми науками,—не имѣетъ никакого смысла; точнѣе: онъ имѣетъ вредный смыслъ, вредную тенденцію. Это есть попытка приставить англійскій пластырь къ мѣсту, гдѣ зіяетъ роковая язва. Перемѣните, пожалуй, трафаретку,—введите другія, болѣе цѣнимыя вами науки: вы этимъ убьете ихъ въ обществѣ, какъ убили филологію въ университетахъ классицизмомъ въ гимназіяхъ, и ничего болѣе не достигнете; вы хотите облегчить ученіе — но знаете ли, что отъ этого даже не уменьшится число не оканчивающихъ курса въ гимназіяхъ, ибо не оканчиваютъ его отъ апатіи проходить всякую программу такимъ способомъ, а не отъ величины программы, которая трудна была бы даже и при искусномъ способѣ усвоенія. Тайна дѣла лежитъ въ его неодухотворенности, безкультурности; въ томъ, что просвѣщенія нѣтъ вовсе, а не въ томъ, что оно затруднено, недоступно; пустите въ публичную продажу конфиденціально хранимые и извѣстные только педагогическимъ совѣтамъ гимназій напечатанные отчеты о результатахъ испытаній зрѣлости въ московскомъ учебномъ округѣ за послѣдніе годы, опубликуйте

сочиненія по словесности, отмѣченныя «удовлетворительными» по цѣлой имперіи за прошлый годъ, т.-е. сочиненія завтрешнихъ студентовъ университета, произведите статистическія изслѣдованія читаемыхъ студентами книгъ, дайте статистику «стипендіатовъ» государственной и частной благотворительности въ аудиторіяхъ и сочтите ихъ въ загородныхъ «садахъ», взгляните мужественно правдѣ въ глаза—и вы увидите, что то дѣло, которое вы предлагаете такъ легко исправить, выбросивъ одинъ предметъ (греческій языкъ), вставивъ другой (естественныя науки) — не поправимо вовсе, не поправимо, пока сохраняются ваши точки зрѣнія на этотъ предметъ.

Тайна—въ развѣнчаніи бюрократическихъ формъ, примѣненныхъ къ духовному дѣланію, въ которомъ онѣ вовсе не примѣнимы, въ созданіи условій культурнаго труда, культурнаго воздѣйствія учителя на ученика, культурнаго воспринятія ученикомъ этихъ воздѣйствій,—въ выработкѣ духовныхъ, идеальныхъ способовъ воздѣйствовать на духовныя, на идеальныя стороны въ мальчикѣ, юношѣ, дѣвушкѣ. «Естественныя науки», намъ говорятъ, «прикладныя знанія»: но, Боже мой, развѣ питомцы Института путей сообщенія, развѣ наши «лекаря», отлично знающіе одни—механику и математику, другіе—физіологію—суть типъ людей, имѣя которыхъ намъ не остается ничего еще пожелать? Дайте намъ просвѣщеннаго, образованнаго человѣка, дайте намъ человѣка не на словахъ гуманнаго—вотъ чего мы днемъ съ огнемъ не можемъ отыскать; а ужъ будетъ-ли онъ инженеръ, чиновникъ, учитель — это второстепенно.

II.

«Школа должна облегчить свои программы»—слышится лозунгъ, слышится много лѣтъ. Но школа трудная всегда лучше легкой, если ея трудность плодотворно напрягаетъ умственныя силы. Тягостно въ умственномъ отношеніи вовсе не то, что трудно, что вызываетъ долгое раздумыванье, что сразу не дается; «трудная» задача въ математикѣ есть всегда интереснѣйшая и мы не можемъ оторваться отъ нея, пока не рѣшимъ, ученикъ гимназіи, у котораго не рѣшается «трудная» задача, рискуетъ приготовленіемъ остальныхъ уроковъ и не можетъ бросить, забыть его мучащей задачи; кто-же этого не видалъ, кто не испытывалъ. Итакъ, если школа бросается по «трудности», бросается 80—90 проц. изъ поступающихъ въ нее, то это потому, что «трудность» ея есть трудность безъ заключенной въ ней мысли, только внѣшнимъ образомъ истомляющая; въ томъ, что ея безкультурная работа вовсе не будитъ способностей ученика себѣ на встрѣчу, что ея «трудности» не изощряютъ остроту этихъ способностей, не возбуждаютъ ихъ; въ томъ, что 8-лѣтняя видимость умственныхъ занятій рѣшительно не сопровождается тѣми освѣжающими моментами угадыванія, на-

хожденія, надежды, сознанной ошибки и, наконецъ, рѣшенія, которые поддерживаютъ силы ученика при рѣшеніи «трудной» задачи. «Трудная школа»,—но даровитый ученикъ не устаетъ вовсе, не устаетъ никогда трудиться надъ возбуждающимъ его дарованіе предметомъ; это-же есть высшее счастіе—умственный трудъ; развѣ мы устаемъ писать, читать, т.-е. учиться? Философы развѣ уставали размышлять? И это въ возрастѣ зрѣломъ или старческомъ, т.-е. когда дарованіе не развивается, когда умъ, до извѣстной степени, одеревенѣлъ, когда работа есть только работа, а не ростъ прежде всего. Нормальное ученье должно также мало утомлять, оно должно также проситься, искаться ученикомъ, какъ ѣда, какъ воздухъ; и именно ученье трудное, не дающееся сразу, вызывающее на борьбу съ собою. Ученикъ «усталъ»; но это прежде всего отъ того, что онъ не учился; что онъ сидѣлъ 4—5 часовъ на вытяжку передъ учителемъ, ничего не думая и ничего не слушая; онъ истощенъ тѣломъ, онъ энервированъ — заботою, опасеніемъ, что вотъ-вотъ его вызовутъ отвѣчать урокъ; онъ «утомленъ», наконецъ, выучкой вотъ этой страницы, вотъ этихъ 14—16 стиховъ Энеиды, когда рѣшительно не помнитъ, что было раньше той страницы, а предыдущихъ стиховъ онъ вовсе не готовилъ и потому совершенно не понимаетъ этихъ. Онъ «усталъ» отъ отупѣнія; онъ пассивно не можетъ выносить четырехъ часовъ классной работы надъ нимъ учителя и пяти-шести часовой работы надъ нимъ нелѣпо составленнаго преподавателемъ-аферистомъ учебника. Вотъ гдѣ горе; горе въ томъ, что если онъ и заинтересовался на урокѣ исторіи разсказомъ учителя—звонокъ, гамъ, опять: «по мѣстамъ!»—и передъ нимъ алгебра; едва онъ занялся теоремой—снова гамъ, опять звонокъ и—Законъ Божій. И такъ ни надъ чѣмъ не остановиться восемь лѣтъ, ни надъ чѣмъ не задуматься: какая-то адская репортерская работа надъ отвратительными учебниками—и это въ возрастъ самый нѣжный, самый впечатлительный, естественно самый идеальный. Да кто-же это вынесетъ: маленькіе 10-ти-лѣтніе чиновнички надъ алгеброй; чиновнички въ 16 лѣтъ надъ катехизисомъ; Боже, да мы во взросломъ возрастѣ рвемъ на себѣ мундиръ; обремененные нуждой, дѣтьми—мы едва выносимъ вокругъ себя канцелярію; и эта канцелярія, которая тѣмъ только отличается отъ всякой другой, что въ нее рѣшительно нельзя войти иначе, какъ въ вицъ-мундирѣ, безъ улыбки, что она есть ультра-канцелярія между всѣми существующими—мы ей поработили... что?—дѣтскій возрастъ всей страны, и міръ наукъ, идей, литературы—съ другой стороны, заставивъ ихъ въ этой душной формѣ колотиться другъ объ друга, съ наивною надеждой, что изъ этого что нибудь выйдетъ.

Въ 70-хъ годахъ, вскорѣ послѣ реформы гр. Д. Толстого, было издано циркулярное распоряженіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, запретившее ученикамъ гимназій, выходя до окончанія

курса, приготовляться и держать «испытаніе зрѣлости» ранѣе, чѣмъ будутъ его держать ихъ бывшіе сверстники по классу; циркуляръ этотъ констатировалъ фактъ, что при домашнемъ приготовленіи и безъ всякой помощи учителей множество учениковъ въ имперіи были въ силахъ приготовлять программу двухъ лѣтъ въ одинъ годъ. Замѣтимъ еще, что для «экстерновъ», т.-е. со стороны державшихъ испытаніе зрѣлости, это испытаніе производится гораздо строже и за всѣ 8 лѣтъ, по всѣмъ предметамъ, т. е. въ объемѣ неизмѣримо большемъ, чѣмъ для рядовыхъ учениковъ гимназіи. Кажется ясно, «трудны» ли программы въ гимназіяхъ; ясно и то, что изъ гимназій уходятъ даровитые ученики, а вовсе не то, что ея требованія такъ «высоки», что средній уровень способностей страны оказывается для нихъ недостаточнымъ.

III.

«Ученики разсѣяны и поэтому учатся плохо, не успѣваютъ»... Но, что же дѣлается съ ними въ гимназіяхъ, какъ не то только, что они разсѣиваются ежечасно, неустанно, по опредѣленной трафареткѣ, послѣ чего—и очень скоро—они становятся неопредѣленно разсѣяны, безвнимательны вообще ко всякому дѣлу. Едва ученикъ, въ возрастѣ 15—16 лѣтъ, ученикъ непремѣнно даровитый, съ огонькомъ, съ искрой, начнетъ привязываться къ чему-нибудь, полюбитъ особенно какой-нибудь предметъ въ гимназическомъ преподаваніи,—какъ его сперва предупреждаютъ объ опасномъ его положеніи, а потомъ немедленно и выгоняютъ. Ибо кто же не понимаетъ, что привязаться не формально, привязаться внутренно, мыслью, сердцемъ—это непремѣнно значитъ нѣсколько отвязаться отъ другихъ, ничего общаго не имѣющихъ съ любимымъ предметомъ. Вѣдь и сами педагоги всѣхъ странъ Европы, привязавшись за послѣдніе полвѣка къ древнимъ языкамъ, стали нѣсколько менѣе внимательны къ Закону Божію и естественнымъ наукамъ, а ужъ допустимъ, что они хоть нѣсколько, хоть нѣкоторые изъ нихъ, даровиты. Но что они дозволяютъ своей старости и не находятъ это «безразсудствомъ», того никакъ не могутъ дозволить мальчику въ 16—17 лѣтъ и считаютъ въ немъ это величайшимъ легкомысліемъ. Всякій даръ дѣйствительный исключителенъ; даръ истинный—очень рано сказывается. Пушкинъ говорилъ о себѣ, что онъ въ отрочествѣ и даже потомъ всегда былъ органически не способенъ къ математикѣ; разумѣется, онъ былъ бы выгнанъ теперь изъ 4-го класса гимназіи. Да, нашъ Пушкинъ, наша красота народная, этотъ несравненнѣйшій умъ въ нашей исторіи былъ бы исключенъ просто, по «§ 34—за неуспѣшность», и если бы былъ бѣденъ, долженъ былъ бы опредѣлиться въ почтальоны или на телеграфъ, за предполагаемою неспособностью къ другимъ высшимъ родамъ дѣятельности и ученія.

Таковы-то реальныя, дѣйствительныя послѣдствія апріорныхъ разсужденій, которымъ предавался нѣкогда гр. Д. Толстой. Черезъ классическую школу имъ созданнаго типа прошло все теперь дѣйствующее поколѣніе, возраста отъ 25 до 40 лѣтъ. Дѣйствующее «церкви и отечеству на пользу» между садами «Фоли-Бержеръ» и литературою символистовъ, поколѣніе, доводящее до пятаго изданія «Любовь и красоту» Нотовича, до девятаго изданія сокращеннаго, до 30 коп. Бокля, и понемногу забывающее Гоголя, Тургенева, Гончарова. Намъ скажутъ школа еще не успѣла повліять на общество, ея плодовъ мы должны ожидать въ будущемъ; но кто-же не знаетъ, что всякая школа новаго типа именно въ первый моментъ своей жизни даетъ наилучшіе, самые свѣжіе, сочные плоды, — по закону реакціи съ прежнимъ, по напряженію въ себѣ всѣхъ силъ, по вѣрѣ въ свой идеалъ Потомъ пойдутъ уже «средненькіе, обыкновенные»,—и я думаю порою, что общество наше, нѣкоторое время поколебавшись между декадентами и Нотовичемъ, скоро остановится на Понсонѣ дю-Террайлѣ и Габоріо, какъ въ нѣкоторой постоянной и устойчивой точкѣ, на линіи безразличнаго удовольствія. Это—вмѣсто ожидавшихся Момзена, Курціуса, Липсіуса, которыхъ уже предвкушалъ для нашего общества гр. Д. Толстой...

Но меня интересуютъ таланты; я спрашиваю себя: куда летятъ «искры Божіи»? Въ то время, какъ ординарные питомцы школы съ Понсономъ дю-Террайлемъ въ одномъ карманѣ и съ размышленіями Нотовича въ другомъ, перебираются по общественной и государственной «лѣстницѣ» со ступеньки на ступеньку — къ «постамъ», и думаютъ: «если Нотовичъ руководитъ общественнымъ мнѣніемъ—почему мнѣ не руководить министерскою политикой?»— думается невольно: «да гдѣ-же таланты?» Не въ почтальонахъ-ли они, въ самомъ дѣлѣ? Не стоятъ-ли они «курьерами» у дверей своихъ преуспѣвшихъ товарищей, ожидая двугривеннаго на чай и «красненькой» къ Рождеству и Пасхѣ. Увы, сколько я наблюдалъ, будучи учителемъ, именно эта тайна совершается: въ 5—6 классѣ уже вы видите учениковъ, самыхъ живыхъ, оригинальныхъ, которые, болтая ногами, на всякую вашу попытку спросить урокъ, отвѣчаютъ: «не готовилъ», а при крайнемъ вашемъ недоумѣніи объясняютъ: «мы выходимъ». Почти не помню я примѣра, чтобы выходили неспособнѣйшіе, и напротивъ, помню очень многихъ ярко даровитыхъ, о трудности для которыхъ какого бы то ни было ученія не могло быть и рѣчи. Могъ ли бы кто-нибудь повѣрить, что изъ *классической* гимназіи можетъ быть исключенъ «за неуспѣшность» мальчикъ до странности, до ненормальности привязавшійся ко всему, идущему изъ *классическаго* міра? невѣроятно, но это—фактъ: каковъ былъ въ Брянской прогимназіи Любомудровъ Аркадій. Бѣдный мальчуганъ,—онъ былъ изъ раззорившейся дворянской семьи,—Богъ вѣсть, съ чего полюбилъ все, идущее изъ

древняго міра, каждую строчку, каждую вещь; кажется, онъ привязался къ нему какою-то художественною любовью; почти до слѣпоты близорукій, онъ перечиталъ все о немъ, что можно было, что въ силахъ былъ достать въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ; я былъ тамъ учителемъ исторіи и разъ, помню, убѣдился, что онъ отчетливѣе меня знаетъ какую-то подробность въ развитіи греческой трагедіи; до сихъ поръ не могу забыть его живыхъ, искрящихся воображеніемъ и остроуміемъ разсказовъ и разсужденій, конечно ребяческихъ, о школьныхъ своихъ дѣлахъ. Въ то-же время онъ былъ удивительно душевно изященъ, кротокъ, деликатенъ. Разумѣется, его выгнали У меня выгнали товарища, Карпова Андрея: этотъ былъ флегматикъ, крестьянскій сынъ; его вѣчно тянуло въ поле, и онъ полюбилъ ботанизировать; въ содружествѣ съ учителемъ приготовительнаго класса, г. Раевскимъ, онъ собралъ и опредѣлилъ всѣ растенія окружающихъ мѣстъ. Никогда онъ не оставался ни въ одномъ классѣ; по спокойному, флегматическому (снаружи) характеру, никогда не былъ даже на замѣчаніи; мы всѣ его очень любили, зная его прекрасную, нѣжную душу, которая какъ-то смѣшно переплеталась съ внѣшнимъ формализмомъ и всякими «добродѣтелями», какъ мы смѣялись. Онъ уже перешелъ въ VIII классъ, мы всѣ, больше его плутоватые, крѣпились и выносили гимназическую «страду» оставался только годъ. Но этотъ, казалось, неистощимо терпѣливый ученикъ, который бывало неподвижно сидитъ, когда мы прыгаемъ черезъ его спину, этотъ воплощенный методъ, правило—я уже сказалъ, что онъ любилъ природу—вышелъ за 9 мѣсяцевъ до окончанія курса. и онъ говорилъ товарищамъ, что не въ силахъ, не можетъ болѣе ни сидѣть въ классѣ, ни готовить уроковъ. Разумѣется, онъ дѣйствительно готовилъ уроки и дѣйствительно слушалъ въ классѣ, когда мы только обманывали и вообще кончили курсъ, ничего не дѣлая. Ну, и что-же, конечно, оба мальчика теперь въ почтальонахъ; въ то-же время я помню среди кончившихъ курсъ товарищей такихъ, которые связать трехъ мыслей не умѣли, и еще другихъ, которые не выходили изъ мѣстныхъ Аркадій и пониже, и, конечно, на урокахъ сидѣли тише воды, ниже травы, такъ что учителя невольно имъ «снисходили», «по недостаточности способностей, которыя разовьются въ университетѣ». Ну, и «развивались»...

IV.

Я сказалъ, что школа требуетъ видимости умственнаго труда, и всякій, кто дѣйствительно умственно трудится, т. е. живымъ, активнымъ способомъ. немедленно выбрасывается за несоотвѣтствіемъ трафареткѣ. Эта трафаретка требуетъ, чтобы вниманіе ученика, въ теченіе всѣхъ восьми лѣтъ ученія, было точно распредѣлено въ пропорціяхъ: $^1/_4$—латинскому языку, $^1/_5$—греческому языку,

1/12—закону Божію, тоже 1/12—исторіи, 1/24—космографіи, 1/12—физикѣ; и кто, хоть чуть-чуть начавъ увлекаться какимъ-нибудь предметомъ, соскользнетъ съ котораго-нибудь изъ растягивающихъ его мысль штифтиковъ, тотъ, послѣ нѣкоторой, но непродолжительной возни съ нимъ, уже насильственно сбрасывается и со всѣхъ остальныхъ, «по § 34», «какъ неспособный къ прохожденію университетскаго курса». Пусть именно онъ-то и способенъ; пусть именно въ его душѣ лежатъ залоги для воспріятія тѣхъ искръ, которыми единственно свѣтится и университетское преподаваніе, которыя и тамъ все болѣе тухнутъ, но въ которыхъ лежитъ все дѣло просвѣщенія; все равно, мимо дверей университета онъ отведется въ прихожую канцеляріи какого-нибудь служебнаго учрежденія и ему поручается бумага объ «опредѣленіи на должность»,—двери-же университета широко распахиваются передъ толпой «преуспѣвшихъ» и «созрѣвшихъ» потому именно, что они имѣли способность въ теченіе 8-ми лѣтъ ничѣмъ не заинтересоваться, ко всему остаться равнодушными и, слѣдовательно, остаться вяло-покорными, когда при переходѣ изъ класса въ классъ ихъ перетягивали, какъ перчатку, то сперва такъ и потомъ нѣсколько иначе — по универсальной трафаретѣ.

Та бурса, которой изображеніе оставилъ намъ Помяловскій, но которая дала для Россіи Платона, Филарета, Иннокентія, Гиляровa-Платонова, Ключевскаго—она даже понимала задачу школы утонченнѣе, глубже. «По всѣмъ предметамъ онъ числился въ послѣднемъ разрядѣ, но у профессора (такъ звали и еще зовутъ себя учителя семинаріи) философіи», или догматическаго богословія, или словесности «онъ былъ занесенъ первымъ въ списокъ» — читаемъ мы часто, если не всегда, въ біографіяхъ многихъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ людей. И бурса берегла талантъ, она уже не выбрасывала «занесеннаго первымъ» хотя-бы по одному предмету; она догадывалась, что тутъ есть, тутъ что-нибудь есть, о чемъ стоитъ порадѣть, подумать, позаботиться. Вѣдь и по единственному предмету чрезвычайно успѣть—для этого требуется непремѣнно умъ, и даже вовсе не меньшій, даже, пожалуй, большій, чѣмъ «такъ-себѣ» успѣвать по десятку наукъ; чтобы полюбить хоть одинъ видъ знанія, полюбить его чрезвычайно, привязаться къ нему всѣми, пока дѣтскими, силенками, само-собою разумѣется, что для этого слѣдуетъ имѣть въ себѣ ту «искру Божію, какой вовсе не нужно, чтобы покорно-вяло «приготовлять» уроки изъ пяти предметовъ къ четвергу, изъ другихъ четырехъ—къ пятницѣ, и снова изъ пяти—къ субботѣ. И бурса, эта плачевная бурса, надъ которою мы не можемъ достаточно насмѣяться, понимала это,—она ей ввѣренные таланты сберегла и Россія навсегда должна остаться ей признательною за это.

Пять уроковъ въ день, пять разнородныхъ предметовъ внима-

нія въ утреннюю половину дня, въ классное время, и столько-же предметовъ вниманія въ вечернюю половину дня, во время приготовленія уроковъ къ завтрему. Десять разнородныхъ интересовъ за день; десять пережитыхъ впечатлѣній, между собою не связанныхъ и не связуемыхъ. Вотъ гдѣ не найденный, никому не приходившій на умъ корень опустошительнаго дѣйствія новой школы, не у насъ только, но и въ цѣлой Европѣ: ибо какими-же мелкими, тусклыми черточками ложатся эти впечатлѣнія на душу; какой нуженъ индифферентизмъ души, чтобы, равнодушно покидая одинъ предметъ, безстрастно переходить къ другому, но и на немъ, какъ на предыдущемъ, не держаться вниманіемъ болѣе, чѣмъ 55 минутъ (продолжительность урока). Чиновнички алгебры и катехизиса, ученики вмѣстѣ съ тѣмъ, уже съ возраста десяти лѣтъ, суть актеры всякаго вида знанія, всякаго вообще духовнаго интереса, также мало привязанные къ смѣняющимся передъ ними впечатлѣніямъ, какъ мало привязанъ актеръ къ надѣваемымъ и сбрасываемымъ имъ мантіямъ, коронамъ, парикамъ. Репортеръ торопящейся газеты, актеръ плохого провинціальнаго театра—вотъ аналогія, вотъ типъ, по которому созданы условія умственнаго и нравственнаго воспитанія дѣтей, юношей, дѣвушекъ,—повторяемъ, не у насъ однихъ, но всюду, гдѣ внѣдрилась и дѣйствуетъ новая государственная школа.

Не ясно ли, гдѣ источникъ упадка духовныхъ силъ всей Европы за послѣдніе полвѣка, т.-е. именно за то время, когда школа изъ захудалой, заброшенной, руководимой частнымъ человѣкомъ, или духовной корпораціей, иногда филантропическимъ обществомъ или непосредственно королевскою и царскою рукой, и о коей сказалъ нашъ поэтъ, что въ ней

Мы всѣ учились понемногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь—

стала интенсивно работающею фабрикой подъ наблюденіемъ государственныхъ инспекторовъ и съ государственными рабочими, нѣкоторымъ интенсивнымъ производствомъ душъ человѣческихъ почти по тому способу, какъ нѣкогда Парацельзъ производилъ своего маленькаго гомункула. Этихъ гомункуловъ, человѣкообразныхъ, но безъ живой души, мы и видимъ на протяженіи всей Европы всѣ послѣднія десятилѣтія. Ибо, Боже мой, кому-же непонятно, что еслибы Маріи Египетской, въ минуту страстнаго покаянія и когда она взяла уже Евангеліе, было позволено читать его съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы послѣ каждаго изреченія Спасителя она продѣлала маленькую ариѳметическую задачку, и послѣ всякой прочитанной главы, выучивала города Германіи или Бельгіи,—кому не понятно, что не покаяніе, но смѣхъ и раздраженіе это чтеніе вызвало-бы въ ней. что въ Египтѣ было-бы одной грѣшницей больше и одною святою меньше на небесахъ.

Школа въ теченіи 8 лѣтъ неустанно, настойчиво, насильственно разсѣиваетъ ученика. И такъ какъ самыя внушительныя угрозы понуждаютъ его подчиниться и безропотно перенести это опредѣленнымъ способомъ и въ опредѣленныхъ пропорціяхъ производимое разсѣяніе, то онъ становится въ концѣ операціи — вообще, неопредѣленно разсѣянъ; онъ дѣлается тускелъ, тупъ, поверхностенъ, на всю остальную жизнь онъ уже не можетъ ни сосредоточиться на чемъ-нибудь, ни привязаться къ чему-нибудь, ни полюбить что-нибудь. Большинство изъ нихъ, именно активные не выносятъ этого; не выносятъ въ количествѣ 90%—вѣдь нація вообще способна, вѣдь нѣкоторая даровитость естественно присуща человѣку: тупость вообще есть отступленіе отъ нормы. Но именно только эти 10% естественно вялыхъ, отъ рожденія покорныхъ, инертныхъ по существу, оканчиваютъ курсъ гимназій, переходятъ въ университетъ и наполняютъ артеріи и вены государственнаго и общественнаго кровообращенія. Рѣдко, рѣдко сквозь эту истощающую, энервирующую сѣть прорвется талантъ, и обыкновенно онъ прорвется или обходя, или ломая эту сѣть.

Мы далеки отъ мысли на комъ-нибудь сосредоточить упрекъ: въ цѣлой Европѣ, въ теченіе цѣлаго вѣка, созидались эти условія, и они созидались такими маленькими дозами что, вообще, никѣмъ не было замѣчено, куда они клонятся, какова ихъ окончательная тенденція. Радостныя надежды, не въ одной Россіи, но въ цѣлой Европѣ, сопровождали трудъ строющихъ. И до какой степени онѣ были напрасны, это становится видно только теперь, когда дѣйствуетъ, пишетъ, думаетъ поколѣніе, на этомъ удивительномъ станкѣ вытканное; когда самый станокъ оконченъ, и все, въ общемъ, исторически закрѣплено и стало, кажется, непоправимо.

О ГИМНАЗИЧЕСКОЙ РЕФОРМѢ

СЕМИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

I.

Десять лѣтъ, истекшія со времени смерти Каткова († 20-го іюля 1887 года), даютъ намъ поводъ остановиться на главномъ практическомъ дѣлѣ, которое связывается съ его памятью—системѣ классическаго у насъ образованія. Онъ не былъ ея организаторомъ; едва ли онъ зналъ всѣ подробности, съ какими она осуществилась у насъ. Но, ссылаясь на примѣры Англіи и Германіи, онъ если и не убѣдилъ всѣхъ, то заставилъ всѣхъ, отъ кого зависѣло практическое разрѣшеніе вопроса, повѣрить, что классицизмъ есть единственное для Россіи средство стать умственно независимою страною, стать равною среди равныхъ въ семьѣ просвѣщеннѣйшихъ европейскихъ націй. Онъ далъ этой системѣ побѣду какъ идеѣ, какъ принципу,—въ противовѣсъ системѣ утилитарнаго, практическаго обученія. Въ семидесятые годы въ нашемъ учебномъ мірѣ происходило величайшее волненіе· повсюду, даже въ исключительно фабричныхъ мѣстностяхъ, открываемы были прогимназіи, четырехклассныя и шестиклассныя, которыя имѣли возрасти до полныхъ гимназій. Какъ-бы желая порвать всякую связь съ традиціей, съ условіями своего мѣста, своего времени и своей исторіи, для преподаванія древнихъ языковъ, и особенно вновь введеннаго греческаго, были вызваны учителя изъ славянскихъ земель Австріи, причемъ обойдены были питомцы своихъ духовныхъ академій. Въ то же время были приняты всѣ мѣры, чтобы стѣснить, съузить, принизить реальныя училища, ученики которыхъ всюду рвались и никуда не допускались. Это были годы полнаго адми-

нистративнаго торжества классической системы, и вмѣстѣ, какъ это можно видѣть теперь, по истеченіи 27-ми лѣтъ, годы глубокаго культурнаго паденія этой системы—страннаго и небывалаго у насъ изсякновенія интереса къ классическому міру, запустѣнія историко-филологическихъ факультетовъ, совершеннаго перерыва въ появленіи выдающихся работъ по исторіи Греціи и Рима, которыхъ выходило такъ много до реформы «Пропилеи» Леонтьева, труды Благовѣщенскаго, Помяловскаго, Модестова — все это было до административнаго торжества системы, и все это исчезло, разсѣялось, замѣнилось послѣ реформы жалкими компиляціями, безъ любви и интереса къ предмету, изготовляемыми для полученія ученыхъ степеней. Въ восьмидесятыхъ годахъ уже началось административное отступленіе системы. Стали закрываться классическія прогимназіи: такъ въ одномъ московскомъ учебномъ округѣ закрылись четыре прогимназіи — въ Брянскѣ, Ефремовѣ, Касимовѣ, Бѣлевѣ; то же совершалось и въ другихъ учебныхъ округахъ. Появились сперва требованія, а, наконецъ, и уступки въ способахъ преподаванія древнихъ языковъ: къ письменнымъ переводамъ исключительно съ русскаго на древніе языки присоединились письменные же переводы съ древнихъ языковъ на русскій. Раздались всеобщія жалобы на порчу русскаго языка, русской письменной рѣчи у учениковъ. На иностранцевъ-учителей, которые къ тому времени передвинулись на должности инспекторовъ и директоровъ гимназій, рѣже жаловались потому только, что очевидно выписанный ихъ контингентъ уже некуда было дѣвать и оставалось выжидать естественнаго ихъ вымиранія. Никому, однако, не пришло-бы на умъ теперь повторить экспериментъ подобной выписки. Наконецъ, съ конца восьмидесятыхъ годовъ и до сихъ поръ дѣлаются величайшія усилія насадить у насъ профессіональное обученіе; и въ самой настойчивости этихъ усилій видится молчаливое разочарованіе собственно въ классической системѣ. Замѣчательно, что спеціальныя министерства, какъ финансовъ и земледѣлія, ревностно охраняютъ открываемыя школы въ своемъ вѣдомствѣ и даже переводятъ въ свое вѣдѣніе часть школъ, ранѣе находившихся подъ руководствомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Очевидно изо всѣхъ этихъ фактовъ, что были допущены какія-то ошибки въ самую минуту торжества системы; что-то необдуманное, или обдуманное неполно, закралось уже тогда, въ самомъ началѣ, въ нее. Кто отступаетъ, и такъ быстро, не былъ правъ, или не во всемъ былъ правъ, когда наступалъ такъ бурно.

Мы соберемъ, какъ въ формулу, всѣ частныя ошибки, тогда сдѣланныя, сказавъ, что классицизмъ не былъ привитъ къ намъ какъ живое къ живому, но былъ механически вдвинутъ въ нашу школу; въ семидесятые годы совершилось именно административное торжество идеи, и вотъ отчего идея не вросла въ жизнь школы,

не пустила въ ней корней, не даетъ юныхъ побѣговъ, и вообще остается до сихъ поръ властною, но мертвою, не живою дѣйствительностью.

Какъ маленькая иллюстрація этого—выписка учителей; она могла быть, конечно, удачна, но характерно для всей реформы, что личность учителя не играла въ ней никакой роли, что въ этой личности не предполагалось никакого значенія: лишь-бы человѣкъ обладалъ знаніемъ предмета, правительственнымъ (австрійскимъ) удостовѣреніемъ въ этомъ знаніи—этого было совершенно достаточно, чтобы на двадцать пять лѣтъ поручить ему преподаваніе гдѣ-нибудь въ Калугѣ или Орлѣ. Это—чиновникъ, который не можетъ не исполнить своего дѣла, потому что за нимъ будетъ надзоръ; а что онъ исполнитъ его удовлетворительно, въ этомъ ручательствомъ служила удовлетворительность (и даже превосходство) данныхъ ему инструкцій (программа и объяснительная къ ней записка). Тактъ его или безтактность въ обращеніи съ учениками, талантъ или неспособность къ преподаванію—объ этомъ (при реформѣ) не было никакого вопроса, самая мысль объ этомъ не приходила на умъ и, въ общемъ, она до сихъ поръ отсутствуетъ въ учебномъ мірѣ. И до сихъ поръ учителя нашихъ гимназій не выбираются, а назначаются; они назначаются по диплому; они нигдѣ и никогда къ преподаванію не готовились и ихъ преподавательскихъ способностей, ранѣе назначенія, никто не испытывалъ. Наблюденіе, которому учитель потомъ подвергается, есть болѣе административное, чѣмъ педагогическое; и при «исправности» въ «службѣ», если онъ «не пропускаетъ уроковъ», если на уроки не является «въ нетрезвомъ видѣ»,—при этихъ условіяхъ, если-бы даже его педагогическая умѣлость была нулевой или отрицательной, онъ не будетъ ни въ какомъ случаѣ подвергнутъ такой административной карѣ, какъ лишеніе должности. Онъ не умѣетъ преподавать, не имѣетъ такта съ учениками: но вѣдь этого и не искалось въ немъ Объ этомъ ни у кого не спрашивалось, это никѣмъ не испытывалось, къ этому ничѣмъ онъ не подготовлялся. Какъ-же вы это спросите у него послѣ того, какъ онъ опредѣленъ на службу; т.-е. спросите о томъ, о чемъ заранѣе не спрашивали и въ чемъ нисколько не условливались.

II.

Учитель—ремесленникъ на ремеслѣ, но и учебникъ — только нужное ему долото или верстакъ для ремесла, въ приготовленія котораго не заключается никакого искусства. Вотъ второе господствующее представленіе въ эпоху реформы и реформаторовъ. Съ семидесятыхъ годовъ открылась у насъ эра педагогической промышленности, промышленности черезъ учебники, черезъ составленіе

ихъ. Учебникъ составленъ «по программѣ» и представленъ «на одобреніе»: какая причина, какое есть законное, формальное основаніе не «одобрить» его, т.-е. отвергнуть, забраковать, нанести составителю формальный ущербъ, когда написанная имъ работа грамотна и до ядовитости точно отвѣчаетъ всѣмъ самымъ мелкимъ требованіямъ печатнаго экземпляра программы и «объяснительной къ ней записки»? Это—педагогическая макулатура, вы скажете, убійственная по бездушности и безталанности. Но гдѣ-же опредѣлено и даже опредѣлимо-ли, что такое макулатура и что такое не макулатура? это—художественное требованіе, художественное воззрѣніе на предметъ,—и его не содержится ни въ какихъ правилахъ, не содержится въ требующей учебника «системѣ». Вѣдь совершенно возможно было, при составленіи программы, составлять ее не абстрактно въ примѣненіи къ предмету (съ предоставленіемъ потомъ свободы писать на него учебники), но въ примѣненіи къ частному и уже превосходному руководству по предмету, какой имѣлся въ литературѣ нашей или даже иностранной (которое въ послѣднемъ случаѣ слѣдовало перевести). Вѣдь всѣ преподаваемые предметы уже столѣтія преподаются; надъ ними работали мастера, художники науки и педагогическаго искусства Есть по геометріи Эвклидъ—зачѣмъ потребовался еще Давидовъ? Но Давидовъ—еще мастеръ, пришли «Ивановы» и «Петровы», не «одобрить» которыхъ рѣшительно не нашлось никакой причины—они всякую причину заботливо устранили — и они вытѣснили Эвклида, какъ другіе и въ другомъ вытѣснили все то, что будучи прекрасно, одушевлено,—естественно не отвѣчаетъ маленькимъ подробностямъ и частностямъ новой абстрактной программы, а потому и не удобно, «не законно» стало при прохожденіи,—при полной и обдуманной «законности» «Иванова». Вотъ второй огромный провалъ, не обдуманный «системою» при бурномъ «наступленіи». Учебникъ и учитель—это есть единственное въ «системѣ», съ чѣмъ соприкасается ученикъ, что онъ чувствуетъ изъ нея на себѣ, чѣмъ онъ собственно воспитывается и образуется. Безъ учебника и безъ учителя, т.-е. не выработавъ ихъ до виртуозности, до достижимаго совершенства—невозможно въ педагогикѣ идти ни въ какую реформу, а съ ними можно предпринять всякую. Они составляютъ не только единственно живую, но единственно дѣйствительную, потому что единственно чувствуемую ученикомъ, сторону всего педагогическаго дѣла; ибо все въ немъ остальное — номинально и даже просто недѣйствительно. И вотъ, тогда какъ учитель и его лицо были пренебрежены, «забыты», —въ вопросѣ объ учебникѣ все было предоставлено личности, «предусмотрительно» передано въ руки алчной конкурренціи. «Одобренный» учебникъ — это обезпеченность на старость и даже улыбающееся богатство; при забитости и скудности учительскаго положенія—это подняло на ноги и

взбудоражило худшими чувствами весь личный персоналъ: можно худо учить, но нужно составить «хорошій» учебникъ. «Хорошій», т.-е. который раскупался - бы, его предпочтительно выбирали - бы учителя, при которомъ учителю не нужно бы много объяснять и по которому ученику легко было-бы готовить уроки. Неуловимо, повинуясь этому требованію, учебникъ (т.-е. всѣ учебники) изъ руководства, составляемаго съ мыслью о предметѣ, сталъ переходить въ руководство, составляемое съ мыслью объ ученикѣ и учителѣ, примѣняясь къ лѣни ихъ и неспособности, отчасти къ дѣйствительному недосугу. «Учебникъ» сталъ не истиненъ, не полонъ, но «такъ, чтобы удобно было проходить»; чтобы онъ «проскальзывалъ», не зацѣпляясь за вниманіе ученика, не останавливая его, не задерживая. Въ одной половинѣ предметовъ, такъ-называемыхъ «литературныхъ» (географія, исторія, Законъ Божій,—гдѣ требуется разсказъ, въ зернѣ—память факта), онъ сталъ переходить въ типъ компендіума, конспекта, въ «опись» предметовъ и ихъ отношеній; въ другой половинѣ, гдѣ требуется усиліе пониманія, онъ сдѣлался осторожно замаскированнымъ подстрочникомъ: такъ въ «коментированномъ» изданіи классиковъ гг. Манштейна и Георгіевскаго дана для трудныхъ мѣстъ или конструкція, т.-е почти переводъ, или, при толкованіяхъ «миѳологическихъ», даже и переводъ, но только не полный. Лишь учебники математики, по существу неподатливаго предмета, не допустили порчи себя, вся остальная педагогическая литература подверглась глубокой, безпредѣльной порчѣ.

Такимъ образомъ, реформа осталась при прекрасныхъ «программахъ» и «объяснительныхъ запискахъ», но безъ реальныхъ средствъ къ ихъ исполненію. Этихъ средствъ не то, чтобы не нашлось: ихъ не искали—какъ въ сферѣ учителей, или они были испорчены—въ сферѣ учебниковъ. Все дѣло съ перваго-же шага, твердо и блистательно постановленное съ административной стороны, поэтому именно съ педагогической стороны, въ черной работѣ, пошло неспособно, а съ ученической стороны — лѣностно. Учителя не умѣли учить, ученики не хотѣли учиться; тѣ и другіе были «при исполненіи обязанностей», одни—на 25 лѣтъ, другіе—на восемь, безъ любви и пониманія дѣла, которое они дѣлаютъ. Казалось—все было выиграно: выиграно все было въ центрѣ, въ министерствѣ; все было проиграно на урокѣ, въ классѣ. Разсмотримъ, что было «проиграно» или, на другой взглядъ, — «выиграно».

III.

Прежде всего, была не только неосторожность (въ случаѣ неудачи—остаться вовсе безъ образованія) въ признаніи классической системы «единою истиною», но прямая ошибка противъ по-

ниманія своей цивилизаціи. Европейская цивилизація есть эклектическая цивилизація, построенная на элементахъ мистико-христіанскихъ, греко-римскихъ и, наконецъ, на элементѣ твердаго научнаго знанія: она держится почти равномѣрною вѣрою въ три эти начала или, пожалуй, неполнотою увѣренности въ которое-нибудь изъ нихъ. Этотъ эклектизмъ. выраженный въ цивилизаціи, долженъ выразиться и въ школѣ, но не въ эклектичности программы «единой истинной школы», а въ отверженіи единства типа школы, въ признаніи одинаково истинными или, пожалуй, одинаково сомнительными нѣсколькихъ типовъ школъ. Эклектизмъ программы есть эклектизмъ, вводимый въ каждую единичную душу, и онъ однозначущъ съ тѣмъ, какъ если-бы мы захотѣли выучить ребенка ходить тремя неодинаковыми походками или писать тремя различными почерками; напротивъ, эклектизмъ школъ ничего другого не выражаетъ, кромѣ той уже привычной для насъ мысли, что около священника, который «благъ и истиненъ»,—благъ и истиненъ и механикъ; около Лессепса возможенъ и нуженъ Винкельманъ. Это—неувѣренность цивилизаціи, но не неувѣренность души. Возлѣ семинаріи, которая уже существовала, слѣдовало именно развить во всю полноту типа классическую школу и создать вновь школу реальнаго, опытнаго знанія (безъ непремѣннаго практическаго характера или и съ нимъ — это безразлично), и питомцевъ всѣ трехъ школъ съ равнымъ правомъ допустить до высшаго образованія (университетъ и высшія техническія школы), отнявъ у нихъ право само-контролироваться (испытанія зрѣлости) и возложивъ право контролировать на то учебное заведеніе, которое принимаетъ въ себя питомцевъ. Университетъ одинъ компетентенъ судить, какіе слушатели ему пригодны, потому что одинъ онъ наблюдаетъ ихъ у себя въ аудиторіяхъ, испытываетъ на экзаменахъ, читаетъ ихъ рефераты и курсовыя сочиненія, слѣдитъ за интересомъ ихъ къ наукѣ и способностью къ занятіямъ; и если ему не дано даже взглянуть на качества подготовки слушателей, которые вводятся въ его стѣны, то, естественно, онъ перестаетъ быть отвѣтственъ и за весь ходъ занятій ихъ у себя, а также и за поведеніе, тѣсно связанное съ занятіями (точнѣй—съ незанятостью, праздностью, безинтересностью къ наукѣ). Сверхъ этого, «самоконтролированіе» гимназій породило то неисчислимое зло, что все вниманіе ихъ обращено было на качества отчета передъ округомъ, а не на дѣйствительныя учебныя качества ученика, не на подготовленность его къ слушанію университетскихъ лекцій: именно «зрѣлость» и была подсѣчена черезъ установленіе «испытанія зрѣлости». «На работѣ зрѣлости, если пишущій ее отлучается по нуждѣ, должно быть обозначено, въ часахъ и минутахъ, время выхода изъ залы и возвращенія въ залу»; и вотъ подъ темою: «Пушкинъ какъ

народный поэтъ», директоръ пишетъ. «вышелъ въ часъ 45 мин.— вернулся въ часъ 49 минутъ». Все канцелярское — записано; но что ученикъ не читалъ Пушкина иначе какъ въ приведенныхъ въ хрестоматіи образцахъ и что его оцѣнку онъ тайно дѣлаетъ по Бураковскому (есть такой «критикъ» для гимназій), не читалъ 8-го тома Бѣлинскаго, не подозрѣваетъ критическихъ работъ Ап. Григорьева, Страхова и даже рѣчи Достоевскаго при открытіи Пушкинскаго памятника. да и ни одной изъ тѣхъ замѣчательныхъ рѣчей, въ которыхъ Пушкинъ былъ какъ-бы сообща обдуманъ русскими писателями—это все не записано, не записуемо и даже вообще это не останавливаетъ ничьего вниманія. Не останавливаетъ—въ округѣ («что ему Гекуба»?), и потому не останавливаетъ въ гимназіи. Работа все-таки ничего себѣ. Правда—ужасно страненъ языкъ: такъ не говорилъ и не писалъ никто въ Россіи до реформы 70-го года; чуть-чуть онъ неправиленъ, но это въ немъ не главное. онъ какъ-то сдѣланъ, придуманъ; точно это — языкъ для письменныхъ испытаній, специфически выработавшійся педагогическій «воляпюкъ». Его образцы слѣдовало-бы опубликовать: это—обезьяна, выученная по-русски, какъ въ зоологическомъ саду есть слоны, танцующіе французскую кадриль. Русскій языкъ въ колоритности и живости своей, въ своемъ народно - бытовомъ ароматѣ—потерянъ, забытъ вовсе и, можетъ быть, онъ расцвѣтаетъ только гдѣ-нибудь въ меблированныхъ комнатахъ около университета, въ разговорахъ около университета, въ разговорахъ съ половымъ и «напрасныхъ усиліяхъ любви» около гризетки. Языкъ, какъ національное достояніе, — въ гимназіяхъ умеръ. За какую цѣну? т.-е., на ряду съ безчисленными и другими благами, здѣсь не называемыми, онъ отданъ.—За что?

IV.

Собственно идея классическаго образованія не есть только прекрасная, но и возвышенная идея. Какъ на реальныхъ знаніяхъ, строго выдерживая ихъ методъ, можно развить до глубокой зрѣлости умственныя способности ученика; какъ на христіанской мистикѣ, при послѣдовательности и цѣльности школы, можно воспитать благородную религіозность: такъ на цѣльномъ и живомъ изученіи классическаго міра можно всесторонне и глубоко пробудить всѣ силы мальчика и юноши Не отдавая непремѣнно первенства этой системѣ, нельзя не сознаться, что и никакого недостатка передъ прочими системами она не имѣетъ. Остановимся внимательно на ней. Классическій міръ умеръ—вотъ первое его преимущество; онъ не былъ одностороненъ, онъ даже, единственно изъ всѣхъ цикловъ исторіи, всестороненъ, всеобъемлющъ — это его второе преимущество. Онъ умеръ: только умершее—истинно поучительно.

Не вздрогнула-ли вся Россія, когда Толстой разсказалъ намъ «Смерть Ивана Ильича», т.-е разсказалъ о жизни съ ея заключеніемъ, съ финаломъ, которой для насъ и нашей исторіи еще не наступилъ. То, что пробѣжало всѣ фазы своего развитія,—выявило законъ всякаго вообще развитія; сохраняя свою прелесть живого въ каждомъ порознь созданіи, во всякой пѣснѣ, всякой статуѣ, оно совокупной цѣпью этихъ созданій являетъ образъ смерти, и въ этомъ синтезѣ жизни и смерти раскрываетъ глубочайшую мудрость, какая доступна человѣку и какая ему нужна. Много народовъ, однако, умерло,—почему мы останавливаемся на грекахъ и римлянахъ? Потому что они были всесторонни: евреи создали великое—но только въ религіи; Индія жила фантазіею и очень мало трезвымъ разсужденіемъ; Персія воевала и не умѣла устроиться. Но назовите сферу человѣческаго труда, методъ человѣческаго мышленія, форму человѣческаго общежитія, наконецъ (за исключеніемъ чистой религіозности), назовите форму человѣческаго умиленія, восторга, которыхъ не только не испытали-бы греки и римляне, но не открыли-бы почти каждую впервые и уже подвинули ее на очень высокую степень совершенства, на степень иногда—какъ въ искусствѣ пластическомъ и словесномъ, какъ въ мышленіи, — не превзойденную. Это — геніальные народы; но у нихъ есть и еще преимущество: утренняя свѣжесть. Въ силу того, что они во всемъ были начинатели,—формы всего ими созданнаго полны тѣмъ довѣріемъ къ нимъ, тою неутомленностью силъ, тѣмъ именно утреннимъ дыханіемъ, которое такъ отличительно и не похоже ни на вечеръ, ни на полдень. Отсюда заражающая красота ихъ антологіи, эпоса. пластики, формъ общежитія, какъ эти изящныя республики и борьба съ тиранами. Всѣ понятія, какими мы живемъ, тамъ имѣютъ свое начало,—и мы не можемъ не только творить, но даже сдѣлать усиліе въ мышленіи-ли, въ искусствѣ-ли, въ политической-ли жизни, не дѣлая чего-то, что очень напоминаетъ ихъ, ихъ продолжаетъ и иногда только повторяетъ. Ничто такъ не можетъ пробудить всѣхъ дремлющихъ силъ отрока, дѣвушки, юноши, пробудить благороднѣйшую въ нихъ мечтательность и вмѣстѣ совершенно зрѣлое сужденіе, какъ воспитаніе, основанное на постоянномъ общеніи, на пристальномъ изученіи этихъ, въ своемъ родѣ, геніально жившихъ и уже умершихъ юношей-народовъ. Отъ миѳовъ и до системы голосованія на Марсовомъ полѣ, отъ изреченій «семи мудрецовъ» до метафизическихъ понятій Аристотеля, отъ простодушной пѣсенки Сафо и до Виргилія, до сатиры Горація наконецъ,—между Аристидомъ и Катилиною.—тутъ данъ полный очеркъ бытія человѣческаго, на которомъ, въ полномъ-же очеркѣ силъ своихъ, можетъ возрости, воспитаться. научиться человѣкъ, отъ лѣтъ очень раннихъ—отъ восьми лѣтъ, когда его займутъ странствованія Одиссея, и хотя-бы даже до

старости, когда онъ станетъ выяснять себѣ точки сближенія и расхожденія Платона и Аристотеля. Но само-собою разумѣется, что воспитаться на этомъ можно лишь при полнотѣ, закругленности воспріятія. Идея воспитанія классическаго, по существу художественная требуетъ и художественнаго непремѣнно воплощенія.

V.

Кто помнитъ педагогическіе споры семидесятыхъ годовъ у насъ, вѣроятно, помнитъ идею «умственной гимнастики», которая связывалась съ классическою реформою. Это была господствующая идея времени; аргументъ, такъ-же казавшійся убѣдительнымъ, какъ примѣры Германіи и Англіи. Два древнихъ языка, наравнѣ и въ уровень съ математикою и безъ всякаго передъ нею преимущества, хотя типъ школы назывался почему-то «классическимъ», сконцентрировали около себя все остальное преподаваніе, какъ второстепенное (однако, поглощающее около $^2/_3$ времени). *Типъ школы вовсе не былъ классическимъ*—вотъ тайна, оставшаяся вовсе не замѣченною для самой «системы», онъ былъ абстрактно-гимнастическимъ, и древніе языки по тому-же методу и въ тѣхъ-же цѣляхъ лексически расчленялись, какъ и въ какихъ цѣляхъ на урокахъ математики расчленялась алгебраическая задача или теорема геометріи, и еще на другихъ урокахъ упражнялись мускулы при помощи шведской гимнастики. Идея пластическаго воспитанія, идея художественной законченности, какъ истинное и единственное основаніе классицизма, была не только умалена — она была вовсе не замѣчена: просто она не пришла на умъ, какъ въ другой сферѣ выпали изъ памяти учитель и учебникъ. У Пушкина и Баратынскаго, не говоря уже о Батюшковѣ, больше слѣдовъ классическаго образованія, чѣмъ у писателей, теперь выступающихъ или недавно выступившихъ:

Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ

—и непріязнь и «охота» въ этихъ словахъ живы, они текутъ изъ живого впечатлѣнія отъ древняго міра, изъ умѣнья различить Апулея отъ Цицерона; но для ученика нашихъ дней Цицеронъ и Апулей—тожественны, какъ «фразы для перевода съ латинскаго языка на русскій» при повтореніяхъ Кюнера. Мы имѣемъ «филологическіе классы», спеціальные, узко спеціальные, даже узко профессіональные, какъ «мореходные классы» Кронштадта и Одессы; и говорить объ «едино-спасительной школѣ», какую мы, будто-бы, имѣемъ въ этихъ гимнастическихъ реперторіумахъ, не только непозволительно, но и почти смѣшно. Смѣшно говорить объ ихъ преимуществахъ передъ реальными училищами: вѣдь если въ «ум-

ственной гимнастикѣ», а не въ художественной сторонѣ, дѣло, то на обильномъ изученіи тамъ теоретической механики, съ ея теоремами, сообразительность гимнастируется такъ-же, какъ и на древнихъ языкахъ. Ибо, очевидно, что если «въ уровень» съ математикою и «для того-же» поставлена древняя филологія, то и и обратно математика стоитъ «въ уровень» съ древнею филологіею, и въ разныхъ пропорціяхъ одно можетъ замѣщать другое. Но о художественной сторонѣ, какъ, вѣроятно, никто не отвергнетъ, нѣтъ и воспоминанія въ гимназической системѣ, въ самомъ, такъ-сказать, завиткѣ ея, ея духѣ; вообще о ней не упоминалось и при реформѣ, въ числѣ мотивовъ; не выставляемая какъ мотивъ, она затѣмъ не вошла и въ дѣйствительность. «Классическое» образованіе у насъ и не поучительно для ума, какъ анализъ прекраснаго умершаго, и не воспитательно, потому что «прекрасное»-то изъ него и вынуто. Вынутъ тотъ «лавръ и киннамонъ», о которомъ вспоминалъ Пушкинъ, и есть что-то среднее между препаровочною комнатою анатомическаго театра и нѣмецкою кухнею, гдѣ рѣшительно никто и нисколько не можетъ воспитаться и не воспитывается.

Дѣти и юноши наши, въ частности «испытываемые на зрѣлость», не знаютъ даже греческихъ миѳовъ въ той мѣрѣ, какъ знали ихъ въ возрастѣ 14—16 лѣтъ юноши двадцатыхъ годовъ вѣка; они не читаютъ Плутарха ни по-гречески, ни по-русски: переводъ пяти жизнеописаній, сдѣланный проф. Герье, остановился на первомъ выпускѣ «за ненадобностью», тогда какъ десять томовъ перевода г Дестуниса нашли въ началѣ этого столѣтія покупателей. Они не имѣютъ представленія о «Лаокоонѣ», «Гладіаторѣ», «Афродитахъ»; никогда не слышали, что былъ Винкельманъ, что есть Торвальдсенъ, удачно уловившій духъ древняго искусства, и какъ, въ чемъ уловившій Всякій эпизодъ греческой и римской исторіи, выходящій за рубрику 280 страницъ историческаго учебника, заставитъ ихъ, при вопросѣ, такъ-же дико «воззриться», какъ эпизодъ изъ китайской исторіи, о которомъ-бы ихъ спросили. Въ чемъ, хотя-бы приблизительно, заключалось мышленіе Платона и Аристотеля, въ чемъ заключалось мышленіе атомистовъ, и возраженія, имъ сдѣланныя Гераклитомъ и Элейцами, — все это, совершенно доступное юношѣ въ 17—18 лѣтъ, ибо все это гораздо менѣе затруднительно, чѣмъ проходимый имъ биномъ Ньютона, возмѣщено этимъ биномомъ и выброшено изъ специфически классической школы.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ О РОССІИ

ВЪ ГОДЫ УЧЕБНОЙ РЕФОРМЫ.

Памяти М. Н. Каткова. 1887 г.—20-го іюля—1897 г. Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Русскій Вѣстникъ» за августъ мѣсяцъ. М. 1897 г.

Календарь Лицея Цесаревича Николая за 1869—1870 учебный годъ. М. 1869 г. Выдержки изъ передовыхъ статей «Московскихъ Вѣдомостей» за 1864—1868 гг. Страницы 106—204.

I.

Намъ невольно вспомнился, при чтеніи этихъ двухъ книжекъ, стихъ Пушкина, обращенный къ памяти Петра Великаго:

Не презиралъ страны родной—
Онъ зналъ ея предназначенье.

Въ самомъ дѣлѣ, успѣхъ реформы Петра Великаго—то, что она «препобѣдила всякую тьму», заложенъ былъ не столько въ силѣ, которую дало ему его положеніе, и не въ одной его огромной рѣшимости, но и въ этомъ особенномъ его отношеніи къ преобразуемой странѣ, на которое указалъ поэтъ въ двухъ приведенныхъ строчкахъ. Петръ не изъ-чужа пришелъ къ намъ; онъ сталъ къ Россіи не въ положеніе инородной силы; при всѣхъ правахъ назваться Прометеемъ своей страны, онъ никогда не искалъ себѣ этого холоднаго и внѣшняго возвеличенія; прямо — онъ не согласился-бы на него. «А о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога: жила-бы и цвѣла Россія»—такъ въ памятныхъ словахъ передъ Полтавой онъ опредѣлилъ себя, указалъ служебное, покорливое, второстепенное свое значеніе около Россіи. Изъ этого взгляда на себя вытекла простота его пріемовъ. Онъ боролся съ Россіей, но—

чего не замѣтили славянофилы—на русской-же почвѣ; съ нравами, но русскимъ-же нравомъ; съ обычаемъ, но не покидая русской своеобычности; и, наконецъ, онъ самъ. онъ весь въ лицѣ своемъ, движеніяхъ, манерѣ, былъ новый русскій бытъ, и только болѣе свѣжій, а, главное, болѣе правдивый, чѣмъ тотъ—окаменѣвшій въ своей условности и формализмѣ прежній бытъ, смерти котораго онъ дѣйствительно искалъ, обрѣзая рукава чопорныхъ костюмовъ и запрещая въ «Духовномъ регламентѣ» водить архіереевъ въ церкви подъ руки—«понеже не пьяни суть». Россія старая, Россія преданія оказалась безсильной противъ него, потому что онъ не хотѣлъ и не требовалъ отъ нея ничего, кромѣ правды въ ней-же самой, въ ея-же вѣрѣ, въ ея притязаніяхъ. Отсюда новая черта его реформы—реализмъ: дѣло и фактъ, какъ ея сущность; и здѣсь скрыта еще причина, почему старая Русь ничего не могла противопоставить ему, кромѣ словъ. «Вы святитесь, ну такъ будьте-же святы, а не носите только важность святости», говорилъ и требовалъ онъ; «вы считаете себя первыми среди европейскихъ потентатовъ, но тогда будьте же и въ самомъ дѣлѣ первыми». Онъ всего хотѣлъ «въ самомъ дѣлѣ», тогда какъ до него все было номинально, въ претензіи словъ, безъ оправданія въ работѣ. «Трудись, Демидычъ, помогу», писалъ онъ простому горнопромышленнику, «труды моего Миниха сдѣлали меня здоровымъ», писалъ онъ больной по осмотрѣ работъ по Ладожскому каналу,—что было сдѣлать съ этимъ? противопоставить этому? Покинувъ слова, осталось рвануться за работникомъ, и Русь двинулась, рванулась на два вѣка, не умѣя и не желая остановиться. Такимъ образомъ великій, но чисто нравственный порывъ побѣдилъ нравственную же привязанность къ «свято-отческой» старинѣ; идеалъ былъ побѣжденъ, однако не силой, а идеаломъ-же. Позднѣе тысячи ухищреній были употреблены на то, чтобы подорвать идеальную, нравственную сторону въ этомъ порывѣ,—употреблены умами глубокаго и тонкаго развитія, «змѣиной мудрости». «Его образъ», говорили,—«кровавъ», и васъ спрашивали: развѣ вы «за» кровь? Онъ «учредилъ оберъфискаловъ», «онъ положилъ основаніе чиноначалію», «пуще прежняго онъ закрѣпостилъ крестьянъ», «лишилъ свободы церковь». Но удивительно: всѣ способы обвиненія спадаютъ съ него; они не льнутъ къ какой-то простой и сѣрой, всѣмъ инстинктивно понятной правдѣ, которую выразилъ въ нашей исторіи великій трудолюбецъ:

То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Два самыхъ свѣтлыхъ ума нашей исторіи: Ломоносовъ и Пушкинъ, одинъ—геній науки и другой—геній поэзіи, не могли оторваться отъ его образа взоромъ.

II.

Мы взяли огромный масштабъ, чтобы въ свѣтѣ его разсмотрѣть маленькое и намъ современное почти явленіе.

«Въ началѣ семидесятыхъ годовъ работа въ московскомъ учебномъ округѣ кипѣла. Не только вводились новые порядки, но и постоянно, при живомъ участіи общества, сословій, городовъ, земства, открывались все новыя учебныя заведенія... Но едва они открывались, проявлялись осложненія совершенно иного свойства. Это-же самое общество въ иномъ видѣ—семьи, отдѣльныхъ лицъ. печати,—всѣми силами тормозило успѣхъ дѣла, которому служило и приносило жертвы... Дѣйствительно, какое дѣло нашимъ Простаковымъ до европейской культуры и до серьезныхъ занятій по европейскимъ программамъ! Разсчетъ для нихъ былъ простой: прибавленъ лишній, восьмой, классъ къ курсу гимназій, усилены программы, а права, обѣщанья ихъ Иванушкамъ и Митрофанушкамъ остались тѣ-же. Вмѣсто прежняго патріархальнаго безучастія семьи къ школѣ, проявилось ярое озлобленіе и противодѣйствіе. Еще яростнѣе поощряли учащихся къ противодѣйствію обновленной школѣ газеты и журналы». (Памяти М. Н. Каткова, стр. 26—27).

Такъ пишетъ, впрочемъ, въ интересныхъ и тонкихъ своихъ воспоминаніяхъ о Катковѣ кн. Н. П. Мещерскій, бывшій попечителемъ московскаго учебнаго округа въ пору введенія гимназической реформы. По его собственнымъ словамъ, въ административно-педагогической дѣятельности онъ пользовался ближайшими указаніями знаменитаго московскаго публициста и его друга, П. М. Леонтьева, ссылаясь, впрочемъ, что они руководили и всѣмъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, вдохновивъ его къ реформѣ. Реформа, по объясняемой причинѣ, прививалась туго; и полный свой взглядъ на эти причины, представляющій до нѣкоторой степени общую концепцію нашей исторіи, авторъ воспоминаній выразилъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Меня всегда поражалъ таинственный смыслъ трилогіи, которая представляется при сопоставленіи знаменитыхъ драматическихъ твореній Фонвизина, Грибоѣдова и Гоголя—лучшихъ ихъ твореній, почти единственныхъ: «Недоросль», «Горе отъ ума», «Ревизоръ». Написавъ ихъ, они замолкли, словно исполнивъ свой урокъ, свое призваніе... Рукою ихъ запечатлѣно въ нашей памяти, въ назиданіе современникамъ и потомству, какъ-бы спасительное предостереженіе, эти новыя. Манэ-Факелъ-Фаресъ. «Недоросль»—это правда всѣмъ нашимъ безчисленнымъ и вѣковѣчнымъ Митрофанамъ и Простаковымъ, юнымъ и старымъ, неученымъ и будто-бы ученымъ, сферъ низменныхъ и высокихъ. «Горе отъ ума» — вѣчное напоминаніе о тупой и закоренѣлой также всюду у насъ умобоязни

или, вѣрнѣе, недовѣріи къ людямъ умственно и нравственно выдающимся; и, наконецъ, какъ неминуемый выводъ, какъ прямое послѣдствіе этихъ нашихъ грѣховъ—появленіе грознаго «Ревизора!» «Ревизора» — не комедіи, а того, который еще и не былъ воплощенъ Гоголемъ, но символически названъ имъ. Ревизоръ, передъ которымъ нѣмѣетъ и замираетъ заурядная жизнь, со всяческими неправдами и беззаконіями,—это строгое напоминаніе долга, присяги: громкой—Царю и тайной—совѣсти».

«И вотъ на личности Каткова сосредоточились всѣ оттѣнки злобы, зависти, страха и мести, которые содержатся и такъ вѣрно изображаются въ этихъ твореніяхъ. Прежде всего тупая ненависть Простаковыхъ противъ того, кто такъ настойчиво проповѣдывалъ необходимость поднять, наконецъ, нашу школу до европейскаго уровня. «Не хочу учиться — хочу жениться», твердилось на всѣ лады. И какъ увѣрить маменекъ, что Митрофанушки, Коли и Васи должны серьезнѣе учиться, чтобы поумнѣть, когда, по ихъ твердому убѣжденію, эти Митрофанушки, Коли и Васи уже со дня рожденія умнѣе всѣхъ этихъ Катковыхъ?! Онъ тиранъ, онъ извергъ, онъ губитель дѣтей! Однажды, въ дворянскомъ собраніи, во время перерыва засѣданія, Ю. Ѳ. Самаринъ (въ вопросѣ о реформѣ гимназій онъ ему сочувствовалъ) спросилъ меня: «Скажите, пожалуйста, отчего это всѣ дамы такъ яро нападаютъ на Каткова?» — Да очень просто, иначе и быть не можетъ,—отвѣчалъ я:—представьте себѣ мнѣніе г-жи Простаковой о новой европейской программѣ гимназій въ примѣненіи къ Митрофанушкѣ.—Самаринъ засмѣялся, сказавъ: «А вѣдь, кажется, вы правы». Съ екатерининскихъ временъ Простакова значительно развилась: она хорошо говоритъ по-французски, да и по-англійски или по-нѣмецки, признаетъ географію и, кажется, большая сторонница конституціи, но пропорціонально возвысились и требованія отъ ея дѣтей... Самыми ярыми изъ Митрофанушекъ оказались, впрочемъ, Митрофанушки яко-бы свѣтила науки, которыхъ Катковъ уличалъ въ невѣжествѣ,—Митрофанушки-журналисты, полуграмотные, ярые противники всѣхъ попытокъ поднять уровень знаній, что лишило-бы ихъ подписчиковъ и читателей. Имя имъ всѣмъ—легіонъ». («Памяти М. Н. Каткова», стр. 46—47).

Итакъ, вотъ неожиданность: Россія—великій Митрофанъ, котораго предстояло переучить Каткову; послѣ Карамзина, Пушкина и тутъ-же всуе называемаго Гоголя — она все еще Митрофанъ; въ пору Тургенева, Л. Толстого, Гончарова, Островскаго,—да зачѣмъ мы будемъ называть беллетристовъ: Россія, къ школьнымъ задачамъ которой такъ осторожно незадолго передъ этимъ подходилъ Н. И. Пироговъ, кстати уволенный изъ попечителей кіевскаго учебнаго округа какъ только на министерскій постъ вступилъ гр. Д. Толстой,—эта Россія «яко-бы свѣтилъ науки» и «полуграмотныхъ журнали-

стовъ» потому только отрицательно отнеслась къ реформѣ въ ея подробностяхъ, въ ея осуществленіи, что она «не хотѣла учиться», что ей «ученье было трудно». Вотъ точка зрѣнія, совершенно поражающая и которая чрезвычайно много объясняетъ въ глухотѣ учебнаго вѣдомства ко всякаго рода критикѣ. И эта точка зрѣнія впервые открывается во всей ея полнотѣ изъ юбилейной книжки, гдѣ ясно высказаны взгляды, возникшіе не лично у авторовъ воспоминаній и апологій, но заимствованныя, усвоенныя ими изъ той умственной атмосферы, которою они дышали въ редакціи и около редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» временъ Каткова Такъ авторъ приведеннаго воспоминанія пишетъ: «Смѣялся я внутренно, когда до меня доходили отзывы недоброжелателей (старавшихся побольнѣе меня уязвить), что попечитель округа — не я, а Павелъ Михайловичъ или Михаилъ Никифоровичъ! Какая наивность! Михаилъ Никифоровичъ и Павелъ Михайловичъ руководили тогда не московскимъ округомъ, а совмѣстно и согласно съ гр. Толстымъ, признавшимъ истинность ихъ взглядовъ, и съ прямого одобренія государя, вообще, дѣломъ просвѣщенія. Очень естественно, что, стремясь къ одной цѣли, безусловно убѣжденный въ правильности ихъ воззрѣній, зная, что запасъ свѣдѣній ихъ неисчерпаемъ и провѣренъ опытомъ, я строго держался единства направленія съ ними—людьми, съ которыми, кромѣ того, связывала меня дружба и уваженіе, возраставшія съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ того, какъ я съ ними ближе знакомился. Я долженъ сознаться, что я по временамъ и злоупотреблялъ ихъ дружбой, уже слишкомъ часто и настойчиво прибѣгая къ ихъ отзывамъ и совѣтамъ. И какъ благодушно они къ тому относились, несмотря на то, что я отнималъ у друзей, столь обремененныхъ работою въ эти смутные дни, слишкомъ много золотого времени» (ibid.; стр. 25).

Мы видимъ совершенно подчиненное, добровольно, и слѣдовательно наиболѣе глубокимъ способомъ подчиненное отношеніе попечителя къ публицистамъ,— и, очевидно, взглядъ на причины сопротивленія реформѣ былъ, такъ-сказать, ходячій, повторяемый какъ «общее мѣсто» въ самомъ центрѣ, откуда исходила реформа. Но если-бы относительно этого у насъ еще оставалось какое-нибудь сомнѣніе, то оно разсѣялось-бы при чтеніи статьи: «Заслуги М. Н. Каткова по просвѣщенію Россіи» В. А. Гринмута, гдѣ почти дословно повторяется объясненіе кн. Н. П. Мещерскаго, хотя между авторами нѣтъ другой связи, кромѣ какъ черезъ лицо Каткова. Онъ пишетъ: «Борьба М. Н. Каткова съ врагами истиннаго просвѣщенія была всего упорнѣе на почвѣ средняго гимназическаго образованія: здѣсь они имѣли сильнаго союзника въ существовавшемъ въ нашемъ обществѣ предубѣжденіи противъ серьезной постановки гимназическаго ученія Предубѣжденіе это существуетъ, къ сожалѣнію, и донынѣ и имѣетъ свои историческія при-

чины. Причины эти, обнаружившіяся тотчасъ-же какъ только правительство стало серьезно заботиться о нашемъ среднемъ и высшемъ образованіи, съ полною яркостью изображены въ безсмертной комедіи Фонвизина. Комедія эта не имѣла-бы присущаго ей глубокаго общественнаго значенія, если предметомъ ея сатиры была-бы только неразумная материнская нѣжность. Такія маменьки, какъ г-жа Простакова, встрѣчаются всегда и всюду, но нигдѣ онѣ такъ не характеризовали собою цѣлаго общественнаго настроенія, какъ именно у насъ въ Россіи. Общество приноситъ государству три вида жертвъ: матеріальную—въ видѣ податей и налоговъ, физическую—въ видѣ военной службы и духовную—въ видѣ обязательнаго образованія дѣтей. О послѣдней жертвѣ странно даже и говорить, какъ о таковой, ибо образованіе, даваемое нашимъ дѣтямъ, приноситъ непосредственную пользу прежде всего имъ-же самимъ, а затѣмъ уже государству. Тѣмъ не менѣе ни податная система, ни военная повинность не вызываютъ у насъ на Руси такого почти единодушнаго протеста, какъ государственное требованіе, чтобы мы давали своимъ дѣтямъ серьезное образованіе, пріучающее ихъ къ умственному труду. За сто лѣтъ послѣ Фонвизина общественное настроеніе у насъ въ этомъ вопросѣ измѣнилось лишь въ томъ отношеніи, что теперешніе гг. Простаковы не кричатъ уже больше: «не нужно ученія!» а говорятъ, что «если уже нельзя избѣжать ученія, то нужно сдѣлать такъ, чтобъ его было какъ можно меньше и чтобъ само оно было какъ можно легче». Имъ нѣтъ никакого дѣла до того, что уровень и свойства средняго образованія не могутъ быть низкими, такъ какъ они зависятъ отъ требованій, предъявляемыхъ имъ высшимъ образованіемъ, которое, въ свою очередь, безъ тяжкаго ущерба для науки, этихъ требованій понизить не можетъ; имъ никакого дѣла нѣтъ до той простой истины, что безъ труда труду не научишь,—они требуютъ только одного: чтобъ ихъ дѣтей учили какъ можно меньше и чтобъ ученіе было какъ можно легче, если ужъ совсѣмъ безъ ученія обойтись нельзя. Еслибъ явился какой-нибудь министръ, который, махнувъ рукой на интересы истиннаго просвѣщенія, объявилъ-бы, что среднее образованіе будетъ продолжаться всего какія-нибудь пять лѣтъ и будетъ сведено къ легкой забавѣ въ теченіе двухъ-трехъ часовъ въ день, то такой министръ въ Германіи, Англіи и Франціи былъ-бы покрытъ насмѣшками и позоромъ, а у насъ—засыпанъ благодарственными адресами не только родителей, но и земскихъ, дворянскихъ и даже высшихъ государственныхъ собраній. Такъ сильна еще во всѣхъ слояхъ нашего общества грубая сила невѣжества... Такое отрицательное отношеніе нашего общества къ серьезному образованію еще болѣе усилилось въ послѣднее время вслѣдствіе того, что оно нашло неожиданную поддержку со стороны яко-бы науки. Этого въ концѣ прош-

лаго вѣка не было, а то Фонвизинъ ввелъ-бы въ свою комедію рядомъ съ Вральманомъ какого-нибудь Эрисмана [1]), который поддерживалъ-бы своимъ яко-бы научнымъ авторитетомъ г-жу Простакову въ ея борьбѣ противъ образованія и научилъ-бы ее даже эффектной латинской цитатѣ: «mens sana in corpore sano» («Памяти М. Н. Каткова», стр. 85, 87).

III.

Вотъ двѣ концепціи—одна съ оттѣнкомъ историческимъ и другая съ государственнымъ, по которымъ одинаково Россія выходитъ Митрофаномъ. Оставимъ критику заключенной здѣсь исторіи и «государственныхъ конструкцій» и остановимся на вопросѣ узко-педагогическомъ: воспитательно-ли, образовательно-ли—пусть даже вы входите въ страну, дѣйствительно населенную Простаковыми,—начинать ея «просвѣщеніе» съ констатированія именно факта, что это—все Простаковы. Слава Богу, вся Европа училась, просвѣщалась и рѣшительно мы не помнимъ, чтобы какую-нибудь гдѣ-нибудь страну инструкторы называли «страной Простаковыхъ»: впервые это у насъ случилось. «Angeli—ангелы: пусть эта страна бѣлокурыхъ дѣтей называется Англіей», такъ по записи средневѣковаго хроникера произошло имя Англіи и англичанъ, данное первыми священниками-миссіонерами Рима. Вотъ первое зрительное впечатлѣніе, и уже сейчасъ — ласка и, конечно, сейчасъ-же просвѣщеніе. Но вотъ, послѣ тысячи лѣтъ существованія, къ намъ выходятъ новые инструкторы для переучиванія, и первое, что мы слышимъ отъ нихъ, есть—«Митрофаны». Еще ученія не началось, и мы уже оскорблены. Съузимъ поле зрѣнія, войдемъ въ классную комнату: вотъ передъ нами, конечно перепуганный и смущенный «Митрофанъ», обдумывающій, дѣйствительно ли его папа — «Скотининъ», и мама — «Простакова»: какъ, думаете вы, внимательно онъ слушаетъ теперь наставленія учителя? слѣдитъ за окончаніями въ exiemporale? Не возбужденъ-ли онъ, не ожесточенъ-ли? Въ отвѣтъ не смѣется-ли онъ злобно надъ всѣмъ, что вы ему говорите, и прежде всего—довольно не безъ основанія — надъ вашимъ лицомъ, надъ вашей душою, знаніями, усиліями. Я только психически построю отвѣтъ на изложенную концепцію, и читатель видитъ, что изъ него слагается исторія дѣйствительнаго отношенія русскаго общества къ школѣ, именно только къ средней и именно только послѣ реформы. Въ укладъ нашей жизни эта реформа вошла какимъ-то сухимъ и высокомѣрнымъ жестомъ; еще ничему не научивъ, она уже оскорбила, и естественно не могла позднѣе ничему научить. Что въ концепцію «Простаковой» входила именно Рос-

[1]) Бывшій профессоръ гигіены въ московскомъ университетѣ.

сія, а не матери неудачныхъ сыновей, это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ г. Гринмута:

«Такова была плотная стѣна невѣжества, которая въ 60-хъ годахъ охраняла Россію отъ истиннаго просвѣщенія и которую необходимо было бы во что бы то ни стало пробить, чтобы предоставить Россіи подобающее ей видное мѣсто въ храмѣ европейской науки, чтобы освободить дорогую родину отъ духовнаго непрогляднаго мрака, который ее обрекалъ на вѣчное ученичество и рабскую зависимость отъ Европы» (ibid. стр. 88).. «Почти весь Государственный Совѣтъ поголовно возсталъ противъ введенія въ Россіи обще-европейской школы. Можно ли было требовать отъ этихъ людей, уже достигшихъ высшаго положенія въ государствѣ, такого самоотверженнаго признанія, что въ образованіи ихъ находятся существенные пробѣлы и что они поэтому не стоятъ на одномъ уровнѣ съ серьезно и основательно образованными западно-европейскими государственными дѣятелями» (ibid. стр. 90).

Но вѣдь это же негодованіе ихъ было основательно? Вѣдь практика, бытъ, складъ семьи и печать, ею налагаемая на юношу, въ самомъ дѣлѣ воспитываютъ и образуютъ нѣсколько? И, по крайней мѣрѣ, они воспитываютъ не хуже, чѣмъ это можетъ сдѣлать австрійскій пришелецъ, за 1,500 руб. въ годъ оставившій родину и религію (большинство католиковъ учителей приняло православіе). Вѣдь Карамзинъ, когда онъ выѣхалъ за-границу «русскимъ путешественникомъ», былъ куда плохой «классикъ» передъ теперешними юношами, пишущими на аттестатъ зрѣлости,—и, однако, никто изъ нихъ не есть и не обѣщаетъ быть такимъ сыномъ родины своей, какъ этотъ мало ученый, но истинно просвѣщенный юноша. Какого былъ образованія Гоголь? Всякая страна и рѣшительно всякая эпоха имѣетъ тысячу образовательныхъ средствъ, среди которыхъ школа стоитъ $^{1}/_{1000}$ долею, и Государственный Совѣтъ, да и вся Россія, всѣ «Простаковы» въ самомъ дѣлѣ были правы, крича, что они не такъ невѣжественны, какъ ихъ считаютъ въ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», что они *любятъ* свое отечество—и вотъ уже *образованіе*, что они *православны*—и вотъ другое образованіе, что они только не школярно-образованы, и это рѣшительно ничего или очень мало значитъ, ибо отъ Сократа и до Мальборо, изъ которыхъ одинъ ничего не зналъ въ физикѣ, и другой — ничего въ исторіи Англіи, кромѣ того, что узналъ изъ пьесъ Шекспира, — великіе люди не были вовсе невѣждами, но каждый въ свою эпоху и въ своемъ народѣ былъ соотвѣтственно и типично образованнымъ человѣкомъ. Вѣдь это—да позволительно будетъ такъ выразиться—вакхическое упоеніе программами есть истинное культурное вандальство, потому-что оно не видитъ тысячи точекъ, тысячи историческихъ, бытовыхъ и даже физіологическихъ обстоятельствъ, на которыя вся «программа» должна бы

оглядываться и, между тѣмъ, она входитъ въ жизнь съ требованіемъ, чтобы *на нее* все оглядывалось и, побросавъ выполненіе огромной въ нравахъ, религіи, долгѣ написанной программы и смиренно сознавъ, что оно не стоитъ «въ уровень» съ чѣмъ-то и въ сущности «въ уровень» съ редакціей «Моск. Вѣдомостей»,— сѣло на парту и начало писать extemporale. Оставьте—есть extemporale, болѣе трудныя и отвѣтственныя, чѣмъ задаете вы; семья, «государственный совѣтъ», страна никогда не были праздны. Они выполняли свое дѣло, нужное, но вамъ непонятное, и на которое въ вашемъ высокомѣріи вы даже не захотѣли взглянуть.

IV.

Но мнѣ хочется сосредоточиться на узко педагогической, а не культурной почвѣ, ибо совершенно легко показать, что именно съ педагогической стороны реформа была исполнена элементарныхъ ошибокъ. Я указалъ—и трудно съ этимъ не согласиться,—что было безумно и непростительно допускать молву, становиться центромъ слуховъ, будто русскіе дѣти — это «Митрофаны» и исходятъ изъ семей «Простаковыхъ»: это та форма педагогическаго неприличія, послѣ которой учителю, не провѣряя остальныхъ его талантовъ, отказываютъ отъ дома и отъ всякой, сознающей задачи свои школы. Но и вотъ еще: въ «Воспоминаніяхъ» кн. Н. П. Мещерскаго есть двѣ любопытныя записи: «При открытіи одной важной директорской вакансіи, мои друзья (т.-е. Катковъ и Леонтьевъ) рѣшились, по моей просьбѣ, пріискать опытнаго педагога. Къ несчастію, и они и я повѣрили горячей рекомендаціи помощника попечителя одного изъ южныхъ учебныхъ округовъ. Онъ былъ рекомендованъ какъ славянинъ, прекраснаго направленія, преданный русскому дѣлу, высокой нравственности, знающій и убѣжденный классикъ. Я съ радостью предоставилъ мѣсто этому кандидату. Увы! выборъ былъ плачевный. За исключеніемъ довольно заурядныхъ, впрочемъ, знаній и педагогическихъ способностей, лицо это оказалось направленія вреднаго, весьма не русскаго, честности болѣе чѣмъ сомнительной и даже—не славянинъ. Назначеніе это, вредное для дѣла, причинило мнѣ лично не мало непріятностей» (ibid., стр. 26). Директоръ видной гимназіи могъ быть замѣченъ во-время, но кн. Мещерскій не подозрѣваетъ, что округъ и вся Россія тогда кишѣли учителями этого типа, которыхъ не гнать же было обратно въ Австрію и приходилось выносить, и на 25 лѣтъ судьба классицизма въ Россіи была связана съ ихъ служебнымъ положеніемъ, т.-е. эта судьба непоправимо и въ началѣ же была погублена. Но есть запись еще болѣе интересная: «Признавалось (при перемѣнѣ министровъ), что, злоупотребляя властью, я вводилъ драконовскіе по-

рядки [1]) и, подчиняясь вліянію особенно зловреднаго лица, назначалъ на мѣста людей недостойныхъ. И вотъ въ 1880—1881 году устраняютъ меня съ должности попечителя, вѣроятно, имѣя въ виду лучшаго дѣятеля. Однако, странно: всѣ возможные кандидаты отказываются одинъ за другимъ! Тогда приходится обратиться къ судебному вѣдомству для приглашенія лица прокурорскаго надзора, вѣроятно, крайне этимъ изумленнаго, но, однако, принявшаго должность» (ibid., стр. 29), которое затѣмъ въ теченіе 15 лѣтъ и руководило округомъ. Вотъ картина: Пироговъ, свѣтило ума и опытности, съ жаромъ предается педагогической дѣятельности—и устраненъ, какъ мѣшающій авторитетъ, и позванъ безъ авторитета, но и не компетентный, а главное совершенно равнодушный къ педагогическому дѣлу, и при немъ дослуживаютъ остающіеся до пенсіи 15 лѣтъ все еще не выучившіеся русскому языку чехи. Вѣдь это же страданіе—и всею тяжестью оно легко на тѣ 80% не оканчивающихъ курса въ гимназіи, которые съ тѣхъ поръ гдѣ-то и какъ-то топятъ свое горе по Россіи. Припомнимъ и слова: «при живомъ участіи общества, сословій, городовъ, земства, открывались все новыя учебныя заведенія» (стр. 26). «Митрофанъ» все понесъ, «Митрофанъ» всему обрадовался; ну, и какъ же *не*-«Митрофанъ» отвѣтилъ на эту радость? что со своей стороны, какую предусмотрительность и заботу принесъ? Но мы говоримъ — вся реформа была исполнена ошибокъ, и, какъ ни трудно повѣрить, читая педагогическія статьи Каткова, перенесенныя изъ «Москвк. Вѣдом.» въ «Календарь Лицея Цесаревича Николая за 1869—1870 годъ», мы съ удивленіемъ видимъ уже въ нихъ это удивительное неглижированіе Россіи и, между прочимъ, какъ часть этого неглижированія,—пренебреженіе къ личности учителя, отсутствіе какого либо сознанія, что онъ-то и есть центръ и душа школы, единственный ея реальный и значущій творецъ. Чтобы понять отрывки, которые мы сейчасъ приведемъ, нужно помнить, что 65-й годъ (годъ написанія статьи К—ва) и около него были временемъ работъ Буслаева и Тихонравова по разработкѣ русскаго эпоса, собиранія Далемъ пословицъ русскаго народа, Погодинымъ — его «древлехранилища», и вообще были временемъ нѣкотораго палеографическаго и народно-монастырскаго у насъ возрожденія. Около этого своеобразнаго Renaissance'а изящная наша словесность рождала въ это же время замѣчательныя и частью великія созданія. Школа, естественно ищущая просвѣтительныхъ элементовъ — тѣхъ, какіе

[1]) Не могу, какъ бывшій ученикъ этого округа и за это время, не отмѣтить, однако, чрезвычайной ласковости и вниманія князя къ ученикамъ, которую онъ обнаруживалъ на ревизіяхъ, и позднѣе, вращаясь среди учителей, ничего худого и «драконовскаго» о немъ и его отношеніи къ нимъ не приходилось слышать. По всему вѣроятію, добрый попечитель самъ себѣ казался строгъ.

есть въ странѣ, тепло и живо, на нашъ взглядъ — мудро, прижалась къ этому движенію. Теперь послушайте, какъ дѣйствовавшій въ пользу реформы Катковъ понялъ все это, т. е. какъ онъ взглянулъ на старое лицо Россіи, едва выникшее изъ-подъ «пыли хартій». «Программа министерства по русской словесности еще интереснѣе. Труднѣе ли русскій языкъ для русскаго, чѣмъ нѣмецкій для нѣмца, или быть можетъ русская словесность вдвое богаче нѣмецкой, и потому требуетъ вдвое болѣе времени для того, чтобы учащіеся могли обозрѣть ее? Нѣтъ, русскій языкъ не труднѣе для русскаго, чѣмъ нѣмецкій для нѣмца; что же касается до русской литературы, то хотя она обладаетъ поэтомъ Некрасовымъ, драматургомъ Островскимъ и ученымъ Пыпинымъ, однако все же она не богаче нѣмецкой литературы. Если бы, напр., въ прусскихъ гимназіяхъ былъ назначенъ въ томъ или другомъ классѣ излишній урокъ на преподаваніе нѣмецкаго языка, то тамъ можно было бы извинить это увлеченіе въ виду дѣйствительно громаднаго богатства литературы. Но мы видимъ совершенно напротивъ: мы видимъ, что на нѣмецкую словесность употребляется въ нѣмецкихъ гимназіяхъ минимумъ времени, а наша словесность, у которой такъ мало позади или, лучше сказать, у которой все впереди, дѣлается однимъ изъ главныхъ предметовъ и беретъ вдвое болѣе времени, чѣмъ нѣмецкая въ Германіи. Разгадка въ томъ, что школа вездѣ предназначается служить къ дѣйствительному образованію и укрѣпленію умственныхъ силъ, а у насъ она, къ прискорбію, служитъ къ тому, чтобы, по возможности, разслаблять и портить ихъ. Разгадка въ томъ, что въ прусскихъ гимназіяхъ не допускается, какъ язва, празднословіе, тогда какъ у насъ въ празднословіи и фразерствѣ полагается главная образовательная сила школы. Разгадка въ томъ, что тамъ дѣти учатся правильному употребленію своего языка, а у насъ они изучаютъ личность своего учителя. Программа предполагаетъ въ III классѣ читать съ воспитанниками «Записки охотника» г. Тургенева, «Повѣсти и разсказы» Вовчка, «Картины изъ русскаго быта» г. Даля и сочиненія Пушкина; въ IV классѣ—разборъ и переводъ отрывковъ изъ Остромірова Евангелія и Несторовой лѣтописи. Начиная же съ V класса предполагается чтеніе памятниковъ въ хронологическомъ порядкѣ: былины, пѣсни, сказки, пословицы, духовные стихи, «Повѣсть о Горѣ Злосчастіи», Кириллъ Туровскій, «Слово о полку Игоревѣ». Въ VI классѣ—«Домострой», «Стоглавъ», «Переписка Грознаго съ Курбскимъ» и его же «Посланіе къ Бѣлозерскимъ монахамъ», Котошихинъ и Крижаничъ, Феофанъ Прокоповичъ, Ломоносовъ, Фонвизинъ, Карамзинъ, Жуковскій. VII классъ—Крыловъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Иннокентій и Филаретъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Гоголь, Островскій. Чтеніе критическихъ статей Бѣлинскаго и Добролюбова.

«Не есть-ли все это надругательство надъ здравымъ смысломъ

и надъ бѣдными дѣтьми! Итакъ вотъ на что будетъ отниматься у ихъ серьезныхъ учебныхъ занятій, также какъ и у ихъ отдыха, 24 часа въ недѣлю (т.-е. въ семи классахъ). Не жалуйтесь-же на недостатокъ людей серьезныхъ и дѣльныхъ въ нашемъ обществѣ, на ничтожество нашей науки, на наше скудоуміе, на нашу несостоятельность,—что иное можетъ выйти изъ подобной школы» (Календарь, стр. 185—186).

Не будемъ останавливаться на програмной сторонѣ этихъ замѣчаній. Они, конечно, справедливы, насколько указываютъ разрушеніе единства типа школы: фабулы Овидія размѣшивать страницами изъ Домостроя—это есть тотъ видъ педагогической галиматьи, которая существуетъ и осуществлена только въ нашей школѣ, но понятія единства типа въ обученіи и воспитаніи нигдѣ въ статьяхъ Каткова не указано и, можно предполагать, оно не было ему извѣстно. Онъ критикуетъ словесность съ точки зрѣнія малозначительности этого предмета, не сопоставляя съ духомъ классическихъ литературъ, но въ себѣ самомъ,—и здѣсь имъ не принята во вниманіе одна изъ той тысячи точекъ, на которыя мы указали: та особенность нашего историческаго положенія послѣ Петра, при которой, чтобы хоть сколько-нибудь засыпать пропасть между старымъ и новымъ, нельзя обѣжать изученія древней словесности всякимъ юношею, который хочетъ стать просвѣщеннымъ, хочетъ служить Россіи, а не моменту въ Россіи. Притомъ, не подражая въ этомъ нѣмецкой школѣ съ греко-римскою программою, по историческимъ условіямъ возможной тамъ, мы подражаемъ въ этомъ самимъ грекамъ и римлянамъ, юношество которыхъ также образовывалось на родныхъ литературахъ, и вообще образовывалось не хуже и граціознѣе, чѣмъ въ Германіи. Замѣчательно: словесность, особенно передъ реформою, стала у насъ центральнымъ развивающимъ предметомъ,—и на ея урокахъ, всегда такъ любимыхъ учениками, умѣли достигать того, чего никакъ почему-то не могутъ достигнуть на урокахъ древнихъ языковъ: той возбужденности къ образованію, заинтересованности ко всѣмъ формамъ просвѣщенія, pietat'у къ наукѣ, которая и составляетъ подготовительную къ университету «зрѣлость». Но Катковъ требовалъ сокращенія не только словесности, но и исторіи: «Основывая учебную систему на преподаваніи древнихъ историческихъ языковъ, къ чему-же еще будемъ [1]) обременять нашихъ молодыхъ людей, при семигодичномъ курсѣ гимназій, излишними уроками по части исторіи какъ отдѣльнаго предмета. Эти излишніе уроки суть такая-же трата времени, какъ и излишніе уроки русской словесности. Эти излишніе уроки будутъ раскрывать для созерцанія учащихся не какой-либо предметъ, а собственную личность преподавателя, которая безъ сомнѣнія не входитъ въ планъ гимназическаго ученія». (Календарь, стр. 173).

[1]) Какой софизмъ, и какъ мало онъ замаскированъ.

V.

Вотъ взглядъ на дѣло: въ этихъ мимолетныхъ, необыкновенно значущихъ словахъ, вставленныхъ здѣсь и тамъ. Личность учителя особенно, усиленно пренебрежена. Работаетъ собственно «программа», работаетъ «уставъ». Мы припоминаемъ и теперь только, какъ общій «планъ реформы», понимаемъ слова, поразившія насъ нѣкогда въ некрологѣ гр. Д. А. Толстого, написанномъ его сотрудникомъ А. И. Георгіевскимъ («Русск. Вѣстн.», годъ смерти): «попечители, пріѣзжавшіе въ Петербургъ, жаловались, что имъ по недѣлямъ приходится жить здѣсь, прежде чѣмъ они бывали допущены къ пріему у министра», въ общемъ, однако, доступнаго: онъ не искалъ, не интересовался спросить, какъ-же идетъ «реформа»—прививается-ли? Благи-ли ея результаты? Было воззрѣніе, очевидно общее, что всякій занумерованный чиновникъ, «непьющій», есть достаточный учитель, ибо его точное дѣло есть «стоять» около программы и «отмѣчать» въ «классномъ журналѣ» «успѣхи», съ которыми ученики вбираютъ ее въ себя; нѣчто въ родѣ учебнаго педеля, какъ есть въ университетѣ «педеля», записывающіе пустыя и не пустыя вѣшалки студентовъ. «Не презирайте малыхъ сихъ»: они были «презрѣнны», естественно начали «презрѣнно» дѣлать дѣло,—и вотъ пунктъ, гдѣ реформа погибла.

Мы начали характеристикой Петра. «Трудись, Демидычъ, помогу»—вотъ восклицаніе, въ его одушевляющей простотѣ, которое раздавалось съ трона и съ которымъ никакъ не съумѣли-бы слить своего голоса не столько гордые, какъ самонадѣянные распорядители «Моск. Вѣдом.». Кто тайны этого голоса не знаетъ, никогда и ничего на Руси не сдѣлаетъ. Катковъ и его сателлиты выросли въ нашей землѣ новою фигурою, съ незнаемыми чертами. Страна, которую умѣлъ «не презирать» Петръ, бывшій ея истиннымъ просвѣтителемъ, этимъ людямъ—очень, въ сущности, не утонченнаго ума—представлялась грубою доской, гдѣ имъ предлежитъ начертать слова необыкновенной мудрости. Одна тенденція этой мудрости ясна: гдѣ-бы ни загорѣлось свѣтомъ человѣческое лицо—набросить на него смертный покровъ. Съузьте фигуру Филиппа II испанскаго до частнаго человѣка, пожалуй—раздвиньте фигуру Плюшкина до размѣровъ короля,—ихъ обоихъ теоретизмъ, ихъ размышленія «про себя», боязнь ступить на почву, и столь плачевный неуспѣхъ въ исторіи и частной біографіи: и вы получите много чертъ Каткова и объясненіе неуспѣха его по крайней мѣрѣ въ педагогической сферѣ. Все это зародилось не отъ Руси и не отъ нашей смиренной, простой, реальной исторіи.

ГОРОДЪ И ШКОЛА.

I.

Съ половины восьмидесятыхъ годовъ стала падать увѣренность въ достаточности для насъ классическаго образованія. Классическія гимназіи и прогимназіи, которыя въ семидесятыхъ годахъ открывались даже въ исключительно фабричныхъ мѣстностяхъ, прекратили свой ростъ, и своеобразна причина этого: онѣ перестали находить учениковъ, родители перестали отдавать въ нихъ своихъ дѣтей. Намъ извѣстны случаи, что въ четырехклассныхъ прогимназіяхъ, въ послѣднемъ выпускномъ классѣ, сидятъ на двухъ скамейкахъ пять учениковъ, при восьми преподавателяхъ изъ столькихъ-же предметовъ. Что-то похожее на неловкость, забота всѣми силами заманить еще учениковъ, усиліе скрыть фактъ на мѣстѣ, среди населенія города, и какъ-нибудь объяснить его передъ центральнымъ окружнымъ начальствомъ,—все это составляло предметъ постоянной тревоги въ жизни такихъ прогимназій. Въ надеждѣ заманить родителей къ отдачѣ дѣтей въ прогимназію — пріемъ ихъ, переводъ въ слѣдующій классъ и выпускъ понижались въ своихъ требованіяхъ. И ничто не помогало. Просто преподаваніе данныхъ предметовъ, какъ-бы дешево ни стоило и какъ-бы облегченно ни велось, оказывалось не нужнымъ. Мы не можемъ забыть одного восклицанія, лѣтъ двѣнадцать назадъ выслушаннаго и которое вызвало гомерическій смѣхъ въ средѣ преподавателей; оно было обращено къ инспектору прогимназіи быстро вошедшимъ въ учительскую комнату «родителемъ»: «Д—ій А—чъ, нельзя-ли моего сына освободить отъ греческаго языка,—онъ у насъ въ торговлѣ ни къ чему». Намъ, преподавателямъ, было особенно смѣшно

это восклицаніе, потому что извѣстно было учебное положеніе этого предмета не только какъ непремѣнно нужнаго, но и какъ главнаго, онъ-же приравнивалъ его къ новымъ языкамъ, отъ одного изъ которыхъ ученикъ можетъ быть «освобожденъ». Смѣхъ произошелъ отъ несовмѣстимости точекъ зрѣнія. У насъ было университетское, «обще»-просвѣтительное воззрѣніе, было впечатлѣніе множества прочитанныхъ объ этомъ предметѣ статей, выслушанныхъ дебатовъ, зрѣлища общественной и литературной борьбы за него. Но, въ самомъ дѣлѣ, кромѣ этой точки зрѣнія, есть бытовая, мѣстная; точка зрѣнія ежедневныхъ нуждъ, практической потребности, намъ вовсе въ то время неизвѣстная и даже насъ вовсе не заинтересовавшая,—и вотъ съ этой точки зрѣнія полутревожное, полунадѣющееся восклицаніе «родителя», думавшаго, что его сына освободятъ отъ недававшагося и ненужнаго ему греческаго языка при полномъ успѣхѣ въ остальныхъ предметахъ,—это восклицаніе имѣло свою логику. Мальчикъ былъ способенъ; онъ поправился потомъ и въ греческомъ языкѣ и, кажется, дошелъ до университета, не всегда кончалось такъ благополучно, или, вѣрнѣе, рѣдко такъ кончалось.

Въ этомъ-же городкѣ—Орловской губерніи, около извѣстныхъ Брянскихъ сталелитейныхъ заводовъ и неподалеку отъ Мальцевскаго заводскаго района, гдѣ влачила свое существованіе классическая четырехъклассная прогимназія, — мнѣ пришлось услышать разговоръ въ толпѣ горожанъ: «когда-бы не евреи, мы-бы и безъ сапогъ находились». И въ самомъ дѣлѣ, всѣ ремесла въ этомъ городкѣ были уже захвачены или захватываемы евреями. Шапочники, портные, скорняки, не говоря о часовщикахъ, которые во всей Россіи, кажется, евреи,—все было въ рукахъ или переходило въ руки евреевъ. Какъ учитель школы, имѣющей центральное отношеніе къ Москвѣ, я не зналъ мѣстныхъ нуждъ, и, какъ начинающій учитель, не интересовался ими; но все-таки разговоръ не могъ не поразить меня и не заставить задуматься, да что дѣлаемъ мы тутъ, для чего насъ сюда послали? Какова и не отрицательна-ли по результатамъ наша дѣятельность здѣсь, оплачиваемая что-то около 13,000 рублей въ годъ, изъ коихъ три тысячи давалъ городъ, кстати очень бѣдный? Очевидно, городъ былъ вовлеченъ въ этотъ расходъ, потому что въ мою пятилѣтнюю бытность въ немъ онъ нѣсколько разъ начиналъ ходатайствовать о томъ, чтобы взять обратно свое согласіе на уплату субсидіи, но уже дозволенія на это не получалось. Но я продолжу о разговорѣ насчетъ необходимости сапогъ и о евреяхъ, единственно удовлетворявшихъ этой необходимости. Конечно, относительно сапогъ было преувеличеніе: сапожники могли найтись и русскіе, преувеличеніе сорвалось отъ раздраженія; въ гуторящей толпѣ рѣчь быстро перешла на существующія учебныя заведенія и гнѣвно обрушилась на прогимна-

зію: «ужъ лучше-же городское училище».—оно. дѣйствительно, переполнено учениками,—«да чего же лучше и тамъ никакому мастерству не научаютъ?»...

Въ той-же губерніи, но въ болѣе восточной ея части, мнѣ пришлось служить въ полной восьми-классной классической же гимназіи. Здѣсь уже въ самомъ городѣ, а не въ окрестностяхъ, было много кожевенныхъ заводовъ, важно, что не такъ они были велики, какъ то, что положительно ихъ было много, и изстари, съ одного, впрочемъ, завода кожи шли въ огромномъ количествѣ во Францію; женское населеніе было занято кружевнымъ промысломъ, и дѣвченкѣ лѣтъ восьми, даже семи, уже покупали въ семьѣ катушки и она начинала вязать себѣ (зарабатывать) «приданое». Я очень полюбилъ этотъ городокъ, за четыре года жизни тамъ, за его живой, промышленный, какой то веселый духъ и вмѣстѣ съ тѣмъ строго-церковный бытъ. При сорокатысячномъ населеніи, въ немъ не было ни реальнаго училища, ни духовнаго, и только двѣ гимназіи классическая—казенная, и женская, которая содержалась городомъ, т. е. она округу и министерству не стоила ни копѣйки. Зданіе женской гимназіи большое, двухъэтажное, съ красивымъ подъѣздомъ и какими-то архитектурными выступами, счастливо отличалось отъ обычныхъ казенныхъ построекъ; наѣзжавшіе изъ Москвы ревизоры говорили, что это лучшее въ округѣ, т. е. въ 11 подмосковныхъ губерніяхъ, учебное заведеніе. И вотъ, въ годы здѣсь учительства, я съ величайшимъ любопытствомъ наблюдалъ, какъ несоотвѣтствующая типу города школа полуразъѣдаетъ, полупарализируетъ мѣстную жизнь Начну съ женской гимназіи. Тутъ все было отравлено, и съ перваго же шага, неожиданностями чиноустройства. Построивъ на свои средства зданіе-дворецъ, давая полное содержаніе персоналу учителей, классныхъ дамъ, начальницъ —городъ, естественно, хотѣлъ, ну, хоть порадоваться каждой минутѣ жизни своего дѣтища. Я глубочаишимъ образомъ убѣжденъ, да и всѣ признаки были, что просто онъ не хотѣлъ лежать мертвымъ камнемъ около, не хотѣлъ пассивности, смотрѣлъ на основаніе гимназіи какъ начало длительнаго и непремѣнно активнаго процесса жизни—«вотъ съ гимназіей». Такимъ образомъ вначалѣ тутъ не было и тѣни желанія властительства, господства; да и не было вѣдь умѣнья господствовать, но — «не отгоняйте же, дайте хоть посмотрѣть». Своеобразная черта учителя въ лѣтніе вакаціонные мѣсяцы не получали жалованья, городъ просто не понималъ, какъ платить деньги за вакацію, «недѣланіе»; но за то въ учебное время плата учителямъ шла наравнѣ съ мужской гимназіей, т. е. чрезвычайно высоко для городскихъ средствъ. Привожу эту подробность, чтобы показать, что дѣйствительно гимназія была создана городомъ и въ ней безъ него «ничто же бысть, еже бысть». Пикантную, однако, сторону, и для города неясную при основаніи, составляло то, что

весь учащій и воспитывающій персоналъ ни въ одной нотѣ отъ города не зависѣлъ и зависѣлъ, можно сказать, въ каждомъ дыханіи отъ округа, т. е. отъ окружной канцеляріи, находившейся въ Москвѣ. При мнѣ, т. е. въ четыре года, ни разу не было изъ Москвы ревизіи. На почвѣ этого соотношенія какъ то и почему-то, но сейчасъ развилась вражда, и «дѣтище» города стало предметомъ мукъ, тревогъ и раздраженія, наконецъ—оскорбленія для него. Это вотъ, видите ли, городъ «Китъ Китычей», и самымъ пикантнымъ удовольствіемъ для педагогической администраціи именно и было не скрывать, что это—«Китъ Китычи», и есть такая «просвѣтительная» точка зрѣнія, а къ счастью, и такая путаница административныхъ отношеній, въ силу которыхъ можно «чихать въ носъ» этимъ Китъ Китычамъ. «Помилуйте, гимназистка канканъ на льду танцуетъ», помню я возмущенное замѣчаніе одного «родителя» («на льду», т. е. на конькахъ зимой) Само собой, такой элементарный фактъ былъ понятенъ даже и Китъ Китычу; понятно, что Китъ Китычъ лѣзъ съ «слезнымъ заявленіемъ», но по специализаціи науки педагогики, а главное — опираясь на округъ, на нити своей административной зависимости, ему вмѣсто словъ отвѣчали улыбкою и затворяли передъ носомъ дверь. Конечно, все дѣло можно было вести съ любовью рука объ руку съ городомъ, но наслажденіе пренебречь замѣчаніемъ, «чхнуть сосѣду въ морду» такъ неудержимо въ человѣкѣ, что около женской гимназіи шла вѣчная и упорная борьба между такъ-называемымъ «попечительнымъ совѣтомъ», который многое платилъ, но у котораго никакой власти не было, и между «совѣтомъ педагогическимъ», который получалъ, училъ, какъ ему Богъ на душу положитъ, и имѣлъ у себя всѣ права. Я хорошо помню, что даровитые и умные учителя, т. е самый крошечный процентъ ихъ, которые хотѣли лучше жить въ мирѣ съ городомъ, т. е. трудиться для города, считались, какъ бы ренегатами своей учительско-административной корпораціи, считались не на добромъ счету у администраціи («честолюбцы» и интриганы», «заискивающіе» у города), элементомъ непріятнымъ и безпокойнымъ. «Монтекки» и «Капулетти»?.. «Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ»? вѣчный удѣлъ человѣка?.. Но только городъ съ красивымъ, старымъ, благочестивымъ обличьемъ, подъ воздѣйствіемъ этой школы и въ этихъ подробностяхъ ея устройства, сталъ какъ то перекашиваться на иной видъ, съ набѣгающими тѣнями чего-то не очень привлекательнаго.

II.

Въ женской гимназіи я не училъ и только наблюдалъ ея жизнь и всѣ въ ней отношенія, ибо мои товарищи по службѣ были тамъ учителями, и также я зналъ весь ея женскій административно-пе-

дагогическій персоналъ. Я училъ въ мужской гимназіи и наблюдалъ и ея безплодное положеніе. Здѣсь также было полное презрѣніе къ городу, но уже болѣе прочное, ярче открытое, ибо и плата учителямъ шла отъ казны. Вообще вражда между гимназіей и городомъ—фактъ до такой степени странный и до такой степени всеобщій, что нельзя надъ нимъ достаточно надуматься. Городъ притомъ вовсе состоитъ не изъ Китъ Китычей: во-первыхъ, между «Китъ Китычами» есть много такихъ, у которыхъ «ума палата» и которые всякаго учителя по природному уму, по зрѣлости сужденій не о профессіонально-педагогическихъ, а объ общихъ предметахъ «за поясъ заткнутъ», но и, кромѣ того, тутъ-же возлѣ «Китъ Китычей» и отлично съ ними сживаясь, были доктора, землевладѣльцы, отставные военные, судейскіе, и замѣчательно, что и они всѣ также враждебно относились къ гимназіи. Почти безъ исключенія (за однимъ очень добрымъ, очень почтеннымъ исключеніемъ—въ захолустномъ городкѣ съ 7,000 жителей и въ 110 верстахъ отъ желѣзной дороги) вездѣ я находилъ, что гимназія—это какое-то вымороченное мѣсто въ городѣ, которое всѣ обѣгаютъ и съ которымъ отношенія завязываются только по нуждѣ. Въ педагогической администраціи нѣтъ такта вести какую-то среднюю линію, и сохраняя полную свободу и независимость въ средствахъ и методахъ воспитанія и ученія, и будучи въ то-же время привѣтливою и внимательною къ окружающему населенію. Учителя—это нервный, раздраженный, замученный трудомъ и бѣдностью людъ, который пошевелиться не смѣетъ въ своей педагогической ячейкѣ, трепещетъ округа, боится и укрывается отъ директора; и въ той минуткѣ времени или той щелкѣ къ свободѣ, которая ему остается.—а къ сожалѣнію, она остается только въ направленіи къ городу, населенію, «родителямъ», онъ просто уже не хочетъ сдерживать себя, онъ хочетъ игнорировать, пренебрегать,—и этимъ только я объясняю пренебреженіе ихъ къ «Китъ Китычамъ». Ибо въ себѣ самихъ, въ уединеніи, дома—учителя часто есть глубокій и развитой, а главное—высоко чистый людъ. Сколько между ними я наблюдалъ тайно дѣлающихъ, т. е матеріально дѣлающихъ, благодѣянія самобѣднѣйшимъ ученикамъ. Вообще въ гимназіи и около нея я наблюдалъ замѣчательное явленіе—люди порознь и умны, и честны: эти «Китъ Китычи»—вполнѣ достойны; учителя—съ сердцемъ, и часто съ умомъ и сердцемъ—директоръ; округъ, конечно, «печется», хоть издали и отвлеченно. Но есть,—въ нитяхъ ли зависимости, въ постановкѣ ли дѣла, или еще въ чемъ—даже трудно уловить, но есть, говорю я, что-то, въ силу чего всѣ взаимныя отношенія этихъ порознь прекрасныхъ людей отравлены, мучительны, извращены, и обыкновенно трудъ ихъ безплоденъ.

И вотъ среди этихъ сыновей кожевниковъ, кружевницъ, поповъ, чиновниковъ, ремесленниковъ,—добрыхъ и хорошо дома упитан-

ныхъ малыхъ, которые такъ скоро блѣднѣли и зеленѣли въ гимназіи,—я помню двухъ ужасныхъ лимфатиковъ, въ третьемъ и первомъ классѣ, угрюмыхъ, полныхъ и невыразимо апатичныхъ къ ученію. Они были братья и почему-то именно за ихъ угрюмо-апатичный видъ я ихъ обоихъ безотчетно полюбилъ. Главное, я ясно видѣлъ, что мальчики очень умные и почему-то они совершенно не хотѣли учиться. Все, что вы говорите имъ, ваши укоры, «пристыживанье» они не только чувствуютъ, но и очевидно все отлично понимаютъ вокругъ себя, въ вашихъ словахъ и даже въ мотивѣ словъ, все понимаютъ, но, затаившись въ себя, молча, сѣвъ на парту, къ завтрему также не знаютъ урока, какъ не знали и сегодня. Это была мука: «и что же это за мука съ Б—ми», сказалъ я надзирателю, мѣстному старожилу,—«да кто они»? А они одѣвались очень бѣдно (затасканно), и я думалъ, что это какіе-нибудь ремесленники.—«Что вы, что вы, это дѣти на всю Россію извѣстнаго плодовода, т. е. у ихъ отца — знаменитый питомникъ плодовыхъ деревъ», и онъ назвалъ лежащій верстъ за 60 городокъ. Позже, живя уже въ Петербургѣ, я въ самомъ дѣлѣ читалъ публикаціи фирмы, но въ ту минуту я почти растерялся отъ недоумѣнія: «такъ что-жъ они у насъ дѣлаютъ? вѣдь это — богатство, это — честь мѣстнаго края, что нашелся человѣкъ, заведшій такую диковинку, и умную, и нужную, а тутъ я ихъ тираню, почему они не знаютъ Пелопонесской войны»...—«А воинская повинность»,—возразилъ надзиратель: «они учатся для воинской повинности, и потому, что гимназія открываетъ всюду дороги...»—«Всюду дороги! но передъ ними лучшая дорога, какая можетъ быть въ Россіи, и они свертываютъ съ нея на всѣми опороченную и всѣхъ измучившую обще-интеллигентную». И тутъ я припомнилъ еще случай, уже изъ своей университетской жизни.

Между лекціями, собирая вокругъ себя слушателей, неизмѣнно разсказывалъ полунеприличные, полукаверзные анекдоты о профессорахъ одинъ студентъ. Онъ былъ хорошъ, какъ Аполлонъ Бельведерскій, и кромѣ остроумія, дѣйствительно замѣчательнаго, въ немъ была чудная привѣтливая ласка ко всѣмъ окружающимъ. Онъ примкнулъ къ кружку студентовъ, къ которому и я принадлежалъ: такъ человѣкъ пять-шесть, ближе сошедшихся характерами,—шалопаевъ, но которые любили философію и, кромѣ нея, не любили ничего, а главное—не хотѣли ничего любить, такъ что, подбирая лекціи, уходили отъ классиковъ, которые терзались вопросомъ, которую изъ трехъ возможныхъ формъ употребилъ Демосѳенъ въ первомъ періодѣ рѣчи «De corona»: ἀκροάσθαι (настоящее), ἀκροάσασθαι (аористъ) или ἀκροασήσθαι (будущее). Т. е. мы не одну философію любили, скажу для оправданія: но и въ исторіи, и литературѣ мы любили тоже только одну философію Такъ насъ Богъ уродилъ. И вотъ Аполлонъ примкнулъ къ намъ. Всѣ мы были на «ты» и также

съ Аполлономъ, который дѣйствительно былъ чудесный малый, т. е. безъ «искорки», но товарищъ безъ измѣны и предательства. Въ первый же разъ, какъ я пришелъ къ нему, я былъ пораженъ множествомъ книгъ, и большая часть въ англійскихъ переплетахъ эти приходили прямо изъ Лондона, и онъ познакомилъ меня съ своеобразіемъ англійскаго способа обрѣзать книги. Огромное большинство книгъ было по философіи, но на деревянной горкѣ, на которой онъ предпочиталъ заниматься и писать, были вырѣзаны іероглифы, т. е. дѣйствительные египетскіе іероглифы онъ интересовался тоже и ими. Говорилъ и читалъ на трехъ языкахъ. Не буду дальше и больше разсказывать, но объясню только, что обладая отличною памятью и очень начитанный—онъ былъ убійственно и, очевидно, непоправимо ограниченъ: полная противоположность тѣмъ двумъ угрюмымъ плодоводамъ перваго и третьяго класса гимназіи, которыхъ я зналъ въ качествѣ учениковъ. Мнѣ какъ то, будучи на лѣтнихъ урокахъ, случилось заскучать, и я написалъ ему скучающе-сантиментальное письмо· черезъ недѣлю получаю отвѣтное письмо, которое, очевидно, онъ сочинялъ всю недѣлю и изъ котораго, яснѣй, чѣмъ изъ разговоровъ, я усмотрѣлъ удивительную его безсодержательность, ничѣмъ непоправимую и никакъ не заполнимую. Скудность хорошо отполированной доски, но такой твердости или такого состава, что ли, гдѣ не вырѣзывается ни одна буква. Такъ послѣ этого наши отношенія, безъ размолвки и все сохраняя видъ дружелюбія, и отклеились. Просто — не цѣплялось ничего за его душу и онъ не въ силахъ былъ ничего забросить въ вашу душу.

Кто же онъ былъ? Онъ достигъ университета цѣною ссоры съ отцомъ, т. е, не говоря о другомъ, цѣною возможнаго лишенія очень большого наслѣдства: его отецъ велъ обширную торговлю пушнымъ товаромъ и имѣлъ непосредственно дѣла съ Сибирью. Сына онъ отдалъ въ коммерческое училище, но, вотъ, сына потянуло изъ него въ университетъ и, путемъ невѣроятныхъ усилій, онъ дѣйствительно усвоилъ древніе языки, весь ихъ восьмилѣтній курсъ, и вступилъ таки въ университетъ. Очень характерно для опредѣленія его дарованій, что, нѣсколько разъ держа экзаменъ на испытанія зрѣлости, онъ проваливался на экзаменѣ по словесности т. е. не могъ связно и послѣдовательно написать трехъ страницъ сочиненія. Судя по письму, это, вѣроятно, былъ чрезвычайно путанный и претенціозный вздоръ, въ которомъ рѣшительно невозможно понять, что именно онъ говоритъ, не подымая уже вопроса о мотивахъ, почему то или иное говоритъ. У него былъ какой-то мертвый умъ, и хаосъ вычитанныхъ знаній вовсе никакъ не организовался въ немъ; замѣчательно еще (и отъ этого онъ имѣлъ терпѣніе пройти въ одиночку 8-ми-лѣтній курсъ древнихъ языковъ), что онъ всякими предметами занимался безъ оживленія, но и безъ неудовольствія. — «Любишь ты математику», —

спросилъ я его какъ-то.—«Да, какъ и іероглифы». Ему рѣшительно все равно было. что-бы ни читать и чѣмъ-бы ни заниматься, но онъ постоянно былъ занятъ и всегда что-нибудь читалъ; потомъ скверный анекдотъ объ ученомъ или профессорѣ, карточку котораго—а онъ искалъ и покупалъ фотографіи всяческихъ ученыхъ—онъ тутъ-же показывалъ. И вотъ на этой удивительной плоскости загорѣлся свѣтъ образованія, т.-е. его потянулъ ему не объяснимый, но для него, очевидно, невыразимо привлекательный свѣтъ образованія. Онъ былъ очень благороденъ, очень порядоченъ, онъ, очевидно, «горѣлъ» сердцемъ къ наукѣ въ ея неопредѣленно-далекомъ смыслѣ,—и былъ только, ко всему этому, глупъ—тою тонкою и самою ядовитою глупостью, которая есть безсодержательность. Никакого фатовства въ немъ не было; и кругъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ (а онѣ льнули къ нему) онъ оставлялъ для чаепитія съ пріятелемъ, съ которымъ онъ разговаривалъ тоже совершенно не ломаясь. отнюдь не рисуясь, но .. только было нѣсколько скучно говорить съ нимъ. и еще—ничего, еще — никакого признака. Да проститъ мнѣ все-же хорошій товарищъ, что я дѣлаю его предметомъ «соціально-педагогическаго», какъ сказалъ-бы Щаповъ, анализа въ интересахъ разрѣшенія огромнаго бытового и историческаго вопроса: торговля пушнымъ звѣремъ—это вѣдь опять богатство, это путь, а для «интеллигента», если-бы случилось — это и «исцѣленіе». «Земля...» мы всѣ о ней толкуемъ: но вѣдь земля есть только и именно работа, починка чего-нибудь въ великой храминѣ бытія человѣческаго, при чемъ является радостное сознаніе, что ты человѣку нуженъ и не тяготишь человѣчество лишнимъ существованіемъ. Главное, здѣсь, въ разсматриваемомъ случаѣ, какъ и тамъ у плодовода—все дѣло уже поставлено. фирма «Домби» уже есть и только никакъ нельзя приставить «и сынъ»: «Домби и сынъ». Я не комерсантъ. не промышленникъ. — но, разумѣется, Россіи нужно одѣваться въ мѣха, разумѣется Сибири нужно продавать мѣха, и, разумѣется, важно, чтобы коренные русскіе люди справлялись безъ чужой помощи съ этой не хитрой, но серьезной задачей обмѣна между двумя странами, входящими въ составъ ихъ отечества. «И батожьемъ-бы тебя бить, философъ ты мой милый»,—думалъ я послѣ о моемъ товарищѣ; но въ университетѣ такъ мало еще зналъ я жизнь и такъ мало даже интересовался ею, что, конечно, ничего подобнаго мнѣ никогда не приходило на умъ, какъ и этому юношѣ—«погибшему, но милому созданію»...

Вотъ какъ жизнь слагается, изъ какихъ черточекъ, крупинокъ, камешковъ. Воинская повинность всѣхъ толкнула въ гимназію; но одновременно она оттолкнула отъ множества промысловъ, отъ множества уже заведенныхъ «дѣлъ» естественную, выроставшую около нихъ дѣтвору. Дѣтвора, выучивъ «азы», почувствовала, что за плечами у нея «Китъ Китычи», а впереди свѣтлый Ломоносовъ путь,

по которому она и двинулась. Немного лѣтъ прошло, и государство положительно растеривается: да, какъ возстановить, какъ возвратить къ труду, къ землѣ, къ промыслу эту интеллигенцію, и какъ возсоздать, наконецъ, эти промыслы? Попытки, положительно тревожныя, а что печальнѣе всего—не обѣщающія большихъ успѣховъ, самыхъ разнообразныхъ вѣдомствъ: народнаго просвѣщенія духовнаго, финансовъ, земледѣлія —всѣ текутъ отсюда и не имѣютъ иной цѣли, какъ исцѣлить опасную рану, которую въ необдуманные 70-е годы—въ годы торжества едино спасительной системы образованія, мы сами себѣ нанесли.

III.

А между тѣмъ проповѣдывается иными принципъ даже не двухъ школъ, какъ это теперь существуетъ — «реальной» и «классической», но одной. Вотъ то, что можно назвать культурно-бытовымъ безумiемъ и, наконецъ, величайшею ошибкою педагогики. Школа вовсе не имѣетъ и не можетъ имѣть для себя задачею вырабатывать новую культуру, изъ себя создавать культуру, — и ей подчинять культуру. уже естественно существующую въ каждой мѣстности. Школа—въ помощь жизни, а не противъ жизни; она подходитъ какъ одухотвореніе, какъ освѣщеніе, какъ возведеніе къ идеалу, т.-е. просто къ лучшему,—однако, того именно, что есть, и не претендуя на новое, къ чему просто у нея силы нѣтъ, да и не нужна она вовсе. Теперь земледѣльца, пастуха, ремесленника, татарина и чиновника, туранца и остзейца,—она всѣхъ сбиваетъ въ одну кучу, и, въ сущности, всѣмъ она мѣшаетъ, никого не просвѣщая, или условно и неправильно, болѣзненно просвѣщая Школа по ея истинной задачѣ—это свѣча, при которой каждый могъ бы лучше разсмотрѣть свое имущество и разобраться въ немъ,—«лучше», то-есть для всѣхъ полезнѣе, но и прежде всего для себя не безвыгодно. О, небезвыгодность, т.-е. въ превосходномъ духовномъ смыслѣ, не только не есть уничиженіе для школы, но ея истинный идеализмъ: въ школѣ я ищу клада, какого еще нигдѣ не найду, и буду искать жадно, какъ только увѣрюсь, что тамъ пріобрѣтаемое есть въ самомъ дѣлѣ сокровище, которое мнѣ во всемъ поможетъ и отъ многаго защититъ. Конечно, доктора такая школа научитъ лечить, а не только прочтетъ ему лекціи о леченіи; но она и кожевенника выучитъ именно кожевенному мастерству, какъ завтрашняго лектора по философіи пріучитъ и воспитаетъ въ тонкостяхъ отвлеченнаго мышленія. Отсюда—не только не одинъ или не два типа школы, но неопредѣленное множество ихъ типовъ; и, собственно, каждый городъ долженъ имѣть отвѣчающую своему господствующему типу школу, т.-е. школу онъ долженъ вырабатывать, или около него школа должна создаваться, выростать, пла-

стически гармонируя какъ отвѣтъ вопросу, какъ удовлетвореніе. но непремѣнно опредѣленное,—совершенно опредѣленной-же нуждѣ. Центральная школа. т.-е. въ небольшомъ городѣ, гдѣ, однако, при совершенно ясномъ господствующемъ типѣ есть разница положеній и, слѣдовательно. разница требованій,—эта школа намъ представляется какъ складъ дисциплинъ практическихъ, полупрактическихъ и чисто отвлеченныхъ, куда каждый приходитъ и береть соотвѣтственно ему нужное, выбираетъ нужную ему именно, въ его обиходѣ, «свѣчу». Такую школу, конечно, невозможно возсоздать изъ Петербурга, но, слава Богу, болѣзненно или здорово просвѣщенные, но просвѣщенные все-таки люди уже разсѣяны у насъ всюду: вездѣ есть священникъ врачъ—вотъ люди совершенно уже достаточно просвѣщенные. чтобы помочь въ разрѣшеніи на мѣстѣ вопроса о томъ, что именно, какъ именно требовалось-бы тутъ освѣтить школою. Мозольные работящіе люди не умѣютъ формулировать, не умѣютъ часто просто отвѣтить на вопросъ, что имъ нужно На вашу неудачу, т.-е насадить школу, они отвѣтятъ тѣмъ, что перестанутъ отдавать дѣтей въ школу, потребуютъ «избавленія сына» отъ греческаго языка, пожалуются, что «нѣтъ сапожниковъ»; отецъ молча разойдется съ сыномъ. Все это болѣзнь, страданіе, и вовсе не нужное «Интеллигенція», которая если и растлѣла, то именно бездѣльемъ, вездѣ и охотно возьметъ на себя трудъ формулы, трудъ члено-раздѣльнаго выраженія «нутряной» мѣстной боли. Но говоря «интеллигенція», я именно разумѣю мѣстнаго попа и фельдшера. т.-е. людей работы, «земли» и «почвы», получившихъ вмѣстѣ способность члено раздѣльнаго сужденія; въ городѣ—это чиновникъ, врачъ, и непремѣнно священникъ. Никто такъ близко (черезъ совершеніе требъ) не стоитъ къ населенію, какъ священникъ, и вмѣстѣ наши священники, къ счастью, народъ практическій и находчивый. Такимъ образомъ, просвѣщеніе—это должно быть живое обращеніе соковъ въ живомъ-же организмѣ; въ немъ соучаствовать, соработать должна вся страна, въ неуловимыхъ формахъ совѣта, указанія, выбора — все населеніе. Буквально оно должно ползти по землѣ, въ противоположность теперешнимъ небеснымъ полетамъ, всюду приноравливаясь, ко всему приспособляясь, а главное — каждаго лаская и каждому помогая. Роль священниковъ, черезъ знаніе индивидуально каждой семьи и даже въ семьѣ всѣхъ членовъ, особенно богата въ самомъ трудномъ, мучительномъ и роковомъ рѣшеніи: кому что нужно. Оснуете вы въ городѣ академію изящныхъ искусствъ, и мать, которая умѣла только родить ребенка и потомъ кормить его,—въ соотвѣтственный «школьный возрастъ» попроситъ васъ принять его въ эту академію; $^{9}/_{10}$ населенія у насъ въ такой нѣмой слѣпотѣ лежатъ, что онѣ конечно знаютъ, что «ученье—свѣтъ», а главное—лучшій кусокъ хлѣба, но *которое* ученье—объ этомъ никакого представленія

не имѣютъ, и странно было-бы его здѣсь спрашивать. Еще-бы! если даже государство не знаетъ, что плодоводу нужна ботаника, а не Пуническія войны. Здѣсь именно, для этихъ $^{9}/_{10}$, изъ коихъ, однако, подымаются дѣти иногда удивительной даровитости, и во всякомъ случаѣ которымъ нужно-же просвѣщеніе, и именно *нужное* просвѣщеніе, и могутъ помочь священники: и намъ они представляются какъ естественные сдаватели дѣтей въ школу, съ указаніемъ школъ—т.-е. такой центральной, какую мы себѣ представили—чего кому нужно. Огромный процентъ неуспѣвающихъ въ нашей гимназіи, кромѣ всяческаго неблагоустройства программъ, зависитъ еще отъ того, что гимназія, во-первыхъ, всѣмъ своимъ типомъ вовсе не отвѣчаетъ ярко выраженному типу города; и, во-вторыхъ, что принимаемый ею въ себя составъ учениковъ собственно долженъ-бы разбѣжаться по десятку разнообразнѣйшихъ школъ. Въ самомъ понятіи школы у насъ есть какая-то историческая неправильность, что то деревянное, въ высшей степени статическое и нисколько не динамическое. Что такое школа? Что значитъ основать въ городѣ школу? Всѣ вѣдомства и почти каждый встрѣчный вамъ скажетъ, что это — двухъэтажное кирпичное зданіе, и, подумавъ, прибавитъ, что это, конечно, штаты, оклады жалованья и пенсіи, и нетерпѣливая, строго нахмуренная трафаретка: «законъ Божій—2 урока, русскій языкъ—3 урока, латинскій—6, греческій—5, математика—3, исторія и географія по 2, чистописаніе—1 урокъ». Вотъ школа, и она стучитъ, а не работаетъ; раздражаетъ и не научаетъ, часто губитъ и удивительно рѣдко просвѣщаетъ. Школа—это только и всецѣло учитель, учитель—во-первыхъ, учитель—во-вторыхъ, учитель—въ третьихъ, и только въ четвертыхъ еще что-нибудь, ну, тамъ программа, штатъ и, наконецъ, какое-нибудь зданіе, лучше лачужка, но ни въ какомъ случаѣ не дворецъ. Знаменитый Ильминскій, просвѣтитель инородцевъ въ Казанской губерніи, отдавшій на это дѣло всю жизнь свою, до того былъ раздраженъ этою деревянной стороной всякой теперь школы, рѣшительно не дающей учителю сосредоточиться на обученіи, что предпочелъ отказаться отъ выдававшагося ему пособія ради того только, чтобы отказаться и отъ великой докуки «отчетовъ», «вѣдомостей» и всяческой «статистики», которую отъ него, тотчасъ какъ дали пособіе, и потребовали, конечно. Безъ «деревянной» стороны совершенно—нельзя; но она должна быть сведена до минимума, до самонужнѣйшаго, безъ чего просто не можетъ уже существовать школа, и какъ-нибудь, всѣми усиліями, всяческими средствами она должна быть выражена такъ, чтобы не связать, не стѣснить, не отвлечь вниманія учителя отъ дѣла; она должна быть около него, но ему должна остаться незамѣтной. Я наблюдалъ странную роль директора въ нашихъ гимназіяхъ: казалось-бы—это руководитель учебнаго заведенія, наблюдатель преподаванія, воспи-

татель дѣтей. Ничего подобнаго—никакого даже намека на это, просто это болѣе всего руководитель гимназической канцеляріи, который проводитъ $^{9}/_{10}$ своего времени въ работѣ съ письмоводителемъ, и только $^{1}/_{10}$ распредѣляетъ между учителями и учениками. Существуетъ цѣлый графикъ срочно отправляемыхъ въ округъ бумагъ, въ своемъ родѣ «распредѣленіе уроковъ», но письменно исполняемыхъ, и спеціально для директора; и это «распредѣленіе» такъ-же виситъ передъ нимъ въ канцеляріи, какъ передъ каждымъ ученикомъ виситъ его «распредѣленіе» въ классной комнатѣ. Та самонужнѣйшая функція которая въ неуловимости своей выражается терминомъ: «создать духъ учебнаго заведенія»—не выполнена вовсе или выполняется случайно, перекрещивающимися усиліями учениковъ и даже скорѣй порывами учениковъ; а директоръ занятъ работой, которую безъ труда могъ-бы выполнить тутъ-же сверхъ штата приставленный чиновникъ за 600—800 р. въ годъ.

Все это такъ не эластично, не гибко, что не можетъ быть и рѣчи о соотвѣтствіи между школою и духомъ и потребностями «земли». Нѣтъ самыхъ методовъ, нѣтъ органовъ, нѣтъ способовъ, обладая коими школа могла-бы, какъ мы выразились, поползти по землѣ, вездѣ прислушиваясь и ко всему приспособляясь. Это какъ бы родильница, кричащая въ мукахъ, и около нея проходящій господинъ, который — кто-бы онъ ни былъ, пусть даже онъ докторъ,—не можетъ-же на виду у всѣхъ снять ордена и ленты, и даже больше—снять сюртукъ, засучить рукава и, надѣвъ фартукъ, начать дѣлать что-то самонужнѣйшее, но въ высшей степени неопрятное около кричащей. Это приводитъ насъ къ мысли, что задача просвѣщенія вообще не можетъ быть выполнена громоздкими органами государства: просвѣщеніе—это эмбріологія, это процессы въ мельчайшихъ микроскопическихъ тканяхъ организма; между тѣмъ какъ государство въ расчлененіи своемъ—это анатомія Отсюда—новый выводъ: что въ просвѣщеніи государству принадлежитъ лишь образованіе, помощь, лишь самое общее и высшее руководительство дѣломъ, но иниціатива и вообще все живое, самая работа должна принадлежать болѣе мелкимъ единицамъ соціальнаго сплетенія: городу, сословію, церкви или семьѣ, и, наконецъ, болѣе всего, лучше всего—частному человѣку, съ его зоркостью terre à terre, съ его находчивостью. И люди высокаго теоретическаго образованія—професора и академики, ничѣмъ не унизили-бы своего общественнаго положенія, если-бы начали становиться во главѣ школъ съ чисто теоретическими дисциплинами. Вообще мы думаемъ, что вся полнота просвѣтительныхъ задачъ этимъ путемъ можетъ быть выполнена съ меньшею болью для страны, съ лучшими научными результатами, и совершенно соотвѣтственно духу народа и эпохи, а главное—требованіямъ *этого* географическаго пункта и въ *данную* минуту. Вспомнимъ, чтобы не оставаться безъ фактическаго

подтвержденія—пансіонъ проф. Павлова, въ сороковыхъ годахъ, школу Л. Поливанова—классическую, съ ея четырьмя пансіонами, умно задуманными; народную школу проф. Рачинскаго, съ ея долголѣтнимъ опытомъ и райономъ школъ—«дѣтей», около нея и изъ нея выросшихъ; раньше мы уже упомянули о трудахъ Ильминскаго. Вотъ примѣры—и имъ остается только послѣдовать. У частнаго человѣка въ школѣ—«свой глазъ» и онъ «до всего дойдетъ»: такимъ образомъ здѣсь меньше поле для слѣпоты, невѣдѣнія—чѣмъ страдаетъ по отношенію къ внутренней жизни школы администрація оффиціальная; но и, кромѣ того, — съ частнымъ человѣкомъ уже «договорится» городъ и «сговорится» о томъ, что ему нужно; да кстати и присмотритъ за исполненіемъ договора опять «своимъ глазомъ». Такимъ образомъ, въ противоположность государственной школѣ, гдѣ все номинально, здѣсь каково-бы все ни было—станетъ все реально.

СЕМЬЯ, КАКЪ ИСТИННАЯ ШКОЛА.

Только что (февраль 1897 г.) появилось въ печати важное сообщеніе: министерство народнаго просвѣщенія, отдавая, очевидно, преимущество домашнему воспитанію передъ школьнымъ, распространило правила объ испытаніи лицъ, проходящихъ дома гимназическую программу, съ восьмого класса, гдѣ эти испытанія были допущены, на всѣ восемь, гдѣ раньше они не практиковались, и при томъ для школъ обоихъ типовъ—классическаго и реальнаго, и всѣхъ степеней — гимназіи и прогимназіи. Правила приспособлены такъ, что мальчикъ (и, вѣроятно, дѣвочка, для женскихъ гимназій это еще существеннѣе), занимаясь зиму дома, подъ надзоромъ семьи и при ея помощи, является весною въ гимназію только для того, чтобы сдать переходный экзаменъ въ слѣдующій классъ,—и такъ до окончанія курса. Гимназія является помощницею семьи въ томъ отношеніи, что раздѣляетъ ея работу на восемь годовыхъ темповъ, и каждый годъ зарегистровываетъ эту работу, свидѣтельствуетъ ее и, при доброкачественности, дѣлаетъ ненужнымъ ея повтореніе. Семья, да и готовящійся такимъ способомъ юноша, избавляются теперь отъ вѣчно тяготѣвшаго надъ ними страха, что вотъ черезъ восемь лѣтъ труда этотъ трудъ вдругъ окажется не годнымъ, и юноша—безъ всякихъ путей передъ собою въ жизнь, непоправимо погубленнымъ. Этотъ страхъ гналъ до сихъ поръ къ школѣ всякаго; гналъ какъ можно ранѣе, съ лѣтъ почти еще не окончившагося дѣтства.

Вотъ то, что можно назвать культурною работою въ сферѣ школьнаго вопроса: это уже не коротенькое по мысли передвиганіе програмокъ, перестанавливаніе предметовъ — это, наконецъ, цѣльное воззрѣніе на школу, цѣлое міросозерцаніе, изъ коего какъ деталь, какъ одна и первая пока подробность, выпадаетъ важная

практическая мѣра Можно, въ чаяніяхъ лучшаго будущаго, наконецъ облегченно вздохнуть.

I

Мы уже упоминали ранѣе, быть можетъ не ясно развивъ и утвердивъ свою мысль, объ анти-культурномъ, противуцивилизующемъ дѣйствіи новой школы, и тамъ-же оговорили, что это ея дѣйствіе обнаруживается въ косвенныхъ, боковыхъ вліяніяхъ на великіе факторы исторіи—религію, семью, нѣкоторые другіе. Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, семью. Читатель едва-ли знаетъ, но мнѣ извѣстно, что при нѣкоторыхъ гимназіяхъ (женскихъ) существуютъ такъ-называемые подъ-приготовительные классы. Школа вобрала въ себя весь возрастъ дѣвочки отъ 8 до 17—18 лѣтъ (при оставленіяхъ на «повторительные курсы»), равно относительно мужского населенія—весь возрастъ мальчика. Семьѣ оставленъ только трудъ родить и дать «первое молочко», пожалуй «первое молочко» и кой-какого ученія, однако быстро обрываемаго, отъ 9 лѣтъ она уже даетъ своему ребенку только ночлегъ, на вечеръ — комнату и керосиновую лампу, по утру — чай, и ѣду — въ 3 часа. Семья превращена въ квартиросодержаніе собственнаго сына или дочери, гдѣ «права» квартиросодержащихъ оборваны и вообще во всемъ отступаютъ передъ требованіями школы, каковы-бы и въ чемъ-бы они ни заключались. Семья опустѣла и запустѣла, она немножко развратилась, она во всякомъ случаѣ стала безсодержательна и какъ-бы даже нѣсколько глупа, т-е. опять немного, чуть-чуть, но это такой огромный культурный факторъ, гдѣ и «чуть-чуть» отзывается послѣдствіями, коихъ не загладить отличнымъ зубреніемъ самыхъ «одобренныхъ» учебниковъ по самымъ хитро-придуманнымъ программамъ

Семья, во взрослыхъ ея членахъ, и особенно въ женскомъ составѣ, стала нѣсколько праздна; во всякомъ случаѣ, она перестала согрѣваться, ибо именно дѣти-то и согрѣваютъ семью. Посмотрите, какъ скучно и безъ-уютно въ бездѣтныхъ семьяхъ. Неуловимо, но ребенокъ также воспитываетъ взрослаго, какъ и воспитывается имъ. Онъ отъ взрослаго получаетъ факты, знанія, поученія (самая печальная и, при неумѣньи, безполезная сторона воспитанія), но своею невинностью, веселостью, играми, забавами и, наконецъ, зарождающимися пороками, онъ его воспитываетъ, а въ послѣднемъ—и угрожаетъ. Все полно мысли, выразительности, тревогъ и страха,—все полно содержанія, одухотворенности. Теперь все это взяла школа, оставивъ семьѣ механическую часть воспитанія: во время накормить, во время разбудить по утру, чтобы не опоздалъ къ «молитвѣ передъ ученьемъ», по осени — купить учебники, а по веснѣ, для лучшихъ матерей,—помолиться тайно, чтобы

вотъ Сережа не провалился на греческомъ или по алгебрѣ. Все покачнулось неуловимо, мало, но безспорно—въ сторону ложнаго. И, въ то-же время, отъ той-же причины, гимназіи переполнены до невозможности: учителя выбиваются изъ силъ, чтобы «выспросить уроки» въ людномъ классѣ (т.-е. поддержать падающихъ, слабѣющихъ учениковъ), и «разучиваніе въ классѣ задаваемаго назавтра урока» (объ этомъ много пишутъ) есть пустая и обманчивая фикція, которою утѣшаютъ себя учебные округа, о чемъ сочиняются иногда статейки въ педагогическихъ журналахъ, всегда упоминается въ «Отчетахъ», но что нигдѣ и никѣмъ не выполняется за всерѣшающимъ, всеопредѣляющимъ: «некогда» (въ 55-минутный урокъ).

Послѣднее, т.-е. отсутствіе вездѣ и повсюду этихъ «разучиваній», такъ важно, что два слова слѣдуетъ сказать о немъ, чтобы доказать его. Минуты двѣ уходитъ на отмѣчанье «не бывшихъ въ классѣ учениковъ» и внесеніе задаваемаго урока въ графу журнала: далѣе—спрашиваніе уроковъ: легко «читать лекціи» въ гимназіяхъ, но это недобросовѣстно,—нужно много и обильно спрашивать, возвращаться къ ранѣе, еще въ началѣ года, пройденному, и спрашивать уроки нужно у плохихъ (слабѣющихъ, падающихъ) учениковъ, т.-е. выжидать ихъ запинки, выжидать молчаніе и «припоминаніе», «наводить» на правильный отвѣтъ. И спросить такъ, добросовѣстно и работая надъ ученикомъ, 4—5 изъ нихъ — значитъ потратить minimum 30 минутъ; въ старшихъ классахъ—значитъ потратить 40 минутъ; остается отъ 13 до 23 минутъ для «разучиванья урока на завтра». Тутъ сейчасъ можно сдѣлать обманъ, или—дѣло, и послѣднее окажется невыполнимо. Именно, разучивать урокъ на завтра слѣдуетъ, конечно, со слабыми учениками, которымъ на завтра учить особенно трудно учить его: но они не понимаютъ объясненія, не очень памятливы, все разучиванье идетъ шершаво, пугаетъ ученика (обнаруживая незнаніе пройденнаго), раздражаетъ учителя, и, понятно, что «разучить» его съ 15—20 учениками люднаго класса, такъ чтобы имъ всѣмъ на завтра пришлось лишь дома «повторить» собственно пройденное въ классѣ—въ 20 минутъ, или еще въ 13, не возможно Но можно эффектно сдѣлать видимость того-же дѣла: вызвавъ лучшаго ученика, вызвавъ его къ доскѣ, для лучшаго вниманія всего класса, пройти съ нимъ слѣдующій урокъ, объяснить теорему или сдѣлать примѣрную задачу, показать мѣста на картѣ, и особенно если учитель при этомъ внушаетъ, подсказываетъ почти отвѣты, а ученикъ только киваетъ головой или повторяетъ, выразительно смотря глазами, полупонятыя и вовсе непонятыя слова,—безъ раздраженія и къ общему удовольствію, но и безъ всякой пользы, «разучиваніе» совершилось.

Но это—деталь школьной техники. Мы говоримъ о великомъ культурномъ значеніи выступленія семьи, какъ школы.

Намъ говорили, и много разъ (по школьному-же вопросу): «семья развращена», «ей ничего нельзя довѣрить». Да, но не развращайте-же ее еще больше, отбирая отъ нея выполненіе долга, отбирая это выполненіе ранѣе самаго испытанія. ибо вы уже а priori предполагаете семью развращенною, когда вбираете ея дѣтей въ подъ-приготовительный или приготовительный классъ. И потомъ, будьте правдивы· семья развращена, но она не болѣе развращена. чѣмъ школа,—умѣйте только быть безпристрастными. Въ ней есть всетаки нѣкоторая любовь: все-же больше любви, чѣмъ между учителемъ и ученикомъ, не связанными ничѣмъ, кромѣ большой и маленькой службы, съ обѣихъ сторонъ — въ мундирѣ; есть хоть доля правдивости отношеній — все-же большая доля, чѣмъ въ приготовленіи уроковъ по подстрочникамъ. Рожденіе, обоюдность общенія съ первыхъ мѣсяцевъ жизни и до 8—9 лѣтъ— это все-же фактъ, положительное значеніе котораго неизгладимо во всякой семьѣ, и коего нѣтъ ни въ какой школѣ. Все здѣсь теплѣе, интимнѣе, хоть чуть-чуть правдивѣе, и вотъ уже почему— все здѣсь воспитательнѣе. Наконецъ, семья—всякая семья, передъ дѣтьми сожмется, выправится, пообчистится — неудержимымъ инстинктомъ, неудержимою потребностью, чувствомъ самаго элементарнаго, почти животнаго стыда Это общій законъ, что въ данную культурную эпоху, по мѣрѣ ея общей высоты или, напротивъ, общаго паденія,—семья все-же держится на нѣсколько высшемъ уровнѣ, чѣмъ школа, по мистическимъ задаткамъ, въ ней даннымъ, и которые отсутствуютъ совершенно въ школѣ.

II.

Семья согрѣется и просвѣтлѣетъ дѣтьми, разъ перестанетъ давать имъ только квартиру и столъ, разъ почувствуетъ ихъ живыми и постоянными въ себѣ членами, вынужденно зорче, трудолюбивѣе станетъ въ ней жизнь взрослыхъ. Но и относительно самихъ дѣтей лишь семья, лишь она одна можетъ воспитать въ дѣтяхъ существеннѣйшія стороны культуры, привить ея самыя одухотворенныя, эфирныя частицы. Мы говоримъ о всемъ неуловимомъ, правдивомъ, религіозномъ, поэтическомъ, чего-бы оно ни коснулось: знанія, церкви, самой школы, отечества, этой-же семьи. Во всемъ есть двѣ стороны: внѣшняя и механическая, внутренняя и субъективная. По самымъ элементамъ школы — урокъ, учебникъ, учитель, выслуживающій «25 лѣтъ», — для этихъ элементовъ доступна работа только надъ внѣшними и механическими сторонами образованія. Выучить по катехизису столько-то страницъ, не забыть пройти Пуническія войны, неопредѣленныя уравненія — она можетъ; но то, для чего все это, самая цѣль «прохожденія», т.-е., напр., вѣра и вытекающая изъ нея молитва, любовь къ отечеству

и подвигъ, неясный трепетъ передъ таинственными высотами науки—это недоступно ей по самому существу черствыхъ, нѣсколько деревянистыхъ элементовъ, изъ коихъ она сложена и всегда останется сложена. «Знаетъ» цѣлое богословіе и не вѣритъ ему нисколько—вотъ обыденный фактъ школы, ея эмблема до извѣстной степени. Такъ во всемъ. Фальстафъ—въ жизни, на урокахъ — римлянинъ.

Онъ въ Римѣ былъ-бы Брутъ, въ Аѳинахъ—Периклесъ

— увы, мы знаемъ, насколько—«былъ-бы ..»

Конечно, странно, какъ семья можетъ привить патріотизмъ или религіозность болѣе, чѣмъ школа? Она этого прямо и не сдѣлаетъ: она дастъ просторъ для этого, она дастъ теплую среду для зарожденія и воспитанія всего подобнаго, что по неуловимой природѣ своей и вообще зарождается въ человѣкѣ какъ-то невидимо, всегда почти случайно, всегда не предугадываемымъ способомъ. Школа, грубо стуча уроками и учебниками, не даетъ среды для этого: прогоняетъ шумомъ и суетливостью мысль о всемъ подобномъ; напротивъ, семья самою безшумностью своею, мягкостью всѣхъ отношеній, непрерванностью всѣхъ впечатлѣній, разрыхляетъ, приготовляетъ почву правда не создавая сѣмени. Сѣмя въ безвѣстности приходитъ, какъ? откуда?—это Божія тайна, тайна воспитанія всѣхъ замѣчательныхъ людей, въ біографіяхъ которыхъ иногда путемъ кропотливѣйшихъ изслѣдованій мы все-таки не въ силахъ открыть, откуда взялась та или эта замѣчательная въ нихъ черта: откуда въ Черняевѣ героизмъ. въ Ломоносовѣ порывъ бѣжать въ Москву за ученьемъ—этого никто не знаетъ. Но оставляйте мальчика (или дѣвочку) иногда наединѣ, не вмѣшивайтесь слишкомъ и постоянно въ жизнь ихъ: если въ нихъ есть что-нибудь особенное, при этихъ условіяхъ оно наилучше выростетъ. Но, ради Бога, не берите у нихъ всѣ 15—16 часовъ бодрствованія и не распредѣляйте ихъ· часъ сюда-то, другой — туда-то, третій—на это и т. д.,—ничего по этому методу не выйдетъ, не выйдетъ даже изъ Ломоносова. Школа именно это дѣлаетъ,—семья именно этого не можетъ, не съумѣетъ сдѣлать и, по естественной жалости, по зоркости къ вотъ тутъ, на ея глазахъ, происходящему, не захочетъ сдѣлать.

Возьмемъ, чтобы не распространяться, только одинъ фактъ: это—«вожденіе» гимназіи, подъ надзоромъ классныхъ наставниковъ, въ церковь. Я наблюдалъ, что горожане не любятъ посѣщать ту церковь, куда приводятся гимназисты, не смотря на лучшій иногда въ городѣ «хоръ» ихъ. Церковь почти пуста въ другихъ частяхъ своихъ, и только передъ алтаремъ, вытянувшись въ продолговатую колонну, стоятъ гимназисты. Не буду говорить о подробностяхъ, которыя—стоя, по должности, сзади—приходилось наблюдать (щелканье подсолнечниковъ—не рѣдкая вещь). Но въ

общемъ никто и рѣшительно нисколько не молится, всѣ только «стоятъ» Но почему, однако? Да есть общая психическая атмосфера здѣсь, не допускающая Ваню или Колю молиться; есть нѣкоторый темпъ духовный, вотъ у этихъ 300 мальчиковъ, въ общемъ конечно,—темпъ не порывающійся къ молитвѣ, усталый, скучающій, иногда раздраженный или смѣющійся, и отъ плеча къ плечу, безъ словъ и безъ жестовъ, онъ передается. Когда товарищъ незамѣтно показываетъ товарищу щель кармана, тотъ безъ переговоровъ знаетъ, что тамъ лежатъ подсолнечники и ихъ можно взять; если онъ наводитъ глазомъ куда-то въ сторону, значитъ тамъ есть что нибудь любопытное. И въ церкви, въ $1^3/_4$—2 часа литургіи, есть жизнь, своеобразная и безмолвная. но она ничего общаго не имѣетъ съ церковью, о ней забыли и вспоминаютъ только, когда приходится раздвигаться передъ священникомъ, передъ діакономъ, предносящимъ свѣчу. Теперь представимъ того-же Ваню или Колю, ну, раза три въ зиму, и случайно, безъ всякой мысли забредшимъ въ церковь, къ херувимской или даже «Вѣрую». Хоть полчаса, но есть молитвы; все-таки нѣтъ кощунства, нѣтъ для него почвы и атмосферы. Онъ теперь стоитъ въ толпѣ 300 человѣкъ, болѣе его религіозныхъ, и темпъ ихъ настроенія господствуетъ надъ его единичнымъ настроеніемъ; онъ его заражаетъ, онъ его можетъ подчинить. *Чуточка* религіознаго, но она *есть*, и опять есть въ такомъ громадномъ дѣлѣ, гдѣ все малое — многозначительно. Примѣняя извѣстную притчу, мы можемъ сказать, что здѣсь нѣтъ сорныхъ заглушающихъ травъ, нѣтъ «птицъ», расклевывающихъ «брошенное при дорогѣ зерно». И Богъ вѣсть какой возгласъ священника можетъ запасть въ душу; Богъ вѣсть, не западетъ-ли въ нее примѣръ молитвы вотъ этого мѣщанина, недавно похоронившаго ребенка или жену.

III.

Нѣсколько практическихъ замѣчаній. Гимназія должна стать регистрирующей, пособляющей, указывающей школою въ центрѣ цѣлаго міра семей-школокъ. Но семья, будучи даже совершенно образована, въ техникѣ обученія тѣмъ не менѣе неизмѣримо слаба. Мнѣ приходилось наблюдать (въ провинціи, и даже довольно глухой), какъ многія матери, зная начертанія только французскихъ буквъ, проходятъ съ сыновьями 1-й и 2-й классъ латыни, спрашивая по книгѣ склоненія и спряженія, спрашивая слова. Жажды помочь—бездна, но средствъ помочь — мало. Мнѣ думается, что полезнѣе всякихъ наукъ, въ виду будущаго материнства, въ женскихъ гимназіяхъ давать элементы латыни, греческаго языка, алгебры,—самое нужное, за что современемъ онѣ безгранично возблагодарятъ школу, когда будутъ на этихъ эле-

ментахъ спотыкаться ихъ птенцы. Всѣ такъ называемыя «гигіены» и физики, излишества богословія и древне римскія учрежденія — одна «мораль»: дѣвочка въ 14 лѣтъ еще играетъ въ куклы, и вотъ, уложивъ ихъ спать. поспѣшно учитъ объ аграрныхъ законахъ Лициніи (4-й классъ); два Гракха убиты, а на завтра мамины имянины и будетъ пирогъ съ вязигой. Кто это наблюдалъ, такъ сказать съ задняго крыльца жизни, для того сумбуръ и рѣшительное развращеніе дѣтскаго ума широкими программами—безспорно. несомнѣнно, ужасающе. У дѣвочки уже образовалось малокровіе, докторъ требуетъ, чтобы на годъ она совсѣмъ оставила ученіе, но, по обстоятельствамъ семьи, это невозможно; полчаса двѣнадцатаго, и съ сильнѣйшей головной болью, совершенно не гулявъ за день, она доучиваетъ урокъ по педагогикѣ, гдѣ написано, что переутомлять способностей не нужно, или по гигіенѣ, гдѣ написано о чистомъ воздухѣ и необходимости достаточнаго сна. Ложь всего этого бьетъ въ голову, какъ только вы выходите изъ класса, забываете парты,

перстъ указательный, всѣ признаки ученья...

Итакъ, будущія матери возблагодарятъ тысячекратно школу, если, отбросивъ законы Клисѳена, она дастъ возможность ей современемъ хорошо пройти со своимъ мальчикомъ первое латинское склоненіе; мальчикъ не оборвется на урокахъ; она за нимъ уже достаточно строго посмотритъ и предупредитъ вынужденную хитрость передъ учителемъ первый обманъ — всегда обманъ изъ страха; наконецъ сама будетъ занята. Со всѣхъ сторонъ польза. Но, затѣмъ, для домашнихъ силъ гимназическая программа все-таки чрезмѣрна. Здѣсь требуется, чтобы гимназія была подвижна, гибка, приспособляема къ разнообразію волнующейся около нея жизни, т.-е., попросту, она должна имѣть очень умнаго и добросовѣстнаго директора, и этому директору должна быть дана большая свобода.

Всѣ, такъ называемые «русскіе предметы», т.-е. весь курсъ гимназической программы, за исключеніемъ математики и языковъ, проходятся — и могутъ быть пройдены до завершенія — дома не только безъ труда, но и неизмѣримо тщательнѣе, безъ зіяній невѣжества, какія бываютъ у каждаго ученика гимназіи, приступающаго къ испытанію зрѣлости. Но математика и языки—недоступны для семьи. *Подвижная гимназія* въ томъ можетъ выразить свою подвижность, что, продолжая по остальнымъ предметамъ лишь зарегистровывать весною зимнюю работу семьи, по тѣмъ предметамъ, въ коихъ семья ничего не можетъ сдѣлать, можетъ считать мальчика или дѣвочку полнымъ своимъ ученикомъ; т.-е. иначе говоря, такъ какъ дѣтей, дома занимающихся, непремѣнно будетъ много, такъ какъ недоступные для семьи предметы немногочисленны

и будутъ для всѣхъ семей одни и тѣ-же, — гимназія безъ затрудненія можетъ открыть, напр., въ IV—VIII классахъ, вечернія занятія по древнимъ языкамъ и математикѣ.

Нужно замѣтить, въ гимназіи теперь все какъ-то неудобно расположено: лучшее для усвоенія время — утреннее, проходитъ въ апатичномъ сидѣньи на урокахъ, гдѣ, по объясненному выше механизму урока, хорошо приготовившему дома урокъ нечему научаться, а неприготовившій вовсе урока не научается потому, что не понимаетъ классной работы и обыкновенно только боится, какъ-бы его не вызвали къ отвѣту. Напротивъ, въ вечернее время, при нѣсколько утомленныхъ силахъ, по крайней мѣрѣ физическихъ, и при необходимости нервнаго успокоенія передъ сномъ (условіе хорошаго сна), мальчикъ или дѣвочка усиленно работаютъ; они въ это только время и усваиваютъ и засыпаютъ возбужденные, нерѣдко раздраженные, взволнованные неудачею («не вышла задача»). Уроки школьные неизмѣримо полезнѣе было бы перенести на вечеръ или на послѣ-обѣденное время, отдавъ утро самой активной работѣ — приготовленію уроковъ. Въ младшихъ классахъ, по понятной причинѣ, этого нельзя сдѣлать, и вотъ еще почему истиннымъ благодѣяніемъ было-бы, еслибъ семья педагогическою работою своею вытѣснила совершенно эти классы; но въ старшихъ классахъ занятость вечера въ гимназіи была-бы благодѣтельна и по побочнымъ соображеніямъ, которыя здѣсь излишне объяснять.—и именно на поздній часъ вечера, непосредственно передъ сномъ, могли-бы быть перенесены тѣ 2 или 3 урока по математикѣ и языкамъ, которыя пополняли-бы самостоятельную и вообще домашнюю работу юноши.

IV.

Да проститъ читатель мимолетное отступленіе. Въ «Военно-полевой хирургіи» покойнаго Пирогова, на первыхъ-же страницахъ и раньше объясненія всякихъ частныхъ болѣзней и способовъ ихъ леченія, развивается понятіе особой, специфической предрасположенности къ дурному теченію и неблагопріятному исходу болѣзней въ огромныхъ госпиталяхъ, и о томъ, что, при всѣхъ неудобствахъ, бѣдности, недостаточности средствъ, въ легкихъ баракахъ, не имѣющихъ специфическаго этого яда, леченіе идетъ лучше. Это въ высшей степени примѣнимо къ школѣ: берегите маленькія школки, плодите ихъ, и недовѣрчиво смотрите на всякую огромную, въ 2—3 этажа, педагогическую махину, со многими сотнями учениковъ, десятками учителей. Можно быть увѣреннымъ, всѣ недостатки школы здѣсь есть въ увеличенномъ видѣ, «теченіе всѣхъ болѣзней—дурно». Я говорю это къ тому, чтобы внушить читающему мысль, до какой степени не только допустимо, но и желательно развитіе между гимназіей

и семьею частныхъ школокъ, съ оборванными программами, съ неполнотою въ проходимыхъ предметахъ, такъ-сказать ½—¼ гимназіи, руководимой частнымъ учителемъ, гдѣ семья находила-бы помощь своей работѣ, могла-бы получить то пособіе, напр., въ математикѣ и языкахъ, котораго не въ силахъ сама оказать. Въ такой школѣ всякій недостатокъ ученика рано виденъ, во время можетъ быть поправленъ, всякая мать въ такую школу можетъ прійти съ указаніемъ необходимости обратить вниманіе на этотъ или тотъ недостатокъ сына. Здѣсь возможно общеніе, которое въ сущности невозможно между семьею—слишкомъ малымъ міромъ, и гимназіей—міромъ слишкомъ большимъ и сложнымъ, «высокоумнымъ». Если такія школы будутъ руководиться не кандидатами университетовъ (хотя почему-же нѣтъ?), недостатка въ нихъ не будетъ: кто знакомъ съ постановкою учебнаго дѣла въ гимназіяхъ, наблюдалъ вѣроятно, до какой степени часто учителя, приближающіеся къ типу «ученаго», страдаютъ недостатками какъ педагоги, и какъ часто учителя, еле-еле окончившіе курсъ университета, и иногда въ немъ вовсе не бывшіе, бываютъ виртуозами-педагогами, передъ коими «ученые»—если они въ то-же время и умны — преклоняются съ удивленіемъ и истиннымъ уваженіемъ. Даже какъ-то, почему-то, «ученость» и «педагогичность» чаще всего обратно пропорціональны—вопросъ тонкой и сложной психологіи, который здѣсь мы не будемъ разбирать.

Вотъ, въ общемъ, картина постановки обученія въ городѣ, менѣе правильная (регламентированная), но болѣе живая, одухотворенная, болѣе разнообразная и волнующаяся, чѣмъ теперь. Обученіе должно какъ-бы пронизывать жизнь, а не стоять въ сторонѣ отъ нея чѣмъ-то отдѣльнымъ, какою-то скалою привиллегій, которыхъ всѣ добиваются. Трудится семья, трудится все общество, трудятся дѣти—около взрослыхъ; все серьезно, пусть даже будетъ все немножко сурово: отъ этого оно не перестанетъ быть истинно воспитательно и слѣдовательно культурно.

ГРАНИЦЫ ЗАКОНА.

Гдѣ это счастливое время, когда учились и не спрашивали себя: «по какому уставу мы учимся»? Любили учителей своихъ и не задумывались «по которому § мы ихъ любимъ»?

Мысль эта невольно шевелится гдѣ-то въ темныхъ уголкахъ ума, пока мы съ интересомъ пробѣгаемъ съ разныхъ сторонъ поднявшіяся изъ профессорской корпораціи сужденія объ уставахъ 63-го и 84-го годовъ. Много цѣннаго было высказано въ этихъ сужденіяхъ; и особенно важно, что это былъ голосъ людей, не только испытавшихъ на себѣ практически дѣйствіе обоихъ уставовъ, но—да будетъ прощено грубое выраженіе—и протащившихъ на себѣ всѣ ихъ параграфы, примѣчанія и подъ-примѣчанія. Конечно, шероховатость этихъ правилъ и даже частичную ихъ нелогичность они почувствовали не только тонко, но и мѣстами нервно, до мучительности больно. Всего правильнѣе, кажется, оцѣнка—и отрицательная — устава 1884 года. Этотъ уставъ—плохое extemporale, списанное нами у Пруссіи, съ его замѣной вѣковыхъ 4-хъ курсовъ восемью полугодовыми семестрами, и съ переименованіемъ «кандидатовъ» въ «студентовъ 1-го разряда», мы не продолжаемъ далѣе... конечно, этотъ уставъ не могъ-бы мыслью своею, своимъ точнымъ содержаніемъ отвѣтить ни на одинъ вопросъ, почему именно то или это стоитъ въ немъ такъ, а не совершенно иначе? Нужна была перемѣна, ибо курсъ политической, а слѣдовательно и умственной, жизни мѣнялся или долженъ былъ быть измѣненъ,—и перемѣна, какая-нибудь, была произведена. Никакой органической работы не было въ нее положено; даже никакой оригинальной мысли,—кромѣ съуженія однихъ ранговъ, расширенія другихъ, перемѣны въ срокахъ.

Много значительнаго высказано было, повторяемъ, съ разныхъ сторонъ, и особенно хочется отмѣтить намъ статьи г. Н. Г. съ его мыслью о своеобразіи русской университетской жизни, и особенно г. Стараго профессора съ его еще болѣе многоцѣннымъ указаніемъ на гибельность служебныхъ «преимуществъ», связанныхъ съ университетскимъ образованіемъ, ради которыхъ теперь, а вовсе не изъ рвенія къ наукѣ, и отбывается «ученая повинность» «созрѣвшимъ» въ гимназіяхъ юношествомъ. Но все-таки—«уставъ» и «уставъ»; друзья мои: гдѣ-же человѣкъ, почему вы ничего не надѣетесь отъ человѣка?

Государство и его регламентація, параграфы и параграфы; еще коммиссія и опять законъ, и... мы надѣемся, что мы расцвѣтемъ. Не обманъ-ли это? не мертвы-ли мы? Будемъ мужественны, будемъ смотрѣть мужественно въ глаза правдѣ.

Все — «государство», и ничего—«мы». Пощадите; пощадите. наконецъ, государство, на которое сыплются требованія со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ сторонъ сыплются обвиненія,—и оно, робко отступая передъ обвинителями, глубже и глубже зарывается въ вороха бумагъ...

I.

Отвергнетъ-ли кто, что золотая пора русской университетской жизни была пора, когда всходили на каѳедру Грановскій, Кудрявцевъ, Кавелинъ, Соловьевъ? Но при какомъ это было уставѣ, въ какіе годы? Въ суровую пору Николаевскаго царствованія, въ концѣ 40-хъ годовъ, когда правительственная реакція была особенно мрачна и на горизонтѣ университетской жизни не только не показывался уставъ 63 года, но его и не предугадывалъ никто. Но былъ человѣкъ; этотъ человѣкъ былъ графъ Строгановъ. Европейски образованный, любя—и не любовью диллетанта, а работника—науку, онъ распространилъ вокругъ себя атмосферу этой любви. Ежедневно онъ бывалъ въ университетѣ и слушалъ лекціи, не для того, чтобы «выслѣдить» духъ, но чтобы научиться самому, чтобы сочувствовать доброму, чтобы мысленно, въ предвидѣніи будущаго, порадоваться за студентовъ. Онъ самъ всегда присутствовалъ и на экзаменахъ и зорко высматривалъ талантливыхъ студентовъ. Всякій даръ зналъ, что на него устремлено вниманіе; всякая бездарность тоже знала, что и на нее обращено вниманіе. Не было приказаній; но все вздымалось кверху, въ лучшія и лучшія сферы, вслѣдъ за истинно просвѣщеннымъ и истинно благороднымъ человѣкомъ; и.—мы не знаемъ, но какъ-то догадываемся, что въ эти счастливые и краткіе дни и каѳедра, и парта забыли, по какому они «уставу» существуютъ...

Границы закона—узки. Мы должны, наконецъ, сознать, что государство имѣетъ свою опредѣленную природу, и, сколько-бы ни

усиливалось, не можетъ переступить естественныхъ ея предѣловъ, какъ и человѣкъ никогда не можетъ перепрыгнуть черезъ свою тѣнь. Государство есть только форма, оболочка, но не живой духъ. Въ немъ нѣтъ вообще ничего субъективнаго; и какъ творческимъ можетъ быть только живой субъектъ—въ государствѣ нѣтъ и не можетъ вовсе быть ничего творческаго. Это—бѣдный часовой, который стоитъ на стражѣвсѣхъ насъ,—блюдетъ, чтобы мы не передрались, чтобы не разбѣжались, не начали похищать другъ у друга имущества, наконецъ—и это уже самая тонкая его работа—чтобы мы не мѣшали другъ другу. И только: роль чисто охранительная, строго консервативная Сдѣлать насъ художниками... что тутъ можетъ бѣдный часовой? поэтами, мыслителями... онъ не понимаетъ вовсе этого. Мы собираемся въ universitas litterarum и не занимаемся наукой — онъ безмолвствуетъ, мы начинаемъ заниматься политикой, пытаемся вырвать у него ружье· тутъ онъ начинаетъ понимать, это входитъ въ его компетенцію,—и онъ насъ отталкиваетъ въ сторону.

Вотъ природа вещей, изъ которой мы никогда не выйдемъ. Бездна несчастій вытекаетъ изъ того, что, не понимая этой природы, мы пытаемся на себя взять обязанности государства, а свои обязанности пытаемся возложить на государство. И такъ какъ мы, отдѣльные люди, вообще болѣе одухотворены, чѣмъ оно, болѣе гибки, болѣе творцы и изобрѣтатели въ сферѣ мысли,—то, вообще говоря, мы успѣваемъ убѣдить его въ томъ, что составляетъ бѣдственнѣйшую изъ нашихъ иллюзій, и отсюда — конвульсивныя его усилія что-то сдѣлать изъ того, что мы ложно требуемъ; и совершенное безсиліе это сдѣлать, такъ какъ требуемое противорѣчитъ его природѣ.

II.

Но вотъ другое дѣло—государственный человѣкъ Правда, онъ стоитъ при уставѣ и, какъ будто, только блюдетъ его §§. Но, благодаря необъятной сложности, истинно мистической глубинѣ новой цивилизаціи, построенной на началахъ римскихъ, греческихъ, іудейскихъ и, наконецъ, на Откровенной истинѣ, новый человѣкъ—если онъ сколько нибудь стоитъ въ уровень съ цивилизаціей, къ которой принадлежитъ,—входитъ въ государство лишь незначительною своею частью и въ остальныхъ частяхъ существа своего есть свободный творецъ, есть или можетъ быть художникъ. Цезарь или Ѳемистоклъ были истинно бѣдны и немощны передъ сколько-нибудь даровитымъ человѣкомъ нашего времени. Они знали свою республику, холодная и внѣшняя религія ихъ ни на что не одушевляла; древній человѣкъ былъ весь до извѣстной степени блестящая оболочка, чешуйка на шкурѣ красиваго животнаго, какимъ было его отечество, всякое отечество древности. И, поставленный

при «уставѣ», такой человѣкъ могъ или строго соблюсти его, или, опять въ законодательномъ порядкѣ, нѣстолько передвинуть его параграфы. Не отсюда-ли въ древнемъ мірѣ эта неизмѣримо большая исполнительность въ законѣ? эти «кровавые законы» Драконапусть это легенда, но характерно, что она была: этотъ должникъ, разрубаемый на части, которыя отдавались кредиторамъ въ процентномъ отношеніи его долга: это уже фактъ. Потерявъ законъ древній человѣкъ терялъ все и онъ дорожилъ имъ, какъ единственною почвою подъ своими ногами, какъ единственнымъ методомъ, по которому умѣлъ и могъ дѣйствовать. Но новый человѣкъ—онъ христіанинъ раньше, чѣмъ гражданинъ, онъ художникъ или мыслитель—и опять это съ большею любовью, чѣмъ чиновникъ (дѣятельный членъ государства). Умѣйте-же пользоваться этимъ; эксплоатируйте эту сложность и глубину новаго человѣка, обратите вниманіе, что изъ него можетъ забить фонтанъ идей, порывовъ, дѣлъ,—и, не закрывая этого фонтана, предугадайте силу и направленіе его, и, все разсчитавъ, дайте ему свободу.

Цезарь, этотъ *мертвый* Цезарь—какъ проникновенно понялъ его Тургеневъ въ «Призракахъ»—не улыбнулся-бы и не сморщился, какъ-бы и что профессора ни читали въ университетѣ, какъ-бы и что тамъ ни дѣлали студенты, лишь-бы они не подавали голоса въ комиціяхъ· онъ не умѣлъ сорадоваться; тайна сочувствія—это тайна новаго міра; притягательныя силы — это силы, открывшіяся человѣку съ христіанствомъ, и которыми обильно отъ него напоена новая цивилизація Университетъ—universitas litterarum, какъ и вообще наука, какъ все духовное, въ томъ числѣ напримѣръ и церковь, весь построенъ на этихъ силахъ. И, можетъ быть, вотъ объясненіе, что университетъ мы встрѣчаемъ въ первыя-же поры европейской образованности, и самая идея его никогда даже не зарождалась въ античномъ мірѣ. Тамъ были академіи, школы Аристотеля или Платона, библіотеки—какъ Александрійская, и не было ничего подобнаго этому духовному рыцарству, со своими особыми турнирами-диспутами, со своимъ аскетизмомъ, даже со своими мучениками,—ничего аналогичнаго этимъ новымъ и страннымъ «братствамъ о наукѣ», которыя въ такой же безвѣстной почти дали, какъ и «судъ 12-ти присяжныхъ», зародились во всѣхъ большихъ и живыхъ центрахъ Запада, обросли обычаемъ, сложились въ своеобразный міръ и продолжаютъ сохраняться до нашего времени, правда все болѣе теряя главную мысль свою.

III.

Нужно поддержать эту мысль въ древнемъ и нѣжномъ учрежденіи,—и всего менѣе это можно сдѣлать путемъ новыхъ и новыхъ уставовъ. Мы обмолвились о судѣ присяжныхъ—учрежденіи почти

столь же древнемъ въ Европѣ, какъ и университетъ. Вотъ еще аналогія, которая можетъ съ новой стороны показать намъ, что нашъ міръ совершенно отличенъ отъ древняго въ самыхъ методахъ жить, дѣйствовать, улучшать,—что исканіе человѣка есть такая же вѣчная потребность въ немъ и единственный путь прогресса, какъ исканіе закона было единственнымъ путемъ прогресса въ старомъ мірѣ. Въ чемъ главная суть этого суда—особенно ясная, если мы его сравнимъ съ римскимъ подведеніемъ проступка подъ всѣмъ извѣстную и данную ранѣе юридическую норму? Да въ томъ, что «присяжники» судятъ не по закону непремѣнно и даже иногда—безъ закона; что они являются живымъ субъектомъ правды, и творятъ фактъ—оправданія или присужденія—изъ себя, а не берутъ этотъ фактъ извнѣ, что законъ, никогда и нигдѣ не написанный («убійца—не виновенъ»), какъ бы вырастаетъ изъ нихъ въ самый моментъ суда и только для этого момента,—и скрывается, какъ только они расходятся. Перевѣсъ данъ лицу—перевѣсъ передъ объективною дѣйствительностью, передъ написаннымъ закономъ, передъ самымъ государствомъ, какъ слѣпою формой и его постоянною жаждой ничего не простить, «воздать коемуждо по дѣломъ». Какимъ абсурдомъ этотъ судъ показался-бы въ Римѣ! какимъ абсурдомъ было-бы довѣрить такъ судить Цезарю, не пробужденному еще, глухому, безъ тревогъ совѣсти, которыя узналъ христіанскій міръ! Норма, законъ, въ частности «уставъ»—это есть исчезающая по малости величина въ европейской цивилизаціи. Еще примѣръ: безъ причины развѣ, развѣ безъ нужды, безъ настоятельной необходимости у римлянъ еще въ грубую пору выработалось совершеннѣйшее законодательство, и интерпретація, т.-е. истолкованіе закона. составляла обязанность каждаго патриція? Не ясно-ли, что законъ тамъ былъ и хлѣбъ и молитва, коею жили ежедневно и всѣ, безъ которой никто и ни на одинъ день не могъ обойтись. И развѣ безъ другой и противоположной причины въ Англіи, когда она уже проходитъ черезъ зенитъ своего бытія, законы еще не скодифицированы и представляютъ Авгіевы конюшни, которыя невозможно, а главное и самое любопытное—никто не хочетъ и не пытается очистить. И мы всѣ—самое меньшее—нѣсколько скучаемъ закономъ, не очень справляемся съ нимъ, не ищемъ справиться. Мы какъ-то всѣ понимаемъ и чувствуемъ, что законъ—не для обихода; что это—крайняя мѣра прибѣганія въ несчастіи, въ обидѣ, въ чемъ-то непремѣнно злополучномъ. И всякій разъ, т.-е. въ 9/10 жизни, когда мы думаемъ о положительномъ добрѣ, мы, не пытаясь раскрыть кодексовъ, всего надѣемся отъ человѣка, всегда выглядываемъ человѣка, мы опираемся на человѣка и предпочитаемъ опору эту инымъ. Какъ и преступникъ—будемъ имѣть въ виду эту важную аналогію—довѣрчивѣе разсказываетъ вину свою «присяжнымъ», хотя они и могутъ его «безъ вины засудить», чѣмъ какъ если-бы передъ нимъ сидѣлъ римскій преторъ въ тогѣ.

Вотъ особый нервъ въ жизни, который опасно перерѣзать; особый и новый мотивъ дѣятельности, который терять нельзя. Какъ судья христіанскаго народа есть живой субъектъ права, его творецъ на минуту и для минуты, такъ и правитель—во всякой сферѣ, но преимущественно въ духовной,—есть художникъ зиждитель жизни, и лишь въ такомъ случаѣ онъ на мѣстѣ—онъ «избранъ», а не только «званъ». Онъ можетъ и долженъ быть изобрѣтателемъ, ποιήτης: вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, «поэтъ» ничего не значитъ другого по древней этимологіи, какъ именно «дѣлатель», «творецъ». Есть поэзія дѣлъ, какъ есть поэзія словъ и мыслей; и, собственно, это есть главная и возвышеннѣйшая сфера поэзіи—самая жизнь, ткань фактовъ, а не звуковъ или красокъ. Есть люди особенные—съ даромъ словъ; другіе—съ даромъ мысли; но есть главные и лучшіе люди—съ даромъ дѣлъ; и они не рѣже, чѣмъ первые, они также неутомимы, какъ тѣ: фактъ для нихъ есть тотъ-же сладкій отдыхъ и наслажденіе, какъ для тѣхъ созданіе все новыхъ и новыхъ мыслей или произнесеніе новыхъ и новыхъ словъ.

IV

Мы упомянули о гр. Строгановѣ, и что онъ скучалъ, ѣсл—идень не былъ въ университетѣ: быть на экзаменѣ, всматриваться въ подымающіяся съ парты дарованія—не было для него долгомъ, «службою». Лицо его не изображало страдальчества отъ труда. Онъ цвѣлъ,—именно цвѣлъ поэзіей факта, и разцвѣтилъ собою университетъ. Вотъ—человѣкъ, на котораго можно обмѣнять всякіе уставы. Былъ Грановскій, и снова—чтеніе лекцій для него не составляло страданія; Соловьевъ—и изданіе 29 томовъ «Исторіи Россіи» не утомило и не истощило его. Вотъ поэты дѣла, въ разныхъ его формахъ, поднявшіеся около одного, т.-е., конечно, не вызванные имъ къ жизни, но которымъ онъ не помѣшалъ встать и даже помогъ, протянулъ во-время руку—собственно все, что нужно отъ всякаго практическаго дѣятеля.

Высмотрѣть подобнаго человѣка и есть задача государства,—или, такъ-какъ въ новомъ мірѣ все свелось къ лицу и его субъективнымъ силамъ, задача лица, держащаго большое или малое кормило въ государственномъ кораблѣ. Резюмируемъ мысль нашу. Мы отдѣлили въ новомъ мірѣ государство отъ государственнаго человѣка,—указали, что первое въ немъ такъ-же узко, бѣдно въ силахъ, даже слѣпо, наконецъ глухо, какъ и въ древнемъ мірѣ, какъ всегда, въ силу природы своей. Но государственный человѣкъ, который въ древнемъ мірѣ былъ до нераздѣляемости слитъ съ государствомъ, лежалъ въ немъ какъ мимолетная и неуловимая складка въ вѣчной и общей одеждѣ всѣхъ, безъ воли въ себѣ оригинальной, безъ движенія, безъ мысли независимой,—этотъ человѣкъ въ новомъ мірѣ

лишь касается государства, какъ окружности только касается сѣкущая, безконечно уходящая за ея границы вдаль. Онъ въ новомъ мірѣ и есть живой субъектъ исторіи; въ частности—субъектъ, т.-е. носитель и зиждитель, даже государственной жизни. Онъ, а не законъ, не норма, не учрежденія, не «уставы». Все это—въ наши дни, и уже давно—стало для человѣка лишь посохомъ, который лежитъ недвижимымъ, пока его некому взять; и въ рукахъ виртуоза-художника этотъ-же посохъ, обыкновенная палка,—мы хотимъ сказать, всякій уставъ и законъ—становится волшебною тростью дивнаго капельмейстера исторіи. Этого соотношенія измѣнить нельзя, какъ нельзя вырвать смыслъ изъ всей новой исторіи. Благодареніе Богу—уже пробужденъ человѣкъ, умеръ или почти умеръ законъ, по крайней мѣрѣ—поблекъ, обезцвѣтился, обезсилѣлъ. Будемъ-же живы мы, будемъ достойны въ мѣру достоинства нашей цивилизаціи. Смежимъ глаза на уставы—это древняя забота; раскроемъ ихъ на человѣка—вотъ новый и, главное, единственный путь, съ котораго намъ некуда свернуть. Такъ во всемъ; въ частности—такъ въ просвѣщеніи; и еще частнѣе—въ вопросѣ объ университетахъ нашихъ.

БЕЗПОЧВЕННОСТЬ РУССКОЙ ШКОЛЫ.

Нужды нашего образованія у всѣхъ наболѣли. Самая бѣдная въ Европѣ просвѣщеніемъ страна, Россія всего бѣднѣе обставила свое просвѣщеніе. Правосудіе, армія, пути сообщенія—все это, предъявляя свои нужды, ссылается на ихъ «безотлагательность»; но то, что лежитъ въ основѣ всего этого, свѣтъ знанія—намъ представляется такимъ дѣломъ, нужда въ которомъ всегда можетъ быть отложена, «оговорена», и, въ концѣ-концовъ, забыта. Возьмемъ-ли мы книгу и стоящаго за ней ученаго; журналъ и стоящаго за нимъ писателя; но прежде всего, конечно, школу и стоящаго за нею учителя—мы увидимъ все это какъ-то оборваннымъ въ своемъ существованіи и достоинствѣ; все это жмется куда-то въ уголъ въ нашемъ широкомъ и, казалось-бы, для всего привольномъ отечествѣ; ежится и какъ-будто чувствуетъ нужду въ оправданіи самаго бытія своего. Мы имѣемъ чисто языческое, грубо римское представленіе объ учителѣ: «учитель»—это немножко «рабъ», конечно, «ученый» рабъ и все-таки не смѣющій возвыситься до сравненія въ положеніи съ отцомъ дѣтей, къ которымъ онъ приставленъ, и который есть для него немножко «господинъ». Христіанское понятіе, по которому свѣтъ, просвѣщеніе есть высшее земное дѣло, есть украшающее и возвеличивающее человѣка занятіе—намъ совершенно чуждо. Оно намъ чуждо во всѣхъ проявленіяхъ, въ наукѣ, литературѣ, но впереди всего—въ школѣ.

Загнанность внѣшняя и, можетъ-быть, только матеріальная сказывается внутреннею надломленностью; пренебреженіе, которое свѣтъ знанія чувствуетъ къ себѣ, вокругъ себя,—сказывается не охотой и боязнью связывать свои и по-своему слова. И это—послѣ Пушкина, Карамзина; это когда мы имѣемъ славянофильство, т.-е. цѣлую школу національнаго сознанія; но это національное сознаніе

также выброшено куда-то на задній дворъ нашего государственнаго и общественнаго обихода.

Пора нашему просвѣщенію снять «зракъ раба», который оно носитъ на себѣ, и стать въ уровень, плечомъ къ плечу съ другими вѣдомствами. И это нужно сдѣлать не въ центрѣ, но распространить это поднятіе духа на непосредственно стоящую у дѣла волну, т.-е. на просвѣщающія вообще и, въ частности, на учащія силы. Мы разумѣемъ учителей, мы разумѣемъ профессоровъ—этихъ немножко «паріевъ» нашего общественнаго и государственнаго уклада. Было-бы безразсудно и жестоко требовать съ людей, предварительно не давъ имъ способовъ выполнить требуемое: нельзя иначе возвысить самый уровень учительскаго у насъ класса, какъ создавъ лучшія условія для его существованія, т.-е. переставъ отгонять отъ учительства все активное, сильное, что до сихъ поръ бѣжало отъ этихъ должностей къ другимъ, свободнѣе поставленнымъ и лучше обезпечивающимъ. Скажемъ то, чему долгій срокъ мы были свидѣтелями, что̀ очень мало извѣстно въ нашемъ обществѣ и что̀, будучи грубо матеріально, служитъ источникомъ самыхъ печальныхъ нашихъ пораженій въ области идеала: это—внутреннее, домашнее положеніе учителя. Въ настоящее время учителю семейному невозможно захворать, не впавъ сейчасъ-же въ долгъ, почти непоправимый, семейный учитель, оставляя своихъ дѣтей почти безъ присмотра, нудитъ жену къ педагогическому-же труду на сторонѣ, или, хоть и потаенно, но къ какому-нибудь домашнему, «кустарному» ремеслу; сами учителя захлебываются въ урокахъ, доходятъ до самоудушенія съ «ученическими тетрадями», и очевидно скверно поправляютъ какъ эти тетради, такъ и вообще скверно̀ даютъ уроки, т.-е. утомленно и раздраженно. Учитель сталъ почти синонимомъ неврастеника, и это около учениковъ-дѣтей, на которыхъ его нервность отражается почти заражающимъ образомъ. И въ основѣ этого лежитъ просто рубль, урванный у него и переданный чиновнику такихъ вѣдомствъ, для которыхъ свѣтъ знанія «какъ-бы не бѣ». А между тѣмъ кто наблюдалъ учительскій бытъ и трудъ, не можетъ не знать, сколько здѣсь таится загнаннаго, измученнаго идеализма. Фигурка нашей «сельской учительницы» стала почти классическою въ своемъ смиреніи и безропотности; берегите этотъ начавшійся и еще не угасшій порывъ; онъ не вѣченъ, онъ можетъ надорваться, онъ можетъ впасть въ цинизмъ, если встрѣтитъ грубость невниманія и безжалостное издѣвательство надъ собою. А разъ погаснувшій—его не возможно возжечь, потому что загорѣлся онъ свободно, при стеченіи случайныхъ историческихъ обстоятельствъ. Есть страны такъ-же «темныя», какъ Россія; но вездѣ это понимается какъ несчастіе; и нѣтъ странъ, гдѣ—какъ у насъ—невѣжество стояло-бы въ вызывающей позѣ и чувствовалобы достаточный фундаментъ подъ этою позою. Оборванный въ

своемъ существованіи «чиновникъ» министерства просвѣщенія есть уже слагающая единица общественныхъ нравовъ: онъ «жмется»— и окружающая жизнь наглѣе на него наступаетъ, т.-е., въ отдаленныхъ послѣдствіяхъ—это жмется книга, ежится журналъ, газета, и внутренно, духовно—ежится мысль, слово передъ наступающею на нихъ акцизною бандеролью. Такъ изъ подробностей. изъ мелочей слагается духовный образъ страны и образуется траекторія ея историческаго движенія.

Мы упомянули о Карамзинѣ, о Пушкинѣ. о школѣ славянофильства. Россія въ прошломъ своемъ и въ свободныхъ своихъ усиліяхъ дала гораздо лучшіе задатки, чѣмъ какіе мы развиваемъ сейчасъ, или какими пользуемся оффиціально. Наши уставы, какъ гимназическій, такъ и университетскій, суть компиляціи изъ иностраннаго, и даже проще—переводъ съ нѣмецкаго. Но дѣло лежитъ гораздо глубже, потому что и самый матеріалъ образованія, съ которымъ непосредственно соприкасается отроческій и юношескій возрастъ всей страны, есть также не русскій въ $^{7}/_{10}$ своего состава. То-есть незамѣтно и неуклонно мы передѣлываемъ самую структуру русской души «на манеръ иностраннаго». Чтобы не быть голословными, мы укажемъ, что послѣдовательный курсъ русской исторіи, проходимый, при одномъ урокѣ въ недѣлю въ VI, VII и въ первую учебную четверть въ VIII классѣ, занимаетъ въ нихъ всѣхъ 56 часовъ, т.-е., если ихъ слить въ сплошное время, изъ 8 лѣтъ ученія на русскую исторію берется только 2-е сутокъ и 8 часовъ = 5 днямъ нормальнаго ученія. При 1,600 учебныхъ дняхъ въ теченіе восьмилѣтняго курса гимназіи, это составляетъ $^{1}/_{320}$ долю всего воспринимаемаго ученикомъ матеріала, и, слѣдовательно, занимаетъ $^{1}/_{320}$ долю его цѣльнаго вниманія, именно въ тотъ возрастъ, когда онъ формируется и когда въ немъ устанавливаются навсегда неразрушимыя перспективы «важнаго» и «неважнаго», «близкаго» и «далекаго». Нужно-ли говорить, что это только есть исчезающая по малости величина, сводящаяся на «нѣтъ» въ общемъ восьмилѣтнемъ воспоминаніи. И на «нѣтъ» сводится роль историческаго воспоминанія въ душѣ почти каждаго образованнаго русскаго. Удивляться-ли при этой постановкѣ дѣла въ самомъ зернѣ его, что мы на всѣхъ поприщахъ духовной и общественной жизни представляемъ слабость національнаго сознанія, что мы не имѣемъ ни привычекъ русскихъ, ни русскихъ мыслей и, наконецъ, мы просто не имѣемъ фактическаго русскаго матеріала, какъ предмета обращенія для своей хотя-бы и «общечеловѣческой» мысли. Мы учимся патріотизму— на образцахъ римскаго патріотизма, чувству чести—на образцахъ французской «чести», семейной домовитости—на историческихъ разсказахъ о швейцарцахъ и средне-вѣковыхъ германцахъ. Мы сплетаемъ англійскія, французскія, германскія и византійскіе династіи королей.—не лучше, но и нисколько не хуже, чѣмъ геня-

алогію своихъ государей, какъ и географію этихъ странъ знаемъ—если сравнить пространственныя измѣренія—въ сущности такъ-же подробно, какъ и географію своего «захудалаго» отечества. Эта духовная перспектива, навязанная школою въ самый воспріимчивый и чуткій возрастъ, на мягкомъ воскѣ еще не окрѣпшей души скоро затвердѣваетъ и уже остается недвижимою во всю послѣдующую жизнь, въ дѣятельности естественно такъ мало «зрѣлой». Славянофильство Ивана и Петра Кирѣевскихъ, братьевъ Аксаковыхъ, Хомякова, Юр. Самарина и до сихъ поръ виситъ у насъ «въ воздухѣ» какою-то «теоріею», когда оно есть только снимокъ, слѣпокъ, духовный отблескъ фактическаго склада нашей исторіи и земли. То-есть эта исторія, эта земля такъ выскользнула изъ-подъ нашихъ ногъ, что болтая ими въ воздухѣ и цѣпляясь руками за перила и «пропилеи» пусть «обще-человѣческой», но все-же не кровно нашей цивилизаціи, мы все кровное для себя уже представляемъ только какъ «идею», и притомъ весьма намъ странную, нисколько не близкую. Мы далеки отъ мысли отрицать значеніе древности, какъ и значеніе европейской исторіи, литературы, философіи, науки. Но мы думаемъ, что прочно и правильно осѣсть все это можетъ только на типично сложившуюся душу, а не на эклектическій наборъ какихъ-то кусочковъ всевозможныхъ «душъ». по нашему предположенію составляющій «настоящую обще-человѣческую душу». По крайней мѣрѣ, отъ древняго грека и до современнаго намъ англичанина, француза. нѣмца—каждый, именно, въ пору отрочества и первой юности, воспитывался и воспитывается въ типично-національномъ духѣ,—и, можетъ-быть, этотъ-же крѣпкій фундаментъ даетъ основательность и яркость послѣдующимъ блужданіямъ духа, если имъ и случится переступить за національныя рамки. У насъ Грановскій, Бѣлинскій. Герценъ, ранѣе—Жуковскій и Карамзинъ, и прототипъ ихъ всѣхъ—Великій Петръ, были все-таки воспитаны типично, по-русски. И отъ этого они знали, что отрицали; и они отрицали съ болью. Совершенная противоположность земному и индифферентному эклектизму нашихъ текущихъ дней.

Цѣлый кругъ людей воскресили въ себѣ русскаго человѣка, погрузившись въ «пыль хартій»,—и никакъ нельзя сказать, чтобы Самаринъ. Аксаковъ и Хомяковъ были шаткими или поверхностными «гражданами». Нѣтъ, именно какъ граждане, равно и какъ члены общества, наконецъ—какъ отцы семействъ, они были образцами, т-е. въ пыли нашихъ хартій есть что-то «образцовое», на чемъ воспитываются истинные граждане, какъ и истинно образованные люди. Незадолго до смерти Юр. Самаринъ писалъ, что опубликованіе оффиціальныхъ свѣдѣній о процентной ежегодной убыли у насъ лѣсовъ—не дало ему нѣсколько ночей спать. Если-бы такихъ людей мы считали не исключительными единицами, если-бы таковъ

былъ складъ и духъ общества, Россія не понесла-бы самыхъ тяжкихъ изъ своихъ пораженій извнѣ и внутри. и къ цѣни успѣховъ своихъ прибавила-бы еще нѣсколько цѣнныхъ звеньевъ. Дѣло въ томъ, что классически разработанная и классически перечаваемая наша старина, въ своемъ родѣ, могла-бы стать классическимъ образованіемъ, но туземно-классическимъ, ибо сущность «классическаго» лежитъ менѣе въ предметѣ и болѣе въ способѣ. Но это—далекая мечта, изъ которой часть, однако, можетъ получить осуществленіе и теперь. Съ самыхъ различныхъ сторонъ и въ органахъ печати нисколько не сливающагося направленія послѣдніе годы читалось желаніе видѣть бо̀льшее мѣсто, удѣляемое Россіи и всему русскому въ учебныхъ программахъ. Мы нѣсколько съуживаемъ это и опредѣляемъ, настаивая на памятникахъ исторіи и на памятникахъ старой и новой словесности. За первыя семьдесятъ лѣтъ этого вѣка Россія пережила не только пору богатыхъ творческихъ возбужденій, но послѣ XVIII вѣка—вѣка забвенія она духовно открыла себя она создала своеобразный и прекрасный у себя Renaissance—Renaissance лѣтописей, монастырей, былинъ, безчисленныхъ поэтическихъ или болѣе дѣловыхъ «Словъ» Оригинальность и красота этого духа лишь на немногихъ подѣйствовала, но на всѣхъ, на кого она подѣйствовала, она произвела оздоровляющее впечатлѣніе, но съ тѣмъ вмѣстѣ ничего ни у кого не отняла изъ «общечеловѣческаго». Если мы присоединимъ сюда классическую поэзію и прозу, создавшуюся у насъ за этотъ вѣкъ, мы будемъ имѣть богатый матеріалъ образованія—богатый равно и красотою формъ, и обиліемъ глубочайшихъ мыслей. Мы не хотимъ сказать, чтобы это было все, даже не настаиваемъ, чтобы это было—главнымъ. Но что этому всему слѣдуетъ дать бо̀льшее движеніе въ нашей школѣ—этого никто не оспоритъ, и въ этомъ состоитъ наша скромная мысль. Важно, чтобы школа, преслѣдуя какія угодно «далекія» цѣли, не отставала на самомъ дѣлѣ отъ достигнутаго уже страною умственнаго и нравственнаго уровня,—и неоспоримо, что наша школа, гдѣ все знаютъ плохо и хуже всего русскую литературу и русскую исторію, рѣшительно не стоитъ на уровнѣ той минуты, въ которую она существуетъ.

ДВА ТИПА ОБРАЗОВАНІЯ

I.

Есть два типа собственно умственнаго образованія *формальное* и *реальное*.

Младенецъ, рождаясь, еще ничего не знаетъ; между тѣмъ, едва первыя впечатлѣнія міра коснутся его, онъ жадно вбираетъ ихъ и безотчетно для себя, незамѣтно для другого. ихъ преобразуетъ въ знаніе. Какими путями, подъ какими воздѣйствіями, въ какомъ видѣ это въ немъ происходитъ — вопросъ объ этомъ мы можемъ оставить въ сторонѣ. Фактъ тотъ, что собственно *умъ* является здѣсь, въ эти первые моменты бытія человѣческаго,—формою, которая пуста еще, не насыщена, безсодержательна: мы этимъ не говоримъ ничего другого, кромѣ того, что до рожденія младенецъ ничего еще не знаетъ. Итакъ, въ познаніи: содержаніе—это міръ, умъ—это только форма.

Усилія образующаго могутъ быть направлены, во-первыхъ, на тщательный подборъ содержанія которое усваивается на его цѣнность, необходимость для жизни, полновѣсность въ немъ собственныхъ внутреннихъ достоинствъ. Это будетъ образованіе *реальное*. Собственно умъ образуемый, человѣкъ воспитываемый здѣсь пренебреженъ какъ бы предполагается, что его нельзя или не слѣдуетъ, или не стоитъ воспитывать. Важно, *что* онъ понесетъ съ собою; *кто* онъ—это не существенно. Почти не нужно объяснять, что типъ этого образованія въ собственномъ смыслѣ не есть вовсе образованіе, и самый трудъ человѣка, который посвятилъ бы ему свои силы, не есть искусство, не есть какая-нибудь мудрость. Это—почти физическій трудъ *обученія* — наиболѣе полезному, нужному; почти физическій трудъ *составленія* круга наиважнѣйшихъ знаній,

работа составителя хрестоматіи, сочинителя энциклопедическаго словаря. Она требуетъ, правда, обширныхъ свѣдѣній въ исторіи, обширной ознакомленности со всѣмъ кругомъ наукъ, но онъ вовсе не требуетъ знанія *человѣка*

Результатъ этого образованія можетъ быть очень хорошъ или совершенно дуренъ—внѣ зависимости отъ самаго образованія и въ зависимости единственно отъ усвояющихъ способностей ребенка. Если уже отъ природы усвояющая форма хороша, если она жива, сильна, хорошо дѣйствуетъ, если ребенокъ даровитъ или даже геніаленъ—онъ станетъ истинно образованнымъ, глубоко и прекрасно воспитаннымъ. Геніальные самородки — въ древности Сократъ, въ новое время Ньютонъ, почти въ наши дни Фарадэй, у насъ Ломоносовъ,— вотъ умы, которые не растерялись, не померкли, не запутались передъ міромъ, но на его красоту смогли отвѣтить соотвѣтствующей красотой своего духа, и стали велики безъ чьего-либо изощреннаго вниманія къ ихъ силамъ, къ работѣ ихъ способностей.

Рядомъ съ этими людьми мы можемъ наблюдать великое множество другихъ, почти не отличающихся отъ нихъ по обширности своихъ свѣдѣній, но, послушавъ которыхъ часъ-два, понаблюдавъ ихъ въ жизни, вы съ непріятнымъ чувствомъ говорите себѣ: это какіе-то *пустомели*. Вы ихъ встрѣтите вездѣ въ литературѣ, обществѣ; они тѣснятся вездѣ, читаютъ и слушаютъ, пишутъ и чигаютъ, обыкновенно весьма обильно и всегда къ великому удовольствію своему и часто слушателей. Это —почти пріятные люди: безъ нихъ жизнь была бы скучна, какъ дорога безъ цвѣтовъ и травы, которую мы топчемъ, воздухъ безъ насѣкомыхъ, которыя васъ развлекаютъ жужжаніемъ, или, пожалуй, какъ домъ безъ надоѣдливой и безтолковой хозяйки, которая васъ раздражаетъ. смѣшитъ и все-таки оживляетъ. Пока вы ничѣмъ особенно не заняты, все это, *попутное*, хорошо и оно начинаетъ нѣсколько мѣшать только тогда, когда вы озабочены, встревожены, когда вамъ нужно сказать слово, которое было бы непремѣнно понято, или выслушать отъ другаго что-нибудь очень нужное, наконецъ, когда вамъ предстоитъ что-нибудь сдѣлать.

Мы сказали, что кругъ ихъ свѣдѣній очень обширенъ. Это дѣйствительно необозримая хрестоматія, не совсѣмъ упорядоченная только, и если вы всмотритесь въ причины этой неупорядоченности, вы тотчасъ поймете, что составитель ея вовсе не различаетъ цѣнное отъ нецѣннаго, нужное отъ безполезнаго. онъ не имѣетъ обонянія, у него нѣтъ вкуса, и вотъ отчего онъ такъ обильно и постоянно «ѣсть» — мы хотимъ сказать: постоянно и обильно узнаетъ. Онъ не *изощренъ*, не *организованъ;* онъ слабъ, собственно безсиленъ, и вотъ отчего не ищетъ, не выбираетъ, но пассивно передвигаетъ ноги, когда жизнь и книги накладываютъ и

накладываютъ на него ношу за ношею. Онъ — жалкій человѣкъ, онъ — презрѣнный человѣкъ, конечно въ серьезномъ смыслѣ этого слова, конечно—въ отношеніи только серьезныхъ цѣлей.

Младенецъ съ опытностью старца; точнѣе — младенецъ, подсмотрѣвшій все, что дѣлаетъ его дѣдъ, и этого не понявшій, но этому подражающій,—вотъ опредѣленіе такого человѣка; и это есть точное выраженіе того, что даетъ собственно реальное образованіе, имѣющее предметомъ своего вниманія усваиваемое содержаніе

Усваиваетъ умъ—и по существу своему онъ есть только форма. Образованіе, на изощреніи этой формы сосредоточенное, есть *формальное*. Почти не нужно объяснять, что собственно оно только и есть образованіе.

Мы можемъ не рѣдко встрѣтить людей, кругъ свѣдѣній которыхъ очень узокъ, но бесѣда съ которыми доставляетъ неисчерпаемую занимательность Въ жизни вы можете на нихъ положиться; вы имъ можете поручить всякое дѣло и даже дѣло для нихъ новое, разсчитывая не безъ основанія. что, два три раза въ несущественномъ ошибившись, въ концѣ концовъ они имъ овладѣютъ, справятся съ нимъ, не растерявшись сами и не растерявъ ничего нужнаго въ порученномъ.

Это—умные люди, не пустые, не обогащенные въ знаніи, но изощренные въ способностяхъ своихъ; это большею частью — скромные люди, ибо они обладаютъ тѣмъ тактомъ, который мѣшаетъ имъ вдаваться въ дѣло, въ которомъ они не компетентны, вести рѣчи, смыслъ которыхъ для нихъ оставался бы нѣсколько не ясенъ. На всѣхъ поприщахъ жизни, во всѣхъ положеніяхъ — они нужны, ихъ ищутъ, и теперь такъ рѣдко образованіе истинное при обиліи *кажущихся* средствъ образованія, что часто ихъ ищутъ и не находятъ.

Въ образованіи *формальномъ* собственно предметы образующіе пренебрежены, точнѣе — забыты: не обращено вниманія на ихъ собственное содержаніе, на цѣнность этого содержанія, его пользу, необходимость, занимательность. Важно одно, чтобы внѣшнія формальныя качества этихъ знаній были таковы, что при усвоеніи изощряли бы умъ и вмѣстѣ дѣлали его сильнымъ, устойчивымъ, жизнедѣятельнымъ. Здѣсь важно только одно, *кто* въ будущемъ понесетъ эти или иныя свѣдѣнія, какими его наградитъ жизнь или онъ пріобрѣтетъ самъ изъ книгъ; *каковы* его свѣдѣнія. въ *чемъ* его ноша—не существенно.

II.

Идея классическаго образованія (мы говоримъ только объ идеѣ, но не о практикѣ, которой коснемся ниже) есть именно идея *формальнаго* образованія. Говорятъ о безполезности древнихъ языковъ,

непримѣнимости ихъ къ чему-либо, о скудости самихъ древнихъ литературъ (что по отношенію къ латинской литературѣ очень справедливо); но это вовсе не затрогиваетъ *тему* этого образованія. которое и не имѣетъ въ виду научить полезному нужному, но только изощрить умъ настолько, чтобы онъ уже навсегда могъ самъ разбираться въ полезномъ и безполезномъ, побочномъ и существенномъ. Вопросъ можетъ быть лишь о томъ, правильно-ли выбранъ безполезный предметъ для этого, имѣетъ-ли онъ въ себѣ нужныя формальныя качества, и притомъ въ наибольшей предъ всѣми другими предметами степени.

Греческій языкъ, безспорно, этихъ качествъ не имѣетъ *). его положеніе въ курсѣ средней школы имѣетъ совсѣмъ другія основанія: *историко-культурныя*. Греки были *начинателями* во всемъ въ открытіи геометріи, какъ и въ созданіи типичныхъ формъ государственнаго устройства (республика и монархія, демократія и аристократія, олигархія и охлократія), въ мастерствѣ слагать стихи, какъ и въ искусствѣ развивать философскія ученія, въ зодчествѣ, скульптурѣ—въ искусствѣ какъ идеальномъ (Афродита Книдская), такъ и реальномъ. *Съ начала* лучше начинать всякое дѣло, чѣмъ съ середины; и если въ практикѣ исторіей своею мы вынуждены только продолжать или кончать, было-бы въ высшей степени цѣнно, еслибы въ идеяхъ своихъ мы хранили это начало какъ воспоминанія, традиціи, часто какъ образцы. Во многомъ (какъ скульптура и частью философія) греки вѣдь остались до сихъ поръ не превзойденными.

Во всякомъ случаѣ, греческій языкъ не имѣетъ формально-образующаго значенія, и это тотчасъ опредѣляетъ методъ его изученія и преподаванія, какому, мы ожидали-бы, будетъ слѣдовать наша школа: грамматика—въ размѣрахъ лишь необходимыхъ для чтенія авторовъ, грамматика—абсолютно не имѣющая самостоятельнаго значенія, и чтеніе авторовъ обильное. съ реальнымъ комментаріемъ. Мы должны помнить, что это—реальная наука, что ея введеніе въ курсъ не имѣетъ вовсе тѣхъ мотивовъ, какъ введеніе другого древняго языка.

Формальное значеніе принадлежитъ лишь латинскому языку и математикѣ, предметамъ *методическимъ*. Почему не которой-нибудь изъ реальныхъ наукъ—не физикѣ, химіи, біологіи? По двумъ только причинамъ въ реальныхъ фактахъ, какъ изучаемыхъ этими науками, такъ и во всякихъ другихъ, внутренняя логика не такъ прозрачна,

*) Мы не объясняемъ этого здѣсь и не доказываемъ, но знающіе греческій языкъ не станутъ оспаривать насъ, если мы укажемъ на менѣе строгій синтаксисъ греческаго языка, бѣдность флексій и развитіе звукоизмѣненій въ серединѣ слова, приставокъ и удвоеній въ началѣ (глаголы) *Формально образующее* значеніе греческаго языка развѣ немногимъ превосходитъ таковое же новыхъ языковъ, т. е. очень низко

какъ въ языкѣ, и самые факты эти не такъ податливы, менѣе удобны для возбужденія той или иной стороны образуемаго ума. какъ факты языка Вы можете осмотрѣть органъ животнаго, прослѣдить теченіе физическаго явленія, но такъ безконечно свободно скомбинировать и перекомбинировать ихъ элементы, какъ въ предложеніи слова—вы не можете; и также не можете такъ *доказательно* и о *каждомъ* порознь элементѣ высказать, что вотъ онъ таковъ-то, а не иной по этой именно причинѣ. Я хочу сказать—въ реальныхъ фактахъ природы человѣкъ не полный еще хозяинъ, и учитель, введя сюда ученика. если онъ будетъ совершенно правдивъ, а ученикъ очень любознателенъ, не рѣдко растеряется. собьется и чаще всего будетъ говорить вздоръ—предполагать, и между тѣмъ съ видомъ, какъ-будто знаетъ). Наоборотъ, въ человѣческой рѣчи, взявъ очень простую фразу—изъ подлежащаго и сказуемаго. вы *по своему произволу* можете безконечно усложнять ее, возвращать опять къ простотѣ, перемѣнять ея смыслъ (страдательный на активный) и т. д. Предъ вами точно живой цвѣтокъ, который вы заставляете распускаться, закрываться опять въ бутонъ, умаляться до почки или останавливаться въ какой угодно стадіи развитія и все это съ возможностью въ каждый моментъ указать зависимость всѣхъ существующихъ въ фактѣ отношеній, оправдать эту зависимость логически, и безъ какого-либо остатка, безо всего темнаго, безо всякой неясности Конечно, это есть единственный фактъ природы, конечно, не ошиблись тѣ, которые угадали въ немъ лучшее методическое орудіе для изощренія ума. Почему именно латинскій языкъ избранъ для этого?

Въ новыхъ языкахъ западныхъ нѣтъ въ собственномъ смыслѣ склоненій, т. е. нѣтъ этихъ варіирующихся въ зависимости отъ смысла предложеній, какъ это есть въ латинскомъ и при томъ въ таковомъ обиліи Это—инструментъ, клавиши котораго неясны, затѣнены, и, главное, самихъ клавишъ очень мало, гораздо менѣе, чѣмъ струнъ: мы хотимъ сказать - формы языка бѣднѣе, чѣмъ смыслъ который чрезъ нихъ хотѣлось-бы и возможно выразить. Четыре только падежа, и притомъ безъ флексій своеобразныхъ для каждаго, два только склоненія, вмѣсто латинскихъ пяти; нѣтъ того богатства временъ и наклоненій. Это—да простятъ намъ грубость

) Напр. говорить о непонятныхъ частностяхъ явленія «это, *вѣроятно*, объясняется молекулярнымъ разиѣщеніемъ частицъ» или «это, *быть можетъ*, происходитъ отъ частичнаго притяженія»—объясненія, коими ученики по необходимости насытятся и, пріучившись подобнымъ образомъ насыщаться въ дѣтствѣ, юности, не ощутятъ нужнаго умственнаго голода и въ зрѣлыхъ годахъ Между прочимъ, такъ знаменитый Дж. Тиндаль вынужденъ былъ отвѣтить спросившему у него на лекціи: «почему *мокрый* конецъ полотенца, которое употреблялъ физикъ при опытѣ, имѣетъ цвѣтъ болѣе темный, чѣмъ сухой конецъ?»

выраженія—трехъ-четырехструнная балалайка, на которой изучать законы сочетанія звуковъ было бы напраснымъ трудомъ.

Повидимому, для русскихъ этотъ недостатокъ клавіатуры новыхъ языковъ могъ-бы быть возмѣщенъ ея богатствомъ въ собственномъ. Но мы должны помнить, что изучаемый языкъ представляетъ собою строгій объектъ, какъ для физіолога какой-нибудь органъ тѣла,—всякая примѣсь субъективныхъ элементовъ чрезвычайно загрязняетъ и запутываетъ *ясность* изученія. Легко прослѣдить ручей, вьющійся предъ глазами,—очень трудно прослѣдить мысль, развивающуюся у меня въ головѣ и путающуюся съ мыслями побочными, съ мыслями ума моего о самой этой изучаемой мысли и способахъ ея изученія. Такъ точно предложеніе русское, разбираемое синтаксически и этимологически, какъ-бы теряетъ свои грани въ рѣчи русской и учителя, и ученика. Безъ сомнѣнія, для самихъ римлянъ изученіе латинскаго языка не имѣло формально-методической значительности· эта значительность открылась,—скажемъ болѣе—она *возникла* только тогда, когда римляне умерли и языкъ ихъ остался какъ мертвое наслѣдіе для народовъ другого языка—наслѣдіе мертвое по неупотребительности, живое по сохраненной въ немъ логикѣ, духу.

Это—одна причина; другая заключается въ томъ, что русскій языкъ вовсе не имѣетъ въ строѣ своемъ той логики, какая есть въ латинскомъ и принадлежитъ ему исключительно. Dux ducit ducentos milites=полководецъ ведетъ двѣсти воиновъ конечно, ясно уже для мальчика 12 лѣтъ, что полководецъ ведетъ именно *воиновъ* въ числѣ двухъ-сотъ, и вовсе не отвлеченное число *двѣсти*, къ которому въ русскомъ языкѣ сбоку въ формѣ опредѣленія и родительнаго падежа, придѣланы воины Deus mundum regit=Богъ управляетъ... конечно, не какъ игрушкой (творительный падежъ) Онъ управляетъ міромъ. но въ томъ болѣе строгомъ и правильномъ смыслѣ, какой употребителенъ у насъ только въ народной рѣчи и только въ прошедшемъ времени. «онъ *управилъ* свой домъ», «онъ управилъ страну, городъ», и этому отвѣчаетъ безупречная логика латинскаго языка Deus *mundum* regit = Богъ управляетъ... буквально: *міръ*, въ переводѣ на менѣе точный русскій языкъ *міромъ*. Двухъ этихъ примѣровъ достаточно, чтобы понять, почему среди языковъ латинскій именно сталъ орудіемъ формальнаго образованія, а не другой какой-либо.

III.

Математика—второй предметъ, имѣющій формально-образовательное значеніе въ курсѣ средней школы, значительно меньшее, чѣмъ какое имѣетъ латинскій языкъ. Задача дана и ее ученикъ можетъ рѣшить или не рѣшить, но, примѣняясь къ его способностямъ, иногда очень бѣднымъ, иногда очень живымъ, ее нельзя

по произволу и до какихъ угодно предѣловъ упростить или развить, какъ это можно сдѣлать со всякимъ предложеніемъ или развивая его въ цѣлый періодъ, или упрощая до связи подлежащаго и сказуемаго. Также, вамъ объясняется новая теорема: это—фактъ неизмѣнный, и хотя онъ исполненъ логики и въ немъ все безъ остатка отчетливо, но онъ—фактъ неподвижный, до котораго мысль ребенка должна карабкаться, и онъ, этотъ фактъ, никогда къ нему не наклонится, не поможетъ ему понять себя, какъ поможетъ въ рукахъ опытнаго учителя латинское предложеніе. Мы знаемъ всѣ, какъ много въ успѣшности занятій математикой играетъ роль «догадливость», «смекалка»: это—антипедагогическая сторона предмета, ибо «смекалка»—быстрый и *не отчетливый* *) путь соображенія, нѣкоторый скачекъ мысли по внутреннему инстинкту, безъ твердо сознанныхъ основаній — искра геніальности быть-можетъ, но въ элементарномъ обученіи, когда обучается толпа и большею частью слабыхъ силами дѣтей, обучается именно для изощренія и укрѣпленія этихъ слабыхъ силъ—конечно методическое орудіе ожидающее этихъ безотчетныхъ искръ дарованія неудобно.

Мы кончили все, что хотѣли сказать о теоріи, что нашли нужнымъ сказать, чтобы оправдать эту теорію. Классическое образованіе есть не только истинное въ своей идеѣ, но и единственно истинное, и притомъ примѣнимое одинаково во всѣхъ странахъ, во всѣ времена. Какъ алгебра есть неумирающее средство выясненія всякихъ количественныхъ отношеній, такъ латинская грамматическая школа есть неумирающее орудіе заостренія собственно умственныхъ даровъ человѣка, которое можетъ быть откинуто невѣжествомъ, но ничѣмъ не можетъ быть замѣнено.

---

*) Вотъ одинъ удивительный фактъ, мною встрѣченный, и который подтверждаетъ сказанное въ чрезвычайно яркой формѣ: классъ въ VI-мъ гимназіи я и всѣ мои соученики не могли рѣшить какую-то алгебраическую задачу на составленіе уравненій, отвѣтъ на которую, однако, намъ былъ извѣстенъ (изъ отвѣтовъ, приложенныхъ къ задачнику) Видя меня задумавшимся, одинъ мой знакомый, г. П., лѣтъ за 5—6 оставившій гимназію до окончанія курса, спросилъ о причинѣ, и когда я ему сказалъ, а потомъ по его просьбѣ перепалъ и условія задачи.—онъ, минуты двѣ подумавъ въ умѣ, сказалъ отвѣтъ Я былъ удивленъ и попросилъ его объяснить, что именно дѣлалъ онъ съ данными въ задачѣ количествами и почему, но онъ сказалъ, что не можетъ, не умѣетъ отвѣтить на это, и потомъ передалъ, что, учась въ гимназіи, онъ всегда и всякія задачи разрѣшалъ, но лишь относительно самыхъ простыхъ могъ объяснить учителю ходъ рѣшенія. Въ общемъ онъ былъ очень способенъ, очень уменъ *Въ латинскомъ языкѣ подобный случай невозможенъ.*

БИБЛІОГРАФІЯ

Программы домашняго чтенія на 3-й годъ систематическаго курса. Изданіе Коммиссіи по организаціи домашняго чтенія, состоящей при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній. Спб. 1897 г.

Конечно,—это книга, превосходно выполненная. При осмотрѣ она обнаруживаетъ бездну трудолюбія, вниманія, заботы у составителей, полную компетентность ихъ въ предметѣ и, наконецъ огромную вѣру въ задачи книги. Но вотъ эти задачи...

«Чтеніе» есть не только ученіе, но и поэзія, оно ищется (и даже нужно дѣйствительно) не только въ пассивно-ученыхъ цѣляхъ, но какъ игра ума, первое и радостное испытаніе своихъ способностей. «Читая», я непремѣнно критикую, чего не дѣлаю «учась»; я хочу смѣяться и иногда подсмѣяться надъ авторомъ; или, напротивъ, въ «чтеніи» мнѣ нужно «увлечься», «заняться», даже «обманываясь, умилиться». «Чтеніе», поэтому, неизмѣримо богаче, разнообразнѣе и, конечно, гораздо вліятельнѣе узкаго и сухого, всегда пассивнаго «ученія». Вотъ почему очень даровитыя натуры необыкновенно рано обращаются къ чтенію, и непремѣнно капризному, своевольному въ полетѣ. За «чтеніе» ведется или, по крайней мѣрѣ, прежде велась борьба, которая очень рѣдко ведется, и всегда съ другимъ характеромъ и цѣлями, за «ученіе» Читая и отстаивая темы чтенія, авторовъ избираемыхъ — дѣвушка и юноша обнаруживаютъ весь свой темпераментъ, всѣ зачатки страстей, всю начинающуюся оригинальность ума, они спорятъ,—и это есть тотъ случай, гдѣ хорошо, что они спорятъ; они не только васъ отвергаютъ, но, побѣдивъ, за «любимаго автора» преслѣдуютъ васъ насмѣшками — и

снова здѣсь это хорошо. Колыбель кончилась; кончились гигіеническія приспособленія для хожденія,—и птичка хочетъ летѣть, начинаетъ взлетывать. Ради Бога, не мѣшайте ей—она выполняетъ свой законъ и слѣдуетъ предустановленной своей природѣ.

Изъ такъ-называемыхъ «провѣрочныхъ» вопросовъ, которые прерываютъ текстъ книги, разбираемой нами, видно, что матеріалъ ея чтенія обнимаетъ собою университетскій, и хорошій университетскій, курсъ. Въ самомъ цѣлѣ, вотъ примѣры этихъ «вопросовъ», которые мысленно долженъ предлагать себѣ «читающій на дому»: «Церковная политика Лоуда? Какія средства примѣнялъ Лоудъ при проведеніи ея? Каково было отношеніе Лоуда къ католицизму и папѣ? Какъ отразилась политика Лоуда на развитіи пуританства?» (стр. 169). Или относительно сѣверо-американской войны за независимость: «Каковы основныя положенія рѣчей и брошюръ Отиса? Въ чемъ виргинскія резолюціи 1769 года составляютъ пополненіе къ резолюціямъ 1765 года, составленнымъ Патрикомъ Генри?» и т. д. Такимъ образомъ, книга претендуетъ охватить и «организовать» чтенія людей университетскаго возраста и развитія. Но мы не можемъ представить себѣ такихъ студентовъ, т.-е. студентовъ такъ глубоко-пассивныхъ и.. неразвитыхъ, которые захотѣли-бы руководиться извнѣ предложенною программою при чтеніи. Но и сверхъ этого, возрастъ 20—26 лѣтъ, для котораго предложены всѣ эти «провѣряющіе» и всѣ ужасно связывающіе мысль «вопросы», есть тотъ критическій, преимущественно творческій возрастъ, когда Ньютонъ сдѣлалъ (т.-е. подумалъ, а не написалъ) главныя свои открытія, Декартъ придумалъ «новый методъ разыскиванія истины» и Бэконъ рѣшилъ реформированіе философіи, когда вообще изобрѣтается и открывается, «придумывается» все оригинальное, всякимъ, кто способенъ къ оригинальному или просто къ чему-нибудь самобытному И вотъ, дорожа, паче всякаго знанія, самобытнымъ и оригинальнымъ, существенно новымъ въ каждомъ человѣкѣ, мы хотѣли-бы, чтобы именно эти драгоцѣнныя 5—6 лѣтъ были какъ можно менѣе связаны въ полетѣ умственныхъ и нравственныхъ движеній, въ выборѣ направленія, въ останавливающихъ вниманіе темахъ,—хотѣли-бы этого для счастья самихъ индивидуумовъ, но также и для счастья ихъ родины, которой именно въ эти годы приготовляются лучшіе дары

Но такъ или иначе, ошибаемся мы или нѣтъ въ опредѣленіи значенія этого возраста,—мы не ошибаемся въ томъ, что придуманное коммиссіею «организованное» «домашнее чтеніе» потеряетъ весь вкусъ свой, всю прелесть свободныхъ движеній; что этимъ способомъ читаемыя книги, въ «систематическомъ» порядкѣ, не пробудятъ и доли тѣхъ вопросовъ, не затронутъ и части тѣхъ способностей, которыя, бывало, будили повѣсть Тургенева, романъ Достоевскаго, или, наконецъ, цѣлостное чтеніе такихъ авторовъ, какъ

Гизо, Фюстель-де-Куланжъ, Маколэй, Момзенъ. Собственно, предполагаемыя коммиссіею занятія уже не будутъ «чтеніемъ», т.-е живымъ личнымъ общеніемъ и иногда борьбою читателя и автора, а механическимъ и въ высокой степени обезличеннымъ «читаніемъ». Никакъ мы не можемъ представить за нимъ юношу-Бѣлинскаго, и какъ-то самъ собою вырисовывается за нимъ огрокъ-Петруша, котораго такъ не любилъ Чичиковъ; пожалуй - и самъ Чичиковъ, въ пору, когда онъ готовился и охорашивался передъ женитьбой «на губернаторской дочкѣ». Не можемъ не замѣтить еще, что, собственно, всякая страна имѣетъ и вырабатываетъ свои традиціи чтенія. Но и Россія не первобытный дикарь въ этомъ отношеніи еще отъ 40 и до этихъ 90 гг. весенняя пора жизни въ каждомъ поколѣніи у насъ уходила на чтеніе, имѣющее худо-ли, хорошо-ли отвѣтить, но отвѣтить на «проклятые вопросы». Вотъ рубрика чисто національная, которую составители «Программъ забыли включить въ ихъ циклъ, а безъ нея онѣ остаются «тѣломъ», но безъ «души», со значеніемъ не пробуждающимъ, но едва-ли не погашающимъ

Популярная библіотека. № 3-й. Я. В. Абрамовъ: Два великихъ француза: благодѣтель человѣчества Луи Пастеръ и апостолъ образованія Жанъ Масэ. Спб. 1897. Ц 20 к.

Книжка г. Абрамова, посредственная по выполненію, прекрасна по своей темѣ. Лица Пастера и Масэ остаются темными для читателя, не освѣщаясь ни одною характеризующею подробностью, біографическія данныя не изложены связно, открытія Пастера и заслуги для образованія Масэ только названы,—и все-таки тема такъ благодарна, что искупаетъ бѣдность и скудность изложенія, и, въ предѣлахъ своей скромной задачи, книжка даетъ соотвѣтствующее удовольствіе и пользу

Имя «благодѣтель человѣчества», пронесшееся въ столькихъ устахъ при печальномъ извѣстіи о смерти Пастера, необыкновенно идетъ къ этому благородному человѣку. Это было такое любящее сердце, что мотивомъ къ его долголѣтнимъ изысканіямъ надъ ядомъ бѣшенства была смерть на его глазахъ мальчика, укушеннаго бѣшеною собакою. Зрѣлище ужасныхъ страданій ребенка заставило его забыть, на много лѣтъ забыть, ученыя работы, которыми уже занятъ былъ его умъ и которыя стяжали ему европейскую извѣстность. Изысканія были необыкновенно трудны, микробъ бѣшенства, нѣсколько разъ предполагавшійся открытымъ, такъ до конца и не былъ открытъ, но практическая задача—побѣдить это ужасное страданіе и спасти отъ него человѣка—въ концѣ-концовъ была вполнѣ разрѣшена.

Имя Архимеда біологическихъ наукъ, можетъ быть, наиболѣе правильно опредѣлило бы его научный геній и характеръ направ-

ленія, созданнаго имъ въ наукѣ Онъ также былъ практически всесиленъ, какъ и древній механикъ, его открытія возбуждаютъ тоже впечатлѣніе чуда; но какъ тотъ былъ геніальный геометръ и механикъ, такъ этотъ потому и сталъ великъ, что совершенно исключилъ механику изъ объясненія жизненныхъ явленій. разсмотрѣлъ жизнь въ ея особомъ. новомъ. исключительномъ проявленіи.

Изъ біографическихъ частностей, почти единственная, упоминаемая г. Абрамовымъ, что этотъ «благодѣтель человѣчества» былъ сынъ солдата и крестьянки—многозначительна. Въ послѣдніе годы было очень много говорено о необходимости съузить доступъ къ высшему образованію. Но вотъ передъ нами Пастеръ. не правда-ли, человѣчество менѣе потеряло бы. еслибы аристократическіе классы цѣлой Франціи въ тотъ годъ, когда онъ поступилъ въ Нормальную Школу, не попали туда ни единымъ своимъ дѣтищемъ? Къ міру человѣческому нельзя прикидывать механическихъ, статистическихъ и вообще всякихъ точныхъ мѣрокъ: все тутъ неуловимо, непредвидимо. не симметрично И одна свѣтоносная голова можетъ оказаться цѣннѣе десятковъ тысячъ совершенно обыкновенныхъ и не обѣщающихъ человѣчеству никакого «благодѣянія» головъ. Если даже допустить существованіе нѣкотораго зла, проистекающаго отъ факта. что, не соразмѣряя свои силы и пренебрегая смиреннымъ положеніемъ, слишкомъ много людей черезъ посредство высшей школы ищутъ высшаго общественнаго положенія, то даже это зло искупается съ избыткомъ для самого же общества однимъ, двумя, тремя такими человѣками, какъ Пастеръ Еще любопытная подробность: этотъ неутомимый впослѣдствіи труженикъ, который. казалось, былъ еще болѣе прилеженъ въ работѣ, чѣмъ изобрѣтателенъ въ мысляхъ, въ школѣ былъ очень лѣнивъ «его тянуло все къ природѣ, на рѣку, въ лѣсъ, въ поле, а не въ классъ. Онъ любилъ ловить рыбу съ мѣстными рыболовами, ходить съ дровосѣками въ лѣса, покрывающіе отроги Юры. бродить по хлѣбнымъ полямъ». Только предупрежденія, что. не окончивъ отлично школы и не поступивъ въ высшую. любознательный мальчикъ никогда не узнаетъ разгадки уже тогда занимавшихъ его явленій, заставило его одуматься и прилежнѣе взяться за ученіе. Интересная подробность, которую мы замѣчаемъ въ біографіяхъ почти всѣхъ оригинально-замѣчательныхъ и великихъ людей. Она достойна самаго глубокаго и внимательнаго обдумыванія со стороны педагоговъ и, можетъ быть, въ ней лежитъ ключъ къ нахожденію истинныхъ методовъ дидактики и воспитанія. Ибо, оставляя въ сторонѣ смѣшную и недостойную гипотезу Ломброзо о «подобіи» умопомѣшательства и геніальности, мы съ обыкновенной и простой точки зрѣнія признаемъ въ геніи прототипъ ума, его яркое и правильное выраженіе. а съ тѣмъ вмѣстѣ и пути наученія, которыхъ онъ ищетъ, къ которымъ порывается, признаемъ типично

правильными вообще для человѣческаго ума, въ частности — для способностей юнаго ума.

«Достоевскій для дѣтей школьнаго возраста». Сборникъ составленный А. В. Кругловымъ. Спб 1898 г Ц. 2 руб.

Въ эту книгу вошли нѣкоторыя повѣствовательныя отрывки изъ «Дневника писателя» «Мужикъ Марей», «Мальчикъ у Христа на елкѣ», «Столѣтняя», «Ѳома Даниловъ, замученный русскій герой», и болѣе обширныя выдержки изъ романовъ: «Бѣдные люди» («Разсказъ Вари»), «Подростокъ» («Въ барскомъ пансіонѣ» и «Разсказъ о купцѣ»), «Неточка Незванова» («Музыкантъ Ефимовъ и его семья» и «Двѣ дѣвочки») и «Братья Карамазовы» (13 разсказовъ съ Алешою Карамазовымъ, старцемъ Зосимою, Илюшей и Колею Красоткинымъ въ центрѣ). При большемъ вниманіи, г Кругловъ могъ-бы взять въ сборникъ фигурку Нелли изъ «Униженныхъ и оскорбленныхъ», ея трогательную смерть и эпизоды возни съ нею дѣда. Нелли—это самый поэтичный изъ созданныхъ Достоевскимъ дѣтскихъ образовъ, далеко оставляющій за собою группу мальчиковъ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Можетъ быть нашлось-бы кой-что для выбора изъ «Преступленія и наказанія» (Полечка) и «Елка и свадьба» (дѣтскій вечеръ) Но, въ общемъ, нельзя винить г. Круглова, потому что онъ стоялъ передъ очень трудною задачею

Въ предисловіи онъ усиливается доказать возможность Достоевскаго для дѣтей, становясь при этомъ на обще-педагогическую точку зрѣнія, т. е, что Достоевскій, читаемый въ перемежку съ другими писателями и читаемый въ отрывкахъ, тщательно избранныхъ—не будетъ вреденъ. Ясно, что центръ доказательства здѣсь лежитъ въ «другихъ писателяхъ» и въ «отрывочности» самого Достоевскаго. Остающаяся, затѣмъ, правдивая реальность избираемаго писателя, на что ссылается составитель сборника, не есть его исключительная принадлежность: реаленъ вполнѣ и Толстой, да въ общемъ вся почти наша литература реальна.

Между тѣмъ, въ «Дневникѣ писателя» есть нѣсколько строкъ о воспитаніи, открывающихъ совершенно новую на него точку зрѣнія, и г. Круглову слѣдовало бы стать на нее, противъ обще-педагогической. Не буквально, но мысль Достоевскаго слѣдующая: иногда одинъ эпизодъ въ жизни ребенка—мальчика, дѣвочки, подростка—яркій, потрясающій и, главное, практически пережитый, перевѣшиваетъ въ значительности и вліятельности своей всю педагогическую надъ нимъ работу цѣлыхъ годовъ, всѣ учебники, всѣхъ учителей, всякую программу. Онъ формируетъ душу ребенка, показавъ ему въ ослѣпительномъ раздѣленіи добро и зло,—пусть на мигъ, но до потрясенія. Замѣчаніе, психологической проницательности котораго нельзя отрицать, а что оно и практически пра-

вильно, это испытали многіе изъ насъ на себѣ Теперь обратимся къ педагогической литературѣ. Часто прекрасная сама по себѣ, она имѣетъ одинъ недостатокъ. она не дѣйствуетъ. Она ласкаетъ душу ребенка, но не пронизывая ее—и остается въ ней истиннымъ подобіемъ зерна, расклевываемаго при дорогѣ птицами. Теперь возьмемъ Достоевскаго. Съ обычной педагогической точки зрѣнія онъ, конечно, не воспитателенъ: онъ мучитъ душу читателя, пронизываетъ ее какими-то вертикально-падающими лучами, жгучими, а не грѣющими только. Но съ его собственной точки зрѣнія на воспитаніе.—а ее трудно оспаривать,—поэтому-то именно онъ и воспитателенъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ фактъ, который можетъ всякій провѣрить собственными наблюденіями есть, конечно, у всякаго писателя (большого) свои читатели, излюбившіе его. Будемъ слѣдить теперь: «избранные» читатели Тургенева, Гончарова, даже Толстого не необходимо. не всегда бываютъ добрыми, благими людьми. Самые страстные любители Гоголя всегда немножко, хотя и втайнѣ, прикрыто, походятъ на его героевъ («мертвыя» души, только съ маленькой буквы). Мы не разбираемъ явленія, но только констатируемъ его, и также не отрицаемъ множества изъ него исключеній Теперь возьмите Достоевскаго изъ «упивающихся» имъ читателей вы ни въ какомъ случаѣ ни одного не отыщете равнодушнаго къ ближнему. безразличнаго эгоиста. Вотъ странное наблюденіе, но оно безспорно! Провѣрьте его, оглянитесь сами. Гдѣ-же его объясненіе? Достоевскій потрясаетъ Добро и зло вездѣ сплетены у него, сопоставлены: отсюда — антипедагогичность его, трудность сдѣлать «педагогическій» выборъ изъ его произведеній Но эти-же самые добро и зло, взятые во всей реальной грубости, такъ ослѣпительно раздѣлены, что душа человѣка тянется къ одному и отталкивается отъ другого уже не номинально, не на «словахъ», а реально, въ самомъ строѣ дѣйствительныхъ чувствъ и въ самомъ теченіи дѣйствительныхъ мыслей. И это составляетъ чрезвычайно высокую педагогическую сторону Достоевскаго. Что касается до мнѣнія, что онъ расшатываетъ нервы, то едва-ли не правдоподобнѣе, что онъ, собственно разрыхляетъ, увлажняетъ душу, т.-е. дѣйствуетъ именно какъ зерно внѣдряющееся, а не какъ «расхищаемое птицами» или «заглушаемое терніями». Дѣйствительность его, реализмъ его дѣйствія мы принимаемъ за «расшатываніе» нервовъ.

Во всякомъ случаѣ, сборникъ, изданный подъ редакціею г. Круглова, можно рекомендовать дѣтямъ въ возрастѣ 13—15 лѣтъ. Онъ хорошъ уже тѣмъ, что въ 17—22 года побудитъ юношу и дѣвушку серьезно читать «полное собраніе» сочиненій писателя. И, кто знаетъ, не станутъ ли нѣкоторые изъ нихъ его «избранными» читателями? Еще маленькое замѣчаніе, уже по адресу возможныхъ маленькихъ читателей не было у насъ писателя, который

такъ особенно, даже до страданія, любилъ-бы дѣтей, которыи такъ часто изображалъ-бы ихъ, правда, всегда почти страдающими Такъ образъ Нелли играетъ уже очень большую роль въ романѣ «Униженные и оскорбленные»; «Неточка Незванова» есть въ сущности цѣлое обширное повѣствованіе о ребенкѣ дѣвушкѣ. Послѣдняя повѣсть такъ хороша, что ее даже цѣликомъ, кромѣ развѣ нѣсколькихъ эпизодовъ въ концѣ, можно было-бы ввести въ «Сборникъ».

Педагогическія экскурсіи въ область литературы. Алекс Ник. Острогорскій. Педагогическая библіотека, издаваемая К. Тихомировымъ. Москва. 1897.

Въ нашей педагогической литературѣ есть два Острогорскихъ: г Викторъ Острогорскій и г. Алекс. Острогорскій. Оба пишутъ себя «съ отчествами», но отчества г. Виктора Острогорскаго мы уже не помнимъ. Г. Викторъ Острогорскій написалъ наивную книжку: «Какъ я сдѣлался учителемъ». г. Алекс Острогорскій издалъ теперь тоже наивную книжку, которая лежитъ сейчасъ передъ нами Наивность этихъ педагоговъ, очень популярныхъ и даже. можетъ быть, авторитетныхъ. заключается въ незнаніи жизни и. въ частности, педагогической жизни. Такъ съ первыхъ страницъ довольно увѣсистой и дорогой книги авторъ начинаетъ трактовать характеръ и поступки Жерома, а также поведеніе. проступки и наказанія Коли. Володи и Сонички изъ «Дѣтства и отрочества» гр. Л. Н. Толстого. Сѣдая старина, «Мамаево побоище» нашей исторіи воспитанія и, въ частности. методовъ его' До Сонечки ли. до Жерома-ли теперь: мы имѣемъ фабрику, педагогическую фабрику, гдѣ дѣти наши не болѣе воспитываются и не всегда лучшему научаются, чѣмъ и на самой заправской мануфактурѣ «Саввы Морозова и сыновей». Вотъ «чудище обло, огромно. стозѣвно и лаяй». побѣдить которое, разрушить которое, по крайней мѣрѣ въ идеѣ. по крайней мѣрѣ отнять у него сознаніе, будто въ немъ правда,—составляетъ мучительную задачу педагогики нашихъ дней. Оба Острогорскіе со своими «Жеромами», «Володями» и чванливыми повѣствованіями о томъ, «какъ я сдѣлался учителемъ», только закрываютъ отъ насъ истинныя нужды дня. Какъ ни печально этому повѣрить, но въ дѣлѣ педагогики мы идемъ гигантскими шагами назадъ. Цвѣтетъ формализмъ—тускнѣетъ молодежь въ школѣ, развивается система—съуживается, сморщивается до уродства, до «нѣтъ» учитель... Единственная интересная въ книжкѣ г. Алексѣя Острогорскаго статья «По поводу нашихъ предшественниковъ, добромъ поминаемыхъ» представляетъ цѣлую галлерею учительскихъ типовъ старой школы, и, читая, напр., объ Алымовѣ, объ іеромонахѣ Іовѣ (законоучителѣ) и нѣкоторыхъ другихъ учителяхъ,—волнуешься и спраши-

ваешь себя, да неужели это было въ самомъ дѣлѣ, неужели подобная школа возможна? Теперь—ничего подобнаго, и, насколько разспрашиваешь, нигдѣ ничего подобнаго. Вставленныя тутъ-же замѣтки г. Острогорскаго, на этотъ разъ проницательнаго, показываютъ, что эти антики педагогическаго искусства не удержались-бы въ современной школѣ, были-бы изъ нея вытѣснены. Между тѣмъ питомцы сохранили къ нимъ беззавѣтную любовь, уже выйдя изъ школы, уже почти забывъ про школу; и учителя эти, сами беззавѣтно преданные своей наукѣ, умѣли пробудить къ ней энтузіазмъ и въ ученикахъ (одинъ изъ названныхъ—преподавалъ теоретическую механику, другой—Законъ Божій). Но... «не удержались-бы!» Все идеальное рѣдѣетъ, все стирается. Педагогика (какъ практика) нашихъ дней—суха, черства, не зорка, очень мало выигравъ «въ умѣ», она потеряла все въ характерѣ, въ темпераментѣ, которые въ старое время кое-какъ еще согрѣвали школу, а вмѣстѣ давали теплый, уютный камелекъ и дѣтямъ подросткамъ. Нужно воскресить учителя въ школѣ, вотъ альфа воскресенія самой школы. Безъ этого еще долго мы будемъ устраивать и перестраивать «порядки» и глубокомысленно, но безполезно обдумывать «системы».

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.